РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

ГИПЕРИОН

Дорогому Якову Исааковичу Бердичевскому с извинениями за забывчивость и с радостью, что все же удалось заполнить лакуну на этой книжной полке.

Всегда Ваш А. Дорошин

RUSSIAN JEWS IN AMERICA

Book 8

Compiled and edited by
Ernst Zaltsberg

Toronto – Saint-Petersburg
2013

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

Книга 8

Редактор-составитель:
Эрнст Зальцберг

Торонто — Санкт-Петербург
2013

Научно-исследовательский центр
РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ
Науч. руководители *Эрнст Зальцберг*
и *Ирина Обухова-Зелиньска*

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ. Кн. 8
Редактор-составитель:
Эрнст Зальцберг

Редакционный совет:
Готтфрид Кратц (*Германия*), *Анатолий Либерман* (*США*)

Торонто—Санкт-Петербург, 2013

Research Center for RUSSIAN JEWRY IN AMERICA
Directors for Scholarly Works *Ernst Zaltsberg*
and *Irina Obuchova-Zelin'ska*

RUSSIAN JEWS IN AMERICA. Book 8
Compiled and edited by *Ernst Zaltsberg*

Editorial Board:
Gottfrid Kratz (Germany), *Anatoly Liberman* (USA)

Toronto—Saint-Petersburg, 2013

© Э. А. Зальцберг, редактор-составитель тома, 2013
© Авторы статей, 2013
© Издательство «Гиперион», оформление, 2013

ISBN 978-5-89332-220-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Серия книг «Русские евреи в Америке» началась с выхода в свет первого тома в 2005 г.; в последующие годы были изданы тома со второго по седьмой[1].

Принцип составления настоящего тома остается тем же, что и предшествующих. Это — собрание статей и эссе, сгруппированных по нескольким разделам. В сборнике можно найти биографии известных, малоизвестных и незаслуженно забытых лиц, а также обсуждение общих проблем, связанных с эмиграцией евреев из СССР, России, СНГ в Америку.

Как и в предыдущих томах, в разделе «История» мы продолжаем тему о сельскохозяйственных колониях евреев из России в Америке. На сей раз это рассказ о колониях в Аргентине и их своеобразной «столице» — городке Мозесвиль в провинции Санта-Фе (публикация Э. Зальцберга). Эмиграции евреев из России в Южную Америку в XIX–XX вв. и той роли, которую играли в пей пароходные компании и эмиграционные агентства, посвящена статья Э. Путятовой «Где опа, Америка?». В этом же разделе опубликованы материалы о первом в истории летчике-еврее Артуре Велше, установившем несколько авиационных рекордов (автор Э. Зальцберг).

Статья В. Базарова «Золотой дар предков» — увлекательный генеалогический поиск русских корней выдающегося американского актера и режиссера Майка Николса. Во второй публикации этого же автора

[1] Русские евреи в Америке. Кн. 1 / Ред.-сост. Э. Зальцберг, М. Пархомовский. Иерусалим; Торонто, М., 2005.

Русские евреи в Америке. Кн. 2 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2007.

Русские евреи в Америке. Кн. 3 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2009.

Русские евреи в Америке. Кн. 4 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2010.

Русские евреи в Америке. Кн. 5 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2011.

Русские евреи в Америке. Кн. 6 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2012.

Русские евреи в Америке. Кн. 7 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2013.

(«Не склонившие головы») рассказывается о героической и, как правило, безвестной деятельности работников ХИАСа во время войны во Франции, в результате которой были спасены тысячи обреченных на гибель евреев.

В предыдущих выпусках серии уже были помещены публикации о литературном и музыкальном творчестве А. Лурье в США. В настоящем томе мы дополнили их статьей об американских дневниках композитора, которые являются своеобразным литературным памятником своего времени, в разделе «Литература» (автор О. Бобрик).

В разделе «Искусство» вы найдете информацию о российских евреях-композиторах в США (1880–1970), биографию канадской виолончелистки З. Нелсовой и очерк о жизни и деятельности супругов Гельман в Мексике (автор всех трех статей Э. Зальцберг).

Хотя жизни и творчеству М. Шагала в США были посвящены несколько публикаций в предыдущих выпусках, мы сочли необходимым в дополнение к ним поместить статью К. Гамарник «Витражных дел мастер» о витражах художника, созданных им в США, Европе и Израиле.

Завершает раздел «Искусство» биография «короля клейзмеров» Д. Тарраса (автор Ш. Шалит).

В раздел «Наука» вошли интересные материалы о Б. Шацком, бывшем петербургском юристе, много лет проработавшем в Чили (автор В. Телицын), и нобелевском лауреате, экономисте С. Кузнеце (автор И. Куксин).

В новом разделе «Образование» помещено краткое исследование А. Розенштрах о деятельности российских учителей-евреев в США.

В еще одном новом разделе — «Политика» — А. Эпштейн рассказывает о том, за кого голосуют американские евреи, в том числе выходцы из СССР, России, СНГ, на президентских выборах в США.

Интернациональный коллектив авторов восьмого тома включает историков, политологов, культурологов и журналистов из США, России, Канады, Польши и Израиля. Всем им приношу глубокую благодарность за бескорыстный и самоотверженный труд. Считаю также приятной обязанностью выразить признательность профессорам Г. Кратцу и А. Либерману за помощь в работе и постоянный интерес к сборникам.

Э. Зальцберг

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

ИСТОРИЯ

«Где она, эта Америка?»
(Странствования евреев из России в Южную Америку в конце XIX – начале XX в.)

Эмилия Путятова (*Санкт-Петербург*)

Одними из мощных факторов, влияющих на современные международные отношения, являются рост и география миграционных потоков, включающих в себя миллионы людей, изменяющих национальную структуру многих государств и развивающих межцивилизационные коммуникации. Сегодня миграционные процессы не только играют важнейшую роль в формировании социумов развивающихся обществ, но и влияют на межгосударственные отношения и становятся предметом широкого международного гуманитарного сотрудничества. Для осмысления этих процессов крайне важно знать все обстоятельства эмиграции из России в конце XIX – начале XX в. в такие классические переселенческие страны, как Бразилия и особенно Аргентина. В эмиграционном потоке из России евреи были одной из крупнейших этнических групп.

Согласно российскому законодательству, эмиграция не регулировалась никакими правовыми нормами. Выход из русского подданства карался лишением всего состояния и вечным изгнанием. Всякое содействие и пропаганда эмиграции попадали под действие уголовного права.

Первым правительственным актом, косвенно признавшим эмиграцию, было утвержденное 8 мая 1892 г. Комитетом министров Положение о деятельности в России Еврейского колонизационного общества (ЕКО). В правилах, определяющих его деятельность, еврейским эмигрантам предоставлялась свобода принятия иностранного гражданства, но в то же время уехавшим запрещалось возвращение в Россию[1]. Заметим, что этот же принцип был применен позднее к духоборам, которые в начале 1898 г. получили официальное разрешение на переселение[2]. ЕКО на основании этих правил получило право выдавать особые *«выходные свидетельства»*, по которым эмигранты могли свободно покидать пределы России. Они выдавались губернаторами переселяющимся

семьям, оставшимся членам семьи, часть которой уже выехала за рубеж, и одиноким эмигрантам. Вместе с тем получение бесплатных *«выходных свидетельств»* было затруднено огромным количеством различных бюрократических барьеров[3]. Закон от 12 марта 1897 г., обеспечивший выдачу бесплатных восьмимесячных паспортов лицам, проживавшим вблизи границы, не улучшил эту ситуацию.

Только с середины 1905 по 1906 г. из России эмигрировало в Америку свыше 200 тыс. чел. (в основном евреев), из которых 13 500 поселились в Аргентине[4].

Своего пика еврейская эмиграция достигла в начале XX в. По данным, приводимым В. М. Кабузаном, еврейская эмиграция в США представлена в табл. 1[5].

Таблица 1

Еврейская трудовая эмиграция из Европы и России в США в XIX — начале XX в.

Годы	Всех еврейских эмигрантов, тыс. человек	В том числе из России, тыс. человек	% от общего числа
1871–1880	30,0	22,5	75,0
1881–1890	200,0	154, 4	77,2
1891–1900	300,0	234,2	78,1
1901–1910	976,3	704,2	72,1
1911–1920	491,2	330,7	67,3
Всего	1997,5	1446,0	72,4

В журнале *Восход* за 1899 г. было опубликовано «Письмо из Буэнос-Айреса». Корреспондент, анализируя неудачи первых лет жизни русских евреев в Аргентине, писал: *«Многие идут просто потому, что их берут даром, и они думают, отчего не попробовать счастья»*[6]. В 1908 г. правление ЕКО выпустило «Воззвание», в котором среди причин массового отъезда евреев из России назывались не только погромы, но и «хроническая нищета, голод, безработица»[7].

В июне 1906 г. при Министерстве торговли и промышленности (Отдел торгового мореплавания) была образована Межведомственная комиссия, преобразованная затем в Межведомственное совещание, состоявшее из представителей министерств торговли и промышленности, внутренних дел, иностранных дел, финансов, военного, морского и путей сообщения для составления законопроекта об эмиграции. В него пригла-

сили также представителей пароходных обществ и компаний. Совещание рассмотрело «Положение об эмиграции», в котором затрагивались вопросы, связанные с определением эмиграции и деятельностью агентов и учреждений, занимающихся перевозкой эмигрантов. Существенно новым в этом законопроекте было то, что «за всяким гражданином признавалось право переселяться па неопределенное время в иностранное государство»[8].

На первом съезде представителей ЕКО в Либаве в 1910 г. было принято решение об издании справочных книг для эмигрантов. Наиболее ценной среди них можно считать «Справочную книгу по вопросам эмиграции» (СПб.: ЕКО, 1912), в которой рассматривались практические вопросы, связанные с эмиграцией: приобретение шифскарт (проездных билетов), обмен денег, деятельность эмиграционных агентов и т. д. Особенное внимание обращали справочники на эмиграцию женщин. Замужним женщинам, кроме заграничного паспорта, требовалось разрешение мужа для поездки за границу. Девушки и одинокие женщины должны были обязательно обратиться за консультаций в отделение ЕКО, с тем чтобы не стать жертвами сутенеров. Причины особой уязвимости женщин заключались в самом характере труда, которым занимались и в настоящее время занимаются в массе своей женщины-мигрантки: прислуга в отелях, гувернантки, сиделки, домработницы, няни и т. д. В ряде городов существовали конторы по найму прислуги, гувернанток и сиделок. Основными центрами вербовки были Одесса, Киев, Вильно, Львов, Краков, Гамбург. Девушки, отправляясь за границу, часто становились собственностью вербовщика и оказывались жертвами сутенеров. Многие страны, исходя из значительных масштабов, которые приняла торговля «живым товаром», ввели законодательные акты, защищавшие права женщин. Так, по российскому законодательству 1909 г., виновные в вовлечении или принуждении женщин к секс-услугам наказывались тюрьмой. Для оказания помощи молодым женщинам на железнодорожных станциях и в портовых городах существовали отделения Общества защиты женщин[9].

Несмотря на содействие ЕКО, значительная часть эмигрировавших из России евреев выезжала нелегально и вынуждена была обращаться к помощи тайных агентов, чтобы перейти границу без паспорта. Иногда попытки нелегального перехода границы заканчивались трагически. Для уезжавших в Аргентину, Бразилию, Австралию существовала практика пересылки через эмиграционные конторы. В брошюре «О русской эмиграции в Америку», изданной в Либаве в 1914 г., Б. Курчевский писал: *«Была развернута во всю ширь России самая бесцеремонная и наглая агитация за эмиграцию и вербовка во что бы то ни стало эмигрантов. Пущены были все средства соблазна прелестями заокеанского раздолья.*

Тысячи юрких агентов с армией помощников сплавляют в Южную Америку, на Гавайские острова, в Австралию десятки тысяч русских, где они очутились в положении настоящих рабов или нашли нищету и горе, другие — раннюю гибель»[10]. Украинский писатель Иван Франко приводит свидетельство крестьянина из деревни Клебановка Тернопольского уезда: *«Услыхав, что со всех сторон люди уезжают в Бразилию, мы пустились также в путь, распродав все свое имущество»*[11]. В *Вестнике еврейской эмиграции и колонизации* была помещена небольшая заметка «Мытарства эмигрантов», рассказывающая о деятельности одной из таких контор. *«Каждое лето десятки тысяч эмигрантов, отправляясь в Америку, Канаду, Аргентину или Бразилию, — идут через маленький немецкий городишко Мысловец. Это удобный материал для беззастенчивой эксплуатации эмигрантов конторой Макса Вайхмана. Проходя через руки агентов, крестьяне платят им непомерную подать, "эмигрантский налог"»*. По словам автора, *«ежемесячно в этом районе перебирались через границу от 3 до 5 тыс. эмигрантов: русские, евреи, поляки, белорусы, латыши, малороссы. Плата за нелегальный переход составляла 9 рублей»*[12]. В журнале *Эмигрант* № 1 за 1914 г. была опубликована заметка, автор которой писал о вопиющем произволе, творимом агентами, и приводил в пример случай, когда агенты обещали провести через границу мать с четырьмя детьми, муж которой прислал им деньги для проезда в Америку. *«Ночью проводник провел их в лес. В середине пути он останавливается и заявляет, что дальше их не поведет, т.к. боится пограничников, и быстро исчезает. Не проходит и пяти минут, как приходит новый проводник, затем третий. В результате пограничники нашли их в лесу, брошенными последним проводником. Из денег, присланных для переезда, ничего не осталось. Нет возможности,* — пишет корреспондент, — *перечислить все виды изощренности агентов по части обмана нашего крестьянства. Для этого необходимо обладать особого рода изощренной подлостью»*[13].

Проблемы еврейской эмиграции рассматривались в работах И. А. Маневича и Г. М. Прайса. Интерес представляет также обширная статья Марка Басанина о еврейских колониях в Аргентине, опубликованная в *Историческом вестнике* за 1898 г.[14]

Значительная еврейская эмиграция в Аргентину подтолкнула ЕКО отправить в страну своих эмиссаров с целью изучить состояние дел в колониях. В журнале *Русская мысль* был напечатан доклад А. Беркенгейма, сделанный им на заседании Московского статистического общества. Доклад Е. Лапина, прочитанный на заседании петербургского отделения ЕКО, характеризовал состояние еврейских колоний и жизни колонистов[15]. Интерес представляет также брошюра Я. Константиновского о посещении Аргентины[16]. Учитывая внушительную эмиграцию из юж-

ных губерний России в Бразилию, журнал *Хлибороб* опубликовал брошюру И. Ребрина «О переселении в Бразилию»[17]. В предисловии к брошюре было сказано: *«Мы прилагаем эту книжечку, составленную нашим сотрудником, который также очень заинтересован был деятельностью контор и агентов, приглашающих хлиборобов переселиться в Бразилию».*

Некоторые из издаваемых работ носили чисто рекламный характер[18]. Значительное увеличение эмиграции из России активизировало деятельность западноевропейских транспортных компаний, занимавшихся перевозкой пассажиров через иностранные порты и получавших от этого значительную прибыль. Согласно данным Н. Тудоряну, в 1890 г. в транспортировке европейских эмигрантов за океан участвовало 24 крупных пароходных компаний, из них три германских, три голландских и 18 английских, и около 100 небольших пароходств[19].

Надежды эмигрантов на лучшую и свободную жизнь, энтузиазм, с которым многие из них ехали за границу, выразил Яков Сиркес в «Еврейской песне»:

Томят их заботы, терзает нужда,
И всею душой они рвутся туда,
Туда — в те поля и долины,
Где братский привет и объятья их ждут,
Где счастье и мир, словно розы, цветут
Под небом святым Аргентины.
Дай сил на борьбу нам, терпенье пошли,
Чтоб в новой отчизне мы скоро нашли
Свое дорогое спасенье[20].

Германия беспрепятственно пропускала через восточно-прусскую границу всякого беспаспортного русского подданного, при условии что у него была на руках шифскарта одной из немецких пароходных компаний. Официальные агенты пароходств поощрялись денежными премиями за каждого эмигранта. Боясь переноса холеры в Германию из России и Австро-Венгрии, где в начале 90-х гг. XIX в. свирепствовала эпидемия этой болезни, немецкое правительство потребовало от пароходных компаний гарантий того, что данная угроза будет предупреждена. Компании учредили в местах перехода эмигрантами границы *«контрольные станции»*[21], которые стали для них источником огромных доходов, помогая монополизировать потоки эмигрантов и направлять их на немецкие пароходы. После 1894 г., когда эпидемия холеры в России и Австро-Венгрии прекратилась, и, казалось, надобности в контрольных станциях не было, пароходства обратились к немецкому правительству с предложением взять на себя их дальнейшее содержание. Оно было

принято, и станции превратились в официальные агентства пароходных обществ, через которые проходила практически вся эмиграция из России. Исключение составляли эмигранты, имевшие заграничные паспорта, шифскарты или железнодорожные билеты до одного из портов, а также 400 марок на каждого взрослого и 100 марок на ребенка. Эмигранты, не имевшие средств к существованию, не удовлетворяющие требованиям страны иммиграции и т. д., высылались обратно на русскую границу. Контрольные станции были созданы во всех пунктах перехода границы российскими эмигрантами. Так, станция в Байорен находилась напротив российского пограничного пункта Кретинген; Эйдткунен — против Вержболово. Другие пары «станция в Германии — пограничный пункт в России» включали: Тильзит — Тауроген и Юрбург, Просткен — Граево, Иллово — Млава, Торн-Мокер — Александрово, Мысловец — Граница и Сосновицы и т. д.[22]. Каждая станция представляла собой изолированные от внешнего мира помещения, обнесенные высоким забором.

Из контрольных станций все эмигранты свозились в центральную станцию в Рулебен, а оттуда распределялись по портам. Перевозка эмигрантов осуществлялась в закрытых товарных вагонах. До 1911 г. существовали еще и внутренние контрольные станции в Инстербурге и Познани для тех эмигрантов из России, которым удалось проскользнуть в Германию мимо пограничных станций[23].

Об еврейских эмигрантах из Австро-Венгрии и России, выезжавших через Гамбург в Северную и Южную Америку, заботился созданный ЕКО Комитет помощи иммигрантам. *«В Гамбург,* — вспоминал член "Комитета помощи иммигрантам" Г. Кохен, — *ежедневно из России прибывали полные поезда эмигрантов. Положение людей было самым печальным. Многие говорят, что документы у них отсутствуют, что их взяли на границе. На вопрос, к кому они собираются, эмигранты запасаются американскими адресами. И более опытные члены Комитета подозревают, что существует целое производство поддельных бумаг. Эмигранты разобрались, какие профессии предпочитает Комитет. Редко кто признается, что занимался мелочной торговлей. Количество портных устрашающее, остальные — ремесленники»*[24].

Наиболее крупные пароходные общества устраивали для размещения эмигрантов, ожидавших отправки, специальные дома. Такие помещения были в Либаве, Гамбурге, Бремене, Роттердаме, Триесте, Ливерпуле (табл. 2). Там, где пароходство не имело собственного дома, оно подписывало соглашение с частными лицами, предоставлявшими свои квартиры для эмигрантов. В портах высадки (например, в Буэнос-Айресе, Рио-де-Жанейро, Монтевидео) были такие же дома. Специальные дома устраивались еврейскими благотворительными обществами.

Таблица 2

Эмиграция из России в Южную Америку через Гамбург (1897–1909 гг.)[25]

Годы	Всего выехало в Южную Америку	В Бразилию	В Аргентину	Остальные страны Южной Америки
1897	238	66	172	–
1899	379	83	296	–
1900	391	129	262	–
1901	429	163	259	7
1904	1256	924	332	–
1905	3201	50	3151	–
1907	894	Нет данных	Нет данных	–
1909	16 649	Нет данных	Нет данных	Нет данных

Борьбу «за билет до Америки» глазами ребенка описывает Шолом-Алейхем в повести «Мальчик Мотл». *«В Гамбурге встречается много людей. В большинстве это наши, русские. Их называют эмигрантами. Почти все они голодные и с грудными детьми на руках. И те, кто без грудных детей, тоже голодные. Им велят приходить завтра, а завтра снова велят прийти завтра. Я слышу от эмигрантов названия городов: Гамбург, Вена, Париж, Лондон, Ливерпуль. О Гамбурге все говорят, что он мог бы сгореть хотя бы сегодня. Гамбург, говорят они, это Содом! Там эмигрантов гоняют в баню, как арестантов. Таких злодеев, как в Гамбурге, нигде нет. <...> Где она, эта Америка? Не знаю. Знаю только, что это далеко, ужасно далеко! По приезде все попадают в "Кест-Гартл". Там, в этом "Кест-Гартле", вас раздевают догола и осматривают глаза. Если глаза здоровы — хорошо. Если нет — извольте ехать обратно»*[26].

В привлечении пассажиров особую роль играло агентство Ф. Мисслера, через которое проходило 90 % российской эмиграции. За каждого поставляемого пароходной компании пассажира агентство получало 15 марок комиссионных, его валовой доход за 1905–1906 гг. определялся приблизительно в 1160 тыс. марок[27]. Агентство вело деятельную эмиграционную пропаганду, занималось банковскими операциями, переводом в Россию денежных средств от «новых» американцев; в Бремене агентство содержало две гостиницы для эмигрантов. Отделение конторы Ф. Мисслера находилось и в Буэнос-Айресе. Местная газета *Русский голос* регулярно помещала объявления, в которых перечислялись всевозмож-

ные услуги, осуществляемые конторой: продажа проездных документов с возможностью оплаты в Буэнос-Айресе, помощь в пересылке денег в Россию. *«Пересылать деньги ко мне* (в контору. — *Э.П.*), *для отсылки на родину или для других целей можно по почте, через банки или железнодорожные станции»*[28].

Часть эмигрантов выезжала из Бремена. По своей численности переселенцы из России занимали здесь третье место после эмигрантов из Германии и Австро-Венгрии. Число выехавших из Бремена российских подданных с 1897 по 1908 г. составило 388 958 чел., в том числе в Южную Америку отправилось 25 723 человека (исключая 1903–1905 гг., сведения за эти годы отсутствуют).

Таблица 3

Эмиграция из России в Южную Америку через Бремен[29]

Годы	Выехало из России	В Южную Америку	В Бразилию	В Аргентину
1897	9266	366	366	Нет данных
1899	22 156	976	Нет данных	Нет данных
1900	25 811	1144	Нет данных	Нет данных
1901	20 770	1939	85	1854
1902	29 130	1671	306	1365
1903	39 937	Нет данных	Нет данных	Нет данных
1904	49 719	Нет данных	Нет данных	Нет данных
1905	41 378	Нет данных	Нет данных	Нет данных
1907	60 938	4933	254	4679
1908	29 286	7554	4607	2947

По свидетельству П. М. Богданова, секретаря и управляющего миссией России в Бразилии и Аргентине, в июне 1890 г. из Бремена в Рио-де-Жанейро прибыл пароход «Граф Бисмарк», на котором находилось 260 российских иммигрантов разных национальностей. *«По пути* (на пароходе. — *Э.П.*) *открылась эпидемия, в океан побросали более 50 детей и несколько женщин. Когда пароход стал на рейд, то от смрада больных и умиравших нельзя было подойти к нему на 50 метров»*[30].

В отличие от Гамбурга, в Бремене специальных домов для проживания эмигрантов не было. Правительственный комиссар проверял гостиницы и условия жизни в них эмигрантов. Из-за значительного наплыва последних мест в городских гостиницах не хватало. В 1905 г. «Северо-германский Ллойд» вынужден был снабдить 5800 чел. матра-

сами и одеялами. В Бремергафене в эмигрантскую гостиницу на месяц превратили стоявший у причала пароход «Траве».

Некоторая часть эмигрантов выезжали в Северную и Южную Америку из Антверпена. Эмиграционное движение в Бельгии регулировалось «Правилами» от 2 декабря 1905 г., согласно которым руководство переселенческим потоком возлагалось на особый правительственный комиссариат. Эмиграционный комиссар и его помощники следили за исполнением правил о переселении и разрабатывали для этого инструкции. В функции комиссариата входили связи между владельцами судов, эмиграционными агентами, экспертной комиссией. Во главе всего эмиграционного дела была поставлена наблюдательная комиссия, состоявшая из представителей министерства иностранных дел, городского общественного управления, железнодорожного управления, коммерческих кругов, судовладельцев и двух человек, назначенных мэром города. Кроме эмиграционного комиссара, наблюдение за эмиграцией было вверено врачебной комиссии, следившей за тем, имеются ли на судах в достаточном количестве медикаменты и врачебные инструменты. «Правилами» предусматривалась обязанность предпринимателей, занимающихся перевозкой эмигрантов, содержать переселенцев за свой счет в случае задержки в дороге и возвратить проездную плату в случае смерти эмигранта, болезни или невозможности выехать по другим независящим от эмигранта обстоятельствам. Обязательство доставить эмигранта к месту назначения теряло силу лишь в случае войны или блокады. В девяти крупнейших городах Бельгии имелись специальные бюро, контролировавшиеся министерством иностранных дел. Приезжающим в Южную Америку оказывали помощь учрежденные при бельгийских консульствах в Буэнос-Айресе и Монтевидео филантропические и справочные бюро для эмигрантов. Эмигранты из России занимали второе место по количеству уезжавших из Антверпена (табл. 4). По наблюдению секретаря российского генерального консульства в Антверпене Г. Павловича, это были в основном ремесленники и крестьяне. Часть эмигрантских поездов прибывали в Антверпен из Германии поздно ночью. *«Я присутствовал,* — писал Павлович, — *при приходе поезда. Первое, что поражает, — это огромное количество багажа, в виде узлов и сундуков, а также беспокойство эмигрантов за целостность этого багажа. Несмотря на строгий порядок, очень трудно заставить эмигранта расстаться с багажом. Несмотря на довольно теплую погоду, путешественники, особенно дети и женщины, закутаны в платки и шарфы, что придает картине прибытия эмигрантов чрезвычайно пестрый вид»*[31]. После врачебного осмотра, проводившегося прямо на вокзале, эмигранты расселялись по гостиницам. В стоимость эмигрантского билета включалось 10 фран-

ков на содержание эмигранта в Антверпене до отправления ближайшего парохода. Расселение шло с учетом национальной и религиозной принадлежности переселенцев[32].

Состоянием несчастных людей, не знавших языка, растерянных и уставших после тяжелой дороги, пользовались все, начиная от лавочников, продававшим им «русскую» водку и «русские» папиросы, до хозяев гостиниц, — все старались нажиться на эмигрантах[33].

«Правила» обязывали капитана соблюдать определенные условия во время плавания судна. Под его наблюдением производилась выдача пищи пассажирам три раза в день, от него зависело разрешение оставаться в течение 24 часов на судне по прибытии на место и помощь эмигрантам при высадке на берег, перевозке их багажа. *«Надо прибавить,* — замечал Г. Павлович, — *что эмигранты, при отводе им помещений на пароходе, распределяются по национальностям и вероисповеданию (евреи). Вообще впечатление, произведенное на меня как переездом эмигрантов по железной дороге и осмотром их на вокзале, так и обстановкой, в которой они находятся во время переезда через океан, вполне благоприятно. Все изложенное предоставлялось бельгийскими фирмами только для тех, кто имел официальные документы и заграничный паспорт, те же, кто попадали в руки разного рода мелких агентов, оказывались в крайне сложном положении»*[34].

Таблица 4

Эмиграция из России через Антверпен с 1899 по 1909 г.[35]

Год	Общее число	Русские подданные	Канада	США	Южная Америка	Другие страны
1899	25886	5358	–	5344	9	5
1900	34491	7478	–	7451	24	3
1901	38663	7203	–	7190	9	4
1902	54574	15722	–	15691	6	25
1903	64 254	19448	–	19 440	7	1
1904	51260	16065	1627	14304	130	4
1905	76735	24479	3694	20435	334	16
1906	87797	35724	7373	27993	346	12
1907	100318	28533	4593	23843	95	2
1908	35 559	10720	1913	8627	173	7
1909	67509	24401	7237	17013	145	6
Итого:	637046	195131	26437	167331	1278	85

Значительное количество эмигрантов переправлялось в Америку через Либаву на судах «Русского Восточно-Азиатского пароходства», Датского пароходного общества и пароходного общества «Балтийский Ллойд». Так, общее число выехавших этим путем с 1 января 1913 г. по 1 января 1914 г. составляло 70 734. Эмигранты отправлялись к месту назначения через английские порты, где пересаживались на океанские корабли. В 1905 г. в Либаве был открыт местный комитет ЕКО, задачами которого были защита интересов эмигрантов и облегчение условий эмиграции.

Таблица 5

Данные об эмиграции через Либаву с 1906 по 1912 г.[36]

Год	Всего	Еврейских эмигрантов
1906	50 506	34 000
1907	57 796	40 000
1908	19 087	12 400
1909	28 155	15 000
1910	39 161	19 000
1911	35 047	17 000
1912	57 215	17 000

К 1912 г. в Либаве находились отделения следующих пароходных обществ: Русского Восточно-Азиатского общества, Северо-Западного общества и конторы «Карлсберг-Спиро», отправлявшей эмигрантов в Америку через Англию. «Русское Восточно-Азиатское пароходство» доставляло своих пассажиров непосредственно в Нью-Йорк. На пароходах общества еврейские эмигранты получали кошерную пищу, за приготовлением которой следили специальные наблюдатели.

Таблица 6

Национальный состав выехавших из России через Либаву в 1911–1913 гг.[37]

Национальность	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Русские	9301	21550	29429
Поляки	2135	4061	4663
Литовцы	1503	2085	2669
Немцы	5096	9813	5971
Латыши	485	427	551
Евреи	6462	19434	24588
Персы	290	638	1004
Армяне	79	162	353

По просьбе эмигрантов в марте 1910 г. в Либаве был создан Комитет кассы взаимопомощи эмигрантам, председателем которого был либавский полицмейстер Н. Е. Подушкин. В конце 1912 г. «Русское Восточно-Азиатское пароходство» выстроило дом для эмигрантов на 768 чел., где они могли в течение первых 5 дней бесплатно пользоваться удобной квартирой, а последующие дни платить за нее 25 коп. в сутки. Некоторые из эмигрантов снимали частные квартиры. *«В комнатах кровати деревянные и довольно узкие, тюфяки наполнены соломой и покрыты не всегда чистыми простынями. Ради экономии, хозяева квартир сгоняют всю массу эмигрантов в одну-две комнаты, остальные же содержатся свободными, но запертыми»*[38].

С 1909 г. по распоряжению курляндского губернатора контроль над содержанием эмигрантских квартир возлагался на полицию. Обязательными являлись следующие условия содержания: в доме, где жили эмигранты, не могли проживать местные жители; эмигрантские квартиры устраивались по коридорной системе; наблюдение за санитарным состоянием квартиры поручалось городскому санитарному врачу; в комнате могло проживать такое количество эмигрантов, которое разрешала санитарная комиссия, и т. д.

Значительная еврейская эмиграция в начале XX в. диктовалась разными причинами, широко описанными исследователями. Но как представляется, эмиграция, и не только еврейская, в определенной степени поощрялась иностранными судоходными компаниями, заинтересованными в увеличении пассажирских перевозок и наполнившими Европу вербовочными конторами и агентами. В этом смысле Еврейское колонизационное общество выгодно отличалось от них и делало значительную и полезную работу для помощи еврейским переселенцам.

[1] *Яновский С. Я.* Русское законодательство и эмиграция // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 4, апрель. С. 87–114.

[2] Там же. С. 111.

[3] Справочная книга по вопросам эмиграции. СПб., 1913. С. 47.

[4] *Воблый К. Г.* Эмиграционное движение в Царстве Польском // Вестник Европы. 1907. № 3. С. 405–406. Об эмиграции евреев из России в Аргентину см. также: *Путятова Э.* Эмиграция евреев из России в Южную Америку // Русские евреи в Америке. (Далее — РЕВА). Кн. 3 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2009. С. 9–23; *Базаров В.* Воспоминания старого колониста. Описание жизни и деятельности Йозефа Эйдмана за годы 1904–1951, прожитые им в Аргентине // РЕВА. Кн. 4 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2010. С. 17–25; *Гершунов А.* Еврейские гаучо из пампасов // Там же. С. 26–32;

Путятова Э. Россия и Южная Америка: трудовая эмиграция и дипломатические отношения в конце XIX — начале XX вв. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2006.

[5] *Кабузан В. М* Эмиграция и реэмиграция в России в конце XVIII — начале XX века. М.: Наука, 1998. С. 144.

[6] Письмо из Буэнос-Айреса // Восход. 1899. № 2. С. 29–34.

[7] Воззвание // Вестник еврейской эмиграции и колонизации. Елец, 1911. № 12.

[8] *Яновский С. Я.* Русское законодательство и эмиграция. С. 113.

[9] Справочная книга по вопросам эмиграции. С. 206.

[10] *Курчевский Б.* О русской эмиграции в Америку. Либава, 1914. С. 35.

[11] *Франко И.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М., 1959. С. 646.

[12] Вестник еврейской эмиграции и колонизации. Елец, 1912. № 10–11.

[13] Эмигрант. СПб., 1914. № 1.

[14] *Маневич И. А.* Эмиграция евреев. М., 1916; *Прайс Г. М.* Русские евреи в Америке (Очерки из истории жизни и быта русско-еврейских эмигрантов в США с 1881 по 1891 г.). СПб., 1983; *Басанин М.* Еврейские колонии в Аргентине // Исторический вестник. СПб., 1898. Т. 72, № 4. С. 192–228.

[15] *Беркенгейм А.А.* Развитие колонизации и устройство земледельческих поселений в Аргентине // Русская мысль. СПб., 1894. № 9, 10; *Лапин Е.* Настоящее и будущее еврейской колонизации в Аргентине: Доклад ЕКО. СПб., 1894.

[16] *Константиновский Я.* Мое пребывание в Аргентине. Верные сведения о колониях, колонистах и колониальном устройстве. Одесса, 1893.

[17] *Ребрин И.* О переселении в Бразилию // Приложение к журналу *Хлибороб* № 13. Харьков: Харьковское общество сельского хоз-ва, 1909.

[18] *Гутман И.* Жизнь колонистов в штате Сан-Пауло в Бразилии. Рига, 1908.

[19] *Тудоряну Н. Л.* Очерки трудовой эмиграции периода империализма в Германию, Скандинавские страны и США. Кишинев: Изд-во «Штиинца», 1986. С. 124.

[20] *Поляновский М.* и *Сиркес Я.* Аргентинский отклик: Сборник статей по поводу колонизации евреев в Аргентину. Одесса, 1892. С. 47.

[21] Справочная книга по вопросам эмиграции. С. 95.

[22] Там же.

[23] Там же. С. 94–95.

[24] История еврейского национального движения 1870–1914 гг. Иерусалим, 1992. С. 41.

[25] Подсчитано по: Сборники консульских донесений за 1898–1910 гг. СПб.

[26] *Шолом-Алейхем.* Мальчик Мотл. СПб.: Изд-во «Песнь песней», 2003. С. 258, 259.

[27] *Тудоряну Н. Л.* Очерки трудовой эмиграции... С. 125.

[28] Русский голос. Буэнос-Айрес, 1913. Октябрь.

[29] Подсчитано по: Сборники консульских донесений за 1898–1910 гг. СПб.

[30] *Ребрин И.* О переселении в Бразилию. С. 11.

[31] Русское переселенческое движение через Антверпен. (Донесение секретаря консульства в Антверпене Г. Павловича): Сборник консульских донесений. Вып. Ш. СПб., 1910. С. 188.

[32] Там же. С. 190.

[33] *Тудоряну Н. Л.* Очерки трудовой эмиграции... С. 142.

[34] Сборник консульских донесений. Вып. Ш. С. 193–194.

[35] Там же. С. 180–181.

[36] Справочная книга по вопросам эмиграции. С. 100.

[37] РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 95. Оп. 8. Д. 1037. Л. 14.

[38] Справочная книга по вопросам эмиграции. С. 100.

Сельскохозяйственные колонии евреев из России в Аргентине

Э. Зальцберг (Торонто)

ЕКО и эмиграция евреев из России в Аргентину

В начале XVI в. территория нынешней Аргентины была захвачена испанцами, назвавшими ее Ла-Плата по названию реки Рио-де-ла-Плата. В XVIII в. они учредили здесь вице-королевство Рио-де-ла-Плата, которое включало современную Аргентину, Боливию, Парагвай и Уругвай. 25 мая 1810 г. в столице вице-королевства Буэнос-Айресе вспыхнуло антииспанское восстание. В результате шестилетней борьбы 9 июля 1816 г. была провозглашена независимость Объединенных провинций Ла-Платы от Испании; в 1826 г. они были преобразованы в Федеративную Республику Аргентина, или Аргентину. В составе республики оказались громадные и практически незаселенные территории, и правительство выражало заинтересованность в привлечении в страну эмигрантов из Европы.

В 1881 г. аргентинские власти изъявили желание принять евреев из Восточной Европы, и в августе того же года специальный эмиссар отправился в Европу с целью содействовать еврейской эмиграции из России в Аргентину. В 1885 г. были установлены прямые дипломатические отношения между двумя странами, которые облегчили обмен информацией и путешествия из одной страны в другую.

Резкое ухудшение положения евреев в России в 1880–1890-е гг. способствовало невиданному размаху еврейской эмиграции. Ее основной поток устремился в США, но часть российских евреев избрала своей новой родиной Аргентину. В немалой степени этому способствовала деятельность барона Мориса де Гирша и созданного им в 1891 г. Еврейского колонизационного общества (ЕКО)[1]. Однако первая попытка сельскохозяйственной колонизации была предпринята еще раньше, в 1889 г., когда в Буэнос-Айрес прибыла большая группа иммигрантов из Каменец-Подольска, составившая ядро будущей колонии Мозесвиль.

Первой колонией, созданной в 1892 г. целиком на средства ЕКО, была Маурисио[2], названная, по всей видимости, в честь барона Мориса де Гирша. Ее созданию предшествовали покупка в 1891 г. 62 000 акров (251 км²) земли в провинции Буэнос-Айрес и прибытие в этом же году нескольких сот иммигрантов, отобранных из многих тысяч беженцев, скопившихся в портах Гамбурга и Константинополя. Хотя в России и в местах скопления беженцев за ее пределами комитетом ЕКО были даны строгие инструкции отбирать для эмиграции в Аргентину людей с опытом работы в сельском хозяйстве, на практике они не выполнялись. Созданные в спешке местные комитеты были не в состоянии выяснить род занятий людей, их главной заботой была скорейшая отправка терпящих бедствие беженцев за океан. В результате в процессе отбора было сделано много ошибок, и колонизация была затруднена тем, что часть иммигрантов оказалась не в состоянии или не хотела приспособиться к новым условиям жизни. Это, однако, не обескуражило барона де Гирша, который через ЕКО продолжал покупку земель в различных провинциях страны.

Поначалу рост колоний в Аргентине был медленным и сталкивался со значительными трудностями. Из 1333 еврейских семей, занимавшихся фермерством в 1891 г., к концу года осталось только 1023 семьи. Между 1892 и 1894 гг. 768 вновь прибывших семей начали заниматься сельским хозяйством, но число покидавших колонии было столь велико, что к концу 1895 г. в них оставалась только 1021 семья, а в 1898 г. — 833[3].

В 1893 г. в Аргентине побывал представитель ЕКО Е. Лапин. В апреле 1894 г. он сделал доклад о своей командировке петербургскому комитету ЕКО, озаглавленный «Настоящее и будущее еврейской колонизации в Аргентине»[4]. Общий тон доклада был оптимистическим: с точки зрения природных условий, политического устройства и политики правительства, Аргентина представлялась страной, благоприятной для создания новых колоний.

Петербургский комитет ЕКО, возглавляемый бароном Г. Гинзбургом и официальным представителем де Гирша в России Д. Фейнбергом, проделал большую работу по организации групп эмигрантов, в частности в южных губерниях России, и отправке их в Аргентину.

С конца XIX в. колонизационные усилия ЕКО начинают приносить плоды. В 1910 г. в стране было восемь сельскохозяйственных колоний, основанных евреями — выходцами из России: Мозесвиль, Маурисио, Клара (названа в честь жены де Гирша), Сан-Антонио, Сан-Изабел, Люсьенвиль (названа в честь рано умершего сына де Гирша), Барон Гирш и Бернаскони. Они находились в провинциях Санта-Фе, Энтре-Рио, Буэнос-Айрес и Ла-Пампа и охватывали территорию около 500 000 га (5000 км²). Позднее площадь земель, приобретенных ЕКО для целей

колонизации, достигла 620 000 га (6200 км²); для сравнения напомним, что современная площадь Государства Израиль — 20 770 км².

В 1910 г. в колониях проживало 21 115 человек (3777 семейств)[5]. Система расселения колонистов сочетала индивидуальные фермы, типичные для Америки, и компактные деревни, характерные для России. Например, колония Клара в 1910 г. состояла из 20 деревень с общей площадью обрабатываемых земель 1875 км². В колонии Люсьенвиль, где наделы фермерских хозяйств достигали 100 га и более, господствовала система поселений из четырех фермерских усадеб. Часть колоний состояла из индивидуальных хозяйств, удаленных друг от друга па значительные расстояния.

Важной отраслью хозяйства колоний являлись молочное животноводство и производство масла. Большая заслуга в этом принадлежала ЕКО, по инициативе которого значительные площади засевались кормовой люцерной. Колонисты выращивали также пшеницу, лен, ячмень, кукурузу, овес, табак и овощи. В 1909 г. валовой доход всех колоний составил 3 686 046 долларов[6].

Урон животноводству нанесла засуха 1909 г., когда поголовье скота в некоторых колониях сократилось на 25%. Несмотря на это, в 1910 г. оно достигло 181 070 голов, включая 98 335 коров, 35 380 овец и 47 355 лошадей. Другим бедствием была саранча, периодически опустошавшая поля и сады поселенцев. Используя улучшенные методы обработки почвы и накопленный опыт хозяйствования, колонисты добивались ощутимых экономических успехов. Так, в 1910 г. они уплатили в счет погашения долга ЕКО 538 429 долларов. *«Эти цифры показывают, что колонисты наконец хорошо устроились на той земле, которую они обрабатывают. Люди, которые так долго привыкли получать пособие и раньше очень мало заботились об уплате своих долгов, теперь в высшей степени ревностно и аккуратно сами торопятся вносить свои платежи. У них появилось новое чувство самоуважения, и они так же хорошо понимают свои права, как и обязанности»*[7].

Школы в колониях находились в отличном состоянии. В 1910 г. их было 50: 155 учителей и 3538 школьников[8]. Помимо общеобразовательных предметов, в школьных программах были сельское хозяйство, садоводство и иудаизм. Испаноговорящие и ладиноговорящие учителя для работы в колониях рекрутировались Всемирным еврейским союзом (Alliance Israilite Universelle) в субсидируемых им школах в Северной Африке и Оттоманской империи[9]. Для поддержания школьной системы в надлежащем порядке колонисты платили специальный ежегодный налог в размере 30 песо — эквивалент недельной зарплаты сельскохозяйственного рабочего в период сбора урожая[10].

Ученики, дети и подростки легко привыкали к новым условиям. *«Они сильны, плечисты, ...они любят... эту унылую, вечно желтую без конца и края степь, этот дикий, непослушный скот. Грозы их не пугают, к лишениям они привыкли и равнодушно внимают старикам-родителям... жалующимся на отсутствие гешефта и зовущим их в город»*[11].

Колонисты были пионерами в деле организации сельскохозяйственной кооперации в Аргентине. Первый сельскохозяйственный кооператив Primera Sociedad Agricola Israelita был основан в колонии Люсьенвиль 12 августа 1900 г. по инициативе ее администратора Леона Немировского[12]. Вскоре кооперативное движение распространилось и в других колониях; следуя их примерам, в кооперативные союзы стали объединяться и местные фермеры.

Помимо колонистов, прибывших в страну с помощью ЕКО, существовали еще группы иммигрантов, приехавших на свой страх и риск. Они работали сезонными рабочими на фермах своих соплеменников, получая не более пяти долларов в день. Зимой многие из них возвращались в Буэнос-Айрес или другие города, для того чтобы заработать что-то на жизнь. ЕКО строило для них в колониях дома и сдавало их в наем по номинальной цене. Наиболее перспективным сезонным рабочим ЕКО помогало стать со временем полноценными членами колоний.

Серьезным ударом для колонистов явился глубокий кризис в животноводстве в 1920–1923 гг., во время которого резко сократились их доходы, увеличились число разорившихся хозяйств и отток поселенцев в города. Выход из кризиса начался в 1924–1925 гг. и привел в конце концов к стабилизации в сельском хозяйстве и улучшению финансового положения колоний.

В межвоенный период число еврейских колонистов в Аргентине не превышало 27500[13]. Часть из них полностью владели землей, другие продолжали выплачивать свой долг ЕКО. С 1930-х гг. начинается упадок еврейских колоний, связанный с рядом причин, в том числе с развитием механизации сельскохозяйственного труда и уменьшением доли занятого в нем населения, возросшей стоимостью земель для организации новых колоний, резким сокращением еврейской эмиграции из Европы[14]. Массовой колонизации препятствовала также система латифундий (крупных поместий), господствовавшая в сельском хозяйстве Аргентины, которая не способствовала развитию современной инфраструктуры (госпиталей, школ, благоустроенных дорог) в обширных сельских районах страны. Это усиливало отток еврейского населения из колоний в городские центры.

В 1920 г. 22 % аргентинских евреев жили в сельских местностях. В течение следующих 15 лет еврейское население в стране увеличилось со

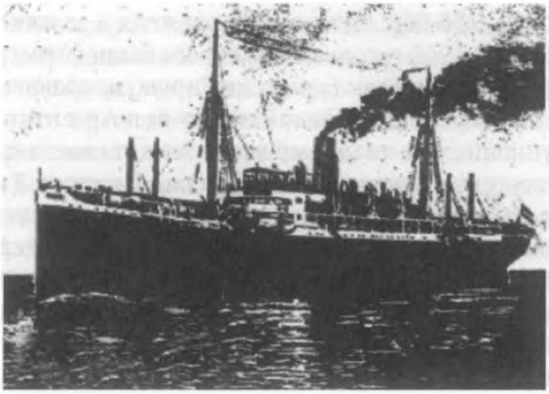
120 000 до 225 000–230 000, однако доля занятых в сельском хозяйстве снизилась до 11 %. В 1960 г. только 2 % евреев были фермерами[15].

Как следует оценивать план барона де Гирша, направленный на массовое переселение евреев Российской империи в Аргентину? Безусловно, это был крупнейший социальный эксперимент своего времени. Оказался ли он успешным, достиг ли своей цели? Барон де Гирш никогда не предполагал создание национального еврейского государства внутри уже существующего государства Аргентина. Громадные средства, вложенные им в ЕКО[16], были использованы на то, чтобы дать евреям из России реальные шансы начать новую жизнь в Америке, главным образом, в Аргентине, а также в США и Канаде, при этом предполагалось, что поселенцы интегрируются в новое общество, не теряя своей национальной идентичности.

По планам ЕКО, в 1892 г. предполагалось переселить 25 000 евреев из России в аргентинские колонии, и за следующие 25 лет эта цифра должна была достигнуть 3 250 000. В действительности, в первый год деятельности ЕКО в Аргентину приехало 2500 русских евреев, и во все последующие годы число колонистов не превышало, по разным оценкам, 27 500–33 000, то есть, с точки зрения арифметики, план барона потерпел неудачу. Однако значение этого эксперимента выходит далеко за пределы приведенных цифр. Благодаря деятельности де Гирша и ЕКО о неведомой им до этого Аргентине и открывавшихся в ней возможностях для новой жизни узнали десятки тысяч евреев в России, которые устремились в эту страну на свой страх и риск, минуя каналы ЕКО[17]. Бóльшая часть эмигрантского потока направлялась в столицу Буэнос-Айрес и другие крупные города. Таким образом, план де Гирша и ЕКО косвенно содействовал тому, что в настоящее время еврейская община в стране насчитывает около 200 000 человек[18] и является самой крупной в Южной Америке и одной из крупнейших в мире, а ее представители, несмотря на все потрясения, испытанные Аргентиной за последние десятилетия, занимают достойное место в политической, экономической и культурной жизни страны.

Колония Мозесвиль — первая сельскохозяйственная колония русских евреев в Аргентине

Небольшой городок Мозесвиль в провинции Санта-Фе расположен на северо-востоке Аргентины, в 110 км от столицы провинции Санта-Фе и примерно в 600 км от столицы страны Буэнос-Айреса. Это живая страница истории колонизационного движения евреев из России в Аргентине.



Немецкий пароход «Вессер», на котором в 1889 г. в Буэнос-Айрес приплыла группа иммигрантов из России, составившая ядро будущей колонии Мозесвиль

Основателями Мозесвиля были выходцы из Подолии, которые прибыли в Буэнос-Айрес 14 августа 1889 г. на борту немецкого парохода «Вессер». Их было 136 семей (824 человека) во главе с духовным наставником, рабби Аароном Гольдманом; все они говорили только на идиш. Из Буэнос-Айреса будущие колонисты проследовали поездом на северо-восток, в провинцию Санта-Фе, в местечко Паласиос, названное в честь крупного местного землевладельца дона Педро Паласиоса. Согласно заключенному с ним контракту, поселенцы получали наделы земли, инвентарь, скот и продукты питания, а также инструкции о том, как хозяйствовать на новой земле. За все это они обязались расплачиваться будущими урожаями. Однако на полустанке вновь прибывших никто не встречал, состав был загнан на запасной путь, и будущие колонисты оказались в отчаянном положении: в чистом поле, без языка и средств к существованию. Лишь некоторым удалось устроиться батраками в ближайшие имения. Многие семьи перебрались в небольшие городки южнее Паласиоса, некоторые вернулись в Буэнос-Айрес. Среди оставшихся разразилась жестокая эпидемия тифа, которая унесла более 60 детей. Их зачастую безымянные могилы находятся в старой части местного еврейского кладбища, надгробные плиты наклонены в разные стороны, некоторые упали на землю. По высеченным на них датам можно определить, что все дети умерли между августом и октябрем 1889 г.

Будущее колонии казалось безнадежным, но в это время произошло почти чудо. На полустанке Паласиос случайно проездом оказался доктор Вильгельм Ловенталь из Берлина, который по заданию аргентинского правительства обследовал земли, пригодные для будущей колонизации.

Услышав почти забытый им язык и воочию убедившись в отчаянном положении, в котором очутились его соплеменники из России, он начал энергично действовать. Его обращения к правительству Аргентины и губернатору провинции Санта-Фе, а также личные встречи с доном Паласиосом принесли свои плоды: колонистам были доставлены палатки, инвентарь, скот, и в десяти милях от полустанка возник палаточный городок, названный Мозесвилем. К этому времени из 136 семей, прибывших сюда несколько месяцев тому назад, осталось только 50. На вопрос, почему поселению дали такое имя, рабби Гольдман ответил: *«Моисей вывел евреев из рабства в Египте и направил их в собственную землю. Мы, оставившие царскую Россию и прибывшие в свободную Аргентину, испытываем в этом месте, которое станет нашей родиной, те же чувства, что и наши далекие предки»*[19].

Ловенталь вернулся в Европу для сбора денег для колонистов с тем, чтобы они выкупили свои земли у дона Паласиоса. В Париже доктор встретился с бароном де Гиршем. Наделенный полномочиями ЕКО, Ловенталь вернулся в Аргентину и начал скупать обширные земельные участки в разных провинциях страны для будущих колонистов. В провинции Санта-Фе были выкуплены земли, на которых трудились поселенцы Мозесвиля, что облегчило их материальное положение, но жизнь колонистов в первые годы оставалась тяжелой: им приходилось бороться с засухами и набегами саранчи, у многих не было опыта работы в сельском хозяйстве. Однако постепенно жизнь в колонии налаживалась. К 1910 г. в Мозесвиле проживало уже 785 семей (4565 человек). Они выращивали пшеницу, кукурузу, люцерну, которая не только обеспечивала корм скоту, но и шла на продажу. Так, в 1910 г. колонисты продали 20 000 тонн люцерны по цене 15 долларов за тонну и, кроме этого, значительное количество семян люцерны по 60 центов за фунт. Они впервые в стране начали выращивать рис и подсолнухи для производства масла. Широко было развито животноводство. Мозесвиль был родиной новых аргентинских ковбоев — еврейских гаучо. Еврейские иммигранты из черты оседлости и их дети стали отличными наездниками, пастшими стада полудиких животных, защитниками от непрошеных гостей (индейцев и местных ковбоев). В числе первых поселенцев Мозесвиля был Альберто Гершунов, впоследствии крупнейший аргентинский писатель-певец еврейских гаучо[20]. С Мозесвилем связаны также юные годы известного идишистского поэта Х. И. Фарбера[21].

В колонии развивалась общинная жизнь. Первая синагога, названная в честь барона де Гирша, была возведена в 1920-е гг. Позднее были построены еще три синагоги — свидетельство насыщенной религиозной жизни в колонии.

В городе издавались две газеты: одна на испанском и вторая — на испанском и идиш. Кроме них, существовала «устная» газета: новости передавались через громкоговоритель на центральной площади города.

В городской библиотеке было много книг на иврите и идиш. В 1948 г. была открыта семинария для подготовки учителей иврита, которую в последующие годы окончили сотни студентов. В городе существовал еврейский театр на идиш. В нем выступали не только местные труппы, но и гастролировавшие коллективы из США и Европы. Суббота была в городе нерабочим днем.

В местном музее, носящем имя рабби А.Гольдмана, можно увидеть много экспонатов, напоминающих о первых колонистах: старые фотографии, медный самовар, российские банкноты, газеты на идиш с описаниями погромов в России.

Рядом с городом находится старейшее в Аргентине еврейское кладбище более чем с 5000 захоронений. Здесь покоятся рабби Гольдман и отец писателя Альберто Гершунова, Григорий Гершунов, убитый в стычке с местным гаучо 12 февраля 1891 г. Здесь же — могила Хулио Сандиера (1889–1978), первого ребенка, родившегося в колонии и прожившего в ней долгую жизнь.

В 1918–1919 гг. в Мозесвиль прибыли новые иммигранты с Украины, в 1930-е гг. — из европейских стран, оккупированных немцами. В 1948 г. его население было около 5000 человек, большинство из которых составляли евреи. Вокруг Мозесвиля располагались многочисленные еврейские фермерские хозяйства, для обитателей которых городок был своего рода столицей. Две главные улицы до сих пор носят имена М. де Гирша и Т.Герцля; есть здесь и улицы Государства Израиль и Голды Меир.

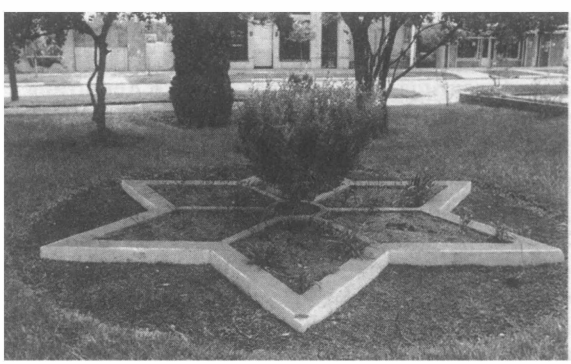
На многих городских зданиях красуется звезда Давида и другая еврейская символика, сохранились остатки вывесок на идиш, который знало большинство жителей города.

После Второй мировой войны началось постепенное исчезновение еврейского Мозесвиля и еврейских ферм вокруг него. В результате механизации сельского хозяйства потребность в рабочей силе значительно сократилась, и молодые люди в поисках образования и работы стали все чаще покидать колонию и уезжать в крупные города, где они становились врачами, адвокатами, бизнесменами, служащими, людьми свободных профессий. На нескольких фермах в округе еще продолжают трудиться евреи, однако большинство хозяйств принадлежит сейчас неевреям. К концу 1990-х гг. в Мозесвиле было 2700 жителей, из них только около 400 евреев. Почти никто из них уже не знает идиш, и хотя старейшая синагога имени де Гирша остается открытой, служба в ней

Синагога имени барона де Гирша в Мозесвиле

происходит нерегулярно из-за отсутствия миньяна[22]. По-прежнему работает театр на площади Кадима, но все представления в нем идут на испанском языке. Значительно сократилось число студентов еврейской семинарии. По словам одной старой горожанки, *«это был город, полностью свободный от антисемитизма, это был город, где все были евреями — доктора, адвокаты, мэр, и никто не смотрел на нас свысока. Это — наиболее важное место для евреев Аргентины, и мы обязаны его сохранить»*[23].

В последнее время среди аргентинских евреев возрос интерес к Мозесвилю: они приезжают сюда как в город-музей, чтобы прикоснуться к своим корням, к своему далекому прошлому в этой стране. На праздновании 75-летия Мозесвиля в октябре 1964 г. прибыли губернатор



Центральный сквер в Мозесвиле

провинции Санта-Фе и министр сельского хозяйства Аргентины, в присутствии которых состоялось открытие памятника де Гиршу. На кладбище был прочитан кадиш (еврейская поминальная молитва) по детям, умершим от тифа в первые месяцы существования колонии. Большинство аргентинских газет посвятили этой дате статьи, в которых отметили вклад евреев в развитие страны. В 1999 г. аргентинское правительство провозгласило Мозесвиль национальным историческим памятником.

[1] О бароне М. де Гирше и ЕКО см. также: *Путятова Э.* Эмиграция евреев из России в Южную Америку в конце XIX — начале XX в. // Русские евреи в Америке. (Далее — РЕВА). Кн. 3 / Ред.-сост. Э.Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2009. С. 9–23; *Базаров В.* Воспоминания старого колониста. Описание жизни и деятельности Йозефа Эйдмана за годы 1904–1951, прожитые им в Аргентине // РЕВА. Кн. 4 / Ред.-сост. Э.Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2010. С. 17–25. *Заблоцки Э.* История колонии «Маурисио»: два свидетельства // РЕВА. Кн. 7. Торонто; СПб., 2013. С. 22–37.

[2] О колонии «Маурисио» см. также цитированную выше статью Э.Заблоцки.

[3] *Robinson Leonard.* Agricultural Activities of the Jews in America // Jewish Year book. 1912–1913. Vol. 14. P. 46.

[4] *Лапин Е.А.* Настоящее и будущее еврейской колонизации в Аргентине: Доклад, читанный в петербургском Центральном комитете ЕКО в марте 1894 г. // Восход. СПб., 1894. Кн. 4 (апрель). С. 3–24; Кн. 5 (май). С. 3–48.

[5] *Robinson L.* Agricultural Activities of the Jews in America. P. 47.

[6] Ibid. P. 48.

[7] Вестник еврейской эмиграции и колонизации. 1911. № 3.

[8] *Robinson L.* Agricultural Activities of the Jews in America. P. 48.

[9] *Avni Haim.* Insular Jewish Communal Life: Russian Jews in Argentina and German Jews in Bolivia. Jüdische Gemeinden — Kontinuitäten und Brüche / Hrsg. E. Lappin. Berlin; Wienna: Philo Verlag, 2002. S. 254.

[10] Ibid. S. 255.

[11] *Крюков Н.А.* Аргентина. Сельское хозяйство в Аргентине в связи с общим развитием страны. СПб., 1911. С. 264.

[12] *Avni H.* Insular Jewish Communal Life... P. 255.

[13] *Zablotsky Edgardo.* The Project of Barón de Hirsch. Success or Failure? // Working Paper 289 / Universidad del CEMA, May 2005. Согласно другим источникам, число колонистов достигало 33 000.

[14] О причинах упадка колонии «Маурисио» см.: *Zablotsky Edgardo.* История колонии «Маурисио»: два свидетельства // РЕВА. Кн. 7 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2013. С. 22–37.

[15] *Elkin Judith.* The Jews of Latin America. New York; London: Holmes and Meier, 1988. P. 118.

[16] При создании ЕКО де Гирш вложил в него 10 млн долларов (примерно 260 млн долларов в современном исчислении). После смерти барона 21 апреля 1896 г. ЕКО унаследовало его капитал — 36,5 млн долларов (примерно 1 млрд долларов в современном исчислении) (*Zablotsky E.* The Project of Barón de Hirsch...).

[17] *Zablotsky E.* The Project of Barón de Hirsch...

[18] По некоторым данным, еврейское население Аргентины в начале XXI в. составляло 400 000–450 000 человек (см. интернет-ресурс britishargentina.com — Jews).

[19] *O'Mara Richard.* Palestine on the Pumpas // The Virginia Quaterly Review. 2001. Winter. Vol. 77, № 1.

[20] Гершунов Альберто (Gerchunoff Alberto; 1883, Проскуров, Украина — 1950, Буэнос-Айрес, Аргентина), крупнейший аргентинский писатель. Его семья эмигрировала в Аргентину в 1889 г. и поселилась сначала в Мозесвиле, затем в колонии Клара. В 1910 г. опубликовал книгу «Las gauchos judios» («Еврейские гаучо»), принесшую ему широкую известность в испаноговорящих странах. Книга неоднократно издавалась на английском и была экранизирована в Аргентине в 1975 г. В течение многих лет работал журналистом в ведущей аргентинской газете *La Nación*. Автор многих очерков, рассказов и книг о жизни евреев в Латинской Америке, в том числе автобиографии «Entre Rios, Mi Pais» («Энтре Риос, моя родина», 1950).

[21] Фарбер Хаим Ицхок (1889, Браниште, Бессарабия — 1968, Буэнос-Айрес), поэт, прозаик, переводчик, писал на идиш. Вместе с родителями приехал в Аргентину и поселился в Мозесвиле в 1904 г. Был постоянным сотрудником буэнос-айресской газеты *Ди Идише Цайтунг* (*Еврейская жизнь*), в которой публиковал новеллы из жизни еврейских колонистов и гаучо, публицистику и произведения для детей. Автор более 600 детских стихотворений и около 800 басен. В Буэнос-Айресе вышли его книги «Фар Бридерлэх Ун Швестерлэх» («Для братишек и сестренок», 1925), «Ин А Идишер Колоните» («В еврейской колонии», стихи для детей, 1936) и др. Переводил на идиш стихи ивритских поэтов.

[22] Миньян — присутствие 10 мужчин для проведения службы в синагоге.

[23] *O'Mara R.* Palestine in the Pumpas.

Артур Велш — один из пионеров американской авиации

Э. Зальцберг (Торонто)[1]

Сто с небольшим лет тому назад с аэродрома Колледж Парк вблизи Дейтона (штат Огайо) поднялся в небо самолет конструкции братьев Райт[2]. Вскоре после старта машина рухнула на землю, прервав жизнь одного из пионеров американской авиации, первого в истории летчика-еврея Артура (Лейбела) Велша (Велчера).

Будущий летчик родился 14 августа 1881 г. в Киеве[3] в семье Абрахама и Дворы (Доры) Велчер, у которых было шестеро детей. В 1890 г. Велчеры эмигрировали в США и поселились в Филадельфии, где мальчик посещал общеобразовательную школу и хедер до смерти отца в 1894 г. Вскоре Двора вторично вышла замуж за Эфраима (Франка) Сильвермана. Франк стал работать в портняжной мастерской, Двора открыла бакалейную лавку в подвале их дома и, чтобы свести концы с концами, сдавала несколько комнат жильцам. Лейбела отправили к родственникам в Вашингтон, в 1898 г. сюда же из Филадельфии перебралась вся семья.

В 1901 г. юноша поступил на флот и сменил свое имя и фамилию на Артур (Ал) Велш. Прослужив четыре года на кораблях «Хэнкок» и «Мононгахела» и на суше, на базе военно-морского флота США в Гуантанамо (Куба), он уволился со службы и вернулся в Вашингтон. Следующие несколько лет Артур проработал бухгалтером в компании Gas Pintach и инструктором физического воспитания для мальчиков. На собрании Союза молодых сионистов, членом которого он был, Артур познакомился с Анной Хармел. Ее отец Пол Хармел, эмигрант из Лиепаи (Латвия), занимал видное положение в еврейской общине Вашингтона и состоял во многих местных и национальных еврейских организациях. Артур и Анна поженились 10 октября 1907 г., через два года у них родилась дочь Алин.

Проявив завидную настойчивость, в марте 1910 г. Артур поступил в летную школу братьев Райт в Монтгомери (штат Алабама). После краткого пребывания в ней его направили в Хаффман Прейри вблизи Дейтона, где он прошел дополнительную тренировку под руководством

Орвилла Райта. Велш стал надежным и искусным пилотом весьма несовершенных в то время машин. Летом этого же года он начал работать инструктором в летной школе и участвовать в показательных полетах, которые проводились по всей стране и демонстрировали возможности самолетов братьев Райт. Часто в этих авиационных шоу принимали участие и другие компании — производители самолетов, между которыми нередко разыгрывались значительные денежные призы.

Артур Велш

Велш совершил свой первый показательный полет в Индианаполисе в июне 1910 г. К концу 1911 г. на его счету насчитывалось уже 77 полетов. В случае достижения рекордов летчики становились известными всей стране, но эта работа была сопряжена со смертельной опасностью. В течение первого года показательных полетов два пилота из команды братьев Райт разбились насмерть. Сам Велш попал в аварию во время показательных полетов в Миннеаполисе (штат Миннесота) в начале сентября 1910 г. При жесткой посадке самолета он получил серьезное повреждение колена и провел несколько недель в госпитале.

На счету Велша было несколько авиационных рекордов. Их описание может вызвать ироническую усмешку у читателя, но следует помнить, что в то время мощность самолетного двигателя не превышала 30–60 лошадиных сил, а скорость машин едва достигала 100 км/ч(современные автомобили намного превосходят эти параметры).

Во время показательного полета в Сент-Луисе в октябре 1910 г. Велш установил рекорд продолжительности полета — 3 часа 11 минут 55 секунд, пролетев за это время 120 миль, и был удостоен кубка имени James Blair. 23 октября 1910 г. Артур получил диплом пилота № 23 и стал первым лицензированным летчиком в столичном округе Вашингтон.

В июле 1911 г., участвуя в авиационном представлении в Belmont Park в Нью-Йорке, он установил рекорд высоты (2648 футов, или 807 м) для полета с пассажиром и завоевал приз имени George Campbell Wood. На этом же шоу Артур получил кубок аэроклуба Нью-Йорка за самый быстрый взлет.

А. Велш (в центре). Весна 1912 г.

На показательных полетах в Чикаго в августе 1911 г. Велш завоевал приз 3000 долларов за продолжительность полета с пассажиром (более двух часов).

Поскольку доходы от показательных полетов начали уменьшаться, в ноябре 1911 г. братья Райт решили больше не участвовать в них, и Велш остался единственным пилотом в их компании. В газете *The Washington Post* от 6 января 1911 г. появилось сообщение о том, что Артур готовится совершить летом этого года трансконтинентальный перелет из Калифорнии в Нью-Йорк, приз за который составлял 100 000 долларов, однако по неизвестным причинам он не состоялся.

В разное время среди учеников Велша в летной школе в Дейтоне были пилоты, вошедшие в историю американской авиации: Генри («Хэп») Арнольд[4], Томас Миллинг[5], Калбрейс («Кал») Роджерс[6], Роберт Фоулер[7], Гарри Атвуд[8].

В мае и июне 1912 г. Велш провел 16 испытательных полетов на новейшей модели «С» самолета братьев Райт. 12 июня 1912 г., во время попытки достичь высоты 2000 футов (610 м) с полной нагрузкой, самолет, пилотируемый Велшем, с пассажиром (лейтенантом Хейзелхёрстом) на борту, частично разрушился в воздухе и рухнул на землю, похоронив под обломками обоих летчиков.

Столь рано погибший Велш был первым лицензированным пилотом в столичном округе Вашингтоп, обладателем нескольких летных рекордов и инструктором ставших в будущем известных авиаторов. Все это обеспечивает ему почетное место в истории американской авиации. Фотография пилота[9] и выигранные им награды хранятся в Смитсоновском музее авиации и космонавтики в Вашингтоне.

Литература

1. *Arnold H.* Global Mission. New York: Harper & Brothers Publishers, 1949.
2. *Chrouch Tom.* The Bishop's Boys. A Life of Wilbur and Orvelle Wright. New York; London: W. W. Norton & Company, 1989.
3. *Edwards J. C.* Orvelle's Aviators. McFarland, 2009.
4. *Harmel F.* The First Jewish Airman // The B'nai B'rith Magazine. 1938. October. P. 6–7.
5. *Launius R. D. & Bednarek J. R. D.* (eds.). Reconsidering a Century of Flight. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 2003.
6. Интернет-ресурс http://en.wikipedia.org/wiki/Arthur_L._Welsh
7. Интернет-ресурс http://www.jhsgw.org/exhibitions/online/arthurwelsh/
8. Интернет-ресурс http://www.mignews.com/news/society/world/260612_124104_32638.html

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Первый летчик-еврей

Роберт Там[10]

Когда весть о крушении самолета, управляемого Артуром Велшем, достигла Орвилла Райта и его сестры Кэтрин, они немедленно изменили свои планы и поспешили из Дейтона в Вашингтон на похороны летчика. Для них это было непросто, так как всего за две недели до этого в возрасте 45 лет умер от тифа их любимый брат Вилбур. Еще не оправившись после его смерти, оба были снова в трауре в связи с неожиданной потерей друга и сотрудника, который проводил испытания нового самолета Райтов, предназначенного для военного министерства, в Колледж

Парке. На момент своей гибели Велш оставался единственным пилотом в компании.

В четверг, 13 июня 1912 г., через два дня после крушения, Орвилл и Кэтрин были в доме Пола Хармела, тестя Артура, где на траурную церемонию, начавшуюся в два часа пополудни, собрались друзья и родственники покойного, а также представители армии и флота. Прощальное слово над гробом произнес Джозеф Глушак, кантор ортодоксальной Adas Israel Congregation в Вашингтоне. Говоря о погибшем, он напомнил, что, когда Велш был мальчиком, его имя было Лейбел.

Приехав в Америку вместе с родителями из Киева в возрасте 10 лет и не зная ни слова по-английски, Лейбел стал Артуром, легко вписался в американскую жизнь, но сохранил при этом свою еврейскую идентичность. Он вступил в Союз молодых сионистов и участвовал в различных еврейских мероприятиях. На одном из собраний Союза Лейбел встретил Анну Хармел, на которой женился в 1907 г. Анна поддерживала увлечение мужа авиацией и работу с братьями Райт, хотя и понимала, что она будет отрывать его от семьи и маленькой дочери Алин.

Для брата и сестры Райтов, всю жизнь тесно связанных со своим отцом Милтоном, трудно было представить, как малютка Алин будет расти без отеческой любви и участия. По окончании траурной церемонии процессия двинулась на кладбище Adas Israel. Орвилл и Кэтрин, с трудом сдерживая слезы, пытались, как могли, утешить мать и вдову Артура.

Лейбел Велчер родился в Киеве в 1881 г. и приехал в США вместе с отцом Абрахамом и матерью Дворой. Семья поселилась в Филадельфии, где мальчик посещал общеобразовательную школу и хедер. Когда Лейбелу было 13 лет, умер его отец. Вскоре после этого Двора вторично вышла замуж, а Лейбела отправили к родственникам в Вашингтон, где он завершил свое начальное образование, занимаясь с жившим в их семье учителем-пенсионером. Будучи подростком, Лейбел проявлял интерес к математике, механике и плаванию.

Переменив несколько работ, в 20 лет он поступил во флот. В это время Лейбел Велчер вестернизировал свое имя и фамилию и стал Артуром (Алом) Велшем, под этим именем он был известен в своей взрослой жизни.

Прослужив четыре года на флоте, во время которых он побывал в Гуантанамо (Куба), Ал уволился со службы в 1905 г., вскоре заболел тифом и четыре месяца провел в госпитале. Здесь он начал мечтать о полетах на самолетах братьев Райт, их впечатляющие достижения за последние два года восхищали молодого человека.

Поправившись, Артур стал работать бухгалтером газовой компании в Вашингтоне, но мысли об авиации не покидали его. Все свободное вре-

мя он посвящал изучению литературы о самолетах. Артур страстно хотел летать, и это осуществилось в 1908 г., через пять лет после первого полета братьев Райт в Китти Хоук. Узнав, что они собираются демонстрировать свой новый самолет в Форт Майер (штат Вирджиния), Велш отправился туда и был поражен увиденным. По окончании демонстрации Артур написал Райтам письмо с просьбой принять его на работу. Не получив положительного ответа, молодой человек сам поехал в Дейтон, добился встречи с Орвиллом и Вилбуром и, несмотря на отсутствие опыта, убедил их взять его на работу в только что созданный в компании демонстрационный отдел.

Вскоре Артур переехал в Дейтон и после прохождения начального курса обучения был направлен в летную школу компании в Монтгомери (штат Алабама), где его инструктором был Орвилл Райт. Знаменитый авиатор быстро оценил способности Артура и его задатки стать хорошим пилотом и отправил его обратно в Дейтон для организации новой летной школы компании в Хаффман Прейри. Здесь Артур работал летчиком-испытателем и инструктором вместе с такими известными авиаторами, как Ральф Джонстон[11] и Франк Коффин[12]. Многие ученики Велша вошли в историю американской авиации. Одним из них был Г. Арнольд, ставший пятизвездным генералом армии и ВВС США. В дополнение к инструктажу Велш продолжал участвовать в показательных испытаниях и получил призы за высоту и продолжительность полета и точность приземления. Его бюст и выигранные награды находятся в Смитсоновском музее авиации и космонавтики в Вашингтоне[13].

Артур любил демонстрировать возможности машин всем, кто соглашался быть его пассажиром, и был рад прокатить свою сводную сестру, когда она гостила у него в Дейтоне[14].

Дочь Артура Алин, которой было всего два года, когда погиб отец, жила впоследствии в Англии, где поменяла имя на Абигейль. Она помнила рассказы матери о том, какие теплые отношения существовали в кругу Райтов. *«У меня были близкие отношения с генералом "Хэпом" Арнольдом,* — вспоминает она. — *Когда он приходил в наш дом, я ползала по полу у него в ногах».*

Абигейль сохраняет добрые чувства к братьям Райтам и сознает важность работы отца. *«Мне бы хотелось знать его. Я слышала о нем так много хорошего».*

Согласно журналу *Scientific American* от 29 июня 1912 г., министр обороны США учредил специальную комиссию для расследования аварии, приведшей к гибели Велша и его пассажира, лейтенанта Лейтона Хейзелхёрста. Комиссия возложила вину за происшедшее на Артура[15].

12 июня 1912 г. он испытывал новый военный биплан Райтов. Одно из заданий состояло в том, чтобы достичь высоты 2000 футов за 10 минут, имея на борту груз в 450 фунтов и запас горючего на четыре часа полета. Комиссия заключила, что Велш поднял машину на высоту 150 футов, затем вошел в крутое пике под углом в 45 градусов, для того чтобы, набрав скорость, начать резкий подъем. По мнению экспертов, оба маневра были выполнены слишком быстро, что и явилось причиной аварии.

Двоюродная сестра Абигейль Грейс Барлоу, живущая ныне в Израиле, дает иную оценку происшедшего. По ее словам, *«Анна всегда считала, что министерство обороны слишком торопило с проведением испытаний, что и явилось причиной катастрофы. В тот день машина Велша была перегружена, вдобавок он имел еще и пассажира, и для такой нагрузки условия испытания, установленные министерством, были слишком рискованными»*.

Хотя авиационная карьера Велша была недолгой, она стала достойным примером для тех, кто хотел стать летчиком-испытателем или авиационным инструктором.

Много лет спустя, генерал Г. Арнольд в книге «Глобальная миссия» вспоминал: *«Он научил меня всему, что знал, или, вернее, всему, чему мог научить. Знал он гораздо больше этого»*. В 1930 г. в письме сестре Артура, Г. Арнольд отметил: *«Пионеры авиации были людьми, рисковавшими слишком многим и получавшими за свою отвагу слишком мало. Ал был одним из них»*.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Отклики американской прессы на гибель А. Велша

Ал Велш был учеником Орвилла и Вилбура Райтов, которые считали его одним из наиболее искусных инструкторов полетов. Вилбур Райт объявил недавно, что Артур не уступает любому пилоту мирового класса. Велш был одним из немногих профессиональных летчиков, представлявших новую школу авиации. Будучи бесстрашным и в то же время осмотрительным, он считался надежным и безопасным пилотом и тогда, когда парил на высоте 1500 футов, и тогда, когда выполнял маневры на земле. Он никогда не бил на эффекты и всегда осуждал тех пилотов, которые рисковали жизнью ради выполнения в воздухе цирковых трюков.

The Washington Herald, 12 июня 1912 г.

Велша считали одним из самых осмотрительных пилотов, и в многочисленных полетах, вплоть до последнего, стоившего ему жизни, летчику неизменно сопутствовала удача.

The Washington Post, 12 июня 1912 г.

Велш был не только одним из самых способных, но также одним из самых осторожных авиаторов в стране. И он, и лейтенант Хейзелхёрст пользовались большой популярностью, и весть об их гибели вызвала всеобщую и искреннюю скорбь.

The Washington Times, 12 июня 1912 г.

У него была завидная репутация пилота. Никто не испытывал колебаний летать с Велшем. Он был замечательным человеком, и сообщение о его гибели стало тяжелым ударом для многочисленных друзей и знакомых по всей стране.

Aeronautics, июль 1912 г.

Список жертв авиационных испытаний вновь пополнился вчера, когда изуродованные тела лейтенанта Л. Хейзелхёрста и профессионального пилота А. Велша были извлечены из-под обломков разбившегося самолета. Авария произошла во время испытаний машины в соответствии с требованиями министерства обороны. Сразу после катастрофы была создана комиссия для выяснения ее причин, однако, вполне возможно, что они никогда не будут выяснены...

Житель Вашингтона Велш, проработавший три года с братьями Райтами, совершил много показательных полетов, а после их прекращения стал инструктором компании Райтов.

После него остались жена и восьмилетняя дочь[16].

Daily Times, Chattanooga, Tennessee, 12 июня 1912 г.

[1] Автор выражает признательность сотрудникам Jewish Historical Society of Greater Washington (Mrss. L. Apelbaum, W. Turman и Mr. D. McKenzie) и The Discovery of Flight Fund (Mr. P. Glenshow) за предоставление малодоступных материалов об А. Велше.

[2] Братья Уилбур (Wilbur Write, 1867–1912), и Орвилл Райт (Orville Write, 1871–1948). Самолет Райтов, демонстрирующийся в Смитсоновском музее авиации и космонавтики в Вашингтоне, снабжен следующей пояснительной надписью: «Первая в мире машина тяжелее воздуха, оборудованная двигателем, на которой человек совершил свободный, управляемый и успешный полет. Изобретена и построена Уилбером и Орвиллом Райтами, совершившими на ней полет в Китти Хоук, Северная Каролина, 17 декабря 1903 г. В своих оригинальных

научных исследованиях братья Райт открыли принципы полета. Будучи изобретателями, конструкторами и пилотами, они в дальнейшем усовершенствовали свой самолет, научили человека летать и открыли эру авиации». В 1932 г. в честь первого полета братьев Райт в Китти Хоук был воздвигнут монумент.

[3] Согласно Edwards J. C., Лейбел Велчер родился в деревне вблизи Киева [3, p. 15].

[4] Арнольд Генри («Хэп») (Arnold Henry («Hap»), 1886–1950), полный генерал армии и авиации (первый случай в истории американских вооруженных сил), командующий ВВС США накануне и во время Второй мировой войны, член Объединенной группы начальников штабов армии США. Награжден многими американскими и иностранными орденами и медалями. Почетный доктор двух колледжей и Университета Южной Каролины. Автор книги «Глобальная миссия» [1].

[5] Миллинг Томас (Milling Thamas D., 1887–1960), бригадный генерал ВВС США, участник двух мировых войн, кавалер многих американских и европейских орденов и медалей.

[6] Роджерс Калбрейс («Кал») (Rogers Calbraith («Cal»), 1879–1912), летчик, совершил первый трансконтинентальный перелет с востока на запад США в конце 1911 г.

[7] Фоулер Роберт (Fowler Robert, 1884–1966), летчик, соверши второй трансконтинентальный перелет с запада на восток США в 1911–1912 гг. В апреле 1913 г. впервые совершил перелет через Панамский перешеек.

[8] Атвуд Гарри (Atwood Harry, 1883–1967), чемпион полетов на длинные дистанции. 14 июля 1911 г. приземлил свой самолет на лужайке перед Белым Домом в Вашингтоне. Среди зрителей, наблюдавших за посадкой, был президент США В. Тафт.

[9] Фотографию сопровождает следующая подпись: «Ал Велш стал интересоваться авиацией с тех пор, как увидел демонстрационные полеты самолета братьев Райт для американских официальных лиц в Форт Майер, Вирджиния, в 1909 г. Он обучился летному делу в 1910 г. в школе Райтов в Дейтоне. Позднее стал членом команды пилотов братьев Райт и участвовал во многих демонстрационных полетах и авиационных соревнованиях, проводившихся по всей стране».

[10] *Thum Robert*. The First Jewish Aviator // The Dayton Jewish Observer. 2011. May 25. Здесь и далее авторизованный перевод с англ. и примеч. — Э. Зальцберга.

[11] Джонстон Ральф (Johnstone Ralph, 1880/1886?–1910), летчик, обладатель нескольких авиационных рекордов. Погиб в авиакатастрофе 17 ноября 1910 г. в Денвере (Колорадо).

[12] Коффин Франк (Coffyn Frank, 1878–1960), летчик, работал со многими авиационными компаниями. Пролетел под Бруклинским и Виллиамсбургским мостами в Нью-Йорке и заснял эти полеты на пленку. В середине 1920-х гг. снялся в нескольких немых фильмах в Голливуде.

[13] Ошибка. В Смитсоновском музее авиации и космонавтики в Вашингтоне, в галерее 107, находится фотография летчика с подписью, приведенной в примеч. 9.

[14] Много лет спустя сводная сестра Велша, Клара Вайзман, вспоминала: «Я совершила свой первый девятиминутный полет с Артуром с аэродрома братьев Райт в Дейтоне, Огайо, когда он поднял самолет на высоту 1250 футов и выполнил несколько "восьмерок". Ал наблюдал за мной, чтобы убедиться, не была ли я напугана, но, будучи полностью уверена в его мастерстве, я не испытывала никакого страха» [3, p. 19].

[15] J. Edwards в книге Orvelle's Aviators указывает, что обвинение Велша в фатальном исходе полета является недостаточно обоснованным. Несколько последующих аварий модели «С» свидетельствуют о том, что у нее были серьезные конструктивные недостатки [3, p. 158–159]. Мнение о ненадежности модели «С» подтверждает и историк авиации A. Warnock [5, p. 162–163].

[16] Ошибка: дочери Велша было в то время два года.

Золотой дар предков

Валерий Базаров (Нью-Йорк)

Каждое из поколений определенным образом связано с нами, несет нам некую программу, ставит на нас невидимую печать.

Учение Зороастры о роде, предках и связи поколений[1]

Вступление

Майк Николс, известный актер и режиссер, по праву входит в плеяду знаменитых русских евреев в Америке. В российском происхождении Николса нет никакого секрета, этот факт упоминается во всех биографиях актера. Причина, по которой отец Майка врач Павел Николаевич Пешковский, или Поль Пешковский, изменил имя на Поль Николс, эмигрировав в Америку, очень проста — по его мнению, пациенты могли оказаться в больнице раньше, чем успели бы произнести длинное и сложное русское имя. Сын Поля Майк Николс, родившийся в 1931 году, до нынешнего дня считается одним из самых признанных деятелей в американском театре и кино. В его активе — почти все престижные призы: «Оскар» (за режиссуру «Выпускника», 1967), четыре премии «Эмми», восемь — «Тони», «Золотой глобус», награды гильдии режиссеров, нью-йоркских кинокритиков и многие другие. Дебютировав в кино экранизацией пьесы Эдварда Олби «Кто боится Вирджинии Вульф?» с Ричардом Бартоном и Элизабет Тэйлор (1966), он сразу же был признан как первоклассный режиссер, у которого с удовольствием снимались актеры — обладатели «Оскаров» (четырежды — Джек Николсон, трижды — Мерил Стрип, дважды — Гаррисон Форд) и другие, благодаря ему был открыт Дастин Хоффман, сыгравший в фильме «Выпускник».

В общей сложности М. Николс снял 22 фильма и поставил столько же спектаклей на бродвейских сценах.

Немецкий след. Ландауэры

Я не пишу об актере и режиссере Майке Николсе. Достаточно набрать это имя в Гугле, и информации о его жизни и достижениях будет больше чем достаточно на всех языках, в том числе и на русском. Но нигде вы не найдете сведений, от кого Майк унаследовал свои таланты, почему он стал тем, кем он стал. Для того, чтобы это выяснить, хотя бы в самых общих чертах, надо узнать, кем были предки актера. Оказалось, что в роду Николса насчитывается столько незаурядных людей со стороны и матери, и отца, что ему могли бы позавидовать многие английские пэры, ведущие родословную со времен крестовых походов. Вот по этой дороге я приглашаю пройти своих читателей. Давайте познакомимся с историей трех семей — Дистлеров и Пешковских, русских евреев, и Ландауэров, немецких евреев.

Некоторое время назад Public Broadcasting Corporation (PBC) решила снять документальный фильм о том, как 12 знаменитых людей открывали свои корни, узнавали, кто были их предки. В их числе был Майк Николс, и меня попросили заняться его русскими корнями.

Делая заказ на поиск, киногруппа снабдила меня тремя документами. Один из них представлял собой лист бумаги, на котором Майк Николс записал все, что знал о своих еврейско-немецких и еврейско-русских предках. Привожу эту запись полностью, поскольку те несколько строк стали отправной точкой моего расследования:

> *Мой дед с материнской стороны, Густав Ландауэр, был знаменитым писателем и революционером. Он был членом Временного правительства в Веймаре, просуществовавшего две недели. Он занимал пост министра по делам культуры и пропаганды. Когда правительство пало, его забрали в полицейский участок и там забили до смерти.*
>
> *Его жена, поэтесса Хедвиг Лахман, кроме всего прочего, перевела «Саломею», написанную Оскаром Уайльдом на французском языке, и написала либретто для оперы Рихарда Штрауса.*
>
> *В семье ходили слухи, что моя бабушка по отцу владела золотыми приисками на острове Сахалин, где родился мой отец. В 1900 году, когда произошла революция в России, она и ее семья уехали в Берлин. Говорили, что у нее было с собой 80 чемоданов, в которых находилось 50 брусков золота, добытого на семейном прииске.*

Поспешу ответить на недоуменные вопросы читателей: я не изменил в тексте ни одного слова и ни одной даты. Так что пока оставим на памяти Майка Николса и двухнедельное Веймарское Временное правительство, и сахалинское золото, и русскую революцию 1900 года.

Вторым и третьим документами, которые оставили мне представители киногруппы, были копии свидетельств о рождении и смерти отца Майка Николса. Совершенно очевидно, что сам Майк эти документы никогда не видел, иначе он не написал бы, что отец родился на Сахалине. Согласно свидетельству, Поль Пешковский родился в Вене в 1900 г. (в год «русской революции»).

Было ясно, что Майк Николс очень мало знает об обеих ветвях своей семьи, и, если отбросить явные ляпсусы и анахронизмы, относящиеся к истории Германии и России, опереться было почти не на что. Впрочем, не вызывали сомнения имена его немецких дедушки и бабушки — Густава Ландауэра и Хедвиг Лахман. С них я и начал.

Надо сказать, что, для того чтобы узнать, кем они были, мне не пришлось изыскивать хитроумные способы, как выудить из Интернета подробности их биографий. Достаточно было ввести эти имена в поисковую строку Гугла, как главной проблемой стал отбор необходимых деталей жизни двух замечательных людей.

Начну с цитаты: *«Был в Германии во времена самого большого удаления от Бога человек, который, как никто другой в этой стране и в этот час, призывал к повороту. Во имя грядущего человечества, которого высматривала и жаждала его душа, спорил он с бесчеловечеством, в котором должен был жить»*[2]. Кто же он был, Густав Ландауэр, о котором Мартин Бубер, один из самых выдающихся гуманистов конца XIX — середины XX в., написал такие слова?

Густав Ландауэр родился 7 апреля 1870 г. в городе Карлсруэ в ассимилированной еврейской семье. Как он сам говорил о своем происхождении — *«мое немечество и мое еврейство не причиняют друг другу вреда и приносят много пользы»*. Как позже вспоминала его дочь Бригитта[3], мать Майка Николса, семья жила в Хермсдорфе, еврейском районе Берлина, и была единственной, отмечавшей Рождество и христианскую пасху наряду с еврейскими праздниками. Густав наряжался Санта Клаусом и дарил детям (старшей Лотте от первого брака, Гудуле и Бригитте от брака с Хедвиг Лахман) подарки. Разумеется, девочки были счастливы и не видели в подобном образе жизни ничего предосудительного. К детям он относился нежно, но воспитывал их по принципам, которые бы вызвали у современных педагогов эпилептический припадок. Например, Бригитта вспоминает три случая, когда отец ее ударил. Первый раз за то, что она обозвала «дерьмом» мальчишку, который на нее плюнул; второй раз за то, что во время обеда она сказала, что свекольный суп имеет вкус «песка с мылом», в то время как критика еды в доме не допускалась. И третий раз, когда Бригитта развлекала свою сестру Гудулу

передразниванием молящихся католиков, с пением проходивших по улице. Отец ударил ее за «неуважение к верующим, пусть и не ее веры». Еще одно наказание «несчастный ребенок» получил за то, что она стала смеяться и дразнить заику-продавца, продававшего грибы. Бригитта, ухмыляясь, заявила, что ему нужно полчаса, чтобы произнести слово «г-г-гриб-б-бы». Отец подошел к ней, посадил на колени и приказал в течение получаса повторять слово грибы с самым сильным заиканием. Через десять минут Бригитта расплакалась и сказала, что больше не может. Отец молча погладил ее по голове и спустил с колен. Все было ясно без слов. Любопытно, что Бригитта помнила не только наказание, но и его результат: *«Эти уроки научили меня не употреблять грубых слов, за столом не отказываться ни от какой пищи и уважать любую религию. А когда я вижу, как преувеличивают чьи-то недостатки, я сразу вспоминаю "г-г-ри-б-бы"»*. Хедвиг Лахман, известная переводчица с английского, французского и венгерского языков (она переводила на немецкий стихи Шандора Петефи), принимала меньшее участие в воспитании детей, чем муж. Несмотря на разницу в возрасте (Хедвиг была на пять лет старше мужа) и росте (Густав был выше двух метров, а Хедвиг лишь немногим больше полутора), они очень любили друг друга, и, когда в 1918 г. Хедвиг умерла от испанки, Густав был потрясен и, по словам его друзей, не оправился от потери до конца своей жизни. А жить ему оставалось совсем недолго...

Разумеется, воспитание детей не было единственным занятием Густава Ландауэра. Он был одним из самых известных философов и писателей своего времени, автором романов и рассказов, владел пятью европейскими языками и вместе с женой переводил Шекспира, Уитмена и По. Они перевели с французского «Саломею» Оскара Уайльда, и на основе этого перевода Хедвиг написала либретто одноименной оперы Рихарда Штрауса. До сих пор некоторые немецкие издательства выпускают книги зарубежных авторов в переводах Ландауэров. Талант писателя и оратора позволил Густаву Ландауэру ярко и убедительно выражать свои политические идеи. Он был анархистом, считал, что человеческое общество не должно управляться с помощью насилия, осуществляемого государством. Он называл Петра Кропоткина «своим великим другом», но в личной жизни они не ладили, поскольку Ландауэра раздражал снобизм князя-анархиста. Он был идеалистом и мистиком, который активно старался претворить свои идеи в жизнь современной ему Германии, используя для этой цели все свои таланты.

В рамках этой статьи нет возможности детально исследовать взгляды Густава Ландауэра. Коротко же можно сказать, что он видел будущий

мир как общество свободных людей, сознательно отдающих свой труд на благо всех и берущих от общества все, что им нужно.

Еще короче: *«От каждого — по способностям, каждому — по потребностям»*... Знакомая формула, не так ли? Недаром Ландауэра называли анархо-коммунистом. Но между ним и коммунистами была разница, за которую он заплатил своей жизнью.

Ландауэр ненавидел войну, и когда в 1914 г. она началась, он не мечтал превратить «империалистическую войну в войну гражданскую», а призывал граждан всех воюющих сторон не воевать, не участвовать в патриотическом шабаше, в котором закружились социалисты многих стран, в том числе и ближайший друг Ландауэра — Мартин Бубер.

После поражения Германии в Первой мировой в стране воцарился хаос, которым пытались воспользоваться большевики для захвата власти. Надежды на мировую революцию росли как на дрожжах. Большевистские эмиссары, «буревестники революции», такие как Карл Либкнехт, Клара Цеткин и Роза Люксембург, разъезжали по городам Германии с пропагандой революции. Во многих случаях она достигала успеха, к счастью, кратковременного, но каждый раз проливалась кровь. То же самое случилось, когда в ноябре 1918 г. вспыхнула революция в Баварии, и Густав Ландауэр, по просьбе своего друга, премьер-министра республики Курта Эйснера, занял пост министра культуры[4]. С практикой коммунистов, которые играли все большую роль в правительстве Баварской республики, Ландауэр был категорически не согласен. По его собственным словам, он «пытался спасти революцию от самой себя, от самоуничтожения в терроре»[5]. Понятно, что это ему не удалось. Баварская республика (Майк Николс путает ее с Веймарской республикой, которую сменил Третий рейх в 1933 г.) просуществовала недолго. Курта Эйснера застрелили на улице 21 февраля 1919 г., а уже 1 мая войска социал-демократического правительства Германии вошли в Мюнхен. Как всегда, после красного террора наступил белый. И как всегда, те, кто был против насилия, подверглись ему в первую очередь. Вот как описывает очевидец смерть Густава Ландауэра:

> *Солдаты-пехотинцы вывели Ландауэра из камеры полицейского участка во двор. Офицер ударил его кулаком в лицо. Под крики «Грязный больш (большевик), прикончим его!» на него посыпались удары прикладов. Он сказал солдатам, избивавшим его: «Я не предавал вас. Вы сами не знаете, как страшно вы были преданы...» Другой офицер подошел к нему с тяжелой дубинкой в руках и начал бить его, пока он не упал. И все-же он попытался подняться и что-то сказать. В это время кто-то выстрелил ему в голову, но он еще дышал. Один из солдат заорал: «У этой чертовой падали девять*

жизней, он даже сдохнуть не может, как человек!» С него сорвали куртку, и сержант выстрелил ему в спину, но Ландауэр еще бился в предсмертных судорогах. Тогда его начали топтать, пока последние признаки жизни не исчезли...[6]

В самом начале революционных потрясений в Германии Густав отправил детей, Гудулу и Бригитту, к своему брату в провинцию, где было тихо. Там они жили, помогая семье по хозяйству. Однажды, в начале мая 1919 г., Гуго, дядя Бригитты, отозвал ее в сторону и сказал, что ее отец убит солдатами. Бригитта не заплакала, их с детства приучали сдерживать свои чувства. Но к вечеру девочка, еще не оправившаяся от недавней смерти матери, убежала в лес, соорудила две маленькие насыпи, положила на них цветы и дала волю слезам. Пока они жили в доме Гуго, она каждый день приносила свежие цветы к двум импровизированным могилам[7].

Иногда детство кончается в один день. Так закончилось детство Бригитты. Она и ее сестра не остались в доме дяди. Их принял к себе Мартин Бубер, душеприказчик своего убитого друга. Она закончила школу, затем университет, защитила диссертацию и стала химиком. Правда, работать она начала уже в Америке после смерти первого мужа, Павла Пешковского. С ним она встретилась в Берлине в конце 1920-х годов.

Русский след. Пешковские

Как, вероятно, помнят читатели, Майк Николс считал, что его отец Павел Николаевич Пешковский родился на Сахалине в 1900 г. Свидетельства о его рождении и смерти подтверждали этот год, но место рождения было несколько другим — Вена, Австрия. Отца Павла, то есть деда Майка по отцу, звали Николай Яковлевич Пешковский. Как гласила семейная легенда, он работал врачом на золотом прииске, где и встретил свою будущую жену Анну.

Но удивительно, сколько я ни пытался найти следы Пешковских на Сахалине, я не мог обнаружить абсолютно ничего. Не мог я найти и сведений о добыче золота на острове. Так, может, искать его предков надо в другом месте? Но где?

Из Пешковских чаще всего в Интернете мне попадался известный русский лингвист Александр Матвеевич Пешковский, который, как мне казалось, никоим образом не мог быть связан с Майком Николсом и его предками, поскольку нигде в официальных источниках его еврейское происхождение не упоминалось.

Помог мне найти эту связь русский поэт Максимилиан Волошин. Вот что я прочитал в его воспоминаниях:

Выбор мой, естественно, остановился на Пешковском. Это был еврей маленького роста, с огромным лбом боклевского склада, очень серьезный, очень рассеянный, очень преисполненный чувством долга. Он в то время очень мучился тем, что он не еврей, а христианин: когда он был ребенком, его с братом отец (первоначально бывший ортодоксальным евреем, но потом сошедший с ума и от еврейства отступивший) неожиданно, не спрашивая его мнения или согласия, перевел в христианство (сделал лютеранином).

И вот эта-то пугливость и настороженность совести мне в нем очень понравилась. Он тоже жил на неудачной квартире, куда его определила мать, привозившая его из Ялты: он год тому назад кончил Ялтинскую прогимназию и теперь перешел в Феодосийскую гимназию. Семья Пешковских предварительно жила в Томске — и Саша учился в тамошней гимназии. Потом его отец купил дачу в Ялте, переехал туда со всей семьей, скоро сошел с ума и умер[8].

То, что русский лингвист оказался евреем, было не удивительно, хотя его отец и перешел в христианство, но главная находка была в том, что семья Пешковских ранее жила в Томске, а Сибирь, в отличие от Сахалина, к золотодобыче имела прямое отношение. Так, может быть, не Сахалин, а Сибирь? Можно, конечно, сказать, что гипотеза весьма спорная, но следовало ее проверить.

Было легко установить, что Александр Матвеевич Пешковский родился в Томске в 1878 г. Дальше пришлось окунуться в историю евреев Сибири. После долгих поисков мне удалось найти в Нью-Йоркской публичной библиотеке «Краткую энциклопедию по истории купечества и коммерции Сибири», изданную в Новосибирске в 1996 г. На странице 136 напечатана информация о четырех Пешковских, трех мужчинах-купцах, очевидно, братьях, поскольку отчество у них было одинаковое, Иосифе Яковлевиче, Константине Яковлевиче и Моисее Яковлевиче, и одной женщине, Анне Григорьевне. Прежде всего, мое внимание привлек Моисей Яковлевич, иркутский купец 2-й гильдии, купивший в Томске дом.

Моисей Яковлевич... Отца лингвиста Александра Пешковского звали Матвеем, но он перешел в христианство, и было бы естественным допустить, что еврейское имя Моисей легко переделать в Матвей. Но нашего Пешковского звали Николай Яковлевич, может быть, четвертый брат? Но его не было в этом списке... Да, но он был врач, а не купец и, следовательно, не должен значиться в купеческой энциклопедии. И вот передо мной еще одна книга, на этот раз «Российский медицинский список», изданный в Санкт-Петербурге в 1900 г. На странице 243 нахожу: *Пешковский, Носон Яковлевич. Врач Витимского золотого прииска, Иркутск.*

Конечно, Носон, а не Николай, Моисей, а не Матвей, мы же евреи! Зато Пешковский, врач и золотой прииск в Иркутской губернии.

Чтобы довершить победу, нахожу в Интернете «Список выпускников-евреев Томского Императорского Университета за 1894–1916»[9]. Среди выпускников 1894 г. числится Носон Яковлевич Пешковский, успешно сдавший экзамены на звание врача.

Подведем итоги второго этапа расследования. Итак, русские корни. Не Сахалин, а Сибирь. Дед — Пешковский Носон (Николай) Яковлевич, врач, работавший на золотых приисках. Теперь вернемся к «Энциклопедии купечества». Кроме братьев Пешковских, там была записана владелица аптеки в Томске, Анна Григорьевна Пешковская.

Взглянем на свидетельство о рождении Павла Пешковского: мать — Анна, девичья фамилия — Дистлер. Интересно, что Майк Николс упоминал о золотых приисках, принадлежавших его бабушке или семье его бабушки. Итак, Дистлеры... И если Анна Григорьевна Пешковская, владелица томской аптеки — та, которую мы ищем, то прадеда Майка Николса звали Григорий Дистлер.

Что ж, теперь было кого и где искать. Оставалось понять как. В таких случаях самый лучший способ — обратиться за помощью к местным знатокам. Я так и сделал — с помощью Гугла нашел томского энтузиаста, геолога и генеалога, хорошо знавшего историю евреев Сибири, Федора Борисовича Бакшта. В ответ на мою просьбу Федор прислал мне выпуск журнала *Сибирская старина*, изданного в Томске в 2003 г. (позже я нашел этот номер и в Интернете), и начиная с этого момента история семьи Пешковских–Дистлеров превратилась из обрывочных, не связанных между собой фактов, в книгу, которую уже можно было читать. Правда, пропусков там было (и еще есть) немало.

Русский след — Дистлеры

Следуя хронологии, мы начнем рассказ с России, вернее, с той части Российской империи, которая называлась Польшей. Именно там жили Дистлеры. Происхождение фамилии яснее ясного: предки гнали водку и очищали напиток — дистиллировали[10]. Но к тому времени, когда начинается наш рассказ, они уже забыли о фамильной профессии и числились купцами, портными, кузнецами.

По совместительству многие из евреев, населявших Польшу, были польскими патриотами и не раз оказывались в рядах восставших против русских угнетателей. В результате евреи и поляки вместе отмеряли версты из Польши в Сибирь и тосковали по утерянной родине. Вот

так и оказался Григорий Дистлер, участник восстания 1863 г., в городе Томске. Здесь он обзавелся семьей и стал коммерсантом.

Еврейская община города насчитывала около трех тысяч человек, а всего евреев в Томской губернии было около восьми тысяч[11] к концу века. Находясь среди многомиллионной массы нееврейского населения, они не могли не поддаться влиянию окружающей среды, но свято хранили обычаи своей веры[12].

Сибирские евреи были торговцами, ремесленниками, занимали видное место среди лиц свободных профессий, доставляли припасы и товары на золотые прииски. Правда, к самой золотодобыче их не допускали до 70-х гг. XIX в., так что Григорий Дистлер стал покупать прииски с конца XIX — начала XX в.[13] К этому времени он занял видное место в еврейской общине и был ученым евреем при хоральной синагоге, который должен разъяснять в сомнительных случаях правила богослужения. Ясно, что на такую должность назначали уважаемых людей, пользующихся доверием всей общины. Память о нем жива в городе до сих пор. Красивый парк, который принадлежал ему, он предоставил в пользование всем томичам. Хотя парка уже давно нет (в годы советской власти там был размещен автопарк), это место носит название «сад Дистлера». А вот впечатления женщины, которая сама гуляла по парку: *«В городе есть такой прекрасный сад, на который с особенным удивлением и даже любопытством мог бы посмотреть и самый прихотливый из столичных жителей... В красивой раме тихо струится светлый и спокойный пруд; через него на легких арках перекинута прозрачная танцевальная зала, а по берегам его с одной стороны красуются пестрые цветники, примыкающие к богатой оранжерее, где рдеет виноград, созревают фиги и благоухают роскошные тропические цветы; с другой стороны пруда тянутся аллеи из акаций, тенистые куртины и беседки...»*[14]

Думаю, что Григорий Дистлер мог позволить такую роскошь: он владел не одним, а несколькими приисками, которые приносили огромный доход.

В Томске Григорий Дементьевич женился. Его жена Полина Борисовна родилась в этом же городе в 1851 г. Неизвестно, когда сыграли свадьбу, но в документе, о котором будет рассказано позже (этот документ сыграет очень важную роль в нашем расследовании) рождение старшей дочери отмечено в 1867 г. Не была ли Полина слишком молода? Хотя ранние браки были не редкостью в то время... Прожили они вместе 26 лет: в 1894 г. Полина Борисовна умерла, оставив мужу девять детей — пять сыновей и четырех дочерей. Кем они стали, дети богатого золотопромышленника?

Семья Дистлеров—Пешковских

Еще вчера «сегодня» было «завтра»

Перед нами семейная фотография из архива Майка Николса... Остановившееся мгновение... Все, кто изображен на ней, до момента, когда фотограф снял крышку с объектива, двигались, разговаривали, строили планы на следующий час, день, год, многие уже знали, вернее, думали, что знают, как пойдет их жизнь... Потом они замерли на мгновение (не такое уж короткое в те времена), ожидая, пока «вылетит птичка», а затем продолжали заниматься своими будничными делами. Этот момент поделил их жизнь на «до» и «после». Настоящее осталось только на фотографии, прошлое — с ними, а будущего они не знали. Но мы сумели восстановить их жизнь, их прошлое и будущее, которое сейчас уже прошлое.

Давайте же пройдем вместе по жизненному пути Дистлеров и Пешковских, начав со снимка более чем столетней давности.

Для начала попробуем датировать снимок. Единственный человек, чей возраст документирован (у нас есть официальные свидетельства о его рождении и смерти), это Павел Пешковский, будущий отец Майка Николса. Он стоит, опираясь на колени своей матери Анны Григорьевны Пешковской, в первом ряду, предпоследним справа. Его легко узнать по очень широкому и, видимо, сильно накрахмаленному воротнику. Павел

родился в 1900 г., на снимке ему пять, от силы шесть лет; а это значит, что снимок сделан в 1905 или 1906 г.

В верхнем ряду мы видим молодых людей — это Вениамин, Василий, Александр, Исай, Борис и Леонид. Все, кроме Бориса (он не сын Григория Дементьевича, а муж его дочери Веры), — сыновья Григория Дистлера. Сам он — в центре снимка, с одним из внуков на руках. Что же происходило с нашими героями в это время?

Вот, что мы узнали о Василии Дистлере из Интернета. Во многом сведения взяты из полицейского доклада, основанного на агентурных данных.

Родился в Томске. Еврей. Получил высшее юридическое образование. Служил помощником присяжного поверенного сначала округа Московской судебной палаты, а с 1909 — Иркутской. С этого времени жил в Иркутске. Принадлежал к партии социалистов-революционеров, из-за этого в 1909 ему было отказано министром юстиции в зачислении в присяжные поверенные, хотя совет присяжных поверенных высказывался за принятие.

Помощник присяжного поверенного В. Г. Дистлер по данным агентуры был членом Сибирского областного комитета партии социалистов-революционеров и в декабре 1903 задался целью организовать «Томский комитет» названной партии. Во время октябрьских событий 1905 в Томске имел руководящую роль на революционных митингах и всяких незаконных собраниях, во время предвыборной кампании во 2-ю Государственную Думу в агитационных целях выступал оратором от местных социалистов-революционеров на предвыборных собраниях[15].

В марте 1909 г. Дистлер обратился в окружной суд с просьбой о разрешении ему выступать по чужим делам.

Председателю Иркутского окружного суда

ПРОШЕНИЕ

Будучи иудейского вероисповедания — я не имею права хождения по чужим делам. Настоящим прошением прошу Ваше Превосходительство оказать ваше содействие и ходатайствовать перед его Высокопревосходительством Министром юстиции о разрешении мне хождения по чужим делам.

Помощник присяжного поверенного
Василий Дистлер.

В апреле месяце пришел ответ из министерства юстиции:

Господину председателю Иркутского окружного суда

Вследствие представления от 14 апреля сего года за № 1214, второй Департамент имеет честь уведомить Ваше Превосходительство, что господин управляющий Министерством юстиции не признал возможным изъявить согласие на выдачу помощнику присяжного поверенного Василию Дистлеру, иудейского вероисповедания, свидетельства на право ведения чужих дел при Иркутском окружном суде.

И тем не менее, в августе 1909 г. Дистлер принимал участие как помощник присяжного поверенного в суде над 54 обвиняемыми по делу Иркутской организации РСДРП. А в сентябре того же года он уже как защитник, совместно с Б. Патушинским, участвовал в деле членов партии эсеров, обвиненных в создании типографии и принадлежности к партии, ставившей целью свержение существующего образа правления.

В 1910 г. Дистлер подвергся обыску по делу организации побега Брешко-Брешковской[16] во время ее следования через Иркутск к месту ссылки в с. Нижнеилимское, Киренского уезда. В том же году он достал осужденному в Верхнеудинске временным военным судом Гройсману фальшивую метрику, из которой следовало, что во время совершения преступления он был несовершеннолетним.

В сентябре 1911 г. как помощник присяжного поверенного Дистлер участвует в защите харбинской группы партии социалистов-революционеров. Затем 10–12 октября защищает бывшего старшего телефониста станции Маньчжурия, корреспондента столичных газет и члена революционной организации П. Ю. Перкона.

При обыске в 1911 г. в Москве социал-революционеров братьев Сергея и Николая Гусевых был обнаружен адрес Дистлера. В 1913 г. в числе других Дистлер подписал телеграмму присяжному поверенному Грузенбергу по делу Бейлиса. В этом же году социал-революционерка Мария Сундукьянц, бывшая в Иркутске по поручению Парижского и Краковского обществ помощи ссыльным и заключенным для организации бюро этого общества, виделась с Дистлером.

Вообще Дистлер является «чрезвычайно энергичным и опасным революционным деятелем».

Дистлер был членом иркутского Общества народных чтений. 6 января 1916 г. он вошел в состав комиссии «по призрению беженцев нормы продовольственного пайка», а также в состав комиссии по заготовке продуктов питания для беженцев.

Он же — гласный иркутской городской думы (1917–1919). По предложению фракции социалистов-революционеров был избран председателем президиума новой социалистической думы на ее первом заседании 18 августа 1917 г. С этого же времени — член дирекции городского театра и председатель дирекции городского училища.

2 августа 1917 г. Дистлер выехал представителем Иркутска на московский съезд Всероссийского союза городов.

В. Г. Дистлер активно участвовал в политических событиях, происходивших в Иркутске. В декабре 1917 г., когда в городе развернулись бои сторонников и противников советской власти, представители Военно-революционного комитета (ВРК) Б. Сташевский и Нейман, с одной стороны, и представители исполнительного бюро военных учебных заведений и казаков М. Трутнев, В. Дистлер и С. Попов, с другой стороны, составили условия перемирия, но советская сторона отклонила их как неприемлемые. И все же через неделю, 17 декабря, обеими враждующими сторонами было заключено мирное соглашение, которое скрепили своими подписями: от ВРК — Я. Янсон, П. Постышев, Богдыль, П. Парняков и Б. Сташевский, от Исполнительного бюро юнкерских и казачьих войск — М. Трутнев, С. Попов, В. Дистлер, М. Никитин и Беляев, от Комитета защиты революции — Н. Чичинадзе, П. Яковлев, от городской думы — Генриетта Дистлер, товарищ председателя А. Буткевич.

После Октябрьского переворота Дистлер являлся участником IV (чрезвычайного) Всероссийского съезда советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, который проходил 14–16 марта 1918 г. в Москве, и был избран в состав членов ВЦИК.

Вернулся в Иркутск. После установления в городе советской власти, был арестован ВЧК как член партии эсеров, но позже освобожден[17].

Итак, сын богатого золотопромышленника отдает все свои знания и таланты делу революции. Что ж, не он первый, не он последний. В 1905 г. принимал участие в волнениях, полиция считает его «опасным революционером», но не мешает защищать своих подельников и только изредка беспокоит обысками и недолгими арестами. Тем не менее, будучи эсэром, он противится установлению советской власти, хотя в декабре 1917 г. подписывает соглашение с большевиками от имени казаков и юнкеров (это еврей-то!). Любопытно, что от большевистского Военно-революционного комитета соглашение подписали Павел Постышев и Яков Янсон. Забегая вперед, могу сказать, что двадцать лет спустя имена П. Постышева и В. Г. Дистлера снова окажутся в одном документе. А пока впервые на нашем горизонте рядом с Василием Дистлером мы встречаем его жену, Генриетту Николаевну Дистлер, тоже эсерку и тоже гласную Городской Думы. Кроме всего прочего, мы видим, что Василий

Григорьевич, будучи членом дирекции городского театра, причастен к искусству и занимается благотворительностью, явно продолжая традиции семьи. И здесь тоже наравне с мужем трудится Генриетта Николаевна. Удалось найти любопытный документ, в котором упоминаются представители двух родственных семей. В документе говорится, что в 1916 г. Генриетта Дистлер назначается временным директором общедоступной еврейской библиотеки-читальни, а в число членов библиотечного Совета входит П(авел) Н(иколаевич) Пешковский, студент[18]. Мы уже знаем, что ему тогда было 16 лет. У В.Г.Дистлера и Генриетты Николаевны к этому времени было двое детей, Вадим и Ирина.

Итак, что же мы можем сказать о Василии Григорьевиче Дистлере? Революционер, защитник (в буквальном смысле) угнетенных, интеллигент, общественный деятель, филантроп... Все очень похвально, но сомнительно, чтобы хоть одно из перечисленных занятий приносило деньги в семью из четырех человек. Так что же? Брал деньги отца-золотопромышленника? Так сказать, «экспроприация экспроприаторов» в семейных рамках? Что ж, бывало и так, но... не в этом случае, потому что из уже знакомого нам номера *Сибирской старины* мы узнаем, что *«томским присяжным поверенным В.Г.Дистлером* (Федор Бакшт ошибся: Василий Дистлер был помощником присяжного поверенного. — *В.Б.*) *в 1909 году были приобретены Васильевский, Григорьевский и Яковлевский прииски. Он же арендовал Иннокентьевский прииск»*[19]. А ведь это сложное дело — владеть золотыми приисками, на каждом из которых работало по 600–800 человек. Наем рабочих, снабжение питанием и оборудованием, вывоз и сдача золота и так далее. Так что «пламенный революционер» оказался еще и успешным предпринимателем. Ему было бы совсем трудно, если бы не помогали братья, осевшие в родовом гнезде Дистлеров в Томске: Вениамин, Александр, Исай и Леонид. Александр был не последним человеком в Томске. Как и брат, он был эсером и гласным Городской Думы, только не юристом, а горным инженером. Его путь к этому званию был непростым. После окончания томской гимназии в 1901 г. он поступил в только что открытый Томский технологический институт, на горное отделение[20]. Авторы статьи пишут, что, хотя первый выпуск состоялся в 1908 г., Александра там не было, поскольку по *«неизвестным причинам, он защитил диплом, сдав испытания экстерном, только в 1915 году»*. Причины эти становятся ясны из другого источника: уже через два года он был исключен за активное участие в студенческих беспорядках[21], а диплом он получил не в 1915, а в 1916 г., как следует из копии самого диплома[22]. Несмотря на то что Федор Бакшт сообщает, что еще два брата, Вениамин и Леонид, получили звание горного инженера, мы не смогли найти подтверждения этому в доступных нам

Слева направо: Вениамин, Александр, Исай, сыновья Григория Дистлера. Не позднее июня 1916 г..

источниках, хотя имя Вениамина Дистлера неоднократно встречается на различных веб-сайтах.

Мы упоминали о том, как гордились евреи своими сибирскими корнями, и указывали на то, что антисемитизм был развит здесь в гораздо меньшей степени, чем в других частях империи. Но все относительно, и когда грянул 1905 год, евреи Сибири ощутили, что их любят не больше, чем в других районах России. Не входя в подробное описание погромов в Томске, приведу лишь высказывание ломового извозчика И. Богуна: *«Мы били, убивали жидов, поляков, студентов и будем их бить, убивать и грабить. Нам позволено, воля дана нам. Сам архиерей благословил убивать и грабить студентов и жидов»*[23]. Всего в результате погромов было

убито 69 человек, а ущерб, нанесенный еврейской общине, составил 330 550 рублей[24]. И, как везде, попытки противостоять насилию, защитить себя, своих близких, свою общину от убийц и грабителей воспринимались как «гнусность еврейской натуры», как «трусливое желание избежать справедливого гнева истинно русских людей». Вот как описывает томский корреспондент *Голоса Самары* эпизод, произошедший с Вениамином Дистлером и его братом Исаем в Томске в 1906 г., когда еще были свежи в памяти события 1905 года и члены «Союза Русского Народа» искали случая продолжить грабежи и избиения:

Дело происходило на конских бегах на окраине города. Бега кончились. Казаки и полиция были распущены. На месте задержался дежурный пристав Чекстер. Какой-то силач-еврей Вениамин Дистлер стал приставать к публике. Он повредил некоторым лицам физиономии, у одного сорвал часы и вообще поднял такой кавардак, что публика просила пристава арестовать буяна. За отсутствием полицейских нижних чинов, Чекстер принужден был произвести арест единолично. Он велел подать тележку, в которой приехал, посадил в нее Дистлера и сел с ним рядом. В это время от ипподрома показалась толпа евреев в 3–4 десятка человек, крича «не выдавай своего, бей пристава!» Видя, что толпа готова исполнить намерение, пристав вынул револьвер и сказал, что, если толпа приблизится, он будет стрелять, но, очевидно, не имел духа привести намерение в исполнение и за это жестоко поплатился. Брат Вениамина, Исайя Дистлер, схватил Чекстера сзади за локти, кто-то сорвал у него шашку, и в тот же момент Вениамин Д. выхватил из его руки револьвер и направил дуло к нему. Чекстер, сделав усилие, вырвал левую руку, успел отклонить ствол в сторону и поплатился только частью пальца, оторванного пулей при выстреле. Обливаясь брызнувшей кровью, пристав выскочил из тележки и успел пробиться сквозь шайку евреев. Большинство оставшейся еще интеллигентной публики уже в начале этой истории благоразумно ретировалось, кто куда мог. У ворот ипподрома стояла лишь одна тележка с тремя лицами. Они с ужасом смотрели на происходившее и также помощи не оказывали.

Увидев, что пристав, наконец, выбился из круга, они закричали: «Идите, пристав, сюда, там вас убьют!» Пристав вскочил в тележку. Толпа евреев продолжала преследование. Вдогонку был сделан еще выстрел. Вениамин Дистлер во время преследования встретил на дороге сторожа ипподрома и двумя ударами браунинга разбил ему лицо и опрокинул на землю. Лошадь с четырьмя седоками шла не бойко. Видя, что толпа нагоняет, и что спасителям придется, пожалуй, разделить с ним горькую участь, пристав соскочил с тележки. По счастью, мимо ехал извозчик, который и увез его от преследователей.

С отъездом пристава картина изменилась. На выстрелы и шум из ближайших улиц стал собираться народ. Слух о нападении на пристава

быстро распространился через очевидцев происшествия. Народ бежал к ипподрому. Толпа евреев из преследователей обратилась в преследуемых и быстро рассеялась. Тем не менее, Дистлер, братья Энкины и еще несколько евреев были схвачены и задержаны. Дистлер был бы, наверное, избит до полусмерти разгневанным народом, но в это самое время подъехал известный многим полковник Цевговский и уговорил не чинить самосуда. Дистлер же на коленях упрашивал не убивать его. Цевговский успокоил народ и заявил, что он сам отвезет Дистлера в участок. Раздались протесты. Потребовали, чтоб Дистлер шел пешком, и конвоировали его до тех пор, пока вытребованный наряд полиции не встретил и не принял арестованного[25].

Думается мне, что правда в этом отрывке — лишь имена, и легко восстановить истинную картину, если принять во внимание характер семьи, в которой рос и воспитывался Вениамин Дистлер. Да, он был «силач», но чтобы он стал «приставать к публике», драться с участковым или, более того, «на коленях упрашивать о пощаде»?

Скорее всего, он кого-то защищал, один или с братом Исаем, за что и поплатился.

И еще одно доказательство благородства Вениамина — его смерть.

Впервые об этом упоминает Федор Бакшт в статье «Золотой дух клана Дистлеров». Он пишет:

Трагична судьба Вениамина Григорьевича. В одну из поездок на далекие таежные прииски он должен был сопровождать груз добытого золота и слух об этом дошел до разбойного люда. По каким-то причинам вывоз золота был отложен, но грабители об этом не узнали, и нападение все же состоялось. Вениамин погиб[26].

А вот что удалось найти в Интернете. Под заголовком «Не доверяйте детям перевозку золота» в газете *Сибирь* от 29 июня 1916 г. была напечатана следующая заметка:

При следовании из Минусинской тайги убит сын томского купца Г.Д.Дистлер, ехавший со своих приисков для сдачи на почту в село Курагино 16 фунтов золота (примерно 6,5 кг. — *В.Б.*). *Покойный был воспитанником одной из томских гимназий.*

Очевидна описка: не «сын томского купца Г.Д.Дистлер...», а «сын томского купца Г.Д.Дистлера...». Да и с возрастом убитого автор заметки напутал — вряд ли тридцатисемилетнего Вениамина можно было назвать ребенком. И все же газетная заметка дополняет информацию Федора Бакшта. Во-первых, мы узнаем, когда произошла трагедия —

в июне 1916 г., а во-вторых, село Курагино находится в крае, где до сих пор ведется добыча золота. Именно там были прииски, принадлежавшие семье Дистлеров. И не с пустыми руками ехал Вениамин, а с грузом золота — шесть с половиной килограмм, это немало.

Но в семье Дистлеров, которые и сейчас живут в Москве, живет легенда о том, как именно погиб Вениамин Дистлер. Попробую пересказать ее своими словами, но не изменяя сути.

...Выехали на рассвете. Таежная дорога вилась вдоль реки. Поскрипывали колеса телеги, запряженные парой лошадей, ранние птицы выкрикивали путникам свои приветствия, воздух был по-утреннему прохладен и напоен запахом хвои. Вениамин почти не разговаривал со Степаном, одним из кучеров прииска. Вообще-то, ехать должен был не Степан, но его жена, жившая в селе Курагино, где сдавали золото, должна была рожать, и он упросил Вениамина взять его. Ехать было часа четыре, и Вениамин подремывал, держа руку на поясе, где в расстегнутой кобуре находился револьвер. Мешочки с золотым песком лежали позади него в специальном поддоне. До войны грабежей почти не было, но вот уже два года в тайге пошаливали лихие люди, говорят, дезертиры, которые нападали на телеги, идущие на прииски и с приисков. В первом случае забирали еду, одежду, инструмент, во втором — золото. Сопровождающих убивали, свидетелей не оставляли. Иногда от разбойников отбивались...

...На поворотах Вениамин был особенно внимателен, но в этот раз не углядел, как из-за дерева блеснул ствол и раздался выстрел. Степан схватился за плечо и бросил вожжи. Сквозь прижатые к ране пальцы струилась кровь. Испуганные лошади бросились в сторону. Вениамин одной рукой выхватил револьвер, другой попытался схватить вожжи, но не успел — прозвучал еще один выстрел, и пуля, задев волосы, просвистела над головой.

— Степан, гони! — приказал Вениамин, стреляя то в одну, то в другую сторону дороги, надеясь, что они успеют прорваться. Но пока Степан одной рукой пытался управиться с лошадьми, прозвучало еще два выстрела, и Вениамин понял, что, если он останется в телеге, их обоих перестреляют как в тире, сначала Степана, чтобы остановить лошадей, потом его. Меняться местами с раненым Степаном не было времени. Если он выиграет секунду, у Степана будет шанс увидеть семью. Решение пришло мгновенно. Он скатился с телеги, крикнув Степану:

— Гони в село, я их задержу!

Затем он переполз узкую полосу дороги и стал стрелять в сторону нападавших. Наконец, Степан ухватился за вожжи и, крикнув на лошадей, умчался. Вениамин остался один.

Что случилось дальше неизвестно, но когда через несколько часов урядник с тремя полицейскими вернулись к месту трагедии, они нашли тело Вениамина с перерезанным горлом. Револьвера при нем не было.

Так погиб один из братьев. Погиб, спасая жизнь совершенно чужого человека, не еврея. Первый, кто умер насильственной смертью. К сожалению, не последний. Вот два взгляда на Вениамина Дистлера и право выбора: поверить либо клевете черносотенца, либо семейной легенде.

Время шло. Мы уже знаем, что Василий Григорьевич и Александр Григорьевич принимали активное участие в политической жизни России, не забывая при этом о благополучии семьи. С приходом большевиков к власти и то и другое стало почти невозможным. Известно, что после 1920 г. Дистлеры переехали в Москву, где оба брата постарались, чтобы об их прошлом никто не вспоминал. О том, что случилось с ними, мы еще расскажем, а пока вернемся к Пешковским.

Русский след. Снова Пешковские

Пока братья Дистлеры перебирались в Москву, сын Анны Дистлер и Николая Пешковского Павел вместе с матерью уехал через Китай в Германию, где стал врачом и женился на дочери Густава Ландауэра Бригитте. По семейной легенде, Анна вывезла 80 чемоданов, в которых находилось 50 брусков золота, добытого на семейных приисках. При этом неизвестно, когда именно уехал из России Павел Пешковский. Можно предположить, что он покинул Россию не ранее 1920 г., так как в одном из документов, найденных в американском архиве, он указал, что с 1918 по 1920 г. служил в армии. Не было также никакой информации о том, что случилось с его отцом Николаем (Носоном) Яковлевичем Пешковским и его матерью Анной Григорьевной Пешковской после приезда в Берлин. Начинался новый виток поиска...

В статье «Золотой дух клана Дистлеров» Федор Бакшт ссылается на семейный архив Вадима Вадимовича Дистлера, геолога по профессии и внука Василия Григорьевича. Он проживает в Москве. Нахожу его телефон, звоню и получаю... нет, очень немного информации, мало он знает о судьбе своих предков, но кое-что все же помнит.

Например, как где-то после 1956 г., т. е. после разоблачения культа личности Сталина, они встречали в аэропорту Анну Григорьевну Пешковскую, прилетевшую на бельгийском самолете. В те далекие времена можно было встречать самолеты прямо на поле, и Вадим Вадимович прекрасно помнил, как очень пожилая, но не потерявшая обаяния и элегантности женщина, появившись на трапе самолета, остановилась и поприветствовала встречающих:

— Здравствуйте, господа. Вот я и вернулась!

Но не знал Вадим Вадимович, ни где была Анна Григорьевна Дистлер-Пешковская все эти годы, ни откуда она вернулась...

Долгое время это оставалось загадкой. Все усилия ее разгадать оказывались тщетными, но я не терял надежды. И вот однажды, когда в сотый раз я ввел имя Анны Григорьевны Пешковской в поисковую строку Гугла, Интернет отозвался сигналом, прозвучавшим в ушах волшебным звоном, который слышится, когда выигрываешь у автомата в казино Лас-Вегаса! Вот что я прочитал:

Государственный архив Российской Федерации
Дело 7523-93-2412
О приеме в гражданство СССР Пешковской Анны Григорьевны.

Самого дела не было, оно хранилось в архиве, в Интернете был только его индекс.

Кто мог бы мне помочь? Отправляю по электронной почте просьбу Владимиру Палею, российскому генеалогу, и через две недели у меня в компьютере уже были все 15 страниц дела, которое читалось как приключенческий роман. Оказывается, правильно помнил Вадим Вадимович Дистлер: Анна действительно прилетела в Москву на самолете бельгийской компании из Брюсселя, но вылетел самолет из Тель-Авива! Как же она попала в Израиль?

Начнем по порядку. Анна Григорьевна родилась в 1871 г. в Томске и окончила томскую гимназию. В 1898 г. вышла замуж за доктора Николая (Носона) Пешковского, с которым встретилась на золотом прииске, принадлежавшем ее отцу, и переехала с мужем в Иркутск. Носон Яковлевич открыл частную клинику, а его жена владела аптекой. Затем случается странная вещь. Их первый сын, Павел (будущий отец Майка Николса) родился в Вене. Что Анна и ее муж делали в Австрии — неизвестно. Может быть, Анна Григорьевна училась там на фармацевта? Ведь у нее была аптека в Иркутске. А может быть, просто могла себе позволить путешествовать. Тем не менее их второй сын, Товий, родился через два года в Иркутске. До 1917 г. жизнь шла нормально. Единственной трагедией была смерть брата Вениамина. В Иркутск перебирается еще один брат — Василий с семьей. Мы помним, что старший сын Анны Павел вместе с тетей Генриеттой принимал участие в делах еврейской библиотеки. До 1916 г. Анна — член совета директоров Иркутского благотворительного общества.

В 1919 г. от сыпного тифа умирает муж Анны Григорьевны, Николай Пешковский, а в следующем, 1920 г. — ее отец, патриарх семьи, Григорий Дементьевич Дистлер.

И после возвращения Павла из армии в 1920 г. Анна Григорьевна с обоими сыновьями покидает Россию. Через «русский» Харбин они попадают в Китай, а оттуда добираются до Германии. Начинается новый этап жизни, Дистлеров — в Москве, а Пешковских — в Германии.

«Русский» Берлин

Нельзя сказать, что среди многочисленных эмигрантских группировок в Берлине евреи занимали какое-то особое место[27]. Но к какой бы группе они себя не относили, ощущение временности оказывало влияние на все их существование. В стране, задыхавшейся от экономического кризиса и инфляции, можно было безбедно жить, имея хоть немного твердой валюты. Так что если у Анны Григорьевны было не 50 фантастических брусков золота, а хотя бы несколько, этого вполне хватило бы на достойное существование и университетское образование для обоих детей. Но к концу 20-х гг. установление твердой марки сделало жизнь эмигрантов довольно трудной, вдобавок политическая борьба внутри Германии становилась все более ожесточенной, и постепенно «русский» Берлин стал пустеть.

Тем временем оба брата Пешковских окончили столичный университет и стали врачами. Как сложилась семейная жизнь Товия Пешковского — неизвестно, хотя мы знаем, что он был женат и родители его жены жили в Харбине. В 1930 г. Павел Пешковский встретил Бригитту Ландауэр и женился на ней. В 1931 г. у молодой пары родился сын Игорь[28] (будущий Майк Николс), а в 1935 — Роберт. Между этими двумя событиями в Германии случилось еще одно, имевшее значение не только для наших героев, но и для всего мира: в 1933 г. к власти пришел Адольф Гитлер. И снова мучительный вопрос, так часто возникающий в еврейских семьях в разных странах мира: уезжать или оставаться?..

Анна Григорьевна и ее младший сын Товий уезжают в Харбин, где, как мы знаем, жили родители его жены. Павел с женой и детьми остаются в Германии. Теперь и Пешковские разделились, чтобы больше никогда не увидеть друг друга.

В сталинских застенках

Все, что было известно о последних месяцах жизни братьев Александра и Василия Дистлеров и жены Василия Генриетты Николаевны, легко находилось в различных «расстрельных списках» и мартирологах в Интернете. Когда взгляд скользит по именам, нескончаемой чередой выстроенным по алфавиту от «А» до «Я», кажется, что попал на огромное кладбище, где могилы отличаются друг от друга лишь именами и годом рождения. Год смерти почти у всех одинаковый — 1937, или 1938, или 1939. Дата суда или, правильнее, судилища и дата казни или, вернее, убийства — одна и та же. Доходим до буквы «Д» и читаем:

ДИСТЛЕР, Александр Григорьевич

Родился в 1881 г., г. Томск, еврей, беспартийный (т. е. не член коммунистической партии. — *В.Б.*), *образование высшее, горный инженер. Жил в Москве: Никитский бульвар, 25, кв. 14. Арестован 18 сентября 1937 г. Приговорен к расстрелу 15 марта 1938 г. Высшей Коллегией Военного Суда (ВКВС) СССР по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 15 марта 1938 г. Реабилитирован 30 мая 1957 г. ВКВС СССР.*

ДИСТЛЕР Василий Григорьевич

Родился в 1884 г., г. Томск; еврей; образование высшее; б/п; старший юрисконсульт Главрыбы Наркомата пищевой промышленности СССР. Проживал: Москва, Гоголевский бул., д. 8, кв. 76. Арестован 28 января 1938 г.

Приговорен: ВКВС СССР 25 апреля 1938 г., обв.: участие в антисоветской террористической организации.

Расстрелян 25 апреля 1938 г. Место захоронения — Московская обл., Коммунарка.

Реабилитирован 6 мая 1958 г. ВКВС СССР.

Вот здесь-то и встретился еще раз бывший присяжный поверенный Василий Григорьевич Дистлер, когда-то находившийся по разные стороны баррикад с коммунистами, с бывшим секретарем ЦК ВКП(б) Павлом Петровичем Постышевым. Ну, не совсем встретился — расстреляли их в разных подвалах, но список ведь один. Один на «Д», а другой на «П» — вот и вся разница. А ведь все у них было разное: и воспитание, и образование, и жизнь, и отношение к жизни, а вот смерть приняли одну. Поистине советская власть — великий уравнитель...

ДИСТЛЕР Генриетта Николаевна

Родилась в 1882 г., г. Бердичев УССР; еврейка.

Приговорена: ОСО при НКВД СССР 4 июня 1938 г., обв.: как ЧСИР.

Приговор: к 8 годам ИТЛ. Прибыла в Акмолинское ЛО 08.08.1938 из Бутырской тюрьмы г. Москвы. В АЛЖИРе находилась до 06.09.1939. Умерла 6.09.1939[29].

Чтобы не заканчивать эту главу на грустной ноте, добавлю, что дети Василия Григорьевича и Генриетты Николаевны, Вадим и Ирина, чудом уцелели. Вадим стал театральным и кинодраматургом, и поставленный в 1940 г. по его сценарию фильм «Парень из тайги» о золотоискателях был, очевидно, навеян рассказами отца о семейных приисках.

Ирина Васильевна всю жизнь проработала в Литературном институте им. М. Горького. Внук Василия Вадим Вадимович стал крупным ученым, геологом с мировым именем, доктором наук, профессором. Его основная научная специализация — месторождения платины и золота, которые он изучал по всему миру. В настоящее время в Российском реестре месторождений золота месторождение, которым владел Григорий Дементьевич Дистлер, числится под названием «Дистлеровское». В разговоре со мной Вадим Вадимович объяснил то «чудо», благодаря которому уцелели родители: *«Просто руки не дошли у чекистов. Мы жили в 14-квартирном доме. Обитатели десяти квартир из них были репрессированы...»*

Теперь займемся судьбой Анны Пешковской и ее сына Товия, которые, как мы знаем, уехали в 1933 г. из гитлеровской Германии в Харбин.

«Русский» Харбин

Если Анна и ее сын думали, что в Харбине они найдут тихую заводь, где смогут укрыться от бурь, сотрясавших планету, они ошиблись — в Харбине в те времена уже было очень неспокойно.

В 20-е гг. город превратился в самый крупный центр российского еврейства на Дальнем Востоке[30]. Это, пожалуй, одно из наиболее плодотворных десятилетий в истории харбинской общины. Возрастает ее численность, и расширяется деятельность, охватившая все наиболее существенные сферы жизни евреев города. Со временем она превратилась во вполне самодостаточную структуру, способную существовать в условиях постоянной политической нестабильности в Маньчжурии.

В Харбине сформировался своеобразный культурно-психологический тип местного еврея. Будучи корнями связан с Россией и русской культурой, он обрел возможность свободно изучать язык и историю собственного народа. Харбинские евреи в массе своей были зажиточны и отличались достаточно высоким образовательным и культурным уровнем. Несмотря на свойственную им культурную и религиозную толерантность, они, как правило, не ассимилировались и проявляли приверженность национальным ценностям и традициям, в числе которых филантропия и солидарность были в ряду важнейших. Условия жизни, воспитание и образование сформировали у харбинского еврея развитое чувство национального достоинства и готовность его отстаивать. В целом местные евреи по своей ментальности очень отличались от тех местечковых евреев царской России, которые являлись жертвами погромов.

Японская оккупация Маньчжурии в 1931 г. и создание годом позже марионеточного государства Маньчжоу-Го поначалу не повлияли существенным образом на жизнь еврейской общины Харбина. Как писал

в своих воспоминаниях А.И.Кауфман, *«...1932 год был тяжелым как в политическом смысле, так и в экономическом. Переход края к другой власти сопровождался осложнениями и тревогами. Но все же еврейская жизнь продолжалась»*[31]. И далее, характеризуя жизнь харбинской еврейской духовной общины (ХЕДО) в тот год, он пишет об организации приюта для душевнобольных, о начале издания журнала на русском языке *Ха-дегел*, о сборе книг для Национальной библиотеки в Иерусалиме и т. д.

Японские военные, фактически управлявшие Маньчжурией, никакой специфической политики в отношении евреев не проводили. К ним они относились так же, как и к другим национальным общинам. До сближения с Германией, последовавшего после исключения обеих стран из Лиги Наций, интерес японцев к нацизму, по мнению авторов книги «Евреи в японском сознании» Д.Гудмана и М.Миязавы, был «достаточно вялым»[32]. Определенные традиции антисемитизма в Японии были, но он никогда не имел широкого распространения. Однако и после присоединения Японии к союзу с Германией ее политика в отношении евреев Маньчжурии отличалась самостоятельностью. Это позволило ХЕДО заниматься антинацистской пропагандой, выражать протесты против антиеврейской политики гитлеровской Германии, а позднее и оказывать помощь еврейским беженцам из Европы.

В апреле 1933 г. по инициативе городского комитета сионистской организации в Харбине состоялся большой митинг против гонений на евреев в Германии, в котором участвовало свыше 2500 человек. В принятой резолюции заявлялось: *«Еврейское население Харбина единодушно присоединяется к общей скорби мирового еврейства по поводу нанесенного ему неслыханного оскорбления в культурной цивилизованной стране и заявляет своим многострадальным братьям — германским евреям, что еврейство Харбина вместе со всем мировым еврейством и цивилизованным миром горячо протестует против гонений, преследований и лишений элементарных человеческих прав наших братьев, внесших столь ценный вклад мирового значения в сокровищницу германского государства и немецкой культуры»*[33].

Однако, не запрещая еврейской общине вести антинацистскую пропаганду, власти Харбина не препятствовали и деятельности Русской фашистской партии, которая имела свою прессу, распространяла в городе листовки. Ее боевики громили еврейские магазины, били окна синагоги, избивали евреев. Но самыми гнусными преступлениями были похищения людей с целью выкупа. Громкий резонанс в Харбине вызвало дело о похищении и убийстве в 1933 г. сына известного предпринимателя, талантливого пианиста Семена Каспе.

Вот в такой непростой обстановке оказались двое беженцев из Германии — мать и сын Пешковские. Товий Николаевич работал в больнице, открытой доктором Кауфманом, и вскоре стал одним из членов ее правления.

Несмотря на более благоприятную по сравнению с европейской ситуацию, евреи Харбина, как и других общин Восточной Азии, не могли чувствовать себя вполне свободно. Японский режим был оккупационным со всеми вытекающими отсюда последствиями, к тому же действовал он в условиях военного времени. Японцы, хотя и не преследовали эмигрантов Харбина по этническому признаку, но и не особенно церемонились в отношениях с национальными общинами. Например, на встрече с представителями эмигрантской прессы в 1943 г. начальник военной миссии генерал-майор А. Дои поучал: *«...все народы, населяющие Маньчжоу-Го, независимо от их национального происхождения и религиозной принадлежности, должны слиться в едином порыве, ...исключить из своей среды всё, что мешает сплоченности, что сохраняет вредные демократические навыки и усвоить принципы построения того государства, которое их оберегает»*[34].

Община переживала нелегкие времена: численность ее неуклонно сокращалась, возможности деятельности сузились. Для искоренения «вредных демократических навыков» японские власти закрыли многие издания национальных общин. В их числе в 1943 г. были закрыты еврейские журналы *Ха-дегел* и *Еврейская жизнь*. Одновременно был закрыт фашистский журнал *Нация*. Как объяснялось, все это было сделано в связи с войной и необходимостью экономии бумаги. Однако продолжали выходить десятки белогвардейских газет, в которых нередко публиковались материалы антисемитского характера. Еще раньше, в 1940 г., было закрыто Первое коммерческое училище, где обучалась значительная часть еврейской молодежи. Видимо, достаточно характерным среди евреев было настроение, выраженное в эссе Э. Фрейда, помещенном в одном из последних номеров журнала *Еврейская жизнь*: *«На сердце так печально, так тесно, и нужно печаль придушить молчанием. Мрачно повсюду, во всех уголках глубокая боль. Каждый день приносит боль, страх»*. Это ощущение усилилось в последние годы войны: приближалось поражение Японии, и перспективы Харбина были весьма неясными.

Но самое худшее ожидало харбинских евреев, да и всех харбинцев, в ближайшем будущем. 17 августа 1945 г. в Маньчжурию вступила советская армия, а 21 августа А. И. Кауфман, наряду с другими видными общественными деятелями города, лидерами национальных общин, был приглашен якобы на прием, организованный советским комендантом Харбина Белобородовым для встречи с маршалом Мерецковым.

Вместо приема все приглашенные были доставлены в подвал на допрос. К семье А. И. Кауфман вернулся только через 16 лет. Такая же, а подчас и более трагическая судьба постигла многих членов еврейской общины. В их числе можно назвать братьев Семена и Соломона Скидельских, наследников известного дальневосточного промышленника и филантропа Леонтия Скидельского. В товарном вагоне они были вывезены в Приморье. В тюрьме Никольск-Уссурийска «от сердечного приступа» умер Семен Леонтьевич, следы Соломона Леонтьевича потеряны в хабаровской тюрьме.

Такая же судьба ожидала и нашего героя, Товия Пешковского. Неясно, был ли он выслан в СССР в числе 250 лидеров общины в августе 1945 г. или, как утверждает его мать Анна Пешковская, был арестован в 1948 г., но, так или иначе, до освобождения в 1956 г. он пробыл в должности начальника «легочного» медицинского барака в лагере в Братске. И здесь у нас имеется свидетельство человека, обязанного жизнью Товию Николаевичу. Как слабый лучик фонаря выхватывает из темноты стены пещеры, усыпанные алмазами, так несколько предложений в воспоминаниях Платона Иосифовича Набокова, дальнего родственника писателя Владимира Набокова, высвечивают характер Товия Пешковского. По воспоминаниям Набокова[35], Товий Николаевич собрал возле себя поэтов, музыкантов, философов и основал кружок «Братское Болдино». Местом сбора служил крохотный кабинет Товия Николаевича в бараке туберкулезников, куда начальство боялось сунуться, беспокоясь о своем драгоценном здоровье.

Там и познакомился впервые Платон Набоков со стихами своего знаменитого родственника. Их наизусть читал Товий Николаевич Пешковский. И звучали при свете коптилки, под завывание сибирской вьюги, посреди лагерного убийственного быта, где, казалось, не было и не могло быть места надежде, вдохновенные слова поэта:

Живи. Не жалуйся, не числи
ни лет минувших, ни планет,
и стройные сольются мысли
в ответ единый: смерти нет.

Не знаю, читал ли Майк Николс, племянник Товия Пешковского, эти стихи. Но у меня нет сомнения, что эти два человека, никогда не знавшие друг о друге, абсолютно разные по рождению и воспитанию, но соединенные неразрывно генетическими связями, думали о жизни и смерти одинаково. Иначе как объяснить, что лейтмотивом фильма Николса «Эпилог» звучат строчки сонета Джона Донна, родившегося за четыреста лет до обоих наших героев:

Смерть, не гордись, когда тебя зовут
Могучей, грозной. Жалкие слова!
Кого взяла ты — в вечности живут,
И навсегда душа моя жива[36].

В 1956 г. Товия Пешковского освободили и даже реабилитировали. Он стал работать в одной из поликлиник Литфонда. Но что же произошло с его матерью, бабушкой Майка Николса, которая оставалась в Харбине? Китайская революция 1949 г. не внесла поначалу каких-либо существенных изменений в ее жизнь. По воспоминаниям современников, сам факт образования Китайской Народной Республики прошел для иностранного населения Харбина вообще как-то незамеченным. Поначалу китайские власти не вмешивались в жизнь ХЕДО, но было очевидно, что судьба общины предрешена. Еще раньше, в 1945 г., значительная ее часть перебралась в Шанхай. А с образованием в 1948 г. Государства Израиль начался массовый исход евреев. В 1950 г. к этому потоку присоединилась Анна Пешковская. Она поселилась в Хайфе, где жила ее сестра Софья. Забегая вперед, скажу, что когда Анна Григорьевна подавала заявление о советском гражданстве, она не упомянула о сестре в Израиле, но КГБ ее вычислило. Анна Григорьевна вернулась в СССР в 1959 г. Мы знаем, что в 1961 г. она была еще жива, так как именно в этом году разыскала своего внука Майка Николса в Америке.

Прежде чем рассказать, каким оригинальным способом она это сделала, проследим, как семья Павла Пешковского оказалась в Нью-Йорке. Как мы помним, он с женой и маленьким сыном, тогда еще Игорем Майклом Пешковским, остались в Германии, в Берлине. Прошло пять лет, и к 1938 г. стало ясно, что находиться в Германии нельзя.

Снова надо было собираться в дорогу. В который раз?

В книге «Лица Америки», написанной по материалам фильма с тем же названием, Майк Николс говорит о том, что помогло его семье вырваться из нацистской Германии. Вот цитата из книги: *«Единственной причиной, позволившей нам вырваться, был договор между Сталиным и Гитлером — в это время евреи с русскими* (т. е. советскими. — *В. Б.*) *паспортами могли уехать из Германии. Больше никто не мог...»*[37]

Вероятно, было немало причин, которые продлили эмиграцию семьи Пешковских с 1938 по 1940 г. Первым, в 1938 г., в Америку приехал отец Павел Пешковский, затем в 1939-м — Игорь Майкл (ставший Майком) с братом Робертом. Мать приехала в 1940 г., а сестра Бригитты, Гудула, добралась до Америки уже после войны, но о ней чуть ниже.

Думаю, что советские паспорта не имели никакого отношения к выезду из Германии, не говоря уже о том, что недолговечный союз Сталина

и Гитлера начался через год после приезда Павла в Америку и никак не мог ему помочь. Само по себе советское гражданство могло облегчить приезд в Россию (о том, что его ожидало там, говорить не будем), но никак не в Америку. Не могло оно помочь и выезду из Германии хотя бы потому, что главным вопросом для евреев Германии в то время был не выезд, а въезд в другие страны. Никто не задерживал их в Германии, скорее, их выталкивали куда угодно — по замыслу нацистов, страна должна была быть очищена от евреев. Убивать их стали позднее, когда стало ясно, что добровольно никто не хочет принимать еврейских беженцев. Тогда-то появился и созрел план полного уничтожения европейского еврейства.

Павел быстро сдал экзамены на право заниматься врачебной практикой и, американизировав свое первое имя, переделал русское отчество Николаевич в фамилию Николс. К сожалению, ему не пришлось долго наслаждаться американским образом жизни. В 1944 г. он умер от рака легких. Трагична история Гудулы, сестры Бригитты. Пережив Холокост, она, как уже упоминалось, приехала в Нью-Йорк в 1946 г., 31 августа. Но уже 30 октября того же года ее сбила машина, и молодая женщина погибла[38].

Мать Майка и его брата Роберта воспитывает детей одна и впервые в жизни поступает на работу. Майк учится в Чикагском университете и подрабатывает, чтобы платить за учебу. Роберт становится врачом — уже в третьем поколении.

Через пятнадцать лет, в 1961 г., портрет уже известного актера украшает первую страницу обложки журнала *Америка*, выходившего после войны на русском языке. Журнал распространялся среди советской элиты, и поскольку Товий работал в поликлинике Литфонда, он имел доступ к нему.

Увидев портрет своего внука на обложке журнала, Анна Григорьевна решила возобновить утерянную связь. Не смущаясь тем, что в журнале не было ни слова об адресе актера, лишь указание на то, что он живет в Нью-Йорке, Анна Пешковская делает следующую надпись на конверте:

«Знаменитому актеру Майку Николсу,
Нью-Йорк, США».

Письмо дошло до адресата[39]. К сожалению, это последнее известное упоминание об Анне Григорьевне Пешковской. Остается пока тайной, когда она умерла и где похоронена. Ясно только, что весной 1961 г. она была жива и, несмотря на свой возраст — ей был 91 год, — очень хорошо понимала, что происходит.

Когда из документа о принятии в гражданство стало известно, что Анна прожила девять лет в Израиле, я попросил Батю Унтершац-Ландесман, которая в течение 30 лет возглавляла Бюро розыска[40] в Иерусалиме, узнать об Анне и ее сестре. Через несколько дней она сообщила мне, что, к сожалению, никаких дополнительных сведений о сестрах она не нашла, зато она нашла кое-что другое.

Но сначала перевернем назад несколько страниц нашей истории. Когда я в первый раз разговаривал с Вадимом Вадимовичем Дистлером, тем самым, который помнил приезд Анны Григорьевны из Брюсселя, он сообщил мне, что смутно помнит сына Анны Товия, которого его отец ласково называл Тофиком. Больше он ничего о нем не знал, кроме того, что спустя несколько лет он уехал из Москвы, «вроде бы в Мурманск». Не знал Вадим Вадимович, была ли у Товия семья.

Так вот, по сведениям Бати, Товий Николаевич Пешковский, 1902 года рождения, прибыл в Израиль в апреле 1973 г. и умер 1 декабря 1981 г. Его жена Ита Кимельфельд-Пешковская, 1903 года рождения, прибыла в Израиль в 1974 г. и умерла 8 октября 1987 г. Жили они в Хайфе, в том же городе, в котором когда-то жила Анна Григорьевна Пешковская.

Итак, еще одна страница в истории семьи открыта, вернее, полуоткрыта, поскольку каждый новый ответ на заданный вопрос вызывает несколько новых вопросов, которые пока некому задать. Ключевое слово здесь «пока»...

Круг замкнулся

...Пока мы ищем ответы на новые вопросы и стараемся заполнить еще существующие пробелы в истории семьи Пешковских–Дистлеров, можно подвести некоторые итоги.

Мы рассмотрели историю еврейской семьи на протяжении более чем полутора веков и узнали, как они жили, боролись, выживали и умирали, как искали пристанища и как были безжалостно из него изгоняемы. Сибирь, Китай, Германия, снова Россия, Америка, Израиль... И еще один спор решает, по моему мнению, история этой семьи. Нет и не может быть спасения еврею вне своего народа. Как бы ни пытались они быть как все — переменой имен, участием в революциях и войнах, трудовыми подвигами, — ничто не помогало. Рано или поздно их разыскивали и уничтожали или, в лучшем случае, выгоняли. Всюду — в Сибири, Китае, Германии, в... — нет, пока еще не в Америке. Но символично, что последний представитель семьи Пешковских вернулся жить и умереть в Израиль. Но, может, он не последний? Может, есть у врача Товия

Николаевича, сына врача Николая Яковлевича, внука золотопромышленника Григория Дементьевича, родные в Израиле? К кому-то же он приехал на склоне лет! Может быть, и эту загадку удастся когда-нибудь разгадать.

Но давайте вернемся в Россию, где живут прямые потомки Григория Дементьевича. Об одном из них мы уже рассказывали. Это Вадим Вадимович Дистлер, внук Василия Григорьевича Дистлера, погибшего в годы сталинского террора. Он-то хорошо помнит историю золотых шахт своего деда и прадеда. Ведь и он, как геолог, имеет прямое отношение к золоту, и, унаследованный от предков, бродит в нем золотой дух Дистлеров...

Вот что он мне рассказал.

Из семейных рассказов, я слышал о золотых приисках, принадлежавших моим прадеду и деду. Но все эти истории лежали далеко от реальности мира, в котором я существовал. Но однажды случилось неожиданное, фантастическое, как в романах Александра Грина...

В этот день, когда я пришел на службу в здание Российской академии наук, один из моих сотрудников, не говоря ни слова, но таинственно улыбаясь, положил мне на стол папку, на которой печатными буквами значилось: «Дистлеровское месторождение»...

Немного дрожащими руками я развязал тривиальные тесемки и... как будто я потер вспотевшей рукой волшебную лампу Аладдина. Нет, это не была сказочная пещера, наполненная сокровищами. Это было намного лучше. Там были точные координаты, карты, результаты геологических съемок «Дистлеровского месторождения», шахты Дистлера...

Хотелось все бросить и немедленно отправиться в те места... Но немало лет прошло, пока я туда попал.

Вот, что я там увидел. Местность, где находилась шахта, была окружена забором и, когда я приблизился к нему, то увидел человека, похожего на настоящего золотоискателя времен «золотой лихорадки». Широкоплечий, с обветренным лицом, которое наполовину скрывала давно не стриженная борода. Я попросил его позвать старшего геолога. После некоторого раздумья он ушел, оставив меня перед закрытыми воротами. Однако через несколько минут ворота открылись, и я предъявил подошедшему геологу свое удостоверение личности, которое держал наготове.

Прочитав фамилию Дистлер, напечатанную под моей фотографией, он застыл с открытым ртом.

— Что такое, — пробормотал он, — эта шахта названа в твою честь?

Я объяснил, что рудник принадлежал моему прадеду. Геолог, поверив, что я не собираюсь забрать шахту с собой, по крайней мере сегодня, разрешил мне войти на территорию прииска. Мы забрались в джип и начали продвигаться по дороге, которая выглядела, как будто ее без устали бом-

били дней десять подряд. Меня немилосердно бросало вверх и вниз. Геолог задавал мне вопросы, а я пытался отвечать на них, не открывая рта, так как был совершенно уверен, что, как только открою рот, то немедленно откушу себе язык. Наконец, пытка закончилась, и дальше мы пошли пешком. Тропа заросла высокой травой, но пройти по ней было можно. Наконец, мы подошли к затопленному входу в шахту.

О, Боже! Больше ста лет назад, мой прадед здесь ходил, мой дед Василий здесь ходил...

Некоторое время я стоял молча. Затем поклонился духу своих предков, и мы тронулись в обратный путь.

Безусловно, мы не копии наших предков, до клонирования еще далеко, да и вряд ли оно нужно людям. И, конечно же, не у всех предки владели золотыми приисками. Но кем бы они ни были, их дар нам — чистое золото. И, чтобы познать себя, нам необходимо знать, кто они были, наши дедушки, бабушки, прадедушки и прабабушки, и не только их имена и даты рождения и смерти. Черточка между двумя датами — вот что самое важное. Рождение — дата случайная, смерть — дата неизбежная. А вот то, что было между ними, отложило печать на каждого из нас, невидимую, но ощутимую.

[1] Цит. по: http://zoroastrian.ru/node/449

[2] *Бубер Мартин.* Тропы в утопию. Цит. по: http://livasprava.info/content/view/2659

[3] *Auvrich Paul.* An Oral History of Anarchism in America. Princeton University Press, 1995. P. 33.

[4] В разных источниках приводятся разные даты провозглашения Баварской Социалистической Республики и название должности, занимаемой Густавом Ландауэром в ее правительстве.

[5] http://livasprava.info/content/view/2659

[6] *Horrox James.* Gustav Landauer (1870–1919), см.: http://dwardmac.pitzer.edu/Anarchist_Archives/bright/landauer/landauerbioHorrox.html

[7] *Auvrich P.* An Oral History of Anarchism in America. P. 37.

[8] *Волошин Максимилиан.* Дневник Дома поэтов. Цит. по: http://lingua.russianplanet.ru/library/mvoloshin/mv_dn322.htm

[9] http://j-roots.info/index.php?option=com_content&view=article&id=285&Itemid=285

[10] *Beider Alexander.* A Dictionary of Jewish Surnames from the Russian Empire. Teaneck, NJ: Avotaynu Inc., 1993.

[11] По данным переписи населения 1896 года. Цит. по: Храмы Томска, Музей истории Томска. Томск, 2002. С. 27.

[12] *Островский Ю.* Сибирские евреи. СПб., 1911.

[13] Например, в 1906 г. Григорий Дистлер купил у государства золотой прииск за 302 руб., см.: Томские Губернские Ведомости. 1906. № 17.

[14] *Адрианов А. В.* Томская старина. Томск, 1912. С. 101.

[15] http://irkipedia.ru/content/distler_vasiliy_grigorevich

[16] Бре́шко-Брешко́вская Екатерина Константиновна (урожд. Вериго, 1844, с. Иваново, Невельского уезда, Витебской губернии — 1934, с. Хвалы-Почернице, под Прагой, Чехословакия), деятельница русского революционного движения, одна из создателей и лидеров партии эсеров, а также ее Боевой организации. Известна как «бабушка русской революции».

[17] http://irkipedia.ru/content/distler_vasiliy_grigorevich

[18] http://forum.j-roots.info/viewtopic.php?f=28&t=380&start=120

[19] *Бакшт Ф. Б.* Золотой дух клана Дистлеров // Ювелирный мир Сибири. Красноярск, 2004. № 1. С. 22.

[20] *Романова Т. А., Бакшт Ф. Б.* Первый выпуск горных инженеров Сибири // Известия Томского политехнического университета. 2009. Т. 315, № 1. С. 96.

[21] *Ищенко О. В.* Студенческое движение в Томском технологическом институте в первые годы его существования (1901–1903) // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309, № 4. С. 255–262.

[22] Архив семьи Дистлеров.

[23] *Шиловский М. В.* Томский погром 20–22 октября 1905 г. Цит. по: http://sibistorik.narod.ru/project/pogrom/1-3.html

[24] Там же.

[25] Цит. по: http://notistoria.narod.ru/business7sie.html

[26] *Бакшт Ф. Б.* Золотой дух клана Дистлеров. С. 14.

[27] О жизни евреев-иммигрантов в межвоенном Берлине см. публикацию В. Базарова «Не склонившие головы» в настоящем сборнике.

[28] Существует путаница с именами Николса. Например, в 1939 г., когда братья приехали в Америку, в пассажирском манифесте было напечатано «Майкл» (зачеркнуто) и вписано «Игорь».

[29] Узницы «АЛЖИРа»: Список женщин — заключенных Акмолинского и других отделений Карлага / Ассоц. жертв незакон. репрессий г. Астаны и Акмол. обл., Междунар. о-во «Мемориал»; сост.: В. М. Гринев, В. В. Горецкий и др. М.: Звенья, 2003. «АЛЖИР» — Акмолинский Лагерь Жен Изменников Родины.

[30] Об истории и жизни еврейской общины в Харбине см.: Через Дальний Восток — на Ближний / Ред.-сост. Р. Пархомовская и И. Резник // Русское Еврейство в Зарубежье. Иерусалим, 2009. Т. 19. С. 10–36, 57–77, 153–176.

[31] *Кауфман А. И.* Поселок Харбин // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1997. № 349. С. 26. Цит. по: http://www.archipelag.ru/ru_mir/rm-diaspor/hebrew/evrei_harbin/

Кауфман Абрам Иосифович, лидер евр. общины Харбина, убежденный сионист. Изучал медицину в Базале, в Харбине — с 1912 г. Работал врачом, выступал с лекциями, редактировал журнал *Еврейская жизнь*. В 1945 г. депортирован с СССР, где провел 16 лет в тюрьмах и лагерях.

[32] Цит. по: http://center-sodrujestvo.com/node/6

[33] Там же.

[34] См.: http://www.archipelag.ru/ru_mir/rm-diaspor/hebrew/evrei_harbin/

[35] http://www.ogoniok.com/archive/1999/4626/39-18-19/

[36] Перевод С. Я. Маршака. Цит. по: http://favorite-verses.livejournal.com/36295.html

[37] *Gates Henry Louis, Jr.* Faces of America. New York University Press, 2010. P. 16. Перевод — автора статьи.

[38] Aufbau. 1946. November 8.

[39] Life. 1964. March 20. P. 107.

[40] Бюро розыска никакого отношения к угрозыску не имеет. Батя разыскивала (и разыскивает уже как частное лицо) людей, потерявшихся во время войн, иммиграций, переездов и т. д.

Не склонившие головы

Валерий Базаров (Нью-Йорк)

Не легки и совсем не прямы
У истории колеи,
Но на свете извечно правы
Не склонившие головы.

Владимир Корнилов

Вместо предисловия

Во всех европейских странах, оккупированных во время Второй мировой войны фашистами, находились смелые люди, которые спасали евреев, приговоренных к уничтожению. Их недаром называют праведниками мира. Но почему праведники мира исключительно неевреи? Ну, как же, говорят нам, неевреи имели выбор — спасать или не спасать, причем они знали, что попытка помощи евреям во время Холокоста грозила им и их семьям неминуемой смертью. И если они решались и спасали гонимых, то они и есть настоящие праведники. Что ж, по-моему, лучше не скажешь: действительно, праведники...

А как же евреи, ну те, которые тоже спасали? Они почему не имеют права на звание праведника? А, говорят нам, это был их долг как евреев, их обязанность. Чего же их награждать?

Странный довод. Почему в армии, в которой все солдаты исполняют свой долг, героями становятся лишь немногие? Основным долгом еврея во время войны, если он оказывался на оккупированной территории, было спасение себя и своих близких. Это и был его акт сопротивления, его ответ врагу. Но если при этом еврей не торопился обеспечить собственную безопасность, а рискуя всем, а порой и жертвуя всем, помогал спасти таких же, как он евреев, почему же он — не герой?

О них, забытых еврейских праведниках, мой рассказ.

Пролог

Деревушку Мюссак, приютившуюся среди холмов и лесов департамента Коррез во Франции, в эту майскую ночь 1944 г. освещали только звезды. Давно уже ее жители ложились спать с наступлением темноты. Помимо экономии, а французские крестьяне знали в ней толк, зажигать свет было опасно — мало ли какие ночные гости могли залететь на огонек. Партизаны, немцы, милиция — поди разбери, а есть и пить все хотят. Лучше от греха подальше: утро вечера мудренее. Но в эту ночь, 13 мая, выспаться им не удалось. Ближе к полуночи тишину прорезал шум моторов, и на небольшую площадь перед неказистым двухэтажным домом выскочили одна за другой три машины и, раскинувшись веером, остановились мгновенно, как будто наткнулись на невидимую стену. Визг тормозов смешался с отрывистым лаем команды, шесть человек выпрыгнули из машин и, срывая с плеч автоматы, бросились к дому, освещенному ярким светом фар. На входную дверь обрушились удары прикладов.

Это был налет вишистской милиции, которой даже немцы уступали в свирепости преследования евреев. Сегодня они рассчитывали на поимку крупных птиц — директора ХИАСа[1] во Франции Владимира Михайловича Шаха и его сына и помощника Евгения Владимировича. Но западня оказалась пуста — хозяин дома, сам связанный с милицией, не только предупредил своих жильцов, но и спрятал их в сарае на заднем дворе. Будучи умнее и циничнее своих подельников, он уже понимал, что песня Гитлера и Петэна спета и нужно позаботиться о себе.

Мы знаем, что еврейская организация ХИАС помогла нам приехать в Америку[2]. В течение всей своей истории (в этом году ХИАСу — 131 год) он помогал евреям вырваться из лап погромщиков, фашистов, коммунистов. Постепенно становится ясной роль ХИАСа в спасении евреев во время последней мировой войны. Изучая архивные материалы, начинаешь понимать, как помогали сотрудники ХИАСа беженцам в оккупированных нацистами странах, где им грозили депортация и смерть. Но кто были эти люди, работавшие под огнем, в перекрестье прицела, не было известно почти ничего. Лишь плохонькая фотография мемориальной доски, установленной после войны на здании ХИАСа в Париже[3], сообщала имена одиннадцати сотрудников, погибших от рук фашистов. Это да еще снимок сотрудников ХИАСа, сделанный в Марселе в июне 1942 г., было все, что мне известно. Из переписки, хранящейся в архиве, я знал, что директором ХИАСа в Марселе был Владимр Шах. По звучанию — явно русское имя, но никаких биографических сведений у меня не было.

Все изменилось, когда я получил коротенькое письмо от вашингтонского журналиста Питера Кателя:

Я пишу биографию моих родителей, Жака и Хелен Катель. Они работали в ХИАСе во время войны. Отец — в лагере Ле Миль, а мать — в Марселе. Там же работал муж ее сестры Евгений Шах. Отец Евгения, Владимир, был Директором ХИАСа во Франции. Моя мать живет сейчас в Вашингтоне, а Эрик Шах, сын Евгения — в Париже.

В ответ я послал Питеру фотографию, снятую в Марселе в 1942 г. Он немедленно опознал своих родителей, а также Владимира Шаха и его сына Евгения. Естественно, это было только начало. В декабре 2005 г. я поехал в Вашингтон, где долго разговаривал с Хелен Катель, которая оказалась дочерью необыкновенного человека — Бориса Гессена[4], и с Эриком Шахом, приехавшим на встречу из Парижа.

Затем последовали долгие месяцы работы в архивах, встречи и переписка с историками в Америке и Франции. И вот уже не безымянные лица смотрят на меня с фотографии, и я читаю не безликие имена на мемориальной доске. Не у всех, но у некоторых из них появились биографии, обозначились судьбы.

Оказалось, что работа в ХИАСе была во многих случаях семейным делом. В мирное время можно было бы отнестись к подобному явлению скептически, но если в военное время в оккупированной Франции такая семейственность и означала дополнительные продуктовые талоны и зарплату, то риск, связанный с работой в ХИАСе, намного превышал эти выгоды. Пятьдесят лет истории семьи Гессен–Катель–Шах убедительно доказывают, что ее члены были не только родственниками — они были соратниками в последовательной борьбе против большевизма, фашизма и коммунизма с оружием в руках и пером, разящим не хуже пули.

Часть I
Исход: Россия, Германия, Франция

Жак Катель[5] (Яков Ильич Катель) родился в Харькове в 1916 г. Мать — Амалия Эдуардовна Копп, врач-педиатр, выпускница Санкт-Петербургского женского медицинского института, отец — Илья Катель, инженер. Родители развелись в год рождения сына. Гражданскую войну семья пережила в Харькове, эпицентре беспощадной борьбы между белыми, красными, а также бандами всех остальных цветов. Единственное, что связывало эти враждующие группировки, — это ненависть к евреям. Случай помог: за исключением одного большевистского налета в поисках «излишков», все кончилось благополучно.

В 1920 г. семья переезжает в Москву, и Амалия начинает хлопотать о выездных визах для себя и детей. Одно из первых воспоминаний

Жака — это стояние в длинной очереди за хлебом. У Валентины, старшей сестры Якова-Жака, в памяти остались какие-то мешки с мукой, окружавшие ее, когда семья делила комнату с приютившими их родственниками.

Наконец, визы были получены, и в 1922 г. семья отправляется в Берлин. Не будем расстраиваться, что Кателн страдали от необходимости покинуть родину. Да, они, как и многие тысячи сионистски настроенных евреев России, полностью отождествляли себя с русской культурой. Тем не менее Россия, которую они оставляли, не имела ни малейшего отношения ни к русской культуре, ни к культуре вообще. А Германия к этому времени становится центром русской эмиграции, где к 1923 г. было более четверти миллиона русских, или, как бы теперь сказали, русскоговорящих. Согласно переписи 1925 г., в Германии находилось 253 069 бывших подданных Российской империи в границах 1914 г., в том числе этнических русских там насчитывалось 80 тыс., евреев — 63 500 и этнических немцев — 59 тыс.[6]

Более того, благодаря «любезности» большевиков, в Германии оказались пассажиры так называемого философского парохода — свыше 200 политических деятелей, ученых и писателей, цвет духовной жизни России. За границей, по большей части в Германии, находились философ Н. А. Бердяев, писатель Е. Замятин, астроном В. В. Стратонов, врач В. Е. Фомин, философ, историк и писатель Ф. А. Степун и многие, многие другие. Показательно, что Лев Троцкий (забегая вперед, заметим, что Жак Катель, как и его жена Хелен Гессен, войдут в группу троцкистов во Франции) в беседе с иностранными журналистами оправдывал эту акцию, называя ее «гуманизмом по-большевистски». Альтернативой высылке этих врагов советской власти был расстрел, заявил он. Лев Давидович даже представить не мог, как он был прав. Не прошло и 10 лет, как выслали его самого, а затем уже ничто не служило альтернативой массовым расстрелам.

Но вернемся к жизни Кателей в Берлине, или, как тогда говорили, «русском» Берлине. Столица государства, с которым Россия еще недавно вела долгую и кровопролитную войну, волею исторического случая стала островом русской цивилизации в центре Европы. Его населяли тысячи и тысячи русских — военных, предпринимателей, врачей, инженеров, литераторов, художников и просто людей без определенных занятий. Русские газеты и журналы, рестораны, театры. Были районы в Берлине, где говорили только по-русски. Конечно, были правые и левые, были белые, которые обвиняли евреев (в том числе и эмигрантов-евреев, бежавших из Совдепии) в гибели России. Ну и, конечно, были евреи, бившие себя в грудь и кричавшие: «Да, виноваты, мы в ответе за Троцкого».

Нельзя сказать, что среди многочисленных эмигрантских группировок евреи занимали какое-то особое место. По словам историка Олега Будницкого, *«это был целый и довольно специфический мир, иногда пересекавшийся с русской эмиграцией, иногда не отделявшийся от русской эмиграции, а иногда не имевший с русской эмиграцией ничего общего»*[7]. Но к какой бы группе не относили себя эмигранты, ощущение временности оказывало влияние на все их существование. Оставаться и ждать конца большевиков? Возвращаться в Россию, примирившись с новой властью? Ехать дальше? В стране, задыхавшейся от инфляции, можно было безбедно жить, имея твердую валюту. Доходило до анекдотичных случаев, когда Иосиф Гессен заплатил долг своего издательства, составлявший 75 миллионов марок, 50 американскими центами. Но к концу 20-х гг. установление твердой марки сделало жизнь эмигрантов значительно более трудной, и постепенно «русский» Берлин перестал существовать. А тут еще политическая борьба внутри Германии становилась все ожесточенней. Социал-демократы, коммунисты, набиравшие силу нацисты. Подросток Катель, начав с сионистских кружков, к 16 годам решил, что многое из того, что он видел вокруг, хорошо объяснено в работе В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». К коммунистам он не примкнул, видя, что объектом их ненависти являются не нацисты, а социал-демократы. Их поведение определяли директивы из Москвы, и Троцкий, который к тому времени был уже выслан Сталиным и вел с ним ожесточенную борьбу, прямо обвинял немецких коммунистов в раболепии перед Кремлем и пособничестве фашизму. Катель, как и многие другие, забыл, что сегодняшний враг Сталина был одним из главных создателей режима, уже начавшего пожирать своих детей. Для Жака было главным то, что Троцкий 30-х гг. стал непримиримым врагом сталинского режима и наступавшей эры нацизма. Что для всех членов семьи было совершенно ясно, так это необходимость покинуть гитлеровскую Германию, что они и сделали в 1933 г. Амалия с детьми переехала в Париж, где Илья, расставшись с женой, но продолжая помогать ей и детям, обосновался несколькими годами раньше и преуспел в бизнесе по изготовлению звуконепроницаемых строительных панелей.

Жак продолжил занятия в Сорбонне, где изучал юриспруденцию. Как и во всем мире (кроме тоталитарных режимов), студенты были активны в политической жизни. Мы знаем, что Жак тяготел «влево», так что не удивительно, что он стал членом троцкистской группы, в которой оказалась девушка по имени Хелен Гессен. Молодых людей сразу потянуло друг к другу. В их прошлом было много общего — интеллигентные еврейские семьи, эмиграция, политические взгляды. Надо сказать, что, даже будучи троцкистом, Жак достаточно иронично смотрел на политическое

движение, которое не имело никаких шансов на успех. Сторонники Троцкого, человека, на которого Сталин объявил открытую охоту, подвергались большой опасности, так как группа троцкистов во Франции, весьма немногочисленная, была насыщена агентами НКВД. Самым известным из них (конечно, таковым он стал намного позднее) был Марк Зборовский по кличке Этьен. Никто, в том числе и сам Троцкий, не подозревал, что ближайший помощник его сына Льва Седова — агент Сталина. Сам Седов настолько доверял Зборовскому, что поручил ему проверить лояльность Жака Кателя, который вызвал у него подозрение «слишком самостоятельными суждениями». Даже после того, как еще один агент НКВД, порвавший со сталинской охранкой, Игнац Рейсс[8], предупредил его об измене, Троцкий решил, что предупреждение — это провокация. Да и трудно было понять, кто есть кто в этом королевстве кривых зеркал, где каждый мог быть не тем, кем казался. Неумение разобраться в окружающих людях стоило жизни Льву Седову. После стандартной аппендэктомии Лев погиб в больнице, куда был помещен по совету Зборовского (больница была под контролем НКВД). Зборовский же навел убийц на след Рейсса в Швейцарии.

Единственный человек, кто сразу понял нутро Зборовского, была мать Жака. Увидев его в своем доме, Амалия Катель немедленно изрекла: «Он — чекист!» Но ее никто не послушал... Сам Жак тоже ни в чем не подозревал Зборовского. Он и не думал, что их пути снова пересекутся через много лет уже в Америке.

Первой начала работать в европейском отделении ХИАСа (главная штаб-квартира находилась в Париже) Хелен Гессен, близкая родственница семьи Шах. Жак присоединился значительно позже, уже после поражения Франции и демобилизации из армии, куда он вступил добровольцем сразу после начала войны.

Это он работал в лагерях, где содержались интернированные евреи, стараясь определить, у кого есть родственники в Америке, которые могли бы написать желанный аффидевит... Впрочем, давайте по порядку.

Часть II
В перекрестье прицела

ХИАС закрыл свои двери в Париже 11 июня 1940 г., за четыре дня до занятия его немцами. Правительство переехало в Бордо, а вместе с ним посольства и консульства. Вслед за американским представительством в Бордо переехал и ХИАС. Надо сказать, что, предвидя развитие событий, было решено, не оставляя работы во Франции, перенести штаб-

квартиру ХИАСа в Европе в нейтральный Лиссабон. Время подтвердило правильность такого решения. Тем временем Владимир Шах с несколькими сотрудниками и архивом 31 июня прибыл в Бордо, но распаковаться они не успели — 2 июля немцы вошли в Бордо. Два немецких офицера в сопровождении французского явились в гостиницу к Владимиру Шаху и потребовали, чтобы архив ХИАСа был передан немецким властям. Это означало, что в руки фашистов попадут десятки тысяч имен и адресов еврейских беженцев, за многими из которых давно охотилось гестапо. Шах ответил категорическим отказом.

— ХИАС — американская организация, а Германия не находится в состоянии войны с Америкой, — спокойно сказал он.

Гитлеровцы удалились, пообещав вернуться.

Надо было срочно уезжать. Шах сжигает часть документов и перебирается в неоккупированную зону Франции, в Марсель.

Владимир Шах был незаурядным человеком. Адвокат по образованию, он долгое время был финансовым советником двух своих богатых друзей, Юлия и Бориса Гессенов (одна дочь Бориса Гессена вышла замуж за сына Шаха Евгения, а вторая за сына Ильи Кателя Якова, ставшего во Франции Жаком). Одновременно со значительной должностью, которую Владимир занимал в фирме своих друзей, он был масоном, журналистом и социал-демократом. Прежде всего, он был порядочным человеком, и в 1917 г., после большевистского переворота, он с семьей на одном из последних пароходов сумел вырваться в Константинополь. В ХИАСе он работал с 1933 г.

Переезд большой организации в другой город даже в самых благоприятных условиях можно сравнить с потопом или пожаром. А что говорить о переезде еврейской организации в антисемитской стране, наводненной нацистами, когда большинство служащих разбросано по стране, половина архива сожжена, а денег в кассе нет и в ближайшее время не предвидится?

И все же осенью 1940 г. ХИАС открывает двери тем, кому нужна помощь для выезда или, скорее, бегства, от приближающейся катастрофы. В эту дверь хлынули десятки тысяч евреев из Польши, Бельгии, Голландии, Эльзаса, Лотарингии, а также из оккупированной зоны Франции, попавших в ловушку в этой стране. Как выяснилось совсем недавно, среди тех, кто обращался за помощью в ХИАС, были не только евреи. Многие были интернированы в специальных лагерях, где сотрудники ХИАСа разыскивали людей, у которых были шансы на иммиграцию. Как мы знаем, одним из них был Жак Катель, который работал в лагере Ле Миль. Хиасовцы делали все возможное, чтобы обеспечить жаждущих вырваться из Франции беженцев визами в США, Южную

Америку, Южную Африку, Китай, — куда угодно, лишь бы уехать из зачумленной Европы.

Увы, желающих было гораздо больше, чем возможностей, и нужно было искать другие пути для спасения.

В 1940–1942 гг. еврейский иммигрант из России Иосиф Басс создал в Марселе подпольную группу под названием «Служба Андре» — имя Андре было подпольной кличкой Басса. Организация занималась тайной переправкой евреев в Испанию и Швейцарию, а также в итальянскую зону оккупации, где евреи чувствовали себя в относительной безопасности. Члены группы также занимались изготовлением фальшивых документов для евреев. Во французском отделении ХИАСа работало довольно много иммигрантов из России. Кроме уже перечисленных выше был еще заместитель Шаха Александр Троцки. Он не был родственником Льва Давидовича и предпочитал, чтобы его называли мсье Александр во избежание путаницы. Там же работал и сын Александра, Генри. О его трагической судьбе мы расскажем позже.

Обилие русскоговорящих сотрудников в ХИАСе предполагало, что им легко было найти общий язык с Иосифом Бассом и его группой и оказывать ему помощь в подпольной работе. Кто, как не работники ХИАСа, знали о страшных перспективах, ожидающих евреев, которым не удастся вырваться из Франции. Это было предположение, но ни единого доказательства в его пользу не было. И все же меня не покидала уверенность в участии ХИАСа в подпольной работе. Не могли люди, подобные Владимиру Шаху, его сыну, награжденному французским орденом за храбрость в войне 1939 г., сидеть и ждать сигнала к отправлению поезда в Освенцим...

И моя вера была вознаграждена. Сначала среди фотографий разных лет в архиве ХИАСа я нашел корреспонденцию из Парижа, датированную 1947 г. В ней говорилось: *«Помимо эмиграционной работы в Марселе, Владимир Шах организовал секретный переход из Франции в Испанию и Швейцарию. Он установил связь с надежными подпольными группами, действовавшими в приграничных районах, и с 1942 года, когда начались крупномасштабные депортации из Франции, ХИАС успешно переправил сотни евреев, особенно еврейских детей, через испанскую и швейцарскую границы».*

К сожалению, ни одной ссылки на источник информации не было. Когда же в Вашингтоне я встретился с Эриком Шахом, он показал мне документы и фотографии, принадлежавшие его отцу и деду. Среди них было удостоверение участника Сопротивления, члена подпольной боевой группы Евгения Шаха. Указывалось также место его работы — ХИАС. Более того, группа борьбы против депортации, членом которой

был Шах, оказалась той самой «Службой Андре», которую организовал Иосиф Басс. Так что моя первоначальная гипотеза была полностью подтверждена. Эрик привез письмо помощника Басса, католического священника Ламера, адресованное «другу и соратнику по борьбе» Евгению Шаху. Хочу отметить, что Ламер получил (и совершенно заслуженно) звание Праведника Мира за помощь, оказанную Иосифу Бассу в спасении евреев. Естественно, что ни Басс, ни Шах, ни другие евреи — члены группы награждены не были. Это уже нельзя свалить на антисемитов, это — наша вина.

Работали в ХИАСе на износ, физически и психологически. Хелен Катель вспоминает, что, когда Владимир Шах заболел, она и другие сотрудники должны были проводить «селекцию» (страшное слово, но по сути означавшее то же: налево — уезжаешь и живешь, направо — остаешься и погибаешь), отбирая тех кандидатов в эмигранты, кто отвечал сложным, противоречивым и постоянно меняющимся правилам выезда из Франции и въезда в другие страны, в том числе и в США. Эти правила не допускали исключений, и даже сейчас, 65 лет спустя, Хелен не могла сдержать слез, рассказывая о тех, кому пришлось отказать.

Знакомство с троцкистскими кругами Франции позволило Кателям поддерживать связь с Карелом Стернбергом, сотрудником еще одной организации, помогавшей беженцам, — Комитета экстренного спасения (Emergency Rescue Committee), возглавляемого Варианом Фраем. История Комитета и Вариана Фрая достаточно известна, Вариан Фрай — первый американец, удостоенный звания Праведника Мира. На мой взгляд, деятельность Комитета и самого Фрая сильно преувеличена и им самим, и его апологетами. Здесь не место углубляться в подробности, но достаточно сказать, что огромный список людей, спасенных, по словам Фрая, исключительно благодаря его работе, я нашел в архивах ХИАСа и убедился, что практически все они приехали в США с помощью ХИАСа. Достаточно назвать двух самых известных — Марка Шагала и Генриха Манна[9].

Имеются сведения, что в организацию Фрая проник агент НКВД, давший знать полиции Виши о письме из Нью-Йорка троцкистам из группы Фрая с призывом к антиправительственным выступлениям против режима Виши. Во время последовавшего обыска письмо было найдено и 10 человек арестованы. Всем им удалось бежать, но впоследствии четырех из них убили люди из коммунистических отрядов Сопротивления[10]. Сам Фрай был выслан из Франции в сентябре 1941 г. Руководство собственной организации также было недовольно его работой, и в 1942 г. он с ней расстался.

Положение евреев во Франции продолжало ухудшаться. Вишисты с подачи немцев, а большей частью по своей инициативе все туже сдав-

ливали петлю на шее евреев, в первую очередь тех, кто не являлся гражданами Франции. Многие из них работали в ХИАСе. Пытаясь спасти их жизни, Владимир Шах не жалел усилий, чтобы раздобыть въездные визы в США, Аргентину, Эквадор, хоть к черту на рога, а если не визы, то хотя бы фальшивые документы, чтобы спрятаться, раствориться в общей массе. Часть сотрудников эмигрировала, в том числе и Жак Катель со своей женой. Кстати, уехали они не только из-за опасности быть арестованными гестапо или вишистами. Коммунисты, участвовавшие в движении Сопротивления, зачастую сдавали троцкистов врагу или убивали их сами.

11 ноября 1942 г. немцы оккупировали всю Францию, и вскоре комиссар по еврейским делам Даркье де Пелепуа приказал всем иностранным сотрудникам ХИАСа сдать разрешения на работу. Было ясно, что это первый шаг к депортации. Шах бросился в Виши, пробовал добиться отмены приказа, но был бессилен. Из 26 иностранных сотрудников только двое получили право на дальнейшую работу — Натан Крамер и Марсель Мейер. Но и они не выживут. Их арестуют 3 апреля 1944 г. при налете на ХИАС, который к этому времени уже переедет в городок Брив Ла Гайар.

В первом же письме, посланном из освобожденной Франции в августе 1944 г., Владимир Шах сообщает имена погибших сотрудников ХИАСа. Этот список полнее, чем выгравированный на мемориальной доске в Париже, и, кроме того, в нем была указана причина смерти. Так мы узнаем, что, кроме депортированных, три человека было убито, а один покончил с собой. Среди имен убитых значились брат и сын мсье Александра. К сожалению, из архивных материалов мне не удалось выяснить, кто же были эти люди, кроме их должности и семейного положения. Помогла база данных Яд Вашем. Когда я ввел их имена в поисковую систему, то получил то, что искал, — биографические данные. Первым я ввел имя Генри Троцки, и оказалось, что заявление о гибели Генри поместил в Яд Вашем его отец. Он же оставил сообщение о гибели своего брата Гирша. В обоих заявлениях Александр указал, что его брат и сын, будучи партизанами, погибли в бою. Сообщение было датировано 1955 г., так что вряд ли Александр дожил до наших дней, но, может быть, он оставил какие-нибудь мемуары?

По установившейся привычке я запросил Гугл. Нет, мемуаров Александр не писал, но оказалось, что друг Гирша, живущий в Южной Америке, поместил в Интернете рассказ о гибели Гирша и его племянника:

Еврейские рабочие Парижа хорошо помнят Хиршке Троцкого.

Темной ночью 15 ноября 1943 года батальон эсэсовцев окружил отряд партизан. В группе, не ожидавшей нападения, было 18 бойцов. Среди

них был Хиршке и его племянник Генри, сын его брата Александра, и другие опытные партизаны.

Ответив отказом на предложение сдаться, храбрецы приняли неравный бой. Все они погибли смертью героев. На следующее утро, молодой партизан сфотографировал тела убитых, изрешеченные пулями, а еще через несколько дней, фото с призывом отомстить было напечатано в подпольной газете[11].

Так удалось узнать о последних минутах жизни двух героев ХИАСа.

На Гирша Троцкого оказалось еще два документа в Яд Вашем, один из них с фотографией, а другой, оставленный его дочерью Соней, датирован 2005 годом. Найти ее во Франции не составило труда, завязалась переписка по электронной почте. И вот тогда-то и началось то, что я назвал генеалогией Сопротивления: мало того, что многие сотрудники марсельского ХИАСа были связаны родственными узами, эти связи тянулись и дальше, к другим подпольным организациям.

Во-первых, Соня опознала на общей фотографии 1942 г. своего дядю Александра Троцки, мсье Александра. Кроме того, она прислала мне несколько фотографий отца, а также свадебную фотографию еще одного родственника и тоже сотрудника ХИАСа — Генри Витчица. На ней-то мы и остановимся подробнее.

Невеста Генри — Соня Троцки, сестра Александра и Хирша. Соня умерла перед войной, и Генри женился на Берте Троцки, сестре своей покойной жены. Оба, и Генри и Берта, работали в ХИАСе всю войну, вплоть до освобождения. Справа от жениха и невесты — Александр Троцки со своей женой Матильдой Витчиц, сестрой Генри. За ними справа — брат Александра Хирш с племянником Генри. Их судьба нам уже известна. Отсутствует на фотографии еще один родственник — племянник Александра со стороны жены — Роберт Витчиц. Соня рассказала мне о его судьбе, а потом я дополнил эту информацию из других источников.

Роберт сражался в рядах вооруженной подпольной группы, в которую входили молодые иммигранты, в основном евреи. Возглавлял отряд армянин Миссак Манушьян. Чем-то они напоминали молодогвардейцев. Особенного ущерба фашистам они не нанесли ввиду полного отсутствия опыта, но что-то взрывали, а когда могли — убивали врага. Их было двадцать три. Фашисты поймали всех и устроили показательный суд, чтобы французы увидели, что их враги не немцы, а иностранцы и евреи. Портреты расстрелянных юношей расклеили по всей Франции, но на следующий день у них красовались букеты цветов. Так что не все

французы были антисемиты, во всяком случае 65 лет тому назад. Сейчас именем Роберта Витчица названа улица в его родном городе Иври-сюр-Сен. Так семейная фотография смогла поведать о стольких событиях и судьбах.

Соня связала меня с Клодом Троцки, младшим сыном Акександра, и он рассказал мне о дальнейшей судьбе своих родителей. После гибели сына и брата Александр с женой и Клодом скрылись из Брива в небольшой деревушке в горах, где находилась база партизан. Александр преподавал в местной школе, а его жена стирала и чинила одежду партизанам — участникам маки.

Часто для того, чтобы установить какой-то факт, приходилось сопоставлять несколько источников, выдвигать гипотезы и затем опытным путем либо подтверждать их, либо, увы, опровергать.

Например, из писем Александра в Лиссабон (а их буквально надо было расшифровывать, так как они написаны не только по-французски, но еще и эзоповым языком) я узнал, что сотрудница ХИАСа Марго Франкфорт была арестована в апреле 1943 г. и что в июне 1943 г. она была еще в Дранси — пересыльном лагере в пригороде Парижа. Из документа Яд Вашем стало известно, что в Освенцим ее отправили в ноябре. Но тогда каким образом ее имя оказалось в списках на получение заработной платы в ХИАСе в декабре 1943 г., когда ее самой уже не было в живых? Ответ на этот вопрос оставался тайной, пока я не прочитал протокол заседания совета директоров ХИАСа от 24 мая 1943 г., на котором было принято решение *«...продолжать выплату заработной платы уволенным* (читай: арестованным. — *В.Б.*) *сотрудникам в течение нескольких месяцев ввиду тяжелого положения и отсутствия других средств существования»*.

Пока арестованные находились в пересыльных лагерях на территории Франции, они могли получать деньги с воли. На эти средства можно было покупать столь необходимые продукты. Когда получение денег арестованными становилось невозможным, их направляли родственникам, часто находившимся на нелегальном положении.

После оккупации всей Франции (11 ноября 1942 г.) ХИАС переехал в городок Брив ла Гайар в департаменте Коррез. Почему именно в этот городок? Случайность? Вот что говорит об этом городке *Википедия*: *«Во время Второй мировой войны Брив был региональной столицей Сопротивления, центром нескольких подпольных организаций, таких как Тайная Армия (Armee Secrete) и Объединенное движение Сопротивления (Mouvements unis de la Resistance)»*.

Более того, и адрес, где разместился сокращенный до минимума штат ХИАСа — улица Пастера, 30, был выбран не наобум. Узнал я об этом совсем недавно и совершенно случайно, хотя какая уж здесь случайность, если все началось с обращенной ко мне просьбы найти адрес родственника. Тем, кто этого не знает, поясняю, что одно из направлений моей работы в ХИАСе заключается в восстановлении потерянных контактов между людьми. Итак, меня просили найти брата некоего Эманюэля Фюерверкера, сына известного Давида Фюерверкера. Имя Фюерверкер мне было совершенно неизвестно, и меня разобрало любопытство: а чем же он был знаменит? Действуя по принципу «чего не знаешь, спроси у Гугла», я набрал в Интернете имя Давид Фюерверкер. Через мгновение я понял, что открыл новую страницу истории ХИАСа во Франции во время войны...

Давид Фюерверкер был действительно необыкновенным человеком. Ученый раввин, он вступил во французскую армию и за короткое время успел получить несколько наград за храбрость. После заключения перемирия был назначен раввином трех департаментов, Коррез, Крез и Лот с центром в... Брив-ла-Гайар! Еще не прочитав следующую фразу *Википедии*, я уже знал ее содержание. Ну, конечно, «...сотрудничал с ХИАСом, помогая беженцам найти страну пристанища». Вместе с женой Антуанеттой, сестрой жены Роз Глюк и ее братом Саломоном активно участвовал во французском Сопротивлении, будучи членом группы «Комбат».

Теперь я должен был сделать то, о чем меня просили с самого начала, — найти сына теперь уже и мне известного Давида Фюерверкера.

И, конечно, я его нашел. Общение с Эли Фюерверкером продвинуло мои изыскания дальше, чем я мог надеяться. Именно он рассказал мне, почему ХИАС обосновался на улице Пастера. Дело в том, что там на первом этаже была синагога, раввином которой был Давид Фюерверкер. Эли также дал мне номер файла в архиве Института еврейских исследований (YIVO), в котором хранилась переписка между ХИАСом и Давидом Фюерверкером. Из этих документов стало ясно, что их сотрудничество началось еще в 1940 г., когда ХИАС находился в Марселе. Естественно, когда возникла необходимость в переезде, Давид посоветовал Брив. Как мы знаем, совет был принят.

Тесное сотрудничество в деле нелегальной эмиграции продолжалось до апреля 1944 г., когда Давид был вынужден бежать в Швейцарию, а Антуанетта, его жена, перешла на нелегальное положение. Она и ее малолетняя дочь скрывались до освобождения Франции. Другая судьба постигла Саломона Глюка, шурина Давида, и его свояченницу Роз, которая работала вместе с небольшой группой сотрудников ХИАСа на улице

Пастера, 30, в городке Брив. Саломон был арестован в феврале 1944 г. французской милицией и в конвое № 73 отправлен в Каунас, где был расстрелян. О том, что случилось с Роз, мы расскажем несколько позже.

После оккупации всей Франции легальная эмиграция была практически невозможна, и ХИАС стал проводить нелегальные операции, продолжая оказывать финансовую поддержку своим бывшим клиентам. Учет потраченных средств велся скрупулезно. Однако найти что-либо, относящееся к затратам на подпольные операции, на переход границы, оказалось невозможно. Приходилось соблюдать строжайшую секретность. Ведь малейшее подозрение в том, что кто-либо из сотрудников ХИАСа помогает евреям нелегально переходить границу или снабжает их фальшивыми документами, привело бы к закрытию ХИАСа и депортации всех сотрудников.

Уже когда эта статья была почти готова, я получил запись интервью с Татьяной Гроссман, владелицей известной в пятидесятые годы мастерской репринтов. Татьяна выбралась из Франции с помощью ХИАСа в 1942 г. Ее воспоминания — пока единственное свидетельство очевидца.

> *...мы жили вместе с г-ном Коралли в пригороде Марселя. Он познакомил нас со своим другом, испанским беженцем из Барселоны. По профессии он был экспертом по выслеживанию фальшивых денег. Он занимался тем, что изготовлял эльзасские удостоверения личности. Я брала эти документы и отвозила в Марсель в еврейский комитет — ХИАС для распределения среди евреев.*

А вот отрывок из изданной в 1947 г. во Франции книги «Еврейские организации во Франции в период оккупации»:

> *Чтобы спастись, нужно было либо перейти границу, либо обзавестись фальшивыми документами, либо попасть в итальянскую зону оккупации, либо просто спрятаться. ХИАС помогал всем, кто выбирал один из этих путей. На все была своя цена, и ХИАС, установив связь с людьми, выполнявшими услуги по переходу границы или по изготовлению документов, оплачивал их работу. Тем же, кто скрывался, помогали деньгами и продуктами*[12].

Уже шел 1944 год. Освобождение было близко, но немцы и особенно французская милиция свирепствовали вовсю. Четвертого апреля был совершен налет на помещение ХИАСа в Бриве. Вот там-то и попали в руки гестапо Марсель Мейер и Натан Крамер, единственные иностранные евреи, которым разрешили работать в ХИАСе после увольнения остальных. Вместе с ними была арестована Роз Глюк. В Освенциме

она пережила три селекции и марш смерти в лагерь Гросс-Розен, откуда была освобождена весной 1945 г. Марсель Мейер и Натан Крамер погибли в лагерях.

Но почему ни Владимира Шаха, ни его сына Евгения не было среди арестованных? Какое чудо спасло их?

Рассказывает Эрик Шах:

Мы жили не в самом Бриве, а в соседней деревушке Мюссак. Отец (Евгений Шах) и дед (Владимир Шах) ездили на работу в Брив автобусом. В тот день дед чувствовал себя неважно, и папа, мама и бабушка стали уговаривать его остаться, не ехать на работу. Дед был упрям и не соглашался. Пока они спорили, время шло, и когда все поняли, что деда не переубедить, они опоздали на автобус, которым всегда ездили. Пришлось сесть на следующий, который отправлялся часа через полтора. Остановка в Бриве находилась прямо напротив дома, где помещался ХИАС. Отец с дедом уже собирались выйти, когда заметили возле дома несколько милицейских машин. Они вернулись, сели на свои места и поехали дальше.

Минута опоздания спасла им жизнь.

Второй раз за ними пришли уже домой. Что произошло тогда, 13 мая, мы знаем, с этого началось наше повествование.

Во время встречи в Вашингтоне я спросил у Эрика, не возникал ли вопрос об отъезде в Америку. Ведь такому человеку, как Шаху, и его семье, наверняка бы оформили визы. В ответ на мой вопрос все засмеялись, как будто они не раз обсуждали его и давно пришли к единому мнению.

— Жена Владимира Шаха ни за что не хотела уезжать из Франции и никому не позволила, очень она была своенравна, — таков был их ответ.

— Не может этого быть, — не менее уверенно заявил я.

Все несколько опешили. Кто я такой, чтобы лучше знать о причинах важнейшего решения, чем они, члены семьи?

А я не мог поверить, чтобы такие люди, как Владимир и Евгений Шах, могли подчиниться капризу упрямой женщины, капризу, который мог стоить жизни им всем. Нет, сказал я, чтобы остаться, рискуя собой и детьми, нужна была значительно более важная причина. И эту причину раскрыл сам Владимир Шах. В письме в Нью-Йорк в октябре 1944 г. он писал:

...Не раз я думал о своей отставке. Но в момент, когда немцы начали беспощадное преследование моих коллег, арестовывая сотрудников и членов Совета, я посчитал, что моя отставка была бы равнозначна дезертирству перед лицом врага. То же самое относится к обстоятельствам моего сына, представителя нашей организации в департаменте Коррез.

Но это еще не все. В начале статьи я упомянул о том, что ХИАС помогал не только евреям. Вот как об этом рассказал Владимир Шах в статье, изданной во Франции после войны:

В ноябре 1942 оккупация немцами всей территории Франции положила конец полулегальной, полуподпольной деятельности ХИАСа. ХИАС перешел полностью на нелегальную работу: фальшивые документы, внутренняя эмиграция в районы, где евреи могли найти приют, нелегальный переход границы.

Принимая во внимание тот факт, что ХИАС был ***единственной организацией, имеющей опыт эмиграционной работы*** *(здесь и далее выделено мной. — В.Б.), я счел своим долгом предложить нашу помощь всем тем, кто желал покинуть Францию для своего спасения или для продолжения борьбы с захватчиками,* ***независимо от национальной принадлежности или вероисповедания****.*

Таким образом, мы сумели переправить через границу под видом инженеров для работы за рубежом несколько сот польских офицеров, которые затем присоединились к польской армии, формировавшейся в Канаде.

Несмотря на большие трудности и огромный риск, группа австрийских социалистов, известная, как группа из Монтабана, сумела покинуть страну с нашей помощью.

Мы отправили в Мексику сотни испанских республиканцев, что вызвало гнев властей, обвинивших нас в помощи красным.

Наконец, мы помогли сотням бельгийцев и чехословаков, застрявших во Франции, уехать и, таким образом, дали им возможность присоединиться к силам Союзников. Само собой разумеется, что все французы, желавшие вступить в ряды армии Де Голля за пределами Франции, получили от нас помощь.

С самого начала мы сотрудничали с другими организациями, которые помогали всем, кто хотел спастись или присоединиться к силам освобождения, перейти швейцарскую, итальянскую или испанскую границы.

В результате нашей работы семь тысяч человек разных национальностей и религиозных убеждений смогли покинуть Францию. Мы затратили на эту работу семь миллионов франков[13].

Не пора ли пересмотреть правила, по которым Яд Вашем присуждает звание Праведников Мира? Или, может быть, нееврейские организации создадут что-то, подобное Яд Вашем, для награждения евреев, которые во время войны, будучи сами объектами беспощадного уничтожения, находили в себе силы помогать тем, кому грозила опасность, не спрашивая ни о национальности, ни о религии[14]? Боюсь, не скоро это случится.

После освобождения Франции Владимир Шах вернулся в Париж, где продолжал руководить французским ХИАСом до своей отставки в 1947 г. В это время ХИАС занимался помощью перемещенным лицам, причем многих из них организация смогла переправить в Эрец Израиль нелегально.

Умер Владимир Шах в 1949 г. Его сын и помощник Евгений Шах, после войны перешел на работу в ОРТ[15]. Он умер в 1980 г.

Часть III
Между двух миров

10 октября 1955 г. в нью-йоркской квартире Жака и Хелен Катель раздался телефонный звонок. Звонил следователь Подкомиссии Сената по вопросам внутренней безопасности. Его интересовал старый знакомый Кателей, который жил в США, Марк Зборовский. Позже позвонили из ФБР по тому же вопросу. Чем же так заинтересовал антрополог с троцкистским прошлым спецслужбы США?

При переезде в Америку Зборовский не скрывал своей прошлой принадлежности к троцкистскому движению, а вот то, что он был и оставался агентом советских органов безопасности, не знал никто. Читатель помнит, что единственным человеком, который сразу его разгадал, была мать Жака Кателя — Амалия. Понадобилось свидетельство Александра Орлова, данного под присягой сенатской комиссии, чтобы ей поверили уже все. История самого Орлова, настоящее имя которого Лейба Фельдбин, заслуживает публикации на страницах одного из выпусков настоящего сборника. Правда, выпуск этот должен быть особым, посвященным антигероям. Но не одни же положительные русские евреи попадали за рубеж! Так что эпиграфом к такому предполагаемому выпуску я бы поставил слова Зеева Жаботинского: «Евреи, как и всякая другая нация, имеют право на своих мерзавцев». А Орлов-Фельдбин был одним из самых крупных из них. Во время Гражданской войны в Испании он в качестве советника республиканского правительства руководил отправкой золотого запаса страны в Москву, за ним также числились похищение и убийство лидера троцкистской партии Каталонии Андреса Нина, вербовка американца Морриса Коэна (еще одного кандидата для антигероевского сборника, отец — из киевской губернии, мать — из Вильно), будущего связного Рудольфа Абеля и Конона Молодого. Коэн умер в Москве в 1995 г., заслужил посмертно звание Героя и почтовую марку, выпущенную в его честь.

В 1938 г., почувствовав, что подвалов Лубянки ему не миновать, Орлов, захватив 60 тыс. долларов из оперативных средств и жену, бежит

на Запад, отправив письмо своим московским боссам. В нем он посоветовал не трогать оставшихся родственников и не посылать убийц по его следам, угрожая выдачей резидентов во многих странах. Как ни странно, но обе стороны выполнили поставленные условия. Орлов поселился в США и вышел на поверхность только после смерти Сталина, опубликовав книгу «Тайные преступления Сталина», при этом о своих он умолчал[16]. ФБР было весьма раздосадовано, что 15 лет у него под носом скрывалась такая крупная птица. Последовали многочисленные допросы, и тут-то всплыло имя антрополога Марка Зборовского, успевшего выпустить великолепную книгу о культуре еврейских местечек[17]. Вообще-то Орлов не первый раз «закладывал» Зборовского. Незадолго до убийства Льва Седова Орлов написал письмо Троцкому о том, что Зборовский, самый близкий человек в окружении его сына, является провокатором. Но... Лев Давидович анонимному письму не поверил. Теперь за Зборовкого взялись всерьез.

К Жаку Кателю это все имело весьма далекое отношение. Если в Париже они входили в один круг, то в Нью-Йорке почти не встречались. Вот и сейчас на вопрос, когда они виделись в последний раз, Жак с трудом вспомнил, что в прошлом году Зборовский пригласил его к себе в дом. Припомнил он также, что в разговоре его поразила реакция Зборовского на упоминание о миллионах сталинских жертв, когда последний нахмурился и отрывисто бросил:

— Ну и что? Лагеря всегда были и будут...

Для троцкиста, бывшего по определению антисталинистом, такое заявление звучало весьма странно, но поскольку Жак с тех пор не видел Зборовского, то постепенно забыл об этом разговоре, да и о самой встрече тоже.

Разоблачение Зборовского не вызвало особой бури в пандемониуме бывших шпионов, разочаровавшихся в коммунизме, но и не поверивших в капитализм. Некоторые смолчали, другие, как, например, бывший троцкист и автор классического труда о еврейских иммигрантах[18] Ирвинг Хоув, отзывались о Зборовском с презрением. Для Эльзы Берно, вдовы Игнаца Рейсса, предательство Зборовского вскрыло незаживающую рану. Дело в том, что Эльза, тоже антрополог, работала вместе со Зборовским над одним проектом. Она знала Марка еще по Парижу, но понятия не имела о его роли в гибели мужа, кадрового разведчика, который отказался работать на Москву, узнав о массовых расстрелах и показательных судах над старыми большевиками.

Теперь, когда его начали допрашивать сотрудники ФБР, Марк сам пришел к ней и признался, что более двадцати лет был агентом НКВД. Эльза вспоминает: *«Я спросила его об убийстве Людвика* (Люд-

вик — кличка Игнаца Рейсса. — *В.Б.*). *В ответ — только жалкая улыбка на перекошенном лице и беспомощное пожатие плеч. Тогда я поняла, кто навел убийц на Людвика»*[19].

Как видим, прошлое не отпускало Жака Кателя, напоминая ему о троцкистских увлечениях и о нежелании кремлевско-лубянских руководителей упускать людей, даже вырвавшихся из их паутины. Надо сказать, что Жак Катель и не стремился спрятаться. Развернувшаяся холодная война позволила ему найти применение своему опыту общения с революционерами старой закалки, меньшевиками, либералами, не приемлющими политику большевиков, но выросших из одного общего корня борьбы с царизмом. Этот богатый опыт облегчил понимание образа мыслей коммунистических бонз, а следовательно, и принятия ими глобальных решений. Многие деятели на Западе не понимали, что истоки поведения руководителей Советской России объясняются не общечеловеческой логикой, а той самой идеологией и методами, которые сначала привели большевиков к власти, а затем к созданию тоталитарного государства, которое уничтожило почти всех своих основателей. Таким образом, Жак Катель стоял у истоков науки, которая получила название советологии. Пришел он к этому не сразу.

Как мы помним, он и его жена Хелен прибыли в Нью-Йорк 16 апреля 1942 г. Жаку было 26, а Хелен — 25 лет. Но молодым людям некогда было заниматься личной жизнью: шла война, и они знали по личному опыту, с кем сражались союзники. Со знанием английского, французского, русского и немецкого языков беспокоиться о работе не приходилось. Хелен устроилась переводчицей в одно из военных ведомств, а Жака пригласили в только что созданное Бюро военной информации. Задачи Бюро были весьма разнообразны, и его информация распространялась как внутри США (о мобилизации, моральном уровне в частях и т. д.), так и на оккупированных немцами территориях Франции, Голландии, Бельгии, Дании и других стран (призывы к сопротивлению, военные сводки). Жак Катель, разумеется, работал во французском отделе. Можно себе представить, с каким чувством он садился к микрофону в надежде, что его голос услышат близкие и друзья, оставшиеся во Франции. Жак работал в Нью-Йорке и Лондоне. Но где бы он ни был, в его окружение входили левые интеллектуалы, непримиримые антисталинисты. В Нью-Йорке это были поэт Андре Бретон и ван Хейджноорт, бывший секретарь Троцкого. В Лондоне он общался с анархистами Джорджем Вудкоком[20] и Мари-Луиз Бернери, отец которой был убит сталинскими агентами в Барселоне во время Гражданской войны в Испании. Любопытно, что в этом же бюро, только в чехословацком отделе, работал и Карел Стерн-

берг, бывший член группы Фрая. Он приехал с помощью ХИАСа в том же 1942 г. и пошел работать в отдел стратегической информации, так же как Жак, найдя свое место в борьбе с нацизмом.

После войны Жак и Хелен уехали в Европу и до 1948 г. работали в лагерях перемещенных лиц, помогая их переселению в страны западного полушария. Официально они работали в Международном комитете экстренного спасения[21], но на фотографии, сделанной в послевоенной Германии и присланной мне сыном Жака и Хелен, я узнал стоящих рядом с Хелен двух работников ХИАСа. Да и как могло быть иначе, если с 1945 по 1954 г. ХИАС играл главную роль в иммиграции перемещенных лиц?

В 1948 г. Катели вернулись в США. Вскоре Жак стал представителем агентства «Франс-пресс» при Организации Объединенных Наций, а Хелен на время перестала работать по уважительной причине — у них родился первенец Питер.

В последний период своей жизни Жак был редактором журнала *Atlas, the Magazine of the World Press*, ежемесячника, который издавался с марта 1961 г. В журнале печатались статьи на политические темы со всего мира, как правило, с комментариями Жака Кателя. Одновременно квартира Кателей, в которой, кроме Питера, рос его младший брат Роберт, превратилась в своего рода салон, где встречались люди, так или иначе связанные с русской революцией и последовавшими за ней событиями. Любопытно, что, по критериям газеты *Правда* того периода, все выходцы из России были «недобитым отребьем» и «отщепенцами», а представители западных стран — «лакеями империалистов». И действительно, как иначе назвала бы *Правда* историка Бориса Николаевского, меньшевика, высланного Лениным из России в 1921 г.? Или генерала Александра Бармина, разведчика, перешедшего на Запад, спасаясь от сталинских чисток? Были там и деятели компартий различных стран, исключенные из их рядов за отказ подчиняться «колебаниям» московской линии, журналисты, высланные из соцстран за «клевету на социалистический строй». Из круга таких людей Жаку легко было подобрать кандидатуры для созданиия двухсерийного документального фильма о событиях в Советском Союзе: «Смерть Сталина» и «Возвышение Хрущева»[22]. Его интерес всегда был направлен на страну, где он родился, но не потому, что его мучила ностальгия, а потому, что он видел, во что превратили ее коммунистические правители. Гилберт Гаррисон, одна из ключевых фигур послевоенной либеральной Америки, издатель и редактор журнала *New Republic*, писал о Жаке Кателе: *«Он был самым информированным человеком во всем, что касалось России, ее политики и людей, ее определяющих, он знал не только,*

какую кто занимал позицию по всем вопросам, он знал даже, кто какую позицию будет занимать»[23].

За тридцать лет до развала Советского Союза Жак Катель увидел в знаменитой речи Никиты Хрущева в ООН, когда тот, стуча башмаком по трибуне, грозил похоронить капитализм, не клоунскую выходку фигляра, а отчаянный вопль человека с государственным комплексом неполноценности. Можно соглашаться или не соглашаться с либеральной позицией Жака Кателя, но надо помнить, что либералы в Америке 50-х и 60-х гг. были совсем другими, чем в нашем XXI в. Они боролись с маккартизмом, антисемитизмом и ку-клус-кланом. В то же время Жак Катель с крайним презрением относился к «либералам», которые называли тех, кто осмеливался упомянуть о существовании лагерей, где заключенные превращены в рабов, кто смел усомниться в правдивости признаний обвиняемых и сравнивал московские процессы с инквизицией, — лжецами, фашистами и поджигателями войны. Эти так называемые защитники мира повторяли вслед за коммунистами, что советская система наказаний «самая гуманная в мире, гордость социализма».

Надо добавить, что Жак Катель был бойцом, участником войны, боровшимся с фашистами всеми доступными методами. Поэтому, когда в беседе с агентами ФБР по делу Зборовского ему сообщили, что американская Фемида не слишком заинтересована в действиях Зборовского во Франции, он, не задумываясь, спросил о возможной поездке шпиона в Европу.

— Там о нем позаботятся, — невозмутимо добавил Жак.

Ошарашенные агенты пробормотали, что подобные методы не в их стиле.

Действительно, Зборовского осудили только в 1962 г. на небольшой срок в четыре года, который он до конца не отсидел, за то, что он лгал, утверждая, что перестал работать на Москву после переезда в США. На самом деле Марк продолжал следить за троцкистами и другими антисталинистами. Например, в 1945 г. он сообщил о возможной поездке бывшего секретаря Троцкого ван Хейджноорта во Францию и получил задание выяснить его маршрут. Последнего (кстати, давнего и близкого друга Кателей) спасло только то, что поездка не состоялась.

В 1965 г. Жак Катель начал работу над книгой об убийстве Кирова, после которого Сталин развернул полномасштабный террор. Даже после смерти Сталина не были опубликованы результаты расследования ни первой комиссии во главе с Поспеловым, созданной по приказу Хрущева

в 1955 г., ни второй, работавшей в 1960 г., ни третьей комиссии 1980 г. А между тем все указывало на человека, которому это убийство было как подарок свыше. Но Сталин никогда не ждал подарков, он их сам себе дарил. И все же, видимо, был кто-то еще, чью репутацию берегли даже после того, как репутации Сталина уже ничего повредить не могло. Так или иначе, но, повторяю, результаты расследований никогда не были опубликованы.

А в окружении Жака Кателя находились люди, которые в силу своего прошлого положения могли пролить на организацию убийства гораздо больше света, чем это могло понравиться кремлевским руководителям. Мы уже упоминали имена разведчиков Александра Бармина и Александра Орлова, которые жили в США. Оба занимали чрезвычайно высокое положение в иерархии органов безопасности в тридцатые годы и знали слишком многое. Кроме того, в сохранившихся троцкистских архивах было немало документов, связанных с убийством Кирова. Это понятно, ведь за устранением Кирова последовал долгий открытый сезон охоты на всех сторонников Троцкого, действительных и воображаемых. Поэтому Троцкий и его помощники тщательно собирали все доказательства непричастности своей партии к убийству. Словом, Жаку было над чем поработать, но, может быть, не все были готовы ему помочь...

Через три месяца после начала работы над книгой, 7 мая 1965 г., Жак Катель скоропостижно скончался от «аневризма сосуда мозга». Ему не было и 49 лет.

Мы знаем, что Жака окружали очень разные люди, так или иначе связанные с антисоветским движением. Кто может поручиться, что в их среде не было второго Зборовского, вовремя не разоблаченного и готового выполнить приказ московских хозяев? Я не поручусь...

После смерти мужа Хелен осталась с двумя сыновьями, 16 и 8 лет. В течение многих лет она работала от случая к случаю, но теперь пришлось перейти на полный рабочий день. За последующие годы она перевела две книги с французского: «Латинская Америка: социальные структуры и политические организации» Жака Ламберта (изд-во Калифорнийского университета, 1968) и «Кремлевская власть: от Хрущева до Косыгина» Мишеля Тату (Викинг Пресс, 1969). Кроме того, она помогала с переводами с русского языка близкой подруге Патриции Блейк из журнала *Times*, занимавшейся диссидентскими писателями Советского Союза. В 70-е гг. Хелен вернулась в Международный комитет экстренной помощи, где работала помощницей его директора Карела (Чарльза) Стернберга, которого знала еще по Марселю. В конце 80-х — начале 90-х она еще работала переводчицей для Женского совета по вопросам беженцев и в Национальной коалиции гаитянских беженцев. В гаитянах

Хелен видела народ, брошенный миром на произвол судьбы. В центре ее внимания всегда оставались беззащитные люди, в каком бы уголке земли они не обитали и к какой бы этнической группе не принадлежали. В Ревиц Хаус, куда Хелен переехала в 2005 г., она была движущей силой кампании по сбору средств в помощь пострадавшим от урагана «Катрина». Даже в последний день жизни Хелен повезли на избирательный участок, чтобы она могла участвовать в выборах в Конгресс. Всю жизнь она голосовала за демократов[24].

Хелен Катель умерла 3 ноября 2010 г. Ей было 93 года. До конца дней она сохранила острый ум, ясную память и умение наслаждаться жизнью. Никогда не забуду, как года за два до ее смерти мы с ее сыном Питером навестили Хелен в Ревиц Хаус, доме для... как- то язык не поворачивается назвать элегантный особняк в отличном районе Бетесды, штат Мэриленд, домом для престарелых. Холл дома был заполнен празднично одетыми пожилыми людьми, звучал смех, на лицах читалось ожидание какого-то веселого события.

— У них вечно что-то происходит, — пояснил Питер, — сегодня после ужина будут бальные танцы.

Мы поднялись наверх в уютно обставленную комнату Хелен, и Питер вручил матери бутылку вина. Хелен внимательно изучила этикетку и только после того, как убедилась, что ее заказ был выполнен правильно, поставила бутылку на стол.

— Смотри, не переусердствуй в танцах, — предупредил Питер, — знаю я тебя!

Такой она и осталась у меня в памяти — красивая, со вкусом одетая женщина в предвкушении праздничного вечера. Женщина, прошедшая сквозь все потрясения XX века. Женщина из поколения, не склонившего головы.

[1] Европейское отделение ХИАСа называлось ХАЙСЕМ, аббревиатура названий трех еврейских организаций: ХИАСа, ЭмигДирект и Еврейской Колонизационной Ассоциации, слившихся во избежание дублирования работы. Поскольку по разным причинам ко времени нашего рассказа две организации практически вышли из этого объединения, мы будем называть европейское отделение так же, как и основную организацию, — ХИАС.

[2] Об истории ХИАСа см. также: *Базаров В.* Маяк в ночи (очерк истории ХИАСа) // Русские евреи в Америке. (Далее — РЕВА). Кн. 1 / Ред.-сост. Э. Зальцберг, М. Пархомовский. Иерусалим; Торонто; М., 2005. С. 9–46. *Примеч. ред.-сост.*

[3] Это здание не сохранилось.

[4] Борис Гессен (187?–1954) основал вместе с братом Юлием ряд пароходных и страховых компаний в России. После захвата власти большевиками уехал в Финляндию, затем во Францию и Польшу, где пережил Холокост. Во время Гражданской войны в России братья поддерживали Белое движение.

[5] Биография семьи Катель, за исключением исторического фона и очерка их жизни в Америке (часть III наст. статьи), написана на основе доклада Питера Кателя «Jacques Katel in the Cold War», прочитанного на 15-м Международном еврейском конгрессе в Иерусалим в августе 2009 г. Автор выражает признательность П. Кателю за разрешение использовать материалы доклада в данной статье.

[6] *Будницкий Олег.* В движении: русские евреи-эмигранты в 1930-х годах // Лехаим. 2010. Ноябрь. URL: http://www.lechaim.ru/ARHIV/223/budnitskiy.htm

[7] *Будницкий Олег.* Феномен русско-еврейского Берлина // Радио «Свобода». 2010. 22 августа.

[8] Игнац Рейсс, он же Порецкий (1899—4.09.1937), заплатил за свою «дерзость» жизнью — он был убит в Швейцарии по наводке Марка Зборовского. Жена и сын Рейсса, чудом избежавшие смерти, перебрались в Америку и позже вошли в круг знакомых Жака Кателя (подробнее см. часть Ш наст. статьи).

[9] О В. Фрае и М. Шагале см. также: *Райхельсон Г.* Марк Шагал в Америке // РЕВА. Кн. 5 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2011. С. 166–212. *Примеч. ред.-сост.*

[10] *Katel Peter.* Jacques Katel in the Cold War // 15th World Congress of Jewish Studies, Hebrew University. 2009. August 3.

[11] http://www.jewishgen.org/yizkor/hlyb okaye/hly339.html

[12] L'Activité des organizations Juives en France sous L'occupation. Paris, 1947.

[13] *Shah Vladimir.* La HICEM-HIAS et les Allemands, Les Juifs en Europe (1939–1945). Paris: Editions du Centre, 1949. P. 221–224.

[14] Кое-что в этом направлении все же делается. При Яд Вашем создан Комитет по признанию заслуг евреев, спасавших соплеменников во время войны.

[15] Общество ремесленного труда, созданное в Санкт-Петербурге в 1881 г. Подробнее о нем см.: http://www.eleven.co.il/article/13095

[16] *Orlov Alexander.* The Secret History of Stalin's Crimes. New York: Random House, 1953.

[17] *Zborowski Mark, Herzog Elizabeth.* Life is with People. New York: Schocken Books, 1952.

[18] *Howe Irving.* World of Our Fathers. (30th Anniversary Edition). New York: NYU Press, 2005.

[19] *Poretsky Elizabeth K.* Our Own People: A Memoir of «Ignace Reiss» and His Friends. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1970. P. 234–239.

[20] Это была странная дружба, поскольку Вудкок был принципиальным пацифистом и выступал против войны с Германией. Впрочем, с ним дружил и Джордж Оруэлл, которого никак нельзя назвать пацифистом.

[21] Международный комитет экстренного спасения (The International Rescue Committee, IRC) был создан по инициативе Альберта Эйнштейна в 1933 г. В 1942 г. к организации присоединилась группа, созданная Фраем. Любопытно, что в 1965 г. IRC возглавил все тот же Карел Стернберг (умер в 2003 г.).

[22] National Broadcast Corporation, Profile of Communism, 1963.

[23] *Katel P.* Jacques Katel in the Cold War.

[24] Политические взгляды Хелен во многом объяснили мне, почему так много пожилых евреев упорно голосуют за кандидатов демократической партии. Сегодня все переменилось, и я уверен, что Хелен выступила бы против политиков, ведущих Америку к зияющим высотам социализма. Но это, конечно, мое личное мнение.

ЛИТЕРАТУРА

Хроника памяти. Из американских дневников Артура Лурье[1]

Вступ. заметка, публ. и коммент.
Олеси Бобрик (Москва)

'Write! — For whom?'
'Write for the dead, for them thou
lovest in a time that is past' —
'Will they read me?' — 'Nay!'[2]

Дневники Артура Сергеевича Лурье (1892[3]–1966), которые композитор вел с 1941 по 1964 г., являются уникальным документом эпохи. Это не только хроника его жизни и творчества, но и своего рода летопись жизни русской художественной эмиграции Нью-Йорка, написанная человеком проницательным, умным и пристрастным, знатоком французской философско-литературной традиции, наследником культуры Серебряного века, живым и трепетным хранителем памяти о ней, способным осмыслить и измерить события настоящего той, подлинной мерой... Записи 1941–1945 гг. отрывочны, не привязаны к определенной дате и являются отчасти записными книжками, отчасти черновыми тетрадями для работы над докладами и статьями. Начиная с 1944 г. параллельно этим записям композитор вел дневник день за днем, фиксируя в толстых тетрадях с красными (а позже и с черными) обложками события и впечатления дня.

Круг общения Лурье в Нью-Йорке, а затем и в Сан-Франциско и Принстоне, где он подолгу жил, был широк, особенно в первое десятилетие жизни в Америке. За редким исключением, в него входили все выдающиеся представители русской художественной и музыкальной диаспоры: Сергей Александрович Кусевицкий, Владимир Самойлович Горовиц, Александр Кириллович Боровский, Александр Тихонович Гречанинов, Сэмюэл Душкин, Владимир Александрович Дукельский, Марк Захарович Шагал, Савелий Абрамович Сорин, Сергей Юрьевич Судейкин, Мстислав Валерианович Добужинский, Борис Георгиевич Романов и многие другие, большинство которых — «знакомцы давние», еще со

времен петербургской молодости. Не менее значимым был круг французских друзей и знакомых, образовавшийся в период жизни Лурье в Париже, с самыми близкими из которых, философом-неотомистом Жаком Маритеном и его женой Раисой, Лурье поддерживал связь постоянно, в годы разлуки общаясь с ними посредством писем. Важным для него сосредоточием интеллектуальной и духовной жизни на протяжении почти всего времени, отраженного в дневнике, был экуменический кружок «Третий час», основанный в 1945 г. при его участии Еленой Александровной Извольской и Ирмой Владимировной Манциарли (обе они принадлежали к парижскому окружению Бердяева).

А. Лурье. 1920–1930-е гг.

И все же круг общения Лурье в Америке, такой богатый в первое десятилетие его пребывания за океаном, естественным образом и неумолимо редел: композитор стал свидетелем ухода нескольких поколений своих современников. Один за другим умирали О. А. Глебова-Судейкина, Бела Барток, Антон Веберн, С. Ю. Судейкин, Н. А. Бердяев, Жорж Бернанос, Б. В. Асафьев, В. И. Иванов, Арнольд Шёнберг, С. А. Кусевицкий, С. С. Прокофьев, С. А. Сорин, А. Т. Гречанинов, Ф. А. Гартман, Б. Л. Пастернак, Димитри Митропулос, Э. А. Купер, Ида Рубинштейн... Судя по записям Лурье, его отношение к уходу тех, кто жил рядом в Нью-Йорке, и оставшихся за океаном, с кем он не виделся десятилетиями, почти не отличалось. Все, что связывало Лурье с ними, все, что по-настоящему волновало, было в прошлом. Сопровождавшие похороны церковные панихиды в нью-йоркских православных церквях и синагогах, как правило, вызывали у него так же мало умиления, как и некрологи, прочитанные в советских газетах: и те и другие воспринимались им скорее отстраненно, как знаки конца эпохи. Уход ровесников побуждал к воспоминаниям, к запечатлению памяти не только об этих людях, но и о себе, к подведению итогов, выражению последних смыслов — человеческого существования, искусства, мира.

Прощание с ними, так же как и общий ход истории, события пережитой войны, ставившие под сомнение само существование и смысл европейской цивилизации, переживались Лурье глубоко трагически. Его

мировоззрение — мировоззрение христианина, католика — в последние годы жизни во многом определялось христианской эсхатологией, ощущением наступления «последних времен». Многие явления окружающего его мира он видел в свете своей жизненной трагедии: одиночества, забытья (музыка его исполнялась все реже и реже), усиливавшихся приступов мучительной болезни. Это трагическое и горькое переживание гибели культуры только обострялось на фоне американской жизни, остававшейся ему глубокой чуждой.

После смерти Лурье дневники были переданы его другу Жану Лалуа. Ныне, когда его уже нет в живых, они хранятся в архиве Лурье в базельском Фонде Пауля Захера (досье 8). Подготовка дневников к публикации вряд ли была бы возможна без помощи Л. З. Корабельниковой, передавшей нам копии значительной части дневников, полученных ею в середине 1990-х гг. непосредственно от сына Жана Лалуа Венсана[4].

Лурье писал дневник преимущественно в новой орфографии. В данной публикации полностью (за исключением специфического употребления дефисов и отдельных элементов старой орфографии) сохранены все особенности рукописного текста оригинала. Дневниковые записи дополнены фрагментами других документов, главным образом статей и воспоминаний самого Лурье.

1944

3 сентября, воскресенье

Вчера умерла Белла Шагал. После двухдневной болезни[5]. —

6 сентября, среда

Погребение бедной Беллы Шагал. В синагогальной часовне.

На кладбище.

Вернулся с Maritain'ами[6].

Потом несколько часов пробыл с Шагалом и Идой[7] у них дома. —

Незабываемое впечатление вынос гроба из синагоги с Шагалом, припавшим в слезах, и Идой, скорбной с белыми от горя глазами.

1945

26 марта, понедельник

<...>

Письмо от Генриетты Гиршман[8]. Вера Стр[авинская?] ей написал [sic] сведения о Тамаре и об Ольге[9]. Тамара со своей семьей в Nérac[10] в бедности и голоде. Ольга — в госпитале в туберкулезе. Птицы ее погибли от

бомбы. Как я ее уговаривал переехать в мою квартиру, еще в день моего отъезда из Парижа! —

Написал письмо Тамаре (пойдет с Michel Rapoport[11]).

Из воспоминаний Лурье
об Ольге Афанасьевне Глебовой-Судейкиной

В Париже Ольга Афанасьевна поселилась под самой крышей семиэтажного дома, в районе Отэй. Жила она высокой жизнью бедной артистки; на хлеб насущный зарабатывала тем, что делала художественные вышивки. До сегодняшнего дня над моим роялем висит шитая бисером картина Ольги Афанасьевны, подаренная ею мне. Как и в петербургские годы, она продолжала оставаться волшебной феей, рассыпающей чары; ее присутствие украшало жизнь, и ни одно собрание друзей в моей студии не обходилось без дорогой Ольги. Невозможно забыть ее чтение стихов, Блока в особенности; она любила читать «Снежную маску», и еще «Свирель запела на мосту», — с трогательным чувством и выражением. Читала она также Верлэна, Рэмбо, Бодлэра, Маллармэ[12] <...>.

К этому же времени относится страсть Ольги Афанасьевны к птицам. Все началось с клетки для птиц, очень красивой и декоративной, которую подарил ей Меллер-Закомельский[13], переезжавший на другую квартиру. Сначала появились канарейки; затем — попугайчики, воробьи, горлинки... С птицами Ольга Афанасьевна возилась целый день, и знала каждую из них; она их кормила каким-то особенным образом, лечила, чистила клетки; птицы выводили птенцов, летали по комнате, садились куда попало и не давали покоя своим щебетом и гамом. Наш общий друг, художник Милиотти, старинный обожатель Ольги Афанасьевны, которому одна из ее горлинок почему-то всегда клевала голову, порой приходил в бешенство от птичьего засилья и гама, и кричал: «Довольно! или я — или горлинки!»

Птицы были косвенной причиной гибели Ольги Афанасьевны. Перед своим отъездом из Парижа я уговаривал ее занять мою квартиру на авеню Мозар[14], но туда невозможно было перевезти птиц, и она предпочла остаться в своей мансарде в Отэй. Во время последних бомбардировок Парижа немцами, снаряд попал в мансарду Ольги Афанасьевны; она никогда не пряталась в абри[15], но в тот раз задержалась внизу, на лестнице, возвращаясь из лавки, и соседи втащили ее в абри. Половину дома срезало снарядом; угол был отбит, и комната висела над бездной. После этого разгрома и гибели птиц Ольга Афанасьевна никогда не оправилась; тогда же началась ее болезнь, от которой она сгорела как свеча.

<...>

Я прибежал проститься с Ольгой Афанасьевной перед самым своим отъездом из Парижа, и был так убит горем, расставаясь с самым близким мне человеком, что не помню обстоятельств нашего прощанья. На дорогу Ольга дала мне старинный медный крест. И хлеб. Оба мы заливались

слезами. Мы оплакивали нашу молодость. Мы оплакивали нашу погибавшую Европу[16].

29 марта, четверг

† Ольга умерла — в Париже[17]. Месяц тому назад. В больнице, в одиночестве. (Сообщил Милиотти — Гиршман[18].) С открытым туберкулезом, в нищете и утратив абсолютно все в жизни. Великий и страшный конец, завершивший ее жизненный путь к истине и свету — последних лет. Бедная моя Ольга! Незабвенная! На душе у меня как камень лег, и никто никогда его уже не снимет. С ее кончиной еще одна живая нить оборвалась и пустота вокруг еще сильнее обозначилась. — Пинисалин[19], который отсюда повезут Жак Maritain и Michel Rapoport ей уже не помогут. —

Был вечером у Сорина[20], которому сообщил о кончине Ольги. Он плакал.

16 апреля, понедельник

Открытое письмо от Тамары из Nérac (от 1-го марта)[21]. Первое письмо за 4 года. Ольга умерла в полночь 18-го января. Она похоронена в St Geneviève des Bois.

<...>

28 сентября, пятница

На похоронах Bela Bartok'a[22].

Мало народу. Никого из американских композиторов и критиков. Только несколько европейских музыкантов и публика неизвестная мне[23].

<...>

10 декабря, понедельник

Зилоти скончался вчера[24].

Панихида сегодня в 8 часов на 121 улице. Похороны завтра в 11 утра. Был у него в 1941 и (42 году?), все собирался опять. Идет снег, большими хлопьями. Первый снег в эту зиму.

Почти никого из музыкантов в церкви. Рядом со мною Добужинский с женой. Холодная и безличная панихида. Ничего теплого, живого.

Ко мне подошел Вл[адимир] Дроздов[25]. Не видел его со времени консерватории. Он такой же, только седой. Очень воспитанный и сдержанный. Как будто ничего не произошло в мире! Как это возможно?

1946

5–7 июля, пятница – воскресенье

Мои современники[26]. Кто были мои современники? В петербургский период: Скрябин, Debussy, Блок. Ахматова. Ольга. Сологуб. Вяч[еслав] Иванов. Андрей Белый. Осип Мандельштам. Кузмин. Розанов. Чурлянис. Хлебников. Митурич. Бруни. Пунин. Татлин. Кто еще? Еще многие тогда. И Нева, Зимний Дворец. Летний сад, Академия Худ[ожеств], Царское село.

В Берлине в 1922–23 году. Только один лишь Busoni. – В Париже: Стравинский. Потом Maritain. Настоящая близость была только со Стравинским. Мучительная, на притяжениях и отталкиваниях. Привлекала к нему тогда легкость и непосредственность. Сила жизненного тока. Общие с ним черты в аппетите к жизни, в пластическом ее ощущении, чувство жеста, вкус, запах вещей. Отталкивали – деспотизм, эгоцентризм, доходящий до уродливых, чудовищных форм, примитивность душевного склада, переходившая в грубость и тупую самоуверенность (лично на себе этого с ним никогда не чувствовал, но в окружении) – непреодолимая трусость. Кончилось разрывом – навсегда. Возврата друг к другу у нас нет и не будет никогда. Louis Laloy[27]. С ним было весело, наименее педантичный из всех музыкантов, которых встречал когда-либо. Я любил его злой и тонкий ум. Шестов. Помог мне найти верную, свою линию в философическом лабиринте. Один из самых мужественных и дерзновенных. Чистый. Еще кто? Еще Борис Шлёцер, со всеми его слабостями и упрямством, тоже чистый и честный друг[28]. Vandellé[29].

Joyce. – Он меня учил постижению современного образа мира в его вечных миражах. Артистизму в его самых свободных, творческих проявлениях. Подлинно честному искусству быть верным себе. 10 лет вчитывался в Ulysses. Потом в Finnegars Wake. Единственная книга, которую увез из своей парижской библиотеки. Носил ее с собой на прогулках в парке Vichy в момент катастрофы, когда рушилась 3-я республика, в толпе бывших министров, сенаторов и депутатов. Он жил там же рядом в деревне, переехав из Vichy через несколько дней после моего приезда. В Париже судьба столкнула нас в последний момент зимой 1939 года и весной 1940-го, в ресторане на avenue Mozart. Встречал его там в продолжении нескольких недель каждый день одного, а до того за 18 лет жизни в Париже – лишь случайных две, три встречи, в толпе, на отдалении. Елена Извольская[30]. Emma Matina[31]. Кутузов[32]. – А Кусевицкий? Да, конечно, Кусевицкий тоже мой современник. Впрочем Кусевицкий всем современник, быть может, только лишь не самому себе.

А большевики? Ну, вот, какие же они современники! Никогда не были. Они как муравьи, которые здесь по траве бегают, как гусеницы, тараканы, клопы и не знаю что еще. Вот уж никогда не были современниками. Не только большевики, но вообще — какие-либо «социалисты». Даже в первые годы революции. Тогда современниками были: Ленин. Луначарский (отчасти). Нат[алья] Ив[ановна] Троцкая[33]. Над[ежда] Конст[антиновна] Крупская. Сестры Менжинские[34]. Но не большевики вообще, и никакая власть, никогда не была и не будет.

7 августа, среда

От других мне хвала — что зола,
От тебя и хула — похвала
(Ахматова)[35]
<...>

14 августа, среда

<...>

Приехав [в Rockland Lake[36]], узнал, что Сергей Судейкин скоропостижно скончался. Он умер в понедельник 12-го в госпитале в Nyack'е (узнаю об этом из газет)[37]. Он был на ферме Толстого уже недели две. Я все думал, что мы опять встретимся. С тех пор как он не пришел на панихиду по Ольге, я с ним больше не видался. Ему суждено было пережить Ольгу на 1½ года. В прошлом году он перенес тяжелую болезнь. При последнем нашем свидании он был землисто-зеленый, дышал с трудом, ожиревший, но разговоры были как всегда бредовые, сумбурные и эгоцентрические. С его смертью отрываются последние корни петербургской жизни и молодости. Он родился в 1882 году, в том же поколении (в том же году), что и Игорь и Jacques. Боялся очень смерти, избегал говорить о ней, не был никогда на похоронах самых близких ему людей. Но при всем сумбуре жизни, страстей и мыслей, он был настоящим артистом, чутким и чистым. У него была душа подлинного артиста. Искусство было главным смыслом его жизни.

Из статьи «Памяти С.Ю. Судейкина» Михаила Букиника

Сообщение о кончине Судейкина потрясло меня, как всякая смерть; она явилась неожиданной и преждевременной. Слишком много чувствовалось в С.Ю. жизненных сил, чтобы представить себе его истощенным. Правда, он физически отяжелел. <...> Я едва ли бы узнал его, когда мы встретились в Америке, если б он сам не напомнил о себе. С.Ю. внешне очень изменился.

Трудно было опознать в этом большом, тучном человеке, с жидкими волосами на голове и суровым выражением лица, прежнего молодого, начинающего художника Судейкина.

С первого же моего посещения его в Нью-Йорке пришлось убедиться, что война, революция и скитания по свету наложили отпечаток на его характер. Он был пессимистически настроен, раздражителен, нервен и видимо неудовлетворен. Но за всем этим чувствовалась глубокая работа мысли, независимость и крупная индивидуальность. Его художественные вкусы были устойчивы, и он их не менял на чужбине. Правда, для материальных целей он пытался подладиться под вкус американских покупателей, но это редко ему удавалось.

Иногда ему казалось, что он интернационален, и ему одинаково дорого искусство Франции или Америки, и что он мог бы писать так же хорошо для французов, как и для американцев. Но он ошибался. Он оставался русским и мог развернуть свой талант только, когда соприкасался с русской стихией. Стравинский, Римский-Корсаков, Рахманинов, Черепнин — вот те творцы, которые вдохновляли его и к музыке которых он писал свои великолепные декорации[38].

10 октября, четверг

Пустой день, бесплодный. <...>

Вечером в балете. Очень спустя рукава все, бесцеремонное обращение с музыкой (Чайковский дивертисмент из «Спящей»), плохо срепетировано, скверный оркестр, кордебалет — комически слабый, и плохие исполнители в главных партиях. Все рассчитано на коммерческий успех у «янки». Но с большим волнением смотрел «Паганини» в декорациях Судейкина, очень его выражающую вещь[39]. Кроме личной его судьбы, связанной с этой последней его театральной работой, волнуют итальянские настроения, воспринятые им от Ольги, я чувствовал присутствие ее тени на этом спектакле, почти что воплощение ее образа. Смотрел с трепетом и щемящей тоской. Среди толпы равнодушных людей я один был свидетелем.

18 декабря, среда

<...>

Был с визитом у знакомой Тамары и получил у нее вышивки Ольги. Одна старинная, шитая бисером еще из России, вторая, едва начатая последняя ее работа, — фигура Амура и цветы, шитые шелками, остальное в эскизе карандашом. Благодаря этим вышивкам Ольга будет с нами в это Рождество.

1947

18 января, суббота

† Вторая годовщина смерти Ольги. Уже два года. –
<...>

27 января, понедельник

Утром по телефону сообщили, что вчера скончалась Марья Григ[орьевна] Гречанинова[40]. С нею был снова удар и уже паралич. Ее перевезли в больницу где она и умерла. <...> Днем был [у] Гречанинова и провел с ним два часа. В эти столь тяжелые для него дни он обнаружил опять ту же цельность и простоту, которую в нем видел и ценил. Ни тени позы, ханжества или кривлянья. Скорее сухость и четкость, но при этом внешнем спокойствии он говорил такие вещи, которые глубоко волнуют, и как подлинный артист. Она была при полном сознании до последней минуты, они прощались, он вспоминал свою любовь к ней и годы прошедшие, она его слышала и кивала ему. Ее простота в отношении к смерти и ее мужество – оправдали все ее прошлое, и опять, та же удивительная цельность характера и единство мысли и жизни. Последние цельные фигуры.

28 января, вторник

Утром с Эллой в русской соборной церкви на похоронах Марьи Григорьевны. Она спокойная в гробу, без тени му́ки и страха. Кажется, что так просто перешла из этого тлена в вечность. Вокруг друзья и знакомые со свечами перед непроницаемой тайной и напуганные, страх смерти видишь в глазах и слов для этого нет. Опять этот быт церковный, и эти «домашние» интонации в произнесении таких замечательных текстов, глубоко волнующих. А священник с толстым животом ходит кругом, снаряжает покойницу как в путешествие и упаковывает гроб с вещами в дорогу, чтобы «все было в порядке», и как бы не забыть чего-либо. – Какое страшное язычество сидит еще во всем этом, египетское, славянское, и все говорит, говорит, чтобы «заговорить» смерть, заговорить самый ужас смерти, и все это по-детски беспомощно, все «около да вокруг», а ужас и тайна и величие остаются нерушимыми и непостижимы ни на йоту. А на улице солнце сияет и весна в январе и воздух пряный и нежный... Дети щебечут и птицы.

<...>

22 февраля, суббота

Весь день дома. Читаю Блока. За 25 лет ничто не поблекло, все выросло, стало безмерно значительнее, и эта страшная сила правды в нем, на всей линии жизни, и такой пронзительной искренности. Теперь только видно, как многое в нем, точно сквозь туман и тайные предчувствия — связывается с современным, новым, о чем не знали прежде. — τό τίμιώτατον — (Плотин). (Самое важное, значительное) — здесь на каждом шагу, только об этом речь. — Конечно колорит эпохи другой, и весь символизм, и предреволюционные грозы и темы «интеллигенция и народ»[41], и религиозные отталкивания и приближения — все это уже в далеком прошлом и кажется чуждым сейчас, но многое выросло из зерен, брошенных в те годы, и связь останется еще надолго. Блок, конечно, не непогрешим. У него были свои заблуждения, их было не так уж много. Вернее это были блуждания, но никогда его не покидало чувство ответственности, за каждое слово, каждое действие. Он значительнее и Rilke и Eliot'a. И поэтическое дарование больше и внутренняя настроенность выше, конкретнее и ближе к жизни, в самой стихии ее. Но все же только эти двое близки ему в современном опыте.

5 марта, среда

Набросок речи в память Марьи Григорьевны Гречаниновой, для собрания в пятницу вечером. Очень трудно найти тон и слова для такого собрания. Он так настаивал, что отказаться от выступления было невозможно. А теперь думаю с тоской, как это будет. С памятью о Марье Григор[ьевне] связаны для меня два имени: Вячеслава Иванова и Гершензона. Я об этом и скажу. —

<...>

7–8 марта, пятница, суббота

<...>

Вечером у Гречанинова. Дикое зрелище. Служили панихиду, потом я говорил свою речь в память Марьи Григорьевны перед людьми, которым все сказанное было чуждо и непонятно на три четверти. Слушали очень внимательно, в напряженной тишине. Но публика (собралось человек 60) вела себя весь вечер так, если бы они пришли повеселиться на cocktail-party. После меня говорила Сазонова, слащаво, приторные вещи и общие места[42]. Куренко пела любимые пьесы Мар[ии] Григ[орьевны] и сыграли трио струнное с ф.-п. — Элла была так напугана этой публи-

кой, что уговаривала меня, как только мы приехали туда, отказаться от выступления и сейчас же вернуться домой. Я было пытался сделать это, но Гречанинов разволновался и не отпустил меня. —

Был там Добужинский, который сказал мне сквозь зубы: «Очень интересно то что вы сказали». Была С[офья] П[регель][43] слушавшая внимательно, но ни слова не сказала, кроме того, что Вяч[еслав] Ив[анов] будто бы агитировал в пользу Гитлера во время войны[44].

<...>

Думал сегодня ночью о том, что жить в Америке еще возможно. Страшно трудно, внутренне. Очень, очень трудно, но все же возможно. Но мысль о смерти здесь — совершенно невыносима. Умирать нужно уезжать отсюда, куда угодно, но только не здесь. Так и кажется, что как только умрешь, так сейчас же превратишься... в зубную пасту, в кусок мыла для бритья, в Coca-cola или же что-нибудь подобное. Отсюда пути нет ни на небеса, ни в преисподнюю, а пути все ведут на какие-то фабрики где и самые души превращаются в коммерческие фабриканты...[45] (Так! — *О.Б.*)

<...>

Из речи Лурье памяти Марии Григорьевны Гречаниновой

Когда человек уходит безвозвратно — отношение к нему меняется. Мы теряем меру. Какую меру? Ту, которой мы мерили для живых? Ведь верной меры нет у нас ни для кого. К живым у нас слепое чувство, как бы их бессмертия, все кажется еще поправимым, все может быть изменено. Кажется, что времени для них много. К умершим скрытое чувство вины, покаяния. Все, кончено, ничто уже , ничто не может быть изменено. Какая страшная ошибка, которой мы все подвержены, в этом ложном чувстве бессмертия живых, и конца ушедших. Покаяние, вызываемое смертью; это отношение между чем-то, что прошло, и теми, кто занимал незаменимое место в жизни. Оно остается нам единственной реальностью. На нее распространяется наша память. Остальное уже недосягаемо. Быть может поэтому путают вечность с забвением, что не одно и то же. Как и неверно то, что время «все меняет». Время ничего не меняет. То, что произошло сто лет тому назад, не теряет свое значение только потому, что прошло столетие.

Смерть Пушкина, последние дни его, имеют для нас такую же пронзительную силу сейчас, как и смерть Сократа за две с половиной тысячи лет до него, и оба эти события равны таким же событиям наших дней. Мы их переживаем не как факты истории, а как вневременные. Они современны нам потому, что произошли на тех же основаниях и по тем же причинам, по которым агонизируют поэты, и подносят отравленную чашу мыслителю в наши дни. Дело нашей совести знать об этом, и видеть это. — Марья Григорьевна принадлежала к редкой уже теперь породе людей, которые это знали и видели. Она принадлежала к единой

семье, связанной одной культурой и неделимой по национальным признакам: на русских, французов, англичан или китайцев. Для нее не существовало фетишизма имени, который прощает одним то, что не прощает другим. Люди были для нее равны, в единственном плане их равенства — в страдании; перед жизнью, перед правдой, перед светлым смыслом творческого труда. Ее внимательный взгляд умел различать людей. Улыбаясь, она всматривалась в лица и видела в них все живое. С каким вниманием и жаром она говорила об этом. Но она умела и смеяться над человеческой глупостью, над пошлостью и лицемерием. Поэтому ее боялись, и при ней подтягивались. Она не судила людей и прощала им слабости, но она умела острым взглядом и несколькими меткими словами снимать чешую, и ставить все на свое место. Она знала порядок вещей в мире, их настоящий, иерархический порядок.

Она была подругой музыканта. Музыкант это не тот, кто придумывает необыкновенные созвучия. Этого недостаточно. Она была подругой настоящего музыканта. Александр Тихонович — большой художник. Наш трудный век он сумел прожить, оставаясь всегда цельным, честным и верным тому, что было для него важнее всего. Про него по праву можно сказать, что он верен русскому идеалу. Поэтому он и согласился смиренно на всю жизнь служить музыке, а не заставляет ее служить себе и возить его в автомобиле или на аэроплане. Загадка его молодости — удивительная крепость духа, внутренняя скромность и прямолинейная простота. Кажется, что понимаешь эту загадку, когда слышишь его слова о России, о его детстве и о годах музыкальной работы. Они звучат такой же неприкрашенной правдой и искренностью, как и его музыкальные сочинения. Мы знаем, что Марья Григорьевна имела большое значение в его жизни[46].

2 мая, пятница

<...> Прошлой ночью я видел мою бедную Ольгу во сне, в первый раз после ее смерти. Она была как всегда, уютная, спокойная и тихая, но глаза ее были закрыты. Мы сидели где-то за чайным столом и были еще другие люди. Тамара тоже была. Ольга вышла из комнаты, потом вернулась. Я ее нежно обнял и прижал ее голову к плечу. Почувствовал ледяной холод. <...>

1948

25 марта, четверг

Причастился Св. Тайн в Соборе Св. Патрика[47].

Дома, из русской газеты, узнал о том, что во вторник (23-го) в Париже скончался Николай Александрович Бердяев. Большое горе для нас всех, кто были духовно с ним связаны. Он один из последних хранителей

чистой духовной линии, и мужественно умевший говорить правду обо всем сейчас происходящем в мире. Его последняя книга «На пороге новой эпохи», лучшее что я читал за последние годы. Его взгляд на судьбы России и ее назначение в историческом процессе — мне лично очень близок. Без него пустота и холод становятся еще страшнее и мучительнее. Он был подлинным духовным авторитетом, и без всякого вкуса к личной власти, что особенно было ценно в нем.

<...>

11 мая, вторник

<...>

Купил в советском магазине полное собрание стихов Блока. Двухтомное издание, только что полученное из России. Второй том напечатан впервые, в него вошли неизданные юношеские стихи и варьянты ко всем каноническим стихам, и комментарий, совсем не плохо сделанный. Не плоха и вступительная статья, с упоминанием, конечно, о «неизбежной Ленино-Сталинской идеологии, отсутствующей у Блока». — Читал полдня, с огромным волнением, охваченный потоком воспоминаний[48].

18 мая, вторник

<...>

Бессонная ночь, и вдруг воспоминание, такое далекое... Хлебников. Он был влюблен в Ольгу. Восторженно и возвышенно-безнадежно. Она к нему мило отнеслась, приглашала, и он приходил иногда на чашку чая. В чужом длинном сюртуке, с короткими рукавами, из которых торчали тонкие, аскетические руки без манжет. Сидел за столом нахохленный, как сова, серьезный и строгий. Молчал, изредка роняя отдельные слова, иногда читал стихи. Он что-то написал тогда для нее специально. Помню, как тогда же, в один из своих визитов он впервые прочел: «Волк говорит, я тело юноши ем»[49]. Мы потом часто повторяли эти стихи и любили их[50].

7 июля, среда

<...>

Умер Georges Bernanos[51], в Париже в американском госпитале, после операции.

Как я любил когда-то его книги, и как, теперь кажется, давно уже это было!

Узнал об этом от Жака. Видел сегодня его и Раису у них, в гостинице.

Как мир опустел! Как в нем становится нестерпимо, скучно и тошно!

Сегодня свежó, дышится легче после этих дней тропической жары. Даже это утешение. Маленькая передышка. —

1949

2 февраля, среда

† Умер Борис Асафьев! Узнал сегодня из газет[52]. Господи, сколько воспоминаний с ним связано! Он был моим ближайшим помощником по музыкальной работе в революционные годы в Петербурге. Очень тонкий музык[альный] мыслитель, он сумел выработать новые методы музык[ального] анализа и критики, открыв свежие, неисследованные пути сближения музык[ального] творчества с общей культурой. Слабый характер, отсутствие мужества и сложные личные комплексы привели его к компромиссам, в конечном счете, к измене самому себе, внутренним убеждениям, и свели его с настоящего пути артиста к карьеризму и угодничеству властям. На книге статей, которая вышла еще при мне, в Петербурге («Симфонические этюды»), он написал мне: «Артуру Лурье, указавшему мне путь мой»[53]. В мрачные зимы первых лет революции мы проводили вместе вечера, до глубокой ночи, в страстных беседах о высоких вопросах музыки и искусства[54]. Он был религиозно настроен в то время, потом все забыл, растратил и погубил. Встретились мы в Париже однажды, в конце 20-х годов, но он был уже чужой, отстраненный и не живой[55]. –

8 марта, вторник

<...>

Ночью читал Хлебникова. Нахлынули на меня юношеские воспоминания и повеяло опять ветром из Азии. Как я любил этот ветер в былые годы! Все европейское во мне мертвое, упадническое; раздвоение, распад, сомнения, скептицизм и безволие, как и у всех. Все азиатское — живое, подлинно-жизненное, молодое, сильное, веселое и светлое, какое странное видение: Христос в Азии! В Европе Его быть не может никогда и не было! А как же тогда все великие святые и Франциск и St Jean de la † и другие[56]? Или и они тоже «Азия»?

2 мая, понедельник

<...>

Вечером с Ella в cinema <...>.

Ella видела там Гречанинова. Он говорит о смерти с удивительной простотой, готов встретить ее без смятения, без протеста. Как это неожиданно для такого мало углубленного, как будто бы, человека, как он. Его поведение иногда раздражает, настойчивостью и навязыванием своей музыки, но он очень подкупает и внушает уважение когда с таким

смирением сообщает, что доктор его предупредил быть готовым умереть в любой момент. При этом он совсем здоров, только старость. Как все непостижимо!

13 августа, суббота

<...>

Автобиография Н. А. Бердяева (Самопознание) — двойственное впечатление[57]. Многое в этой книге мне неприятно. Трудно сказать, что именно. Прежде всего то, что в ней специфически русское. Почему? Потому что для моего слуха оно не лишено какой-то душевной грубости, вернее, тупости. Несомненная искренность и правдивость тона и изложения обнаруживают какую-то странную сухость. Чувствуется дно, конец каждой мысли и чувства, точка; и при этом какое-то спокойное самоутверждение. Слишком много личных мотивов, в объяснении фактов и оправдание их. Конечно, Бердяев был значительным и подлинным явлением, но «экзистенциальность» его — недостаточно убедительна в трагическом опыте современности, его личное малозначительно в сравнении с тем, что произошло с людьми, с общей суммой человеческого страдания. А для него каждая мелочь, его лично касающаяся, становится событием. — Никогда я не чувствовал ничего подобного по отношению к Блоку. —

1950

2 января, понедельник

Статья Ив[ана] Бунина о «Третьем Толстом», много наврано и глупости, как всегда о русском символизме[58]. Между русским и французск[им] символизмом такое же приблизительно отношение, как между русским и итальянским футуризмом. Но оба они: русский и итальянский футуризм не дали ничего для искусства, были оба только эстетической позицией. А как же Хлебников? Маяковский, конечно, весьма преувеличен, и мало чего стоит. —

Подлинное творчество (в Европе) не имело никакой эстетической позиции. Какая теоретич[еская] и эстетич[еская] позиция у Моцарта? Или у Greco? Глупо об этом и говорить. Почти все русское искусство все-таки, в конечном счете очень провинциально и назойливо своей тенденциозностью. Нет в нем той тишины и тишайшей тайны, как напр[имер] у St Jean de la †. Интимной благостности. Создано ведь только для того, чтобы поделиться с несколькими, любимыми, своими, двумя, тремя, а не для того, чтобы кричать на всех перекрестках.[59] <...>

5 января, четверг

<...>

Продолжение статьи Бунина о Толстом с дикой и грубейшей руганью по адресу Блока. Хамство, заведомая ложь и площадная брань. Почему нужно было это печатать? Для кого? Как не стыдно? Молчание. Ни один голос не раздастся в защиту Блока и для того, чтобы сказать правду. Боятся связываться с Буниным, боятся каких бы то ни было действий. До каких мерзких времен мы дожили? Бедный Блок![60] Что бы Ольга сказала, прочтя такое? Она была бы способна дать оплеуху Бунину. <...>

2 мая, вторник

Письмо от Ирины, и опять посылка от нее: книга Георгия Иванова «Петербургские зимы» изданная в Париже в 1928 году. Все, что там рассказано — пережито мною, и я знал каждого из упомянутых там людей. Один раз в ней названо мое имя, поэтому Ирина решила, что «этой книге лучше быть у меня, чем у нее»[61]. <...>

30 мая, вторник

Дождь, с утра и весь день. Опять осень, как в октябре. Не выходил из дому. Опять приступ слабости, правда, не такой сильный как в городе, но все же чувство довольно поганое!

Мне, бабочке, залетевшей
В комнату человеческой жизни,
Оставить почерк моей пыли
По суровым окнам, подписью узника.
(*Хлебников*)[62]

8 ноября, среда

Sadler's Wells ballet. Сегодня были на премьере здесь — Gisèle. Margot Fonteyn[63] лучшая Жизель, которую видел после Спесивцевой. Она прелестна! Подлинный талант. Техника ее безупречна, и ни разу за весь вечер не была на первом плане, она только средство для воплощения образа. Необычайно поэтична и воздушна. У нее почти нет тела, как будто эльф. Ноги очень красивой линии, но «инструментальны», а не женственны. — Сколько воспоминаний! Революционные годы в Петербурге. 1-ая Жизель Спесивцевой[64]. Блок так же любил ее, как и я. Мы неоднократно с ним говорили о ней. —

17 ноября, пятница

† Скончался дорогой мой друг Сергей Александрович Кутузов. Царство ему небесное! Он был совсем готов к уходу из жизни, и так смиренно и просто говорил об этом, но такая ужасная утрата для всех близко знавших его. Ушел еще один из последних умных, мужественных, честных и порядочных людей. Он был барин [?] и человек. Умер он в Хьюстоне в Техасе. Кутузов был христианином. В то время как другие говорили о христианстве он умел быть им, оставаясь в то же время совсем светским человеком, и одно не мешало другому.

[Здесь же вклеен некролог]

18 ноября, суббота

Бедная Анна! Ее все-таки доконали и добились своего, т. е. ее полного подчинения и самоунижения. В журнале «Огонек» (№ 42, октябрь 1950) напечатаны несколько стихотворений Анны Ахматовой из нового — антизападного и антиамериканского цикла, названного «Слава Миру». Первое стихотв[орение] о Корее. Второе — «Поджигателям». Третье посвящено молодым пионерам etc.[65] — Если она и не выдержала, следовательно там никто не может выдержать. Теперь мне понятна и кантата Прокофьева против «западных поджигателей»[66]... Вероятно там действительно верят, что все это правда, что говорит советская пресса, настолько они отрезаны от всего мира. Но мерзость политиканов здесь, капиталистов и буржуазии всемирной, — не имеет границ ни тупости, ни подлости, она главная причина всех зол современных. Может быть легче примириться с дьяволом, чем с этой всеобщей пошлостью и лицемерной ложью... во имя «свободы».

20 декабря, среда

<...>

Было время когда искусство было на стороне жизни. Теперь оно на стороне смерти. «Живое» искусство и подлинное. На стороне жизни только мертвое, условное, опустошенное и грубо-упрощенное. Все тонкое, проникновенное, острое и волнующее из жизни ушло, вернее — изгнано. Оно живет только там, где «живым» нечего искать в смысле наживы, где кончается бессмертная пошлость. Что ж, искусство и жизнь — несовместимы? «Искусство и смерть», говорил Блок (в Европе), «а в России — жизнь»[67]. Теперь это не верно. Может быть там, где жизнь не нужно искусства? Удастся ли снова соединить жизнь и искусство?[68]

1951

4 апреля, среда

<...>

Вечером в русской церкви на панихиде по Анне Яковл[евне] Дроздовой. Был [Владимир] Дроздов с дочерью и еще какая-то дама, их родствен[ница]. Вот и все. — Дроздов мне сказал: «Шаги времени. Петербург, Европа, Нью-Йорк, вот и все копчено». Но это ведь и мой путь, и огромного большин[ства] русских здесь. А кажется, все началось только вчера. Это «вчера» было в ином мире, от него почти следа не осталось. —

Во время панихиды думал о маме, она ведь тоже Анна Яковл[евна][69].

Священ[ник] служил с бытовыми интонациями, и, как всегда все непонятно, что связано со страшной тайной смерти и ее несоответ[ствия] всему, что в жизни. —

27 мая, воскресенье

<...>

Голубица сидит уже почти две недели над своим яйцом. Какая тайна в этом отрешенном бдении? Не ест, не пьет, какое-то мистическое созерцание тайны рождения голубенка.

Неслыханно, чтобы в центре Нью-Йорка в ванной комнате голуби свили гнездо. Их не беспокоит вся наша возня ежедневная. Можно ли жаловаться на что-либо, если голуби принесли Мир в мой дом и поселились в нем. Голуби — не ручные, а случайно залетевшие с улицы. —

2 июня, суббота

Рано утром. Телефон с Еленой [Извольской]. Гриша умирает, она говорит, что он слабеет с каждым часом. Тяжело борется[70]. —

Сегодня ночью родился голубенок! Лежит в гнезде голубовато-желтое нечто и дышит. — Какая тайна!! Смерть и жизнь! <...>

3 июня, воскресенье

† Гриша Извольский скончался вчера вечером, в 8 часов. Елена сообщила только что по телефону. Ее не было при нем в эту минуту. Утром она с ним разговаривала, он был еще при полном сознании.

Елена была у нас вечером. Обедала с Эллой, которая ее развлекла, потом часть вечера со мной. —

<...>

4 июня, понедельник

<...>

Сергей Кусев[ицкий] опять в госпитале. Написал ему письмо. Рассказал о рождении голубенка.

<...>

Из письма Лурье Кусевицкому от 4 июня 1951 года

Я знаю, Сережа, относительно тебя, с внутренним убеждением, что все будет очень хорошо. Нужно только терпение, и сохранить полное спокойствие духа.

Господь милостив, и силы твои вернутся. Я ведь теперь знаю, что такое терпение, ведь я ему учился изо дня в день, в продолжении года. — У нас здесь случилось нечто совсем удивительное. Недавно, в полуоткрытое окно ванной комнаты влетела пара голубей и стала вить гнездо на подоконнике. <...> Голубка положила яйцо. Она сидела на нем день и ночь, без питья и еды, в полном отрешении, и только все, как будто, к чему-то прислушивалась. Она, вероятно, слушала, что происходит в яйце, началась ли там жизнь. Вот тут-то я увидел, что такое пример терпения и веры! Мы с Эллой все время подглядывали, и мы теряли терпение. Нам казалось, что яйцо пустое, и что она зря ждет. Элла говорила, что она совсем молодая голубка, то что ее первое яйцо, что она дура, и что там ничего нет. Два дня тому назад родился голубенок. <...> Нужно было видеть, какое это было торжество, какой полет вокруг, и какое воркованье! Ну, вот тайна жизни!

Лежит там нечто крошечное, желто-серое-голубое и пищит. На второй день уже у него клюв, длинный и крепкий, и глаза открылись на свет Божий[71].

5 июня, вторник

<...>

В 4:30 панихида по Грише в Соборе 2-ая улица, 2-ая Avenue. Светская party, а не панихида, там все так же неопрятны и неряшливы, как и на Bowery[72], но без невин[ности] и детскости[73].

Ужасный день.

† Вчера ночью скончался Сережа Кусевицкий. В госпитале. Агония продолжалась 4 часа. О смерти его узнал от Нанды[74]. Она мне сообщила в 8 утра. Говорил с Ольгой[75]. Ему было стало лучше, казалось, что идет

на поправку. <...> Ужасно, ужасно! Он так был привязан к жизни, бедный, ненасытно.

Был у Нанды. От нее на панихиду по Грише. По Bowery шел пешком, мимо толпы невероятных людей, качающихся в каком-то бреду, полупьяных, грязных, заросших, но у всех невинность и детское что-то в глазах.

9 июня, суббота

Усталость после этих трех тяжелых дней и двух ночей. Но я не жалею, что поехал туда[76]. Этот опыт обогатил мою душу. Несмотря на усталость — легкое чувство п[отому] ч[то] свободен от страха смерти. Встреча с Владыкой Иоанном[77] у гроба Сережи — какой-то знак Божий. Я его совсем не понимал до того, а портрет Савелия [Сорина] совсем не верный, придуманный[78]. Я сказал об этом Владыке Иоанну, у него блеснули глаза, и он как будто обрадовался, значит и сам так чувствовал.

Голубенок за одну неделю вырос и похож на орленка. Топорщится, недоволен и шипит, когда на него смотришь. Верно скоро улетит и гнездо будет брошено. Замкнут круг, и все свершилось, что было преднамечено. В этот круг вписаны две смерти: Гриши и Сережи. Точка над Анафемой будет поставлена[79]. Голубь отлетит. Родился Новый Дух!

29 июля, воскресенье

<...>

Дивные сонеты Nerval'я! Только теперь понимаю, почему Ольга так нежно любила его. Удивительной чистоты голос, и необычайное благородство души. — Через какую муку прошел этот человек![80]

Из статьи Лурье «Детский рай»

В большом старинном доме на Фонтанке вблизи Летнего Сада, из окна, выходившего во двор, на соседней глухой стене в сажень толщиной проступала леонардовская плесень; вглядевшись в нее, можно было отчетливо увидеть силуэт в цилиндре и плаще, куда-то бегущий. О.А. Глебова-Судейкина говорила, смотря на эту тень: «Вот опять маленький Нерваль бежит по Парижу».

Все друзья, бывавшие в доме на Фонтанке, знали и любили призрачного поэта в призрачном Петербурге. Но в те годы поэзия Нерваля в нашем кругу почему-то не упоминалась; моя встреча с нею произошла несколько лет тому назад в Сан Франциско, городе тоже призрачном своими

туманами, и поющими в тумане рогами со взморья, когда городские огни в провалах холмов блещут сквозь туман, как разноцветные леденцы. Магия сонетов Нерваля сделала для меня в те дни прошлое настоящим, т. е. сознанием целостности связи времен; «звезда воспоминанья» — легендарная тень поэта на стене дома в Петербурге была неразрывна с его голосом, звучавшим в «Химерах»[81], которые я заново читал в Сан Франциско.

<...>

Нерваль, которого его друзья называли «le bon Gérard»[82], был именно одним из тех взрослых детей, для которых открыт рай. Безумие Нерваля было ноуменальным видением рая, но его феноменальный разум не был в силах справиться с измерениями невидимого мира. <...> У Нерваля был в его безумии тот же профетический опыт сознания и чувствования, то же эсхатологическое чувство одержимости поэзией, как у Хлебникова и у Мандельштама, но задолго до них[83].

30 октября, вторник

<...>

Musical Quarterly со статьей о последнем периоде жизни Шёнберга[84]. Запутанная, сложная жизнь, мучительная, но без подлинного пафоса. Он его не нашел на всем своем пути. Фотография его посмертной маски — очень серьезная, подлинная, трагическая. Она значительнее его личного творчества. Замученный человек. Чем и кем был он замучен? — Музыкой, самой музыкой, а не людьми. В этом смысл всего, что с ним случилось. —

<...>

1952

19 марта, среда

Для эпилога Арапа чудесные стихи Мандельштама[85]! Мысль об это м пришла вчера вечером, как откровение, как будто бы он сам мне подсказал. В этих строках синтез всей оперы. Та же тема, что и мы прорабатывали во всем либретто. Его стихи звучат чуть ли не сильнее, чем все, что нами взято в лучшем из русской лирики. Должно стать памятью нашей дружбы, в юные годы; в те «баснословные года»![86] —

9 мая, пятница

<...>

«Всякая моя грамматическая оплошность в стихах не случайна, — за ней скрывается то, чем я внутренне не могу пожертвовать»[87]. —

Разве можно объяснить такое? (Блок)

Какая прелесть! –

В Европе такое совершенно непонятно и покажется болезненной самоуверенностью, которой здесь пет и следа, скорее обратное.

1953

9 января, пятница

<...>

Фонтанка 18 кв. 27, моя последняя квартира в Петербурге, около Летнего Сада. Мы жили там с Ольгой и Анной и были очень счастливы, несмотря на ужас происходивший в стране. Там были написаны стихи Anno Domini[88].

Из письма Ирэн Грэм[89] к М.М. Кралину от 19 ноября 1972 года

<...> Приготовляя к изданию свой пятый сборник стихов, А. А. как-то сказала А. С. на прогулке, что не знает, как назвать книгу. «Очень просто – сказал А. С., указав на надпись, изваянную на фронтоне дома, мимо которого они шли, – Anno Domini»[90].

18 января, воскресенье

† Сегодня (в полночь) годовщина смерти Ольги. 8-ая уже с тех пор, как ее нет.

<...>

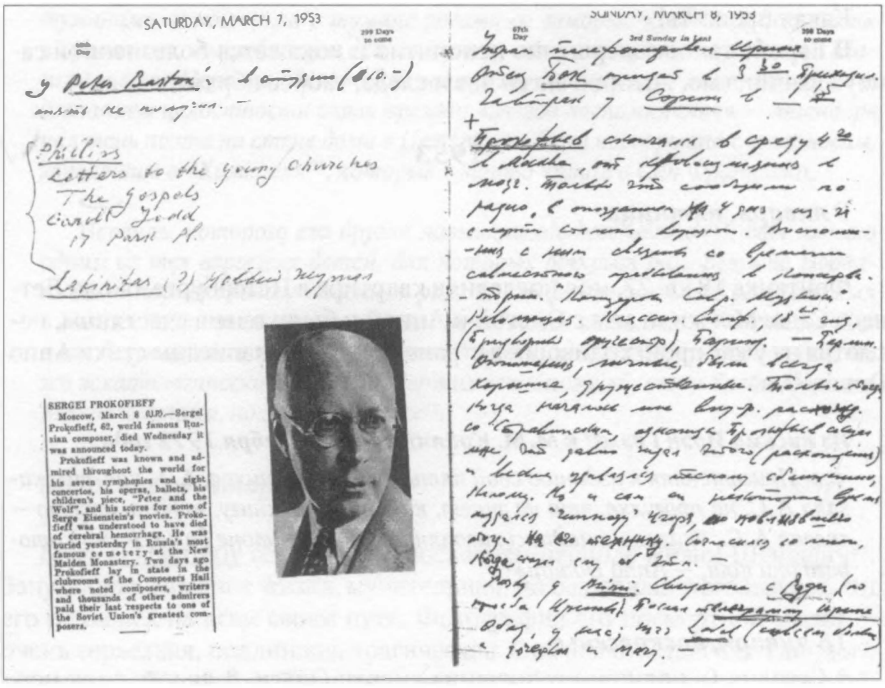
5 марта, четверг

<...>

Вчера Ирина телефонировала вечером, потрясенная сенсацией о Сталине. По сегодняшним сообщениям он агонизирует, и часы его сочтены.–

Почему все трепещут перед этим человеком, даже здесь в свободных странах? Почему такое ужасающее лицемерие, ложь, фарисейство? Почему эти соборные моления: католиков, протестантов, православных, магометан, буддистов (!?) и даже евреев, так преследуемых им?!? Моления о величайшем злодее, какого знало человечество, молитвы не о грешной душе его, а в силу его авторитета всем внушенного и значения им приобретенного. Какой ужасный признак всеобщего падения, трусости, распада духовных ценностей. Между тем, Россия никогда не была в большей опасности, если власть там развалится, на Россию набросятся все и растерзают на части, как шакалы. –

Только что на радио сообщили о смерти Сталина (в 9 часов вечера). Сравнивают с Петром Великим?! с Чингиз ханом! –



SATURDAY, MARCH 7, 1953

SERGEI PROKOFIEFF

Moscow, March 8 (U.P.).—Sergei Prokofieff, 62, world famous Russian composer, died Wednesday it was announced today.

Prokofieff was known and admired throughout the world for his seven symphonies and eight concertos, his operas, ballets, his children's piece, "Peter and the Wolf", and his scores for some of Serge Eisenstein's movies. Prokofieff was understood to have died of cerebral hemorrhage. He was buried yesterday in Russia's most famous cemetery at the New Maiden Monastery. Two days ago Prokofieff lay in state in the clubrooms of the Composers Hall where noted composers, writers and thousands of other admirers paid their last respects to one of the Soviet Union's greatest composers.

SUNDAY, MARCH 8, 1953

Страницы из дневника А.Лурье. 7–8 марта 1953 г.

8 марта, воскресенье

<...>

† Прокофьев скончался в среду 4-го в Москве, от кровоизлияния в мозг[91]. Только что сообщили по радио. С опозданием на 4 дня, из-за смерти Сталина, вероятно. Воспоминания с ним связаны со временем совместного пребывания в консерватории. «Концерты Совр[еменной] Музыки». Революция. Классич[еская] симф[ония], 18-ый год, (Придворный оркестр), Париж. — Берлин. Отношения, личные, были всегда хорошие, дружественные[92]. Только тогда, когда началось мое внутр[еннее] расхожд[ение] со Стравинским, однажды Прокофьев сказал мне, что давно ждал этого (расхождения) и весьма удивлялся тесному сближению, былому. Но и сам он некоторое время поддался «гипнозу» Игоря, повлиявшего тогда на его технику. Согласился со мною, когда сказал ему об этом[93]. –

<...>

Морозный воздух революционного Петрограда связан для меня с Классической симфонией Прокофьева и маленьким уродливым залом-студией бывшего придворного оркестра[94].

1 сентября, вторник

В русской газете сообщение о смерти † Коли Березовского[95].

Какой это ужас. Впечатление, что произошла драма. Он был совершенно здоров. Приезжал сюда [в Сан-Франциско] с балетной труппой, в августе, и уехал отсюда в Нью-Йорк на прошлой неделе. Ко мне не показался; но передал привет через Camajani[96], который видел его накануне своего отъезда на каникулы. Бедный Коля, и его доконала эта дикая страна!

Он скончался в среду 26-го. —

17 декабря, четверг

Мой старый друг † Альберт Коутс[97] скончался (12-XII) в Кэптауне (Южн. Африке) узнал из газет[98]. Весь период пер. лет революции связан воспом. с ним. Милый был человек, очень живой. Я посвятил ему Upmann'a[99]. <...> — Видел его в послед. раз в Париже (в 38-м году) на концерте Münch'a[100].

1956

8 января, воскресенье

Письмо (special) от Елены Извольской. <...> Сообщает печальную новость. В Париже скончалась (на Новый Год) милая Ирма Владим[ировна] Манциарли[101]. Еще один друг ушел в вечность!

9 января, понедельник

Письмо от Эллы.

В четверг (3-го янв.) скончался Гречанинов. Ему исполнился 91 год. — В последний раз видел в 53-м году, когда показывал ему Анафему[102], по его настоянию.

29 октября, понедельник

<...>

Читаю Блока: статьи и письма.

Русская интеллигенция больше не существует. Есть остатки эмиграции и ничего другого. —

Статья Блока «Интеллигенция и Революция» сыграла для меня фатальную роль. С этой минуты я стал вместе с Блоком «слушать музыку Революции»[103]...

Из записных книжек Лурье 1941–1945 годов

Народ всегда прав.

Народ нигде и ни при каких обстоятельствах, никогда не бывает не прав. Это одна из простых, но больших истин. Народ прав всегда. В той катастрофе, которая произошла в Европе ни у кого не поднялась рука свидетельствовать против народа той или иной страны, павшего под ударами военных поражений. Даже самые подлые из людей не сделали это. Но та разнузданная демоническая сволочь, которая захлестнула мир, пользуется именем народа для своих гнусных целей.

«Народ безмолвствует» (всегда), как говорит поэт[104]. Он всегда безмолвствует. В этом его тайна. Ее нужно слышать, и услыхав — понимать. Ему нужно оказать доверие. Это значит, прежде всего, не лгать ему, и не обращаться с ним как с глупыми и упрямыми детьми, которым подвязывают салфетку или же дают сосать карамель, чтобы они не кричали и «не мешали» взрослым.

Но если и верно, что «народ безмолвствует» в политической жизни, то в музыке это не так. Нигде так не ощутим контакт с народом как здесь. Нужно только быть внимательным к нему, чтобы понять это. Народ и музыка это одно и то же.

<...>

Культуру защищает не интеллигенция, не интеллигенты и не профессора, а народ. Народ защищает культуру, как защищает он землю, потому что настоящая культура и земля то же самое. В Европе культура погибла, потому что народ ее не защитил. Значит ли это, что там нечего было защищать? Нет, конечно. Было что защищать, но народ этой культуры или не любил, или же ее не знал. Это была уже не его культура, а искусственная, созданная людьми уже от народа оторванными и не сумевшими ее защитить и бросившими ее на произвол судьбы и на растерзание. Пропасть между народом и культурой создавалась очень долго. О народе забыли. Вспомнили о нем и стали звать его, когда было уже слишком поздно. Пусть это будет предостережением для нас здесь.

О народе вспомнили, когда нужна была его кровь и его хлеб. Во Франции новая политика (Петена) началась с лозунга поворота в сторону народа. Потому что народ не хотел больше обрабатывать землю, и нужно было убедить его делать это[105].

1957

4 февраля, понедельник

<...>

† В среду 30-го янв. скоропостижно скончался Борис Романов мой старинный приятель, еще по Петербургу. Во время революции он поставил моего «Upmann'a» в китайском театре в Царском . С ним связаны постановки, в которых участвовала Ольга[106].

4 мая, суббота

«Кормчая» симфония, мне кажется, может называться «Октябрьской» симфонией; она звучит именно той «музыкой революции», о которой говорил Блок и которая слышится в его «Двенадцати». «Кормчая» симфония это и есть блоковские «Двенадцать» — их музыкальная сущность. Странное название этой симфонии — «Кормчая» — в таком случае вполне оправдано и логично: — «Кормчая» — т. е. «ведущая» в новый мир с Кормчим — Лениным[107].

<...>

И еще: не мог артист, принимавший такое участие в революции, пройти мимо нее в своих работах. Мне кажется, что «Кормчая» симфония относится к области бессознательного в искусстве, когда смысл и значение вещи обнаруживаются через значительное время.

1958

11 ноября, вторник

Скончался Анатолий Дюбуа[108] приятель Сорина, который написал его портрет. Мы встречались с ним довольно часто, во время войны, и много спорили на «интеллигентские» темы. Он был типичным русским интеллигентом и никак не мог вырваться из своего нигилистического тупика. Он служил революционному движению всю жизнь, но не понял русскую революцию, когда она пришла. Большевики посадили его в тюрьму, потом выслали за границу в 1922 году, в тот же год когда и я уехал.

1959

11 января, воскресенье

Начало столетия обозначилось очень яркой вспышкой творческой красоты в искусстве. Это был подлинный праздник. В музыке: Скрябин, Debussy, Ravel. Ничего равного им потом уже больше не было. В поэзии: Блок, Rilke, Вяч[еслав] Иванов, Сологуб. — В наши жуткие дни так называемый модернизм выродился в одну из форм пошлости, нестерпимой лжи, кривлянья и уродства. В нем выражение полной уже оторванности от жизни. Этот стиль в искусстве давно больше ничего не значит. Для молодых он стал только демагогическим оружием самоуверенной наглости. Для самоутверждения любой ценой и запугивания всякого проявления правды и искренности чувств там, где они еще могли бы проявить себя. Разглядеть сейчас подлинно живое и новое очень трудно и мало кому доступно. Между тем искусство существует. Оно не может прекратиться. Где же оно? Как его найти? Общение больше не существует. Каждый сам по себе.

25 января, воскресенье

В хаосе современности, среди ужасных событий нагромождающихся одно на другое чувствуешь себя совершенно потерянным. Самое трудное — чувство полного одиночества в окружающей пустоте. Распад старого мира и пустота в новом, т. е. послевоенные годы. И вдруг, от времени до времени в душе какие-то вспышки яркого света. Какое-то откровение, для которого нет слов. Что это? Убеждение, что спасение и свет придут оттуда, из России. И не только для России, но и для всего мира. Откуда спасение? В чем оно? Только один путь. Преодоление материализма (марксизма). Духовная революция, о которой мы мечтали с первых дней политической революции. Блок меня заразил именно этим и «соблазнил» тогда[109]. Об этом мечтали и левые эсеры. Возврат к истокам христианства. Социализм должен быть осуществлен на христианской основе. Выпрямление и очищение историч[еской] линии. Это будет, будет! Историч[еская] церковь должна освободиться от связи с капитал[истическим] миром.

27 января, вторник

Вернулось мое письмо, посланное к Jacques Handschin'у[110]. На конверте, не распечатанном, написано карандашом: «gestorben». И наклеен

траурный квадратик, сообщающий с педантичностью, характерной для Швейцарии: «gestorben, décédé, decesso» [скончался; нем., фр., итал.].

Вот и все. Так кончилась жизнь и деятельность еще одного из моих старинных друзей, одного из лучших и культурнейших музыкантов Европы. Последнее письмо от него я получил в San Francisco, не помню точно когда. Оно было в ответ на посланную ему, по его просьбе, партитуру Анафемы. Он писал очень лестно о музыке, но бранил текст, что меня весьма озадачило, потому что текст Анафемы, па латинском языке, весь из Вульгаты, из старого и нового завета[111].

Очевидно письмо им было написано в минуту дурного настроения, что с ним уже бывало. Был он человек странный, капризный и очень одинокий. Жаловался мне, что ученики его не любили. Я был связан с ним [с] 1918-го года, работой по реформе музыкального образования в России[112].

3 мая, воскресенье

<...> Был с Ириной на выставке Гогена, в Metrop[olitan] Museum. Огромная толпа. Неизвестно, что она видит и для чего ходит. Прелестная живопись. Тонкий колорит, в прелестных, мягких тонах. Эта «музыка» всегда у него в piano-pianissimo, но никогда не в forte. Неожиданная для него нежность, не вяжущаяся с представлением о его характере. Но отсюда ведь пошел «стиль модерн» начала 20-го в[ека] (уже с конца 19-го), дурного тона, так назыв[аемое] декадентство; фигуры тонких женщин с тяжелой прической, завернутые в змеиные шлейфы. Блоковская «Незнакомка»? — Теперь на вес золота каждый клочок бумаги со следами его карандаша!

5 мая, вторник

В UNO с Володей Сосинским и Ольгой Елисеевной[113]. — То, что он мне рассказывает о советских, весьма не утешительно. Во всем, что касается культуры — убожество, провинциализм и тупость. Даже такая весьма прославленная балерина как Уланова, говорит, «нет повести печальнее на свете, чем... музыка Прокофьева в балете». По ее мнению «под эту музыку невозможно танцевать»[114]. Что же в таком случае другие, если она так рассуждает? — И как же это, артистка с такого рода пошлыми суждениями о музыке считается одной из самых замечательных балерин нашего времени, чуть ли не лучшей из всех! Чепуха и еще одна очередная глупость. Массовый гипноз, не имеющий никакого основания. Балерина с хорошей техникой, точной и виртуозной, но с лицом и психологией

провинциальной, русской школьной учительницы. — Когда вспоминаешь Спесивцеву и то, что мы говорили о ней с Блоком, становится дурно от грусти[115].

15 сентября, вторник

<...>

Вернулись Сосинские, сегодня. Ирина (по телефону) узнала от Володи, что он видел Анну в Москве. Передал ей мою рукопись[116]. Привез от нее фотографию и книги. Удивительно все это, как во сне! Мы остались с нею вдвоем, последние следы прошлого на земле. —

<...>

22 сентября, вторник

Опять жара и духота, нестерпимые. Вечер у Сосинских. Передали мне фотографию Анны, очень красивую, моего времени, и новую книжечку стихов, которая у меня уже была[117]. Ничего существенного об Ахматовой они мне не сумели сказать. Только то, что она... очень пополнела, поседела, и что очень красива. «Величественный вид. Вошла как королева». Видели ее один раз. Она приняла их у каких-то своих друзей, где она останавливается, когда приезжает в Москву[118]. Жаловалась на то, что «ее мало ценят, мало печатают»... Это так на нее не похоже! Сына ее только недавно выпустили из концентрационного лагеря[119]. Она до сих пор запугана и не может оправиться от былых гонений. Стихи передала без автографа, фотографию тоже. Только написала на ней: «Фонтанка, 2, 1924». — «Он этот адрес знает»...[120]

1960

30 мая, понедельник

Скончался Пастернак. Сообщили по радио вечером. Он был православным с 1917-го года[121].

2 июня, четверг

Сегодня похоронили Пастернака в Москве[122].

16 октября, воскресенье

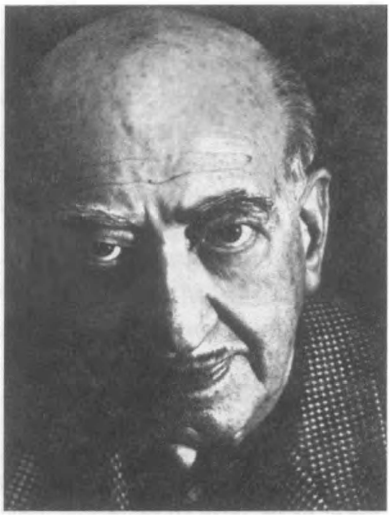
Ночью обдумывал балет Ахматовой. Первые очертания. Не представляю еще себе, что можно сделать[123]. В сущности ее поэма есть продол-

жение «Снежной маски» Блока. Между ними находятся «12». — После «Двенадцати» поэма Ахматовой — единственная.

<...>

18 октября, вторник

Ида Рубинштейн умерла во Франции, где-то на Ривьере. Совершенно забытая и старая (75 л[ет]). Узнал из газет. Никто больше не помнит. А Rouché жив до сих пор!.. Неужели жив?[124]



А. Лурье. 1960-е гг.

5 ноября, суббота

Утром телеграмма:

Raissa passed away in great peace today Jacques[125]

Нужно было это ожидать с минуты на минуту, но все же очень жутко было прочесть! Что с ним теперь будет? Как он это переживет? Вряд ли переживет! Послали ему телеграмму. —

<...>

17 ноября, четверг

В Нью-Йорке скончался, вчера, дирижер Эмиль Альбертович Купер. Ему было 82 года. В России были связаны с ним у меня неприятные воспоминания. Он мешал мне в работе и интриговал где мог, не против меня, но против Сергея Кусевицкого, которого не выносил. Мы встретились с Купером в Лиссабоне, и он приехал провожать меня (с женой) на пароход, когда я уезжал оттуда в Америку (3-го мая 1941-го). В последний раз я встретил его в Н[ью]-Й[орке] несколько лет назад, на улице. Он овдовел и был очень удручен. «Убеждал меня» не... умирать...

1962

8 июня, пятница

<...>

Письмо от Саломеи [Андрониковой][126]. Она видела Корнея Чуковского и передала ему мою карточку для Анны[127]. —

7 августа, вторник

<...>

Телефонировал Brown[128]. Он только что приехал. Придет ко мне в 2 часа. <...>

Был Brown. Он был у Анны два раза. Она прислала мне фотографию с портрета с нее. Он ей все передал, что я ей послал через него. Он говорит, что разговор был только о Мандельштаме и обо мне... На камине [?] у нее мой портрет раб[оты] Митурича. Я не знаю какой это? Она читала ему много стихов Манд[ельштама]. И исправила много ошибок сделанных им на основании неверных источников. Сказала ему передать мне, что «она велела, чтобы я писал воспоминания». Он под сильным впечатлением встречи с нею. Без меня он бы к ней не попал. — Привез нам банку свежей зернистой икры, какой я не ел с тех пор как уехал из России! <...>

24 ноября, суббота

Утром приехал Иван Павлович[129]. Человек приехал! Провел с ним весь день. Рассказывал мне о кончине Ольги и Тамары. О Париже в период немецкой оккупации. Он все время оставался там. Ходил по вечерам к евреям, по очереди, то к одним, то к другим для «поддержания морали».

<...>

18 декабря, вторник

Уехал в Princeton в 12 часов. Дома письмо от Володи Сосинского. «Были, наконец, у Анны. Королева она — величественная и строгая. Смилостивилась и... разрешила Вам, дорогой Арт[ур] Серг[еевич], писать и дала, наконец, свой постоянный адрес для Вас: Ул. Ленина, 34, кв. 23 Ленинград»[130]. — <...>

1964

8 января, среда

<...>

Журналы (французские) от Ирины. И 6 томов полного собрания сочинений Блока изд. 1962 года. Мы их приобрели прошлым летом в магазине «4-х континентов»[131]. Читал ночью, с обычным волнением, всегда

когда читаю Блока. Оторвешься от страницы и думаешь, как это вообще возможно, что здесь читаю Блока? Как это возможно, что я вообще сюда попал, в эту страну? Что у меня может быть общего с ней? Ничего. — Не было. Нет. И не будет.

20 января, понедельник

Мучительная ночь, задыхался. Заснул очень поздно, под утро. <...>

Ужасное состояние. Со всех сторон обступивший хаос. Как с ним бороться? Ведь никому даже объяснить ничего нельзя. Состояние специфически связанное с Америкой. С отсутствием подлинной реальности. Решительно все основано на непрерывном оппортунизме и компромиссе. Эфемерное существование, только кажущееся. И непрерывное царство вульгарности и жуткого хамства, во всех его личинах. Но ведь никто не замечает! Все считают, что это нормальное явление — «американский образ жизни». Ничего общего с подлинным духом демократии он не имеет. Все движется по схемам и выработанному трафарету. И все добровольно и очень пассивно этому подчиняются. Добровольное рабство недорослей и дураков — очень выгодное прохвостам, спекулянтам и ворам[132].

[1] Мы воспроизводим в дополненном и расширенном варианте публикацию фрагментов дневников Лурье, осуществленную в ноябре 2012 г. в электронном журнале «Искусство музыки: теория и история» (Государственный институт искусствознания (Москва); http://sias.ru/magazine2/vypusk-5/publikatsii/723.html).

[2] «Пиши! — Для кого? Пиши для тех, кто умер, для тех, кого ты любил в прошлом. Но будут ли они читать меня? — Нет!» (англ.) (http://www.naturalthinker.net/trl/texts/Kierkegaard,Soren/JournPapers/IV_A.html). Афоризм из дневников Кьеркегора, который Лурье несколько раз записывал в своем дневнике. Цит. по дневниковой записи Лурье от 16 января 1946 г. с сохранением его орфографии и пунктуации.

[3] Вопрос о годе рождения Лурье остается до сих пор «открытым». Документы периода жизни Лурье в России и более поздние дают противоречивые сведения.

О 1891 г. свидетельствуют: «Общественный приговор» мещан евреев Пропойска из личного дела Лурье в СПб. консерватории, аттестат об окончании Одесского коммерческого училища (там же) и все остальные документы из этого дела и свидетельство о разводе с первой женой Я. Цыбульской.

О 1892 г.: книга «Одесской мещанской управы» за 1914 год, согласно которой старший сын Израиля Хаскелевича Лурье Наум (Артур Викентий Людовик) к 1914 году достиг 22 лет и с 1913 года подлежал военной повинности (в то время возраст призыва — 21 год); французский паспорт (1927), документ о регистрации брака с третьей женой Белевской-Жуковской (1940), дорожный паспорт, исполь-

зовавшийся при эмиграции в США (1941), визированные самим Лурье статьи о нем в «Who's who in America», надпись на могильной плите Лурье в Принстоне.

Автор публикации склонна считать, что годом рождения композитора был 1892.

[4] Связаться с Венсаном Лалуа Л.З. Корабельниковой помогла Элиан Мок-Бикер, автор книги об О.А. Глебовой-Судейкиной «Коломбина десятых годов».

[5] Белла Самойловна Шагал (1895 (по др. сведениям, 1889) — 1944), жена Марка Шагала, актриса, переводчица, писательница, умерла от скоротечного сепсиса.

[6] Присутствие Жака и Раисы Маритен па похоронах Беллы Шагал объясняется дружбой с семьей художника. Марк Шагал и Маритены были близки, о чем свидетельствует многолетняя переписка с конца 1920-х по 1972 г., хранящаяся в «Центре изучения наследия Жака и Раисы Маритен» (Cercle d'Etudes Jacques & Raïssa Maritain, Kolbsheim, France). См. также: *Maritain Raïssa.* Les Grandes Amitiés. Éditions Parole et Silence, 2000. P. 347, 351.

[7] Ида Марковна Шагал-Мейер (1916–1994), художница, ассистентка отца, организатор выставок его работ.

[8] Генриетта Леопольдовна Гиршман (1885–1970), художница, коллекционер, в 1940-х гг. — личный секретарь С.А. Кусевицкого.

[9] Тамара Михайловна Персиц (Кобеко)(?–1955), издательница, меценатка, жена Лурье с 1922 по начало 1930-х гг.

[10] Нерак, городок на юге Франции.

[11] Мишель Гордей (наст. имя Рапопорт Михаил Самойлович) (1913–2005), первый муж Иды Шагал, журналист, работал на радиостанции «Голос Америки», впоследствии корреспондент газет *Le Monde, Newsday* и др.

[12] Неизданные переводы стихов Малларме, Бодлера, Верлена и др., сделанные О.А. Глебовой-Судейкиной, хранятся ныне в Фонтанном доме (Ф. 9 (Элиан Мок-Бикер). Оп. 1. 1 (5)).

[13] Александр Николаевич Меллер-Закомельский (1844—1928), барон, генерал, государственный деятель. С 1918 г. жил в эмиграции во Франции.

[14] Лурье жил в Париже по адресу: 11, avenue Mozart.

15 Abri de bombardement, abri — бомбоубежище (*фр.*).

[16] *Лурье Артур.* Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина // Воздушные пути: Альманах. Вып. V. Нью-Йорк, 1967. С. 143--145.

[17] Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина скончалась в Париже 19 января 1945 г.

[18] Известие о смерти Ольги Глебовой-Судейкиной пришло в США от художника Николая Дмитриевича Милиотти (Милиоти) (1874–1962). Милиотти и Генриетта Леопольдовна Гиршман были знакомы еще с петербургских времен.

[19] Лурье еще не определился с тем, как транскрибировать по-русски название пенициллина (penicillin), антибиотика, открытого в 1928 г. и широко применявшегося с 1940-х гг.

[20] Савелий Абрамович Сорин (1880–1953), художник-портретист, был другом Ольги Глебовой-Судейкиной с 1910-х гг.

О Сорине см. также: *Шило А.* С. А. Сорин в Америке// Русские евреи в Америке (Далее — РЕВА). Кн. 6. Иерусалим; Торонто; СПб., 2012. С. 165–191. *Примеч. ред.-сост.*

[21] Местонахождение писем Тамары Персиц к Артуру Лурье нам не известно.

[22] Бела Барток умер от лейкоза 26 сентября 1945 г.

[23] Барток был похоронен на нью-йоркском кладбище «Фернклифф». Судя по продолжению записей Лурье, на его похоронах мог присутствовать также Эдгар Варез.

[24] Александр Ильич Зилоти умер 8 декабря 1945 г.

[25] Владимир Николаевич Дроздов (1882–1960), пианист, ученик А. Н. Есиповой, преподаватель Петербургской консерватории в период учебы в ней Лурье, родной брат его консерваторского педагога по фортепиано А. Н. Дроздова.

[26] Эта и некоторые другие дневниковые записи были включены в статью об американских дневниках А. Лурье, опубликованную в одном из предыдущих выпусков альманаха «Русские евреи в Америке»: *Корабельникова Л.* Там, за океаном... // РЕВА. Кн. 1. Иерусалим; Торонто; М., 2005. С. 125–142. *Примеч. ред.-сост.*

[27] Луи Лалуа (1874–1944), французский музыковед и литературовед, русист и китаист, писатель, отец дипломата Жана Лалуа (1912–1994), близкого друга и впоследствии наследника Лурье.

[28] Борис Федорович Шлёцер (1881–1969) был единственным из русских музыкальных критиков в Париже, кто своими откликами в печати поддерживал Лурье как композитора. См., например, его статью, посвященную Первой симфонии Лурье: *Шлецер Б.* Музыкальные заметки // Последние новости. 1938. № 6216 (2 апреля). С. 5.

[29] Ромуальд Вандель (1895–1969), композитор, переводчик, друг Лурье и Ольги Глебовой-Судейкиной.

[30] Елена Александровна Извольская (1896–1975), писательница, переводчица, основательница экуменистического кружка и журнала *Третий час*, в деятельности которых Лурье принимал активное участие.

[31] Знакомая Артура и Эллы Лурье в Нью-Йорке, у которой они снимали загородный дом в Рокленд Лейк (деревне примерно в 30 километрах на севере от Нью-Йорка, в гористой местности, недалеко от озера Рокленд Лейк и реки Гудзон).

[32] Сергей Александрович Голенищев-Кутузов (1885–1950), граф, церковный общественный деятель (староста Свято-Николаевского собора в Нью-Йорке), друг Лурье.

[33] Наталья Ивановна Седова-Троцкая (1882–1962), вторая жена Л. Д. Троцкого. С 1918 по 1927 г. заведовала отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения, что могло быть поводом для знакомства с Лурье, который одновременно (с 1918 по 1921 г.) был заведующим музыкальным отделом Наркомпроса.

[34] Менжинские Вера Рудольфовна (1872–1944) и Людмила Рудольфовна (1878–1933), сестры знаменитого революционера и впоследствии чекиста

В. Р. Менжинского. После революции были сотрудницами советского государственного аппарата: Вера Рудольфовна — заведующей театральным отделом Наркомпроса, Людмила Рудольфовна — заведующей главным управлением социального воспитания Наркомпроса.

[35] Двустишие Ахматовой «От других мне хвала — что зола» (1931), включенное в сборник «Ива», Лурье мог знать по изданию «Из шести книг» (Л.: Советский писатель, 1940. С. 28).

[36] См выше примеч. 30.

[37] Найак — деревня на берегу Гудзона к югу от Конджерса. Некролог Сергею Судейкину был опубликован в нью-йоркской газете *Новое русское слово*, которую Лурье регулярно просматривал (Новое русское слово. 1946. № 12526 (14 августа). С. 1).

[38] Новое русское слово. 1946. № 12530 (18 августа). С. 5.

[39] Лурье был на спектакле антрепризы «Русские балеты полковника де Базиля» и смотрел балет «Паганини» на музыку Рахманинова в хореографии Фокина и с декорациями Судейкина. Главную партию в балете «Паганини» исполнял Владимир Докудовский.

[40] Мария Григорьевна Гречанинова умерла 26 января 1947 г.

[41] В размышлениях Лурье возникают темы, «коренные» для Блока и запечатленные им во многих стихах и статьях. В комментируемой записи Лурье ближе всего статье Блока «Интеллигенция и народ» (1908), являющейся откликом на «Исповедь» Максима Горького. Это очевидно не только из упоминания названия статьи, но и из общего смысла высказывания о чувстве ответственности интеллигента перед народом: «...общественное чувство, перешедшее в сознание, и заставляет интеллигента почувствовать ответственность свою перед целым, хочет он или не хочет, подойти к вопросам о болезнях всероссийских; и, мне думается, да и сама действительность показывает, что насущнейшим из таких вопросов является вопрос об “интеллигенции” и “народе”» (*Блок А.А.* Собрание сочинений в 6 томах. Т. 4. Очерки. Статьи. Речи. 1905—1921. Л.: Художественная литература, 1982. С. 106).

[42] Юлия Леонидовна Сазонова (урожд. Слонимская) (1887–1957), литературовед, литературный критик, историк театра, режиссер. Родная сестра композитора и музыкального писателя Н. Л. Слонимского.

О Ю. Л. Слонимской см. также: *Триббл Кит.* Юлия Сазонова (Слонимская) в Америке (1942–1955) // РЕВА. Кн. 4. Иерусалим; Торонто; СПб., 2010. С. 106–120. *Примеч. ред.-сост.*

[43] София Юльевна Прегель (1897–1972), писательница, поэтесса, меценат. Издатель и редактор журнала *Новоселье*, в котором в 1940-х гг. печатался Лурье.

[44] Сведений, позволяющих подтвердить или опровергнуть это высказывание, нам найти не удалось.

[45] Эти строки воспринимаются как своего рода искаженное эхо, зеркальное отражение слов о Петербурге, записанных Александром Блоком в 1905 г.: «...опять страшная злоба на Петербург закипает во мне, ибо я знаю, что это поганое, гнилое ядро, где наша удаль мается и чахнет, окружено такими безднами,

такими бездонными топями, которых око человека не видело, ухо — не слышало. <...> Еще долго близ Лахты будет водиться откровение, небесные зори будут волновать грудь и пересыпать ее солью слез, будет Мировая Несказáнность влечь из клоаки. <...> Но надо, надо понять, что в Петербурге легче, чем где-либо, умереть, без мучений — застрять и заглохнуть» (*Блок А. А.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. С. 130–131).

[46] Архив Лурье в Фонде Пауля Захера. Досье 19.

[47] Собор святого Патрика (St. Patrick's Cathedral) — кафедральный католический собор Нью-Йорка (14 East 51st Street NY).

[48] Речь идет об издании: *Блок А.* Полное собрание стихотворений в 2 томах / Вступ. статья и примеч. В. Орлова. М.: Советский писатель, 1946.

[49] *Хлебников В.* Война в мышеловке (1915–1922) // Велимир Хлебников. Собрание сочинений в 3 томах. Т. 2. Поэмы и «сверхповести», драматические произведения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 296. У Хлебникова так: «Где волк воскликнул кровью: // "Эй! Я юноши тело ем", — // Там скажет мать: "Дала сынов я". — // Мы, старцы, рассудим, чтó делаем. // Правда, что юноши стали дешевле? // Дешевле земли, бочки воды и телеги углей?»

[50] Этот фрагмент дневника в несколько измененном виде впоследствии вошел в статью Лурье «Детский рай» (*Лурье Артур.* Детский рай // Воздушные пути: Альманах. Вып. Ш. Нью-Йорк, 1963. С. 164–165).

[51] Жорж Бернанос (1888–1948), французский писатель, друг семьи Маритен.

[52] Невозможно установить, в какой именно советской газете Лурье прочитал некролог Асафьеву. 29 января, через два дня после смерти Асафьева, некрологи были опубликованы в *Правде, Известиях, Советском искусстве* и т. д. Все три названных газеты Лурье время от времени просматривал.

[53] Экземпляр «Симфонических этюдов» с автографом Асафьева, принадлежавший Лурье, по-видимому, утрачен.

[54] По этой записи у читателя может сложиться впечатление, что общение Лурье и Асафьева в период их совместной работы в МУЗО Наркомпроса (1918–1921) было глубоким и почти дружеским. Даже если допустить, что Лурье был настроен по отношению к Асафьеву именно так, ответной симпатии к нему Асафьев не испытывал. Об этом говорит, например, неопубликованный дневник Асафьева за 1920 г.: «Вторник — кис, среду — окончательно захворал <...> в четверг отдышался, написал большие письма (Мясковскому — самое для меня приятное, Яковлеву — трудное, Лурье — тягостное <...>). <...> Все еще не могу спокойно воспринимать людскую мерзость. Волновался. <...> Как хочется просто пожить, наплевав на всякую работу, поехать на Юг, подвигаться, полюбоваться. Господи, неужели так и умру на проклятом болоте в невольном общении с бессердечными мерзавцами вроде Лурье. Как он смело и нагло идет! <...> Неисчерпаемо жестоко бессмысленна русская жизнь, и особенно ужасают те моменты, когда один и тот же человек предает, терзает, а через несколько часов или дней, как ни в чем не бывало, идет к бывшему господину. И все так: хочу повешу, хочу нет, но и в том и в другом случае по слепоте, а слепота ненависти и слепота доброго

отношения. Слепые дикари» (РГАЛИ. Оп. 1. Ед. хр. 439. Л. 32–32 об.). Благодарю за помощь в поисках этого документа П. Е. Вайдман.

[55] Асафьев побывал в Париже осенью 1928 г.

[56] Франциск Ассизский (1182–1226), католический святой, основатель ордена францисканцев. Хуан де ла Крус (Juan de la Cruz) (1542–1591), испанский мистик и поэт.

[57] «Самопознание» («опыт философской автобиографии») Бердяева — одна из его последних книг, опубликованная посмертно. Лурье читал ее в первом издании: *Бердяев Н.* Самопознание: опыт философской автобиографии. Париж: YMCA-Press, 1949.

[58] Лурье прочитал статью Бунина об Алексее Николаевиче Толстом «Третий Толстой» (1949) в нью-йоркской газете *Новое русское слово*, которую регулярно просматривал (Новое русское слово. 1950. № 13764–13766 (1–3 января)). Чуть позже статья Бунина была опубликована в сборнике его воспоминаний (*Бунин И. А.* Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С. 201–236).

[59] Эта запись показывает, насколько различны были суждения об искусстве, высказывавшиеся Лурье в разные периоды и в разных жизненных ситуациях. Для того чтобы убедиться в том, как радикально изменились взгляды Лурье на искусство со времен его молодости, достаточно сравнить эту запись с его ранними публикациями, например манифестом «Мы и Запад» (1914), статьей «Речь к юношам-артистам Кавказа» (1917) и др.

[60] Лурье, с юности и до конца жизни восхищавшегося Блоком как поэтом и личностью, чувствовавшего родство с ним в переживании о судьбах России, не могли не возмутить в большинстве своем неточные, действительно порочащие поэта высказывания Бунина о сотрудничестве Блока с Временным правительством и советской властью, его уничижительные слова о «Двенадцати» и «Скифах» и о поэзии Блока вообще, например, такие: «Блок нестерпимо поэтичный поэт, у него, как у Бальмонта, почти никогда нет ни одного словечка в простоте, все сверх всякой меры красиво, красноречиво, он не знает, не чувствует, что высоким стилем все можно опошлить. Но вот после великого множества нарочито загадочных, почти сплошь совершенно никому непонятных, литературно выдуманных, символических, мистических стихов он написал наконец нечто уж слишком понятное. Ибо уж до чего это дешевый, плоский трюк: он берет зимний вечер в Петербурге, теперь особенно страшном, где люди гибнут от холода, от голода, где нельзя выйти даже днем на улицу из боязни быть ограбленным и раздетым догола, и говорит: вот смотрите, что творится там сейчас пьяной, буйной солдатней, но ведь в конце концов все ее деяния святы разгульным разрушением прежней России и что впереди нее идет Сам Христос, что это Его апостолы» (*Новое русское слово.* 1950. № 13764–13766 (1–3 января)).

[61] Лурье упоминается в мемуарах Г. Иванова как один из завсегдатаев знаменитого кабаре «Привал комедиантов» конца 1917 — начала 1918 г.: «Холодно. Полутемно. С улицы слышны выстрелы... Вдруг топот ног за стеной, стук прикладов в ворота. Десяток красноармейцев, под командой безобразной, увешанной оружием женщины, вваливается в “венецианскую залу”. — Граждане, ваши документы!

Их смиряют какой-то бумажкой, подписанной Луначарским. Уходят, ворча: погодите, доберемся до вас... И снова — оплывающие свечи, стихи Ахматовой или Бодлера; музыка Дебюсси или Артура Лурье...» (*Иванов Г.* Петербургские зимы. СПб.: Азбука, 2000. С. 81).

[62] *Хлебников В.* Зангези (1922) // В. Хлебников. Творения / Общ. ред. и вступ. ст. М. Я. Полякова; сост., подготовка текста и коммент. В. П. Григорьева и А. Е. Парниса. М., 1986. С. 477.

[63] Лурье побывал на гастрольном спектакле английской труппы «Сэдлерс-Уэллс балле» с солисткой Марго Фонтейн (1919–1991).

[64] Дебют Ольги Александровны Спесивцевой (1895–1991) в партии Жизели состоялся 30 марта 1919 г. в Мариинском театре. Записные книжки Блока подтверждают факт его общения с Лурье в марте-апреле 1919 г., именно тогда, когда они оба видели «Жизель» со Спесивцевой: «*6 апреля.* <...> Вечером — "Жизель" (Спесивцева, Владимиров, Романов), "Арагонская хота" (Шерер, Люком). Встреча с Лурье — он поддержал мои музыкальные наклонности. Декларация (будущая) Музыкального отдела — о духе музыки» (*Блок Александр.* Записные книжки. 1901–1920 / Сост., подготовка текста, предисл. и примеч. В. Орлова. М.: Художественная литература, 1965. С. 455).

[65] На с. 20 упомянутого номера журнала *Огонек* были опубликованы три стихотворения из цикла А. А. Ахматовой «Слава миру» (1950): «Где ароматом веяли муссоны», «Поджигателям» и «В пионерлагере». Лурье попалось на глаза продолжение публикации стихов из этого цикла, начатой в одном из сентябрьских номеров *Огонька* (№ 36): «Песня мира», «30 июня 1950», «1950 год», «С самолета», «Прошло пять лет — и залечила раны...», «Покорение пустыни», «Севморпуть». Как известно, эта публикация была попыткой Ахматовой продемонстрировать лояльность официальной идеологии. Непосредственным поводом к публикации стали аресты в 1949 г. бывшего мужа Ахматовой искусствоведа Н. Н. Пунина и ее сына Л. Н. Гумилева. О реакции на эту публикацию Пунина свидетельствует его письмо своей сотруднице и подруге М. А. Голубевой: «Стихи в "Огоньке" я прочитал; я ее любил и понимаю, какой должен быть ужас в ее темном сердце» (*Пунин Н.* Мир светел любовью: Дневники. Письма / Сост. Л. А. Зыков. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. С. 426).

[66] Речь идет об оратории С. С. Прокофьева па слова С. Я. Маршака «На страже мира» (1950). Очевидно, Лурье узнал о ее существовании из публикации в газете *Советское искусство* от 15 августа 1950 г. В статье, озаглавленной «Весь мир готов к войне с войной!», Прокофьев пояснял идеи своей новой оратории так: «За мир, против кровавых планов американских империалистов бьются миллионы честных простых людей. <...> В третьей части [оратории] раздаются мрачные, зловещие голоса поджигателей войны, дельцов Уолл-стрита, отправляющих в Корею "под сотней пломб запасы бомб"» (Советское искусство. 1950. № 53 (1245) (15 августа). С. 1). Для лучшего понимания того, в каком эмоциональном состоянии Прокофьев готовил к публикации этот текст, добавим, что в предыдущем номере *Советского искусства* был опубликован некролог его лучшему другу Н.Я. Мясковскому (Советское искусство. 1950. № 52 (1244) (12 августа).

[67] У Блока так: «Европа (ее тема) — Искусство и смерть. Россия — жизнь». Лурье прочел эти строки из записных книжек Блока в комментариях к изданию его поэмы «Скифы» (*Блок А.* Поэмы. 1911–1921. Двенадцать. Скифы. Возмездие // А. Блок. Собрание сочинений. Т. 5. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. С. 145). Впоследствии Лурье неоднократно вспоминал эти слова Блока и записывал их в дневнике.

[68] Тема музыки как запечатления живого духовного опыта и как мертвого ремесла волновала Лурье на протяжении всей его жизни, от ранней статьи «Бетховен и Вагнер (Из юношеских тетрадей)» (опубл. в 1918) до одной из последних — «Осквернение и освящение времени» (1963). Выбор цитаты из Блока говорит и о сохранении «евразийского» начала в размышлениях Лурье, которое ощутимо и в его записях начала 1940-х гг.

[69] Матери Лурье к этому времени не было в живых. Вероятно, она умерла в Ленинграде во время блокады. В ленинградской блокадной «Книге памяти» значится Анна Яковлевна Лурье, 1871 года рождения, скончавшаяся в блокаду в феврале 1942 г. (http://www.visz.nlr.ru/search/lists/blkd/235_581.html).

[70] Григорий Александрович Извольский (1892–1951), брат Е. А. Извольской, офицер, юрист, банковский служащий.

[71] Library of Congress. Serge Koussevitzky Music Foundation. General correspondence. Box 40. Folder 4. Это письмо Лурье Сергею Кусевицкому, написанное 4 июня 1951 г., оказалось последним.

[72] Боуэри — район в Нью-Йорке, с конца XIX в. имевший сомнительную репутацию из-за скопления пивных, ночлежек, борделей, театров легкого жанра и пр.

[73] Этот абзац вписан в дневник позже других записей дня.

[74] Руфь Нанда Бродская (Анцен) (1900–2003), писательница, философ, друг семьи Маритен и знакомая Кусевицкого.

[75] Ольга Александровна Наумова (1901–1978), племянница С. А. Кусевицкого, его секретарь (с 1929 г.), с 1947 г. — его жена.

[76] Похороны Кусевицкого прошли в Леноксе (Массачусетс), недалеко от Тэнглвудского музыкального центра, основанного им в 1940 г.

[77] Иоанн (Шаховской) (1902–1989), православный священник, в 1950-е гг. — епископ Сан-Францисский и Западно-Американский.

[78] О каком портрете идет речь, нам не известно.

[79] Весной 1951 г. Лурье сочинял мотет «Анафема» для тенора, баритона, баса, мужского хора и восьми духовых инструментов. Сам композитор воспринимал свое сочинение как «щит против лжи, насилия и кощунства с одной стороны, с другой же <...> [как] молитву в песенной форме о погибшем человечестве» (NOTE SUR LE MOTET "ANATHEMA". Архив Лурье в Фонде Пауля Захера. Досье 20 bis).

[80] Жерар де Нерваль (1808–1855), французский поэт-романтик и переводчик. В конце жизни страдал депрессией, во время одного из приступов которой покончил жизнь самоубийством, повесившись на фонарном столбе.

[81] «Химеры» (1854) — цикл сонетов Нерваля.

[82] Добрейший Жерар (*фр.*).

[83] *Лурье А.* Детский рай // Воздушные пути: Альманах. Вып. Ш. Нью-Йорк, 1963. С. 163–164.

[84] *Rubsamen Walter H.* Schoenberg in America // The Musical Quarterly. 1951. Vol. XXXVII. Issue 4. October. P. 469–489.

[85] В эпилоге оперы Лурье «Арап Петра Великого» звучат строки из двух стихотворений Мандельштама, посвященных Петербургу («Петрополю») и Павловску: «На страшной высоте блуждающий огонь» (1918) и «Концерт на вокзале» (1921).

[86] Фрагменты воспоминаний о Мандельштаме вошли в статью Лурье «Детский рай» (1963) (см. примеч. 83).

[87] Лурье цитирует письмо А.А. Блока к С.К. Маковскому от 29 декабря 1909 г. (*Блок А.А.* Собрание сочинений в 6 томах. Т. 6. Письма. 1898–1921. Л.: Художественная литература, 1983. С. 174).

[88] Адрес квартиры, располагавшейся недалеко от Летнего сада, — «Фонтанка, 18. (Четвертый двор, у Ольги Аф[анасьевны] Глебовой). Верхний этаж», — зафиксирован в «Записных книжках» Анны Ахматовой (Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.; Torino: Giulio Einaudi editore, 1996. С. 662). А.А. Ахматова, О.А. Глебова-Судейкина и А.С. Лурье жили вместе на этой квартире в 1921–1922 гг.

[89] Ирина (Ирэн) Александровна Грэм (1915–1996), писатель, либреттист, подруга Лурье с конца 1940-х гг.

[90] От рождества Христова (*лат.*). Цит. по: *Кралин М.* Артур и Анна. Роман без героя, но все-таки о любви. Томск: Водолей, 2000. С. 26.

[91] Прокофьев умер вечером 5 марта 1953 г., похороны на Новодевичьем кладбище состоялись 7 марта.

[92] Это утверждение Лурье не стоит принимать на веру. Возможно, Лурье и испытывал к Прокофьеву дружеские чувства (может быть, даже в какой-то мере заискивал перед ним), но на взаимность вряд ли мог рассчитывать. Прокофьев знал о существовании Лурье до отъезда из России (они учились в Петербургской консерватории одновременно), был глубоко возмущен тем, что Лурье как глава МУЗО Наркомпроса не защитил его рукописи от расхищения в послереволюционные годы, и после эмиграции Лурье в Париж на протяжении 5 лет даже не здоровался с ним. Лишь позже, вынужденный встречаться с Лурье у общих знакомых (Кусевицких, Стравинского и др.) и смягченный хвалебными словами Лурье о своей музыке, Прокофьев чуть «оттаял». Прежние характеристики, даваемые Прокофьевым Лурье, — «сволочь», «подлец», «дрянной композитор, который "тоже куда-то лезет"» и др. — сменились более снисходительными высказываниями, вроде такого (1929): «[Лурье] теперь со мной страшно мил и, всхлипывая, говорит комплименты — точно молодая девушка» (*Прокофьев Сергей.* Дневник. 1907–1933. Часть вторая. Париж: sprkfv, 2002. С. 738). Источники предыдущих цитат: *Прокофьев С.С., Мясковский Н.Я.* Переписка. М.: Советский композитор, 1977. С. 152; *Прокофьев С.* Дневник. 1907–1933. Часть вторая. С. 213, 206.

[93] О том, что Лурье критиковал музыку Стравинского при Прокофьеве (чем, наверное, льстил последнему), свидетельствует дневник Прокофьева (1929): «Днем у Кусевицкого был Лурье; про "Аполлона" сказал, что это замечательное произведение, в котором, однако, нет ни одной ноты, откуда-нибудь не взятой» (Там же. С. 707). Трудно сказать, осмелился бы Лурье на самом деле сказать Прокофьеву о том, что в его музыке заметно влияние Стравинского. Но очевидно, что Прокофьев, мало уважая Лурье, вряд ли отреагировал бы на подобное его замечание столь благодушно.

[94] Архив Лурье в Фонде Пауля Захера. Досье 37. Судя по этой записи, Лурье присутствовал на репетициях или на премьере «Классической симфонии» Прокофьева, состоявшихся незадолго до отъезда композитора за границу 18–20 и 21 апреля 1918 г. соответственно. Исполнение симфонии было осуществлено в Петрограде Государственным оркестром, которым дирижировал сам композитор (см.: *Прокофьев Сергей.* Дневник. 1907–1918. Paris: Serge Prokofiev Estate, 2002. С. 695–696).

[95] Николай Тихонович Березовский (1900–1953), композитор, скрипач и дирижер, друг Лурье в годы жизни в Америке, один из свидетелей при получении Лурье американского гражданства в 1947 г. Вероятно, Лурье увидел некролог Березовскому в газете *Новое Русское Слово.*

[96] Джованни Камаджани (1905–1986), американский дирижер итальянского происхождения, профессор «Школы канторум» в Сан-Франциско.

[97] Альберт Коутс (1882–1953), англо-русский дирижер. Родился в России, в 1910-х гг. выступал в Мариинском театре, в 1919 г. эмигрировал в Англию. С 1946 г. жил в ЮАР. Лурье мог знать Коутса по службе в Наркомпросе: после революции дирижер занимал пост президента всех оперных театров Советской России (Who Was Who. A Companion to Who's Who Containing the Biographies of Those who died during the period 1951–1960. Vol. 5, 1951–1960. London: A & C Black, 1961. P. 219).

[98] Сообщение о смерти Коутса было опубликовано в газете *Новое Русское Слово*: Хроника // Новое Русское Слово. 1953. № 15205 (13 декабря). С. 5.

[99] «Upman/Smoking Sketch» («Упман-скетч») для фортепиано (1917) Лурье с посвящением Коутсу был опубликован Государственным музыкальным издательством в 1919 г.

[100] Вероятно, речь идет о концерте в зале «Плейель» 24 марта 1938 г., в котором под управлением Шарля Мюнша исполнялась Первая («Диалектическая») симфония Лурье.

[101] Ирма Владимировна Манциарли (1898–1956/1957?), теософ, меценатка, редактор, переводчица. Вероятно, Лурье был знаком с ней по Парижу, с 1945 г. в Нью-Йорке он был постоянным участником собраний организованного ею и Еленой Александровной Извольской экуменического общества «Третий час» и публиковался в издаваемом им одноименном журнале.

[102] См. выше примеч. 66.

[103] Мысли Блока, высказанные в статье «Интеллигенция и революция» (9 января 1918), были глубоко пережиты Лурье, который возвращался к ним не только в послереволюционные годы, но десятилетия спустя. Опыт разочарования

в революции, в пошлости советского быта и идеологии не разрушил веры Лурье в первозданную силу народной стихии как в «вечную правду», о которой Блок писал: «*Такие* замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывавшие их путы и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов, это называется революцией. <...> Она сродни природе. <...> Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных; но — это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот все равно всегда — *о великом*» (*Блок А.А.* Собрание сочинений в 6 томах. Т. 4. Очерки. Статьи. Речи. 1905—1921. Л.: Художественная литература, 1982. С. 232). И, естественно, события Второй мировой войны вновь пробудили у Лурье ощущение стихийной силы русского народа, ощущение ее истинности и вечности, о котором он писал в записных книжках военных лет.

[104] Заключительная ремарка трагедии Пушкина «Борис Годунов» (*Пушкин А.С.* Борис Годунов // А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том V. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 322).

[105] Архив Лурье в Фонде Пауля Захера. Досье 37. Анри Филипп Петен (Pétain) (1856–1951) возглавлял в 1940–1945 гг. коллаборационистское правительство Франции (режим Виши), поддерживавшее Германию. Одним из главных направлений политики Петена было развитие сельского хозяйства и стимулирование возвращения французов к «жизни на земле»: «Мы хотели бы подготовить по возможности быстрое возвращение нашей сельской жизни [notre vie rurale] в ее привычный ритм. И так мы предоставляем большие кредиты для восстановления поврежденных строений, кредиты от двух миллиардов хозяевам, чье поголовье было частично или целиком уничтожено» (из воззвания Петена к французам 13 августа 1940 г., http://www.marechal-petain.com/page_message.htm).

[106] Лурье знал танцовщика и хореографа Бориса Георгиевича Романова (1891—1957) по Петербургу, где они встречались в среде артистической богемы, в том числе в кабаре «Бродячая собака». В годы сотрудничества Романова с петербургским «Литейным театром» Ольга Глебова-Судейкина выступила в нескольких поставленных им балетах-пантомимах, например в знаменитых «Козлоногих» (1912) на музыку И.А. Саца, в «Свидании» (1913) М.А. Кузмина и др. Подробности исполнения «Упман-скетча» (1917) Лурье в здании Китайского театра в Царском Селе нам неизвестны.

[107] Программа Второй («Кормчей») симфонии Лурье (1939) более сложна, чем может показаться из этого описания. Ее полное название — «Страстей смущение, Кормчая рождшая Господа, И бурю утиши погрешений, Богоневестная» — отсылает к 4-й песне Канона Пресвятой Богородице, где Кормчим называется Господь Иисус Христос. Такое сближение образов Ленина и Господа в авторской трактовке программы симфонии действительно родственно поэме Блока «Двенадцать». Важно, что симфония Лурье была написана более чем через 20 лет после революции и создания поэмы Блока, что говорит о сохранении им на долгие годы идеалистического восприятия личности Ленина.

[108] Анри (Анатолий Эдуардович) Дюбуа (1881–1958), юрист, художник и скульптор, общественный деятель. Лурье мог общаться с ним как в Париже, где Дюбуа обосновался после высылки из советской России в 1922 г., так и в США. В первой половине 1940-х гг., одновременно с Лурье, Дюбуа сотрудничал с нью-йоркским журналом *Новоселье*.

[109] См. выше примеч. 76.

[110] Жак Самюэль (Яков Яковлевич) Гандшин (1886, Москва – 1955, Базель), выдающийся ученый и органист, скончался в Базеле 25 ноября 1955 г., задолго до получения Лурье известия о его смерти.

[111] Последнее письмо Гандшина с отзывом на «Анафему» было получено Лурье 4 января 1954 г. Получение этого письма зафиксировано им в дневнике, на этом их переписка действительно прервалась.

[112] По приглашению Лурье Гандшин работал под его руководством в научно-теоретической секции академического подотдела МУЗО Наркомпроса.

[113] Речь идет о писателе, общественном деятеле и дипломате Владимире Брониславовиче Сосинском (1900–1987) и его теще, писательнице и мемуаристке Ольге Елисеевне Колбасиной-Черновой (1886?–1964). Оба они были реэмигрантами. После принятия советского гражданства с 1947 по 1960 г. Сосинский работал в Нью-Йорке в аппарате Организации Объединенных Наций (United Nations, сокращенно – UN).

[114] В высказывании Лурье об Улановой очевидно предубеждение, исходящее из его отношения ко всему советскому как к провинциальному. К тому времени, когда была сделана дневниковая запись Лурье, Уланова давно изменила свое мнение о балете Прокофьева, но ее знаменитый спич, высказанный на дружеской вечеринке после премьеры балета, продолжал «гулять» в театральной среде (см. об этом: *Львов-Анохин Б. А.* Галина Уланова. М.: Искусство, 1970. С. 117–118).

[115] См. выше примеч. 60.

[116] Очевидно, речь идет о романсе Лурье на слова Ахматовой «Ива» (1958). Факт встречи Сосинского с Ахматовой косвенно подтверждается письмом к Ахматовой переводчицы Н. И. Столяровой (10 августа 1959): «На днях в Москву приехал один мой старый знакомый, с которым мы встречались в Париже, – Сосинский Владимир Брониславович. Он попросил меня передать Вам от него небольшой альбом Модильяни. Кроме того, В. Б. привез ноты на Ваше стихотворение, Вам посвященные, от некогда знавшего Вас лично Лурье» (цит. по: *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М.: Индрик, 2008. С. 537).

[117] Книжечка стихов Ахматовой «Из шести книг» (1940) была у Лурье раньше, о чем свидетельствуют записанные в его дневнике 7 августа 1946 г. строки стихотворения Ахматовой «От других мне хвала – что зола» (см. выше примеч. 30).

[118] Очевидно, встреча Сосинских с Ахматовой произошла в московской квартире друга Ахматовой В. Е. Ардова на Большой Ордынке.

[119] Лев Николаевич Гумилев был реабилитирован и освобожден из лагеря около Междуреченска Кемеровской области 11 мая 1956 г.

[120] Как говорилось выше, Ахматова и Лурье жили вместе в другом доме, по адресу Фонтанка, 18. Единственная сохранившаяся в копии П. Н. Лукницкого открытка Лурье Ахматовой из Парижа от 21 мая 1923 г. была отправлена именно на этот адрес (Институт русской литературы (Пушкинский дом). Фонд AVII-2. № 81). В дом 2 по Фонтанке Ахматова переехала в марте 1924 г., через полтора года после эмиграции Лурье. Почему он должен был знать именно этот адрес, нам не известно. Скорее всего, «паролем» был не конкретный дом, а сама «Фонтанка»: «...на Фонтанке, где много Петербурга: неважен свет и еда, а Петербург» (из письма Н. Н. Пунина Ахматовой. Петербург Анны Ахматовой // La Pietroburgo di Anna Achmatova. Bologna, 1996. С. 31–32).

[121] Подтверждения сообщенному Лурье факту крещения Пастернака в 1917 г. нам найти не удалось.

[122] Пастернак был похоронен в этот день на кладбище в подмосковном Переделкино.

[123] Этот замысел балета по «Поэме без героя» Ахматовой не был осуществлен. Размышляя над ним и сравнивая «Поэму без героя» с книгой «Снежная маска» (1907) Блока, Лурье «между строк» напоминает о другом неосуществленном замысле — балете «Снежная маска», либретто которого писала для него Ахматова. О существовании либретто известно, например, из дневника К. И. Чуковского, посетившего Ахматову в конце декабря 1921 г.: «Она [Ахматова] лежала на кровати в пальто — сунула руку под плед и вытащила оттуда свернутые в трубочку большие листы бумаги. — Это балет "Снежная маска" по Блоку. Слушайте и не придирайтесь к стилю. Я не умею писать прозой. — И она стала читать сочиненное ею либретто, которое было дорого мне как дивный тонкий комментарий к "Снежной маске". Не знаю, хороший ли это балет, но разбор "Снежной маски" отличный. — Я еще не придумала сцену гибели в третьей картине. Этот балет я пишу для Артура Сергеевича. Он попросил. Может быть, Дягилев поставит в Париже» (*Чуковский К.* Дневник. 1901–1929 / Подготовка текста и коммент. Е. Ц. Чуковской. М.: Современный писатель, 1997. С. 184). В личном архиве А. Г. Каминской сохранился оформленный рукой Лурье на нотной (партитурной) бумаге титульный лист «симфонического балета» «Снежная маска», однако текст либретто утерян, а о существовании музыки балета ничего не известно.

[124] Танцовщица и актриса Ида Львовна Рубинштейн умерла 20 сентября 1960 г. в Вансе на юго-западе Франции, за 1 день до своего 77-летия. Последние годы жизни она провела в одиночестве. Жак Руше, французский предприниматель, меценат, издатель, исследователь театра, антрепренер, с 1913 по 1945 г. — директор «Гранд-Опера». Лурье контактировал с ним в 1939 г., когда в «Гранд-Опера» планировалась постановка его оперы-балета «Пир во время чумы» (так и не осуществленная). Вопреки предположениям Лурье Руше уже не было в живых. Он скончался в Париже 9 ноября 1957 г. в возрасте 94 лет.

[125] Сегодня Раиса ушла в лучший мир Жак (*англ.*). Раиса Маритен (1883, Ростов-на-Дону — 1960, Париж), с которой, так же как и с ее мужем философом Жаком, Лурье дружил с конца 1920-х гг., умерла 4 ноября 1960 г. О дружбе Лурье с семьей Маритен см.: *Мейлах М. Б., Бобрик О. А.* Семья Жака Маритен и русские музыканты // Музыкальная академия. 2010. № 2. С. 96–102.

[126] Саломея Николаевна Андроникова-Гальперн (1888—1982), подруга Ахматовой и Лурье с 1910-х гг.

[127] Корней Чуковский побывал в Лондоне в 1962 г. по пути в Оксфорд для получения почетного звания доктора литературы Оксфордского университета.

[128] Кларенс Браун (р. 1929), литературовед, переводчик, с 1962 г. — ассистент профессора Принстонского университета. Работая в 1960-х гг. над исследованием о Мандельштаме, он неоднократно встречался с Ахматовой в России и в Англии.

[129] Вероятно, Иван Павлович Кобеко (1892 — после 1961), эмигрант, один из известных русских масонов.

[130] А. А. Ахматова жила в Ленинграде по этому адресу вместе с семьей И. Н. Пуниной с 1961 г.

[131] «Четыре континента» («The Four Continents»), книжный магазин на Манхэттене (822 Broadway), через который распространяло советские издания Всесоюзное внешнеторговое объединение «Международная книга».

[132] Это одна из последних записей в дневнике Лурье. Большинство следующих за ней не датированы, последняя датированная запись помечена 22 июня 1964 г.

ИСКУССТВО

Российские композиторы-евреи в США (1880–1970)

Эрнст Зальцберг (Торонто)

На протяжении 90 лет (1880–1970) из России в США эмигрировало около 2,5 млн евреев. Главной причиной эмиграции являлись политические и связанные с ними экономические условия в царской и затем послереволюционной Советской России. Дореволюционные эмигранты ехали, как правило, напрямую в США. Часть послереволюционной еврейской эмиграции осела в Западной Европе; некоторые ее представители достигли Нового Света до или в начале Второй мировой войны.

Среди эмигрантов были представители различных социальных и профессиональных групп, включая композиторов. Некоторые из них прибыли в страну в юном возрасте и стали профессионалами уже на новой почве. Другие приехали в США сложившимися музыкантами и должны были в той или иной степени адаптироваться к новым социальным и культурным условиям. Некоторые оставались в своем творчестве приверженцами по преимуществу старых музыкальных традиций, другие впитывали новые музыкальные веяния и даже создавали их сами и, таким образом, способствовали дальнейшему развитию музыкальной культуры в США. Взаимодействие композиторов-эмигрантов с музыкальной средой в новой стране было обоюдным: в меру своего таланта они влияли на композиторское творчество и музыкальную жизнь своей новой родины, но и сами не оставались равнодушными к влияниям новой музыкальной среды и культуры.

Весьма условно композиторов-евреев из России, оказавшихся в Америке, можно разделить на две группы: традиционалисты и новаторы. Первые оставались в основном в традициях тональной «после кучкистской» и позднеромантической русской музыки конца XIX века. За редкими исключениями, творчество этих композиторов было связано с еврейской (литургической и светской) тематикой.

Композиторы-новаторы были более чуткими к веяниям современности и нередко сами задавали им тон. Представители этой группы в значительной степени отошли от музыкальных традиций XIX века; некоторые из них развивали идеи музыкального импрессионизма, другие экспериментировали в области атональной, серийной и электронной музыки и с иными системами организации звуков и времени.

Несколько особняком стоят российские композиторы, работавшие в жанре «легкой» музыки (кино, мюзикл, песни, еврейский музыкальный театр). В смысле техники композиции они, конечно, не были новаторами, но были таковыми в деле освоения и развития новых жанров музыкального творчества.

Ниже приводятся краткие биографии наиболее значительных представителей каждой группы.

Композиторы-новаторы

Лопатников Николай Львович (1903, Ревель — 1976, Питтсбург, США) учился до 1917 г. в Петербургской, потом в Хельсинкской консерватории (1918–1920 гг.). Получил техническое образование в Карлсруэ (Германия), где одновременно занимался композицией с Эрнстом Тохом. До войны жил в Берлине и Лондоне, сочиняя музыку и выступая в качестве пианиста. Среди ранних работ композитора: опера «Дантон», два концерта для фортепиано с оркестром, камерная музыка и Симфония № 1, которую исполняли многие оркестры в Европе и Америке. Эмигрировал в США в 1939 г. и получил американское гражданство в 1944 г. Преподавал композицию в Харт колледже, Вестчестерской консерватории и Институте технологии Карнеги (ныне — Карнеги Меллон университет). Среди произведений американского периода: переработанная версия «Симфонического опуса» и балет «Плавильный котел». Был членом Национального института искусств и литературы.

Лурье Артур Винсент (Артур Сергеевич Лурье, настоящее имя — Наум Израилевич Лурье, 1891 (1892?), Белоруссия — 1966, Принстон, штат Нью-Джерси, США) — композитор, музыкальный писатель, теоретик, критик, крупный деятель музыкального футуризма и представитель Серебряного века русской культуры[1]. Родился в Могилевской губернии, в семье инженера. С 1899 до 1909 г. учился в коммерческом училище в Одессе, в 1909–1916 гг. — в Петербургской консерватории, в классе композиции А. К. Глазунова и фортепиано — М. Н. Бариновой. С 1918 по 1921 г. работал начальником музотдела Наркомпроса (МУЗО). 17 августа 1922 г. уехал в командировку в Берлин и стал «невозвращенцем».

Жил во Франции. Весной 1941 г. при содействии руководителя Бостонского симфонического оркестра С. Кусевицкого уехал в США и поселился в Нью-Йорке. В 1961 г. Артур и его третья жена Элла переехали в Принстон, в дом, завещанный Лурье женой философа Ж. Маритена.

Среди произведений Лурье американского периода: вокальные циклы на стихи Пушкина и поэтов-современников (А. Ахматовой, Ф. Сологуба, М. Кузмина, А. Блока), две симфонии (Sinfonia dialectica № 1 и Симфония № 2 «Кормчая»), Concerto spirituale для хора, фортепиано и оркестра, A little chamber music, опера-балет «Пир во время чумы» и др. Свое главное произведение американского периода, оперу «Арап Петра Великого» (либретто Ирины Грэм с использованием стихов Пушкина и других поэтов), композитор создал в 1949–1955 гг., а партитуру завершил в 1961 г. Премьера оперы в концертном исполнении состоялась лишь 9 декабря 1992 г. в Кельне. В связи со столетием со дня рождения композитора в США о нем был снят документальный фильм «В поисках утраченного Орфея», исполнены и записаны некоторые его произведения; мемориальные концерты состоялись в Петербурге, Кельне и Бостоне.

Музыкальный стиль Лурье претерпевал со временем существенные изменения. Он начинал как смелый новатор (эксперименты с четвертитоновой и атональной музыкой, со специально подготовленным фортепиано). В Париже частично под влиянием Стравинского Лурье сочинял в духе неоклассицизма. В Америке он склонялся к субъективной лирике, тональности и мелодии, что не исключало использования отдельных элементов атональной и серийной техники. Помимо музыкальных произведений, большой интерес представляет дневник композитора, который он вел, живя в США[2]. Приведем лишь две записи:

1946, 4 января. *«Страшное ощущение хаоса повсюду, на каждом шагу. Люди усыпляют сознание, находят какие-то пустые, ничего не значащие слова, убаюкивают совесть. Все продолжается по механической инерции когда-то заведенного порядка. А жизнь наряду с этим так же беспощадно равнодушна и жестока. Какая должна получиться "музыка" из всего этого процесса? У каждого человека своя музыка, это главное в нем, то, чем живет душа, то, что она поет, и всякая другая музыка той, внутренней, своей, только мешает и убивает ее...»*

1946, 30 августа. *«Обо мне нельзя говорить, что я сочиняю музыку. Я на ней сижу как курица на яйцах. Я ее высиживаю, и таким путем она оформляется внутренне сама собой, а потом уже почти невозможно объяснить, как это произошло. Я думаю, что в этой музыке живое и свободное ("ее биология") — непохожее ни на что другое, объясняется этим процессом ее вынашивания. Вот уже для меня это действительно всегда было связано*

с жизнью, в каждой интонации, каждой частице материи. Моя музыка была экзистенциальной задолго до того, как появился этот термин в обороте...»[3]

Орнштейн Лев, или Лео Орнстайн (1883, Кременчуг — 2002, Грин Бэй, штат Висконсин, США), — композитор, пианист и педагог. Родился в музыкальной семье: его отец был кантором, дядя играл на скрипке. В 1904 г. поступил в Петербургскую консерваторию, где его учителями были А. Глазунов (композиция) и А. Есипова (фортепиано). В 1906 г. семья Орнштейнов эмигрировала в США и обосновалась в Нью-Йорке. Лев продолжил музыкальное образование в Институте музыкального искусства (ныне — Джульярдская школа музыки). В 1911 г. началась его карьера концертирующего пианиста, которая нродолжалась до 1922 г. Преподавал до 1953 г., сочинял до глубокой старости. Автор произведений для оркестра, камерной и фортепианной музыки, включая восемь сонат и концерт для фортепиано с оркестром. В ранних произведениях широко использовал принципы атональной музыки, в более поздних сочетал их с традиционным тональным изложением музыкального материала.

Шиллингер Иосиф Моисеевич (1895, Харьков — 1943, Нью-Йорк), — композитор, теоретик и педагог. Окончил Петроградскую консерваторию, где его учителями были В. Калафати, М. Чернова, Н. Черепнин и Я. Витол, одновременно нрослушал курсы славянской истории и мифологии в Петроградском университете. В 1921 г. стал профессором и деканом факультета композиции Харьковского музыкально-драматического института. В 1921–1926 гг. — консультант Наркомпроса в Москве и Петрограде. Покинул Россию в 1928 г. и с 1929 г. жил в Нью-Йорке. Большинство его сочинений создано до отъезда в Америку (симфоническая рапсодия «Октябрь», марш «Поступь Востока» и др.). В США сочинил Первую («Великорусскую») симфонию, ряд вокальных и фортенианных произведений, а также произведения для электрического инструмента терменвокса, созданного Львом Терменом, с которым Шиллингер тесно сотрудничал в 1928–1931 гг. («Первая аэрофоническая сюита»).

Шиллингер был пионером электронной музыки и создателем универсальной теории творчества, которую широко использовал в своей педагогической практике в России и США. Среди его американских учеников были Б. Гудмен, Г. Миллер, О. Левант, Д. Гершвин, который использовал эту теорию и советы Шиллингера, работая над оперой «Порги и Бесс».

Исследовательница творчества композитора Е. Дубинец пишет: *«Система Шиллингера ценна тем, что представляет автономное видение музыкального искусства, отличное от традиционного и достаточно хорошо*

организованное. С Шиллингером можно спорить и не соглашаться, критиковать... его математические и терминологические познания... однако необходимо признать, что его система — уникальное явление в истории современного искусства. Ни один теоретик не осмелился совершить то, о чем многие говорили и предполагали, что буквально "носилось в воздухе", но не поддавалось легкому и дерзкому воплощению. Шиллингер за свою короткую жизнь сумел это осуществить, донести до умов множества своих учеников и даже оставить в письменном... виде»[4].

Композиторы-традиционалисты

Авшаломов Аарон Ашерович (1895, Николаевск-на-Амуре — 1965, Нью-Йорк). Учился музыке всего один год в школе Стерна в Швейцарии и вернулся в Николаевск. После революции уехал в Сан-Франциско и затем в Пекин. В 1925 г. закончил свою первую оперу «Куан Йин» и первый балет «Душа Цина». В 1926–1929 гг. Авшаломов снова в Америке, затем — в Китае, где прожил до 1947 г. В эти годы им созданы опера «Великая стена», Первая симфония, симфоническая поэма «Аллеи Пекина», Концерты для фортепиано и скрипки с оркестром, пьесы для китайских народных инструментов пипы и урху, вокальные произведения, оркестровые миниатюры. Авшаломов стремился модернизировать китайскую музыку, используя приемы западной гармонизации и оркестровки, и добился в этом больших успехов. Его сын Джейкоб говорил о нем в 1985 г.: *«Его достоинство состояло в том, что он глубоко уважал целостность древней китайской музыкальной культуры — ее лады, интонации, окраски и ритмы, легенды и саги. Он искал методы адекватного выражения этих элементов с помощью симфонического оркестра и усложненной текстуры. Конечно, в исторической перспективе музыка А. Авшаломова принадлежит 19 веку... Однако и это было громадным шагом в развитии музыкальных традиций в Китае, которые оставались неизменными на протяжении последних 400 лет»*[5].

В 1947 г. Авшаломов окончательно уехал в США. Сначала он поселился в Лос-Анджелесе, потом в Нью-Йорке. Здесь им написаны Симфонии № 2, 3 и 4, опера «Сумерки Янг Гуэйфей», три балета, Концерт для флейты с оркестром, Квартет для струнных инструментов, фортепианные и вокальные произведения.

Сын Аарона Джейкоб (1919–2013) и сын Джейкоба Дэвид (р. 1946) — американские композиторы и дирижеры.

Ахрон Иосиф (Юзель) Юльевич (1886, Лодзь — 1943, Голливуд, Калифорния, США) — скрипач, композитор, педагог. Учился в Петер-

бургской консерватории у Л. Ауэра (скрипка) и А. Лядова (композиция). Был активным членом Общества еврейской народной музыки, созданного в 1908 г. В США — с 1925 г. Автор симфонической музыки, трех концертов для скрипки, двух сонат для фортепиано, вокальных и камерных сочинений, музыки для кинофильмов. Значительное место в творчестве занимала еврейская тематика: Симфонические вариации и Соната на тему еврейской народной песни «Б-г построит Галилею» (1915), «Кидуш ѓа-Шем» (1928), «Голем» для виолончели, трубы, валторны и фортепиано (1931), «Голем», сюита для камерного оркестра (1932), «Вечернее субботнее богослужение» (1932), Концерт для фортепиано с оркестром (1941).

Вейнберг Яков (1879, Одесса — 1956, США) — композитор, пианист. Учился в Московской консерватории как пианист (одновременно проходил курс контрапункта у С. Танеева) и в Московском университете. Совершенствовал пианистическое мастерство в Вене у Т. Лешетицкого. В США — с 1926 г., с 1929 г. преподавал в Нью-Йоркском колледже музыки. Среди произведений Вейнберга: опера «Пионеры Израиля», два Концерта для фортепиано с оркестром, синагогальная служба «Shabbat Ba'aretz». Положил на музыку геттисбергскую речь А. Линкольна и некоторые выступления Ф. Рузвельта.

Вайнер Лазарь (1897, Черкассы — 1982, США) — композитор, дирижер, пианист. Учился в Киевской консерватории. В 1914 г. уезжает с семьей с США, где пишет произведения на еврейские темы и занимается обработкой еврейской народной музыки. Был музыкальным руководителем синагоги в Манхэттене, преподавал сочинение литургической музыки. Среди его учеников — кантор синагоги «Темпль Исраэль» Роберт Абельсон и др.

Гланц Лейб (1898, Киев — 1964, Тель-Авив) — кантор, певец, композитор, музыковед и общественный деятель. Учился в Киевской консерватории по классу фортепиано и композиции (у Р. Глиэра). В 1920–1926 гг. — кантор в Кишиневе. В 1930-е гг. — главный кантор синагоги Ohev-Shalom в Нью-Йорке. В 1941 г. семья Гланц переехала в Лос-Анджелес, где Лейб пел в главных синагогах города. Был крупным ученым в области истории еврейской музыки. С 1954 г. жил в Израиле. Автор 215 сочинений религиозной музыки и музыки других жанров.

Левенсон Борис (1884, Аккерман, Бессарабия — 1947, Нью-Йорк) — композитор, фольклорист. Окончил Петербургскую консерваторию в 1907 г. по классу композиции Н. А. Римского-Корсакова. В США —

с 1920 г. Писал симфоническую, камерную, литургическую и вокальную музыку с частым обращением к еврейскому фольклору. Среди его произведений: «Еврейские картинки» для кларнета и фортепиано, «Еврейский танец» для саксофона и фортепиано, цикл «Еврейские народные песни» для кларнетного квинтета, оркестровая сюита «Палестина» и др.

Розовский Шломо (Соломон) (1878, Рига — 1962, Нью-Йорк) — композитор, педагог, музыковед. Окончил юридический факультет Киевского университета (1902) и Петербургскую консерваторию по классу композиции у Витола и А. Лядова. В 1904–1908 гг. изучал музыкально-теоретические предметы у Римского-Корсакова и Глазунова. В 1908 г. стал одним из основателей Общества еврейской народной музыки. До 1917 г. сочинил поэму «Хасиды», фортепианное трио, два квинтета для духовых инструментов («Бесконечная мелодия» и «Моше-сапожник»), фортепианные пьесы. Эти произведения основаны на фольклорном материале или на темах, сочиненных автором в подражание еврейским народным мелодиям. В 1925 г. репатриировался в Эрец-Исраэль, где активно занимался преподаванием, композицией и исследовательской работой. Писал музыку к спектаклям, симфоническую, камерную и вокальную музыку. Выпустил сборник синагогальных мелодий и еврейских песен. В 1947 г. уехал в США. В 1957 г. в Нью-Йорке вышел его фундаментальный труд «Библейская кантилляция: Пятикнижие Моисеево» (на английском языке).

Саминский Лазарь (1882, Украина — 1959, Порт-Честер, штат Нью-Йорк, США) — композитор, музыковед, дирижер, музыкальный деятель. Окончил Петербургскую консерваторию по классу композиции у Н. Римского-Корсакова и А. Лядова и по классу дирижирования — у Н. Черепнина. Был одним из основателей Общества еврейской народной музыки, в 1909–1916 гг. был его секретарем и председателем художественной комиссии. В 1919 г. Саминский покинул Россию, с 1920 г. поселился в США. С 1924 г. — музыкальный директор нью-йоркской реформистской синагоги «Иммануэль». В композиторской практике следовал традициям позднего романтизма; в произведениях еврейской тематики широко использовал фольклорный мелос. Среди произведений американского периода: опера-балет «Дочь Ифтаха» (1925), кантата «Царь Саул» (1929), «Праздничное богослужение для кантора, хора и органа» (1929), симфония с хором «Иерусалим, город Соломона и Христа» (1930), «Хасидская сюита» для скрипки и виолончели с оркестром (1937), «Антология духовных и обрядовых еврейских песен» для кантора, солистов, хора и органа (1946) и др. Саминский — автор многих

музыковедческих трудов («Музыка наших дней», «Музыкальное гетто и Библия» и др.).

Цимбалист Ефрем Александрович (Аронович) (1889, Ростов-на-Дону — 1985, Рено, штат Невада, США) — скрипач и композитор. В 1901–1902 гг. учился в Петербургской консерватории у Леопольда Ауэра и окончил ее с Большой золотой медалью и Рубинштейновской премией. Много концертировал в России и за рубежом. В США — с 1911 г., с 1928 г. преподавал в Институте Кертиса в Филадельфии, в 1941–1968 гг. был его директором. Автор оперы «Ландара» (1956), симфонической поэмы «Портрет артиста» (1945), концертов, камерной музыки и многочисленных произведений для скрипки, включая фантазии на темы опер «Кармен», «Золотой петушок» и произведений Сарасате («Сарасатеана»).

В заключение следует упомянуть выдающихся американских композиторов с русско-еврейскими корнями. Это ***Д. Гершвин*** (Джейкоб Гершовиц, 1898–1937), названный одним американским критиком «Авраамом Линкольном негритянской музыки», ***А. Копленд*** (Каплан, 1900–1990) и ***Л. Бернстайн*** (1918–1990), без творчества которых невозможно представить себе развитие современной американской музыки.

Композиторы «легких» жанров

Композиторы-песенники и авторы музыки к кинофильмам

Берлин Ирвинг (Бейлин Израиль Моисеевич, 1888, Тюмень или Могилев — 1989, Бостон) — композитор-песенник. В США — с 1893 г. Рано оставшись без отца, перепробовал много профессий. В 16-летнем возрасте написал первую песню. Всего он создал около 1500 песен, самая известная из них — «Боже, благослови Америку» (God Bless America, 1918), которая считается неофициальным гимном США. Среди других хитов композитора: «Puttin' in the Ritz» (1929), которую называют гимном Голливуда, и «The White Christmas». Президент Д. Буш-старший на похоронах Берлина в Бостоне возглавил траурную процессию, певшую «God Bless America», а затем выступил с речью, в которой назвал композитора «легендарным человеком, чьи слова и музыка помогут пониманию истории нашего народа».

Мишле Мишель (Левин Михаил Исакович, 1894?, Киев — 1995) — композитор, аранжировщик и концертмейстер. Учился в Киеве и Лейп-

циге, сдал экстерном выпускные экзамены в Петербургской консерватории (1914). Эмигрировал на Запад в 1921 г., жил в Германии, Франции, с 1941 г. — в Голливуде. В последние годы жизни вернулся в европейский кинематограф. Автор музыки более чем к 200 европейским и голливудским фильмам, а также оперы, балета, песен и романсов на стихи Кузмина, Ахматовой, Бальмонта, Северянина.

Покрасс Самуил Яковлевич (1897, Киев — 1939, Нью-Йорк) — композитор и эстрадный пианист. В 1917 г. окончил Петроградскую консерваторию по классу фортепиано и вернулся в Киев, где имел большой успех как эстрадный пианист, аккомпаниатор и автор популярных романсов. По заказу командования Красной Армии написал марш «Красная Армия всех сильней» (слова П. Григорьева), немедленно ставший хитом. В феврале 1924 г. уехал в Берлин; в 1927–1928 гг. — в Париже, с 1928 г. — в США, где руководил небольшим джаз-оркестром и писал музыку для голливудских фильмов. В числе картин с его музыкой — «Три мушкетера» (1939, реж. А. Дуан).

Темкин Дмитрий Зиновьевич (1894, Кременчуг — 1979, Лондон) — композитор, аранжировщик. Учился в Петербургской консерватории, после отъезда из России — у Ф. Бузони в Берлине. В США — с 1925 г. Автор музыки к 140 голливудским фильмам; 24 раза выдвигался на премию «Оскар» и получил ее 4 раза: за музыку к фильмам «Ровно в полдень» (1953), «Высокий и могучий» (1955), «Старик и море» (1959) и за лучшую песню в фильме «Ровно в полдень». В числе номинаций — музыка к советско-американскому фильму «Чайковский» (реж. И. Таланкин, 1969 г.). Ассоциация иностранной прессы Голливуда 8 раз присуждала ему приз «Золотой глобус». Композитор был кавалером Ордена Почетного Легиона, Ордена Изабеллы Католической. Союз композиторов, аранжировщиков и музыкальных издателей (S.A.C.E.M.) наградил его золотой медалью М. Равеля[6].

Композиторы еврейского музыкального театра

Гольдфаден Абрахам (1840, Староконстантинов, Украина — 1908, Нью-Йорк), драматург, поэт (писал на идиш и иврите), режиссер, актер, директор театральных трупп, композитор. Получил традиционное еврейское (в хедере и раввинском училище) и светское образование. Помимо идиш и иврита, хорошо владел русским и немецким языками. В 1876 г. создал в Румынии первую труппу, исполнявшую пьесы и воде-

вили на идиш. Эта дата считается началом профессионального идишистского театра. Работал режиссером в Румынии, России, Польше и Нью-Йорке, куда окончательно переселился в 1903 г. Гольдфаден — автор около 40 изданных пьес, поставленных им на сценах различных театров. В некрологе в *Нью-Йорк Таймс* он был назван «идишистским Шекспиром» и «поэтом и пророком». Не зная нотной грамоты, Гольдфаден сочинил для своих пьес несколько сотен песен, многие из которых стали народными. Одна из них, колыбельная «Rozhinkes mit Mandlen» («Изюм и миндаль»), многократно исполнялась и записывалась разными исполнителями, включая скрипача И. Перельмана и певца Ж. Пирса.

И. Румшинский

Румшинский Иосиф (Юзеф) (1881, вблизи Вильно — 1956, Нью-Йорк), один из «великой четверки» композиторов еврейского музыкального театра, в которую, помимо него, входили также Ш. Секунда, А. Ольшанецкий и А. Эльштейн. В раннем возрасте занимался музыкой с кантором и учился игре на фортепиано в музыкальной школе. Под впечатлением от услышанной оперетты А. Гольдфадена «Суламифь» юноша поступил в хор странствующей труппы Каминской и проработал в нем до 1896 г. Два года спустя он продирижировал исполнение «Бар Кохбы» А. Гольдфадена, а в 1899 г. стал хормейстером общества «Хазомир», для хора которого делал аранжировки еврейских народных песен, а также ораторий Гайдна, Генделя и Мендельсона. Чтобы избежать призыва в армию, Румшинский уехал в 1903 г. в Лондон и в следующем году перебрался в США. Из-за противодействия профсоюза музыкантов, он не смог поначалу работать ни в одном театре и лишь в 1905 г. стал директором бостонского Hope Theatre. Через год с помощью актера Д. Адлера Румшинский стал дирижером и композитором в Windsor Theatre, для которого написал свою первую оперетту «A yidish king» («Еврейский король»), а также песни к оперетте «Натан Мудрый». Одна из них, «V'yiten I'kha» на слова С. Шмулевича, была напечатана в 1909 г. отдельным изданием и стала первой американской публикацией такого рода. Популярность этой песни была столь велика, что она распевалась как народная.

Для этого же театра Румшинский написал «Amerikanerin — fun der vest» («Американка — девушка с Запада»), которую сам композитор оценивал как первую современную идишистскую музыкальную комедию, и «Shir hashirit» («Песня песней»).

В 1916–1919 гг. Румшинский был композитором и дирижером в National Theatre Б. Томашевского, для которого создал музыку к нескольким мелодрамам и музыкальным комедиям, включая «Tsubrokhene fidl» («Разбитая скрипка»). В этом театре композитор стремился поднять музыкальный уровень над господствовавшим в то время водевилем и приблизить его к образцам европейской оперетты Кальмана, Легара и Герберта. Его усилия были направлены на то, чтобы, сохраняя занимательность и доступность представлений, связать в них воедино сюжет, музыку, танец и диалоги. В противоположность старым постановкам Румшинский использовал в своих спектаклях профессиональный кордебалет, актеров с вокальной подготовкой и полный состав оркестра. Это были новшества, которые не всегда находили понимание у коллег-музыкантов. Так, когда Румшинский впервые ввел в состав оркестра арфу, гобой и фагот, его прозвали «безумным Вагнером».

В 1919 г. композитор перешел в театр Кесслера на Второй Авеню. В первый свой сезон он написал для него оперетту «Dem rebns nign» («Мелодия рабби»), которая немедленно стала хитом и исполнялась в течение шести месяцев. В последующие годы Румшинский сочинил для этого и других еврейских театров музыку к десяткам шоу, комедий и нескольким драматическим спектаклям.

В 1930-е гг. Румшинский был музыкальным директором единственной радиопрограммы на идиш «The Jewish Hour» («Еврейский час»), которую финансировала газета *Der Tog* (*День*). Композитор писал и синагогальную музыку, включая кантату на библнйские темы «Oz yashir», хоровые произведения «Al tira», «Min hametzar» и «Shma koleinu». Последнее до сих пор исполняется на праздник Йом Кипур. В 1940-е гг. Румшинский написал оперу «Руфь», которая до сих пор не увидела сцены.

Ш. Секунда

Секунда Шолом (1894, Александрия, Украина — 1974, Нью-Йорк), композитор и дирижер. В США — с 1907 г. В течение года учился в Институте музыкального искусства (ныне — Джульярдская школа музыки в Нью-

Йорке) и брал частные уроки композиции у известного композитора Эрнеста Блоха. В 1912 г. стал работать в Lyric Theatre в качестве композитора, аранжировщика и дирижера. В 1921 г. уехал в Филадельфию, где проработал в местном еврейском театре три года. Вернувшись в Нью-Йорк, сотрудничал с музыкальными театрами Б. Томашевского, М. Шварца и другими.

В течение многих лет Секунда был связан творческими узами с выдающимся оперным певцом и кантором Ричардом Такером, для которого он сочинил несколько оригинальных синагогальных произведений и сделал множество аранжировок существующей синагогальной музыки.

За свою долгую творческую жизнь (последнее сочинение композитора «Shver tsu Zayn a Yid» («Трудно быть евреем») по Шолом-Алейхему, было исполнено в 1973 г.) Секунда написал музыку более чем к восьмидесяти опереттам, музыкальным комедиям, мелодрамам и мюзиклам. Он был автором около тысячи песен, написанных в качестве самостоятельных произведений или для музыкальных спектаклей, одна из которых, «Bay mir bistu sheyn» («Для меня ты самая красивая») принесла ему всемирную славу[7].

Кроме театральных работ, Секунда написал музыку к десяти кинофильмам. Он является также автором струнного квартета, Фантазии для скрипки с оркестром, симфонической поэмы «Yom b'kibbutz» («День в киббуце)» и двух кантат («If Not Higher» на текст И. Переца и «Yizkor»). Оба последних произведения исполнялись на концертах с Р. Такером в качестве солиста и транслировались по телевидению.

Надгробье на могиле Ш. Секунды и его жены Бетти на еврейском кладбище «Монтефиоре» в Нью-Йорке

Многие годы Секунда был музыкальным критиком ведущей газеты па ишиш *Forward*. С 1945 по 1973 г. он состоял музыкальным директором престижного Конкорд отеля в Катскильских горах недалеко от Нью-Йорка, в котором выступали звезды еврейских музыкальных театров, бродвейских шоу, кино и телевидения. Здесь Секунда регулярно дирижировал концертами классической и легкой музыки, включавшими и его собственные сочинения.

Ольшанецкий Александр (Егошуа) (1892, Бельцы, Бессарабия — 1946, Нью-Йорк), композитор, дирижер, аранжировщик. Учился в хедере и гимназии. Начал заниматься скрипкой в шесть лет и мальчиком пел в синагогальном хоре. В 1911 г. Александр был принят скрипачом в оркестр Одесской оперы. В 1914 г. призван в армию и стал дирижером полкового оркестра. К концу войны Ольшанецкий оказался в Харбине, где работал композитором и дирижером еврейского театра Фишзона. Здесь он написал свою первую оперетту «Цурик ахейм кейм Цион» («Назад домой, в Сион») и музыку к спектаклю «Арончик ун Соломончик» С. Фогельнеста. Вместе с труппой русской оперетты в Харбине совершил годичные гастроли в Китай, Японию и Индию.

В 1922 г. Ольшанецкий приехал в США. В следующем году он написал музыку к трем спектаклям Еврейского художественного театра (Yiddish Art Theatre) М. Шварца: «Анатеме» Л. Андреева, «Изкору» Г. Секлера и «Шабтай Цви» Е. Жулавского.

В 1924–1925 гг. Ольшанецкий работал композитором и дирижером в театре «Леннокс» (Lennox Theatre), для которого написал музыку к опереттам «Ди фрейлехэ кабцуним» («Веселые нищие», 1923), «Сидни, ву крехсту?» («Что кряхтишь, Сидни?», 1924), «Палестнпер либе» («Палестинская любовь», 1924), «Дос импортирт вайбл» («Импортная жена», 1924), «Хайнтихе мейделех» («Сегодняшние девушки», 1924), «Дер цигайнер принц» («Цыганский принц», 1925) и, совместно с Ш. Секундой, «Йосл дер большевик» («Йосл большевик», 1925).

В сезоне 1925–26 гг. композитор сочинил музыку к ряду оперетт и драматических спектаклей для театра Либерти (Liberty Theatre): «Зисе либе» («Сладкая любовь, 1925), «Дер голденер солдат» («Золотой солдат», 1926) и «Студенте либе» («Студенческая любовь», 1925, совместно с Й. Броди).

С 1926 по 1944 г., сотрудничая с различными еврейскими театрами Нью-Йорка, Ольшанецкий создал около двух десятков оперетт, последней из которых была «Але вилн хасене хобн» («Всем хочется жениться», 1944). Он же написал музыку к двум кинофильмам: «Дем хазанс зиндл» («Сын кантора», 1937, реж. И. Мотылев) и «Дер Вильнер штот хазан» («Виленский хазан», 1940, реж. М. Носик).

А. Ольшанецкий (сидит),
И. Кремер (стоит в центре).
Из коллекции И. Кофмана (США)

Композитор обладал ярким мелодическим дарованием и способностью глубоко проникать в драматургию произведений, к которым он сочинял музыку. По мнению другого члена «великой четверки» композиторов, Румшинского, Ольшанецкий понимал музыкальные вкусы и пристрастия, глубоко укорененные в сознании еврейских иммигрантов из Восточной Европы, и смело вводил в свои произведения интонации русских романсов и цыганской народной музыки. Одна из наиболее популярных до наших дней песен Ольшанецкого, «Майн штетеле Белц» («Мой городок Бельцы»), написана на слова поэта Я. Якобса (J. Jacobs) в 1932 г. для спектакля «Песня гетто», в котором играла Иза Кремер.

Эльштейн Абрахам (Эйб) (1907, Нью-Йорк — 1963, там же), композитор, родился в семье иммигрантов из России. Учился у известных американских композиторов Ф. Якоби, Р. Гольдмарка и А. Стесселя. С девяти лет пел в хоре мальчиков Метрополитен оперы. В молодости выступал в разных странах в качестве аккомпаниатора кантора Д. Розенблата.

Эльштейн — автор музыки нескольких еврейских оперетт («Der berditshever khosn» («Жених из Бердичева», 1930), «Bublitshki» («Бублички», 1938) и других и музыкальных комедий, в числе которых — «Eyns un a rekhts» («Один на миллион», 1934) и «Ikh bin farlibt» («Я влюблена», 1946).

Многие песни композитора пользовались громадной популярностью, в частности, «Vos Iz Gevorn Fun Mayn Shtetele?» («Что стало с моим местечком?»), многократно записанная разными исполнителями. Композитор сочинил музыку к нескольким фильмам на идиш. Один из них, «Yidl Mitn Fidl» («Еврей со скрипкой», 1936), немедленно стал хитом, а песня из него «Oy, Mame, ikh bin farlibt» («Ой, мама, я влюблена») исполняется до сих пор. Другой известный фильм с музыкой Эльштейна, снятый в Польше в 1938 г. — «Mamele» («Мамочка»), песни из которого с большим успехом исполняла Молли Пикон.

А. Эльштейн

Из других произведений композитора следует отметить песню с оркестровым сопровождением «Der Nayer Sher» («Новый мотив»), исполнявшуюся сестрами Бэрри, М. Пикон и кларнетистом-виртуозом Д. Таррасом, «Hassidic Dance» («Хасидский танец») для кларнета с оркестром и оперу «Голем», впервые поставленную на сцене нью-йоркской Городской оперы 23 марта 1962 г.

Дополнительные источники

Корабельникова Л. Александр Черепнин: долгое странствие. М., 1999.

Музыка. Большой Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г. В. Келдыш. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

Сорокер Я. Российские музыканты-евреи. Иерусалим, 1992.

Электронная еврейская энциклопедия.

[1] Об А. Лурье и его дневниках см. публикацию О. Бобрик «Хроника памяти» в наст. сборнике.

[2] См. примеч. 1.

[3] *Корабельникова Л.* Там, за океаном... // Русские евреи в Америке (Далее — РЕВА). Кн. 1 / Ред.-сост. Э. Зальцберг, М. Пархомовский. Иерусалим; Торонто; М., 2005. С. 137, 139.

[4] *Дубинец Е.* «Перерос музыку как таковую» // РЕВА. Кн. 2 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2007. С. 187.

[5] *Зальцберг Э.* Аарон Авшаломов, пионер современной китайской музыки. Русское еврейство в зарубежье / Сост., гл. ред. и издатель М. Пархомовский. Иерусалим, 2003. С. 83.

[6] О Д. Темкине см. также: *Обухова-Зелиньска И. В.* «Ты не представляешь, как мне тебя здесь не хватает...». Дмитрий Тёмкин и Юрий Анненский — несколько эпизодов 60-летней дружбы // РЕВА. Кн. 4 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2010. С. 232–256.

[7] Об истории этой песни см.: *Обухова-Зелиньска И. В.* «Bei Mir Bist Du Schoen...» — от Нью-Йорка до самых до окраин... // РЕВА. Кн. 7 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2013. С. 145–168.

Зара Нелсова, исполнительница произведений Блоха и Барбера

Вступ. заметка и коммент.
Э. Зальцберга (Торонто)

Жизнь и творчество выдающейся виолончелистки Зары Нелсовой сравнительно мало известны в России. Между тем ее называли «гранд дамой» и «королевой-матерью» виолончелистов и считали одной из лучших исполнительниц на этом инструменте в XX в. Выступления артистки неизменно привлекали внимание слушателей и критики, и она пользовалась большим уважением в музыкальном мире Европы и Америки.

Зара Нелсова (урожд. Сара Кацнельсон) родилась в Виннипеге, главном городе канадской провинции Манитоба, 23 декабря 1918 г. (по некоторым данным, 23 декабря 1917 г.). Отец Зары был профессиональным флейтистом, окончившим Петербургскую консерваторию. Он стал первым учителем будущей виолончелистки, которая проявила интерес к музыке с раннего детства. У Зары было блестящее созвездие учителей: Д. Махалек[1] в Виннипеге (1924–1928), Г. Уоленн[2] в Лондоне (1929–1935), Э. Фейерман, Г. Пятигорский (1940-е гг., США) и П. Казальс (1948, Франция).

Первое публичное выступление Зары вместе с сестрами, пианисткой и скрипачкой, состоялось, когда ей было всего пять лет. В 1928 г. (по некоторым данным, в 1929 г.) семья переехала в Лондон для продолжения музыкального образования детей. Три сестры составили Канадское трио, которое много концертировало в Англии и за ее пределами.

В возрасте 12 лет Зара исполнила в Лондоне Концерт Э. Лало с местным симфоническим оркестром под управлением М. Сарджента[3].

В 1939 г. Нелсова вернулась в Канаду и заняла пост концертмейстера Торонтского симфонического оркестра (1940–1943). Здесь же она стала участницей нового Канадского трио, на сей раз с К. Парлоу[4] и Э. Макмилланом[5].

Нью-Йоркский дебют Зары состоялся в 1942 г. в Таун холле, ее концертная деятельность стала особенно интенсивной после окончания войны. В 1949 г. на фестивале в Лондоне Нелсова исполнила «Шеломо» Э. Блоха[6] с оркестром под управлением композитора, в 1954 г. совершила длительный концертный тур по Израилю и затем в течение месяца концертировала по Аляске и северо-западным территориям Канады. В 1955 г. сначала в Лондоне (Вигмор холл), а потом в Нью-Йорке (Таун холл) Нелсова дала серию концертов для виолончели без сопровождения, которые включали произведения от Баха до Кодаи. Она же стала первой американской виолончелистокой, посетившей СССР (1966). Вместе с оркестром Национального центра искусств Канады она совершила концертную поездку по нескольким европейским странам в 1973 г. В общей сложности Нелсова выступала более чем с 30 оркестрами, включая ведущие канадские коллективы и оркестры Нью-Йорка, Бостона, Лондона, Берлина, Амстердама и Женевы. Ее сольные концерты состоялись во многих городах Северной и Южной Америки и Европы. Публичные выступления артистки продолжались до 1997 г. и включали участие в музыкальных фестивалях в Аспене, Бергене, Праге, Прадесе, Танглвуде, Ванкувере и на «Экспо-67» в Монреале. Нелсова была частым гостем канадского и американского радио и телевидения, где выступала с разнообразными программами.

З. Нелсова

Помимо классического репертуара, артистка много и охотно исполняла произведения современных авторов, Так, в 1947 г. в Лондоне она дала английскую премьеру Вариаций для виолончели и фортепиано «A Frog Went a Courting» П. Хиндемита. В 1950 г. впервые в Европе Нелсова представила слушателям Концерт для виолончели с оркестром С. Барбера[7]. В 1958 г. она первой исполнила «Арабески» А. Бротта[8] для виолончели с оркестром, в 1963 г. — Сонату А. Хаефа[9], в 1969 г. — Концерт для виолончели с оркестром Х. Вуда[10], в 1972 г. — Сонату Р. Казадезюса[11], в 1976 г. (вместе с пианистом Г. Йоханнесеном, бывшим в то время ее мужем) — Концертное каприччио Р. Тёрнера[12].

С 1997 г. артистка занималась только педагогической деятельностью, преподавая в Джульярдской музыкальной школе и Университете Rutgers. В числе ее студентов были Лотта Бротт[13] и Денис Бротт[14]. Виолончелистка давала также мастер-классы в консерваториях Торонто и Виннипега, в Лондонской академии музыки, на семинаре Пятигорского и Всемирном конгрессе виолончелистов в 2000 г. в Вашингтоне.

Нелсова получила почетные звания от нескольких учебных заведений и удостоена двух канадских наград: медали, посвященной 100-летию образования Канадской Федерации, и юбилейной медали в честь дня рождения королевы Елизаветы II.

На смерть Нелсовой 10 октября 2002 г. в Нью-Йорке откликнулись ведущие американские, канадские и английские газеты. Все они отмечали ее знакомство и работу с композиторами Э. Блохом и С. Барбером и исполнение и запись «Шеломо» Блоха и Концерта Барбера. Авторы некрологов указывали на то, каким вдохновляющим примером для молодых музыкантов была концертная и педагогическая деятельность Нелсовой, ее безграничная любовь к музыке и инструменту, которым она посвятила свою жизнь.

В 2011 г. в родном городе артистки Виннипеге состоялся музыкальный фестиваль, посвященный ее памяти. В его рамках прошел конкурс молодых канадских виолончелистов, победительнице которого Си Ду Парк были вручены памятная медаль и денежная премия.

Дискография Нелсовой включает наиболее часто исполняемые произведения для виолончели (концерты Дворжака, Лало, Сен-Санса, Сонаты Бетховена, Шуберта, Шопена, Франка, Дебюсси, Рахманинова) и произведения современных авторов (Блоха, Барбера, Кодаи, Пуленка, Хиндемита, Моравеца).

Ниже публикуются некоторые материалы, проливающие дополнительный свет на жизнь и творчество артистки.

Материал 1
Беседа с Зарой Нелсовой

Тим Яноф[15]

ТЯ: Когда Вы начали играть на виолончели?

ЗН: Мне было четыре года, когда я впервые проявила интерес к инструменту. Отец переделал старый альт в детскую виолончель и стал моим первым учителем. Своими успехами в ранние ученические годы я во многом обязана ему.

ТЯ: Вы также учились у Д. Махалека, ученика Дэвида Поппера[16]. Каким образом Махалек оказался в вашем родном Виннипеге?

ЗН: Много лет тому назад эмигрировать в Канаду и, в частности, в Манитобу можно было, получив фермерскую визу, то есть дав обещание стать фермером. Мои родители, жившие в России, и уроженец Венгрии Махалек воспользовались этой возможностью и, хотя и не стали фермерами, заметно обогатили культурную жизнь Виннипега. Здесь у меня было два учителя виолончели: Махалек и папа, который все время следил за моими успехами и руководил домашними занятиями. В результате я получила солидную техническую основу, за что очень им благодарна. Занятия с Махалеком закончились, когда мне было десять лет. К этому времени наша семья переехала в Лондон для продолжения моего (и двух сестер) музыкального образования. Поначалу мы очень нуждались на новом месте и все пятеро жили в двух комнатах. У каждой из нас не было своего места для занятий, поэтому я часто занималась в одной комнате с сестрой-скрипачкой, она — в одном углу, я — в другом, и так по шесть часов в день, с пятиминутным перерывом в конце каждого часа. Как вы можете представить, я научилась отключаться от ее игры и полностью сосредотачиваться на своих занятиях. С тех пор я поняла, что ничего нельзя достигнуть без максимальной концентрации внимания, которая решает все.

Г. Уоленн

ТЯ: С кем вы занимались в Лондоне?

ЗН: Моим учителем был Герберт Уоленн. Папа хотел, чтобы я занималась в Королевской академии музыки, но мне было всего десять лет, и в таком юном возрасте туда никого не принимали. Уоленн жил как раз напротив Академии, и я училась у него частным образом в Лондонской виолончельной школе, которую он организовал в своем доме. В ней насчитывалось более ста студентов. Раз в году все они выступали на концерте в Вигмор холле, причем лучшие — в качестве солистов; я была в их числе. Между прочим Жаклин дю Пре[17], будучи ребенком, занималась в этой же школе у ассистента Уоленна. Когда я гастролировала после войны в Англии, меня попросили послушать очень одаренную девочку. Ею оказалась Жаклин, ей было 12 или 13 лет. Уже тогда она играла необычайно собранно и красиво.

ТЯ: Над чем работал с Вами Уоленн?

ЗН: Мы много занимались техникой, ей уделялось два урока в неделю. На каждый из них я приносила выученный наизусть этюд примерно такой трудности, как этюды из второй книги Грютцмахера. Следует сказать, что над техникой я работала по нескольку часов в день. В 12 лет состоялся мой дебют с Лондонским симфоническим оркестром под управлением М. Сарджента, я играла Концерт Э. Лало. В следующем году я исполнила с ними же «Вариации на тему рококо» П. Чайковского, и, поверьте, они звучали у меня лучше, чем теперь! Иными словами, к 12 годам технически я была уже во всеоружии.

ТЯ: Осознали ли вы в какой-то момент, что обладаете столь рано развившимися техническими возможностями, или они обнаруживались постепенно, в результате усиленных занятий?

ЗН: Благодаря своим учителям я всегда все делала сознательно, без этого занятия становятся пустой тратой времени. Многие молодые люди берут в руки инструмент, и их мысли разбегаются в разные стороны. Я учу студентов, что в этот момент они должны забыть обо всем, что не имеет отношения к занятиям. Это очень трудно, но с помощью постоянной практики достижимо.

ТЯ: Кто был вашим следующим учителем?

ЗН: В течение нескольких лет я много концертировала, и у меня не было учителя. В 1939 г. разразилась война, и наша семья вернулась в Торонто. В 1942 г. я начала заниматься с Пятигорским. Еще ребенком я слышала этого музыканта в Лондоне, когда он впервые приехал туда из Германии. Его исполнение и индивидуальность были несравнимы ни с чем. Наша личная встреча произошла через несколько лет, когда артист гастролировал в Торонто. Я мечтала показаться ему, но не знала, как это устроить. В конце концов набралась храбрости и спросила, может ли он меня послушать. Пятигорский ответил, что ему очень жаль, но завтра рано утром он должен быть на вокзале, чтобы ехать в другой город для продолжения концертного тура. На следующий день я встала в пять утра, немного разыгралась, поспешила в отель и постучала в дверь его номера. Увидев меня, виолончелист выразил крайнее удивление. Я сказала: «Мистер Пятигорский, я случайно проходила мимо и подумала, что, может быть, вы сможете послушать меня». Он пригласил войти, и я играла ему. Наши занятия начались через год и были незабываемыми. Они проходили в летние месяцы в течение трех лет, я прошла с ним обширный репертуар, концерт за концертом. Мы не занимались техникой, которая была у меня на достаточно высоком уровне, а обсуждали

музыкальные идеи произведений. Пятигорский всегда оставался для меня источником вдохновения. В молодости он обладал звуком необычайной красоты и насыщенности, великолепной техникой — любой репертуар был ему по силам.

ТЯ: После Пятигорского вы занимались с Эмануэлем Фейерманом?

ЗН: Я была покорена его музыкальностью и очень хотела заниматься с ним. Фейерман обладал безупречной техникой, несравнимой с техникой любого другого виолончелиста, будь то его современник или предшественник. Услышав мое исполнение, он пригласил заниматься с ним в Скарсдейле, штат Нью-Йорк. К сожалению, наши встречи продолжались всего около месяца, так как Фейерман неожиданно скончался в возрасте 39 лет. Мне очень жаль, что я не успела обсудить с ним его музыкальные идеи во всей их полноте.

ТЯ: Потом вы учились у Пабло Казальса?

ЗН: Когда мне было десять лет, Джон Барбиролли[18], ученик Уоленна и отличный виолончелист, предложил показать меня маэстро. Я была в восторге от этой идеи, и Джон устроил встречу с Казальсом в отеле, в котором тот остановился. Накануне виолончелист должен был играть Концерт Шумана с оркестром под управлением А. Боулта[19]. После первой оркестровой вещи ждали появления Казальса, но его все не было. После пятнадцати минут ожидания на эстраду вышел президент Филармонического общества и объявил: «Дамы и господа, мне очень жаль, но мистер Казальс ошибся в дате концерта и сейчас отошел ко сну. Если вы проявите терпение, то он вскоре начнет исполнение». Виолончелиста подняли с постели, дали ему время одеться и доставили в зал, находившийся по другую сторону улицы, на которой был отель. Без всякой подготовки он вышел на эстраду и исполнил Концерт Шумана, не выказав ни малейших следов нервозности. На следующее утро я играла Казальсу, но мне было всего десять лет, поэтому не могло быть и речи о том, чтобы покинуть Англию для занятий с маэстро. После войны я написала в Прадес, где виолончелист жил в изгнании. Казальс сразу вспомнил довоенную встречу и пригласил приехать к нему. Я отправилась в Прадес, где впервые встретила Бернарда Гринхауза[20], который тоже занимался с Казальсом.

ТЯ: На что Казальс обращал особое внимание?

ЗН: Он много говорил о важности логичной интерпретации, о необходимости исключить из нее все, что нелогично. К сожалению, в наше время часто можно услышать исполнения, лишенные внутренней связ-

ности, с ускорениями и замедлениями, которые не имеют ничего общего с характером произведения. Когда слушаешь такую интерпретацию, то это свидетельствует о том, что исполнитель не понимает музыку, которую играет. Исполнение самого Казальса всегда было строго логичным, но, в то же время не механическим. Он не допускал никаких преувеличений и стремился к соблюдению необходимых пропорций.

ТЯ: Был ли он строгим учителем?

ЗН: Не думаю. Казальс не занимался с учениками, которые его не интересовали. К нему приходили только серьезные студенты, не нуждающиеся в установлении строгой дисциплины. Ошибка, которую допускали многие из них, состояла в непонимании того, что Казальс им говорил, и стремлении копировать его исполнение, в частности аппликатуру и движение смычка. Это было пустой тратой времени, так как Казальс менял их день ото дня. Такие ученики вскоре покидали его и забывали все, услышанное от маэстро. Они не впитывали концепций исполнения, а только имитировали его игру, что было бессмысленно. Эти молодые люди просто не знали, как применить с пользой для себя все то, чему их учил Казальс. Оглядываясь назад, я должна признать, что, занимаясь с ним, достигла нового уровня исполнительства. Он расширил мой музыкальный кругозор и в этом смысле изменил меня как музыканта.

ТЯ: Вы работали с известными композиторами, в частности с Эрнестом Блохом. Как вам удалось пройти с ним «Шеломо»?

ЗН: Однажды я говорила с Колином Хэмптоном, виолончелистом из струнного квартета Гриллер, который хорошо знал композитора и исполнял его камерные сочинения. Он сказал: «Ты должна встретиться с Эрнестом Блохом. Он незаурядный человек, известный композитор, и, я знаю, ему понравится твое исполнение его произведений». Колин организовал нашу встречу, и я поехала на автобусе в Орегон, где Блох и его жена жили в окружении множества кошек. После трех часов езды я вышла на нужной станции ночью, в проливной дождь. Единственный человек, поджидавший автобус, носил небольшой берет и укрывался от ливня под зонтиком. Это был Блох. Он и его жена встретили меня очень приветливо и поселили в комнате для гостей, построенной над гаражом. В гараже находились станки для шлифовки агатов, которые Эрнест собирал на берегу океана, их обработка была его хобби. Обычно он шлифовал камни внизу и слушал мои занятия в комнате наверху. Часто на лестнице раздавались шаги, в дверях появлялся Блох в высоких резиновых сапогах и неизменном берете и говорил: «Нет, нет, нет,

это должно звучать иначе». Затем он, не снимая сапог, садился за фортепиано, и начиналась работа. Таким образом, мы прошли «Шеломо», «Глас вопиющего в пустыне» и три пьесы «Из еврейской жизни». Вскоре в Лондоне состоялся фестиваль из произведений Блоха, на котором я, по приглашению композитора, исполнила «Шеломо». После концерта мы сделали запись, которую переиздали год тому назад с оркестром под управлением композитора. Много лет мы были большими друзьями. Однажды я спросила, не хочет ли Эрнест сочинить сонату для виолончели соло. «Не знаю, смогу ли я сделать это, — ответил он. — Поиграй мне что-нибудь в этом роде». Я сыграла небольшой отрывок из сольной Сонаты Кодаи. «Нет, нет. Это не мой стиль», — сказал Блох. За ним последовал эпизод из второй Сюиты Регера. Ответ Блоха был тем же — ничто не могло его удовлетворить. Вскоре после этого, будучи в Европе, я получила от композитора письмо с сообщением о том, что он сочиняет Сюиту для виолончели соло. Все закончилось тем, что Блох написал три Сюиты, посвятив мне первые две из них. Он хотел посвятить мне и третью и выслал черновой вариант в Европу с просьбой отредактировать его. Я не получила ноты вовремя и поэтому не могла сразу ответить Эрнесту, он же решил, что музыка мне не понравилась, и оставил Сюиту без посвящения. Все три вещи очень хороши, но я исполняю наиболее часто первую Сюиту.

ТЯ: Мне кажется, что Блох имел определенное представление о том, как должна исполняться его музыка. Обсуждал ли он с Вами, как часто нужно употреблять вибрато[21]?

ЗН: Нет, мы никогда не обсуждали это. Он не возражал против моего вибрато.

ТЯ: Стивен Иссерлис[22], который тоже записал «Шеломо», сводил применение вибрато к минимуму, предпочитая выразительность, создаваемую движением смычка.

ЗН: Хмм...

ТЯ: Похоже, что вы не согласны с таким подходом. Почему?

ЗН: Если вы послушаете мою запись «Шеломо», то получите ответ. Я работала над ним вместе с композитором и понимала, что он хотел услышать. Похоже, Блох был согласен с моей трактовкой, когда мы вместе исполняли произведение, и однажды он сказал: «Зара Нелсова — это моя музыка». Я записала «Шеломо» три раза, первый раз — с Блохом, второй — с Ансерме[23] и его оркестром Романской Швейцарии, третий — с Морисом Абраванелем[24] и симфоническим оркестром штата Юта. По-

видимому, я делала что-то правильно, если меня приглашали записывать это произведение снова и снова.

ТЯ: Вы Работали и с Барбером?

ЗН: Да, я записала виолончельный Концерт Барбера с оркестром под его управлением. Связанная с этим история хорошо известна. Мы закончили запись, которая прошла почти без дублей. Я сидела на сцене лондонского Кингсвей холла, а оркестранты располагались внизу, в партере, так было принято тогда при записи солистов с оркестром. Неожиданно один из виолончелистов вскочил на ноги и закричал высоким истерическим голосом: «Я не могу играть после услышанного здесь. Об этом невозможно даже подумать!» С этими словами он вскочил на сцену вместе со своей виолончелью и, ударив ее о степу, разнес инструмент в щепки. Я была в шоке и закрыла лицо трясущимися руками. Наступила гробовая тишина. Вокруг меня происходило что-то странное, и я медленно опустила руки. Оркестранты сидели па краешках стульев, понимая, что их розыгрыш зашел слишком далеко. Оказалось, что они сговорились, купили дешевую виолончель и устроили этот спектакль для того, чтобы выразить восхищение моей игрой. Что за странный способ!

ТЯ: Предъявлял ли Барбер какие-то особые требования к исполнению своей музыки?

ЗН: Нет, работать с ним было очень легко. Не будучи опытным дирижером, он все же остался доволен результатом. Мы достигли полного согласия относительно темпов Концерта.

ТЯ: Следовали ли вы в точности нотному тексту?

ЗН: В основном да, за исключением одного или двух эпизодов, которые я изменила, так как их невозможно было сыграть — сказывалось недостаточное знание композитором особенностей виолончели. Когда я сыграла Барберу эти фрагменты, он сказал: «Как жаль, что я не знал Вас до того, как Концерт был опубликован, иначе я бы внес в него ваши изменения».

ТЯ: Давайте поговорим о мастер-классе, данном вами в дни Всемирного конгресса виолончелистов, на котором вы подчеркнули важность приобретения солидной технической основы.

ЗН: Она исключительно важна, так как, только обладая ею, виолончелист, как и всякий другой инструменталист, может достичь чего-то. Это подобно возведению дома. Если вы построили его на слабом фундаменте, он будет разрушен первой же бурей. То же самое с музыкантом:

не выработав крепкой техники, он не сможет достичь высокого уровня исполнительства. Вот почему так важно без устали играть этюды и гаммы. Проблема в том, что многие молодые музыканты нетерпеливы, они не готовы ждать столько времени, сколько требуется для развития совершенной техники. Когда я спрашиваю, играли ли они гаммы, и молодые люди стыдливо отводят глаза в сторону, я рассказываю историю, услышанную от моего пианиста Брукса Смита, который много лет аккомпанировал Яше Хейфецу. Каждое утро, когда Брукс приходил к скрипачу для репетиций, тот заканчивал часовое занятие гаммами. Если это требовалось Хейфецу, то что же говорить о нас?

ТЯ: Вы также сказали, что выработка протяженного звука является одной из наиболее трудных проблем при игре на струнных инструментах. Как можно достичь этого качества?

ЗН: Степень успеха зависит от того, как вы используете нажим смычка, на что многие музыканты не обращают достаточного внимания. Они уменьшают нажим по мере приближения пальцев к вершине грифа, в результате чего получается непроизвольное диминуэндо, то есть уменьшение силы звука. Его, однако, можно избежать, если у исполнителя есть общая концепция музыкального развития произведения. Таким образом, это в большей мере проблема музыкальной осведомленности, а не чисто технический недостаток, хотя сохранение протяженности звука требует и определенного технического мастерства. Когда я была совсем маленькой девочкой, папа усаживал меня рядом с собой и просил играть громко, «длинным» смычком и очень близко к грифу. Так мы «тянули» длинные звуки, он — на флейте, я — на виолончели. Для шестилетнего ребенка это были скучные упражнения, но отец превратил их в игру, кто сыграет одну и ту же ноту дольше. В результате такой ежедневной практики, которая продолжалась несколько лет, у меня развилась способность к непрерывному протяженному звукоизвлечению, чувство длинной линии, фразы.

ТЯ: Когда я слушаю вашу игру, меня не покидает чувство, что вы демонстрируете аудитории, как глубоко любите музыку и слушателей. Я прав?

ЗН: Безусловно. Для меня исполнение музыки означает возможность поделиться любовью к ней и людям. С момента начала игры я уношусь в другой мир и так поглощена произведением и желанием донести его до слушателей, что все другое отступает на второй план. Я испытываю внутреннюю связь с каждым слушателем и хочу, чтобы аудитория знала, как глубока моя любовь к ней и к тому, что я делаю. Я стараюсь передать эти чувства посредством прекрасной музыки, которую исполняю.

Материал 2
Самостоятельный путь к успеху

М. Кемпбелл[25]

Зару Нелсову называли «королевой виолончелистов». Когда она величаво ступала на подиум, высоко подняв инструмент, все внимание было приковано к артистке еще до того, как начинала звучать музыка. Она была не только исключительно техничной исполнительницей, но и прекрасным музыкантом, который проникал в суть произведения и доносил ее до слушателей. Вдобавок Зара была привлекательной женщиной, а ее концертные платья становились легендой.

Я встретила виолончелистку в Лондоне, где она говорила со мной о ее долгой и успешной карьере, занятиях с Махалеком, Уоленном, Фейерманом, Казальсом и Пятигорским, каждый из которых внес свою лепту в развитие дарования артистки. Я находилась под впечатлением ее индивидуальности, теплоты и остроумия. Нелсова не была «великой артисткой», окруженной сонмом почитателей, а вполне земной женщиной, оказавшейся волею судьбы «великой».

Она родилась в Виннипеге (Канада) вскоре после окончания Первой мировой войны и была младшей дочерью Григория Нелсова, флейтиста, закончившего консерваторию в Санкт-Петербурге. Он эмигрировал в Канаду в 1910 г., мечтая о том, что три его дочери станут профессиональными музыкантами и будут играть в семейном трио. Примером ему служили Чернявские, эмигрировавшие в начале века из Белоруссии на Запад, три сына которых (Ян, Лео и Мишель) составили фортепианное трио, концертировавшее во многих странах мира. *«Мой отец оказал на меня огромное влияние. Он был прекрасным педагогом и научил меня дисциплине, то есть тому, как надо заниматься. Одна моя старшая сестра училась играть на скрипке, другая — на фортепиано, на мою долю осталась виолончель».*

Когда ей было четыре с половиной года, отец подарил девочке взрослую виолончель. Зара вспоминает испытанное при этом волнение, однако *«инструмент был слишком велик, и я плакала от разочарования. Тогда отец переделал альт в детскую виолончель и дал мне первые уроки игры на ней».* Зара делала такие быстрые успехи, что уже в пять лет впервые выступила публично. Вскоре она освоили взрослый инструмент и стала заниматься с Д. Махалеком.

У Нелсовой — свои определенные взгляды на отношения ученика и учителя. Она считает, что ученик не может заниматься эффективно, если между ним и педагогом нет любви и уважения. *«Я любила Махалека, он был интересен мне и всегда готов помочь. Он и папа стремились найти наилучшие способы решения моих проблем».*

Зара вспоминает, что Махалек написал специальные короткие упражнения для позиции большого пальца, оказавшиеся исключительно полезными для развития техники. Много лет спустя она обнаружила, что они похожи на этюды из «Школы» Поппера, которые считаются одними из наиболее трудных для виолончелистов. *«Таким образом, можно сказать, что я была ученицей Поппера, испытавшей венгерское и русское влияние».*

Сестры Нелсовы составили Канадское трио, концертировавшее по всей стране. Во время фестиваля в Манитобе, на котором Зара получила первый приз как солистка, они познакомились с двумя членами жюри, сэром Эдвардом Байрстоу и сэром Хью Робертоном, основателем и дирижером хора «Орфеус» в Глазго (Шотландия). Оба посоветовали сестрам продолжить музыкальное образование в Англии. Министерство образования Манитобы выделило для этого специальный грант, и в 1929 г. семья переехала в Лондон. Григорий надеялся, что дети поступят в Королевскую академию музыки, но они были слишком малы для этого. Однако Герберт Уоленн, будучи под большим впечатлением от игры Зары, зачислил ее в свой класс в основанной им частной Лондонской виолончельной школе. Занятия с Уоленном делали упор на развитие техники и расширение репертуара, но для юной Нелсовой важное значение имели еще энтузиазм и постоянная поддержка педагога.

Большое влияние на Зару оказал в это время бывший ученик Уоленна Джон Барбиролли. Его опыт дирижера в соединении с детальным знанием виолончели были очень важны для совсем молодой и неопытной исполнительницы. *«Он помог мне во многих отношениях. Джон признавал, что я играю хорошо и у меня солидная техника, но часто говорил: "Тебя никогда не услышат, если ты будешь играть с оркестром!" Я часто приходила к нему домой, и Джон познакомил меня с другим, более "масштабным" стилем исполнения, поэтому я связываю мой теперешний звук с его влиянием. Два других человека внесли свой вклад в мое раннее музыкальное образование: Мишель Чернявский и Лаури Кеннеди[26]. Первый обладал замечательным звуком, второй обращал внимание на некоторые детали моего исполнения, не замеченные другими учителями. Он был очаровательным человеком, и мы все любили его».*

Дебют Канадского трио в Вигмор холле в Лондоне привлек внимание слушателей и критики, и вскоре Зара выступила с оркестром в Королевском колледже музыки. За ним последовало приглашение сыграть Концерт Э. Лало с Лондонским симфоническим оркестром под управлением М. Сарджента. *«Это было моим первым выступлением с высокопрофессиональным оркестром, и до сих пор я храню о нем живые воспоминания. Сарджент был очень добр ко мне и вселил уверенность в своих силах. Я никогда не забуду этот вечер».*

В 1936 г. Зара дебютировала с сольным концертом в лондонском Вигмор холле. Критик *Daily Telegraph* писал: *«Кажется, нет такой проблемы, которую исполнительница не могла бы решить с легкостью и блеском»*.

Несмотря на новые приглашения, с началом Второй мировой войны Нелсовы вернулись в Торонто, и Зара поселилась в приюте молодежной христианской организации YWCA. Единственным местом, пригодным для занятий, была котельная. В ней было тепло зимой, но с наступлением весны стало нестерпимо жарко. В один из таких дней Зара заметила, что в расположенное под потолком открытое окно заглядывают несколько человек и внимательно слушают ее занятия. Оказалось, что все они музыканты оркестра Канадской радиовещательной корпорации, который репетировал в церкви напротив. Они перезнакомились, и оркестранты делали все возможное, чтобы помочь Заре. Через них она познакомилась с руководителем оркестра Boston Pops Артуром Фидлером, который пригласил ее выступить в концерте, за ним последовало приглашение от Чарльза Мюнша[27] сыграть с его оркестром, и таким образом возобновилась ее музыкальная карьера в Америке.

Громадное влияние оказал на Нелсову Эмануэль Фейерман. *«Я слышала его записи и очень их любила. Он был величайшим виолончелистом, и мне очень хотелось заниматься с ним. К сожалению, я была его ученицей только четыре или пять недель, тогда мне было 23 года, но память о нем сохранила на всю жизнь. Его замечательный стиль, абсолютно безупречная музыкальность, легкость исполнения и полный контроль над инструментом были поразительными. До сих пор нет музыканта, более близкого моей индивидуальности, чем Фейерман. Когда он умер, мне приснилось, что я получила от него письмо. Все, сказанное в нем, всегда со мной. Его смерть была громадной потерей для музыкального мира»*.

В течение нескольких летних сезонов Нелсова занималась с Григорием Пятигорским в Танглвуде и Рокпорте. *«Будучи ребенком, я боготворила этого музыканта. Я слышала в Лондоне его исполнение Концерта Дворжака и "Дон Кихота" Р. Штрауса с оркестром под управлением Сарджента. Его игра была незабываемой и оказала громадное влияние на молодых виолончелистов, которые только начинали карьеру. Пятигорскому в бо́льшей степени, чем Казальсу, мы обязаны той популярностью, которой пользуется виолончель сегодня»*.

Пятигорский помог Нелсовой подготовить программу первого сольного выступления в нью-йоркском Таун холле, который она дала с пианистом Валентином Павловским, постоянным аккомпаниатором Пятигорского. Затем последовал сольный концерт без сопровождения, включавший произведения Баха, Регера и Кодаи. На оба выступления

были хвалебные рецензии, и американская карьера виолончелистки получила новый импульс. Зара подчеркивает, что все это оказалось возможным благодаря помощи коллег. *«У меня не было другой поддержки, у меня никогда не было даже менеджера. Когда молодые люди обращаются с вопросом, как начать профессиональную карьеру, я не знаю, что ответить. Похоже, что для этого надо победить на конкурсе, но я не думаю, что это лучший способ».*

Другой важной вехой в музыкальном развитии Нелсовой было знакомство с П. Казальсом. *«Когда я была ребенком, меня к Казальсу привел в Лондоне Барбиролли, и с тех пор я лелеяла мечту заниматься с ним. После войны, в 1948 г., я написала и спросила, могу ли поиграть маэстро. Он согласился и пригласил приехать к нему на шесть недель в Прадес. Я называла занятия с Казальсом "очищением". Простота его исполнения, выдающаяся музыкальность произвели на меня громадное впечатление. Он не дал много с точки зрения техники, за исключением того, что подчеркивал важность варьирования вибрато. Многие исполнители на струнных инструментах не знают об этом, для них вибрато — это рефлекторное движение, дающее всегда один и тот же звуковой эффект».*

Сегодня Нелсова считается одной из наиболее выдающихся виолончелисток своего времени. Она играла почти со всеми известными оркестрами и дирижерами по всему миру. Зара была первой американской виолончелисткой, совершившей в 1966 г. концертный тур по СССР. После ее исполнения в Москве Сонаты для виолончели и фортепиано С. Рахманинова и Сонаты для виолончели соло Кодаи публика неистовствовала. Лев Гинзбург писал: *«Благородство и темперамент ее исполнения, прекрасный и выразительный звук, артистизм и мастерство, необычайная ритмическая точность были незабываемы».*

Нелсова часто исполняла произведения современных композиторов. В 1949 г. она первой сыграла в Англии сонаты Шостаковича и Хиндемита, в 1950 г. дала европейскую премьеру Концерта Барбера с оркестром Би-Би-Си под управлением А. Боулта. Несмотря на то что Зара выучила новое произведение всего за три недели, исполнение было настолько успешным, что ее пригласили сделать запись Концерта с автором в качестве дирижера. В 1949 г. Нелсова приняла участие в фестивале из произведений Э. Блоха в Лондоне, где исполнила и записала вместе с композитором «Шеломо», «Молитву», «Просьбу» и «Еврейскую песню».

Нелсова была отличным педагогом и однажды даже сказала, что преподавание — ее страсть. Она подчеркнула, что, хотя ей более интересно передавать знания студентам, которые могут в будущем стать солистами, она с удовольствием работает и с менее талантливыми учениками, просто любящими музыку. *«Если мы можем обогатить жизнь людей, помогая*

им овладеть музыкальным исполнительством, значит, мы все же в состоянии достичь чего-то».

Пианист Джулиан Доусон-Лиел, аккомпанировавший Нелсовой на мастер-классах в рамках Международного музыкального семинара в Prussia Cove (Англия) вспоминает ее бесконечное терпение, когда приходилось работать над одной и той же проблемой с каждым из двадцати студентов. На него произвело большое впечатление умение Нелсовой концентрировать свои усилия на каждом студенте так, что он (или она) чувствовал, что педагог уделяет ему все свое внимание. *«И над всем этим преобладала ее неумирающая любовь к произведениям, которые она должна была показывать сотни раз».*

Нелсова играет на виолончели «Маркиз де Карберон», сделанной Страдивари в 1726 г. *«Одри Мелвилл, одна из замечательных комитетских дам[28], сама была виолончелисткой. Время от времени мы переписывались. Будучи в 1960 г. в Калифорнии, я получила от нее письмо с датой 11 апреля 1953 г., в котором она сообщала, что изменила первоначальное намерение отдать свою виолончель Королевской Академии музыки и оставляет ее мне. Я подумала, что стареющая дама перепутала даты и ответила, что она не должна прекращать играть, мы еще встретимся и будем музицировать вместе. Вскоре я получила известие от ее душеприказчика о том, что Одри умерла неделю тому назад и давняя дата на письме — правильная. Она никогда не говорила мне о своем решении, поэтому я не могла поблагодарить ее за подарок. С 1960 г. я играю только на этом инструменте».*

[1] Махалек Дежев (Mahalek Dezsö, 1890, Венгрия — 1961, Ванкувер, Канада), виолончелист, учился у Д. Поппера в Будапеште, Ю. Кленгеля в Лейпциге и И. Малкина. Приехал в Виннипег в 1912 г., где играл в небольших музыкальных ансамблях и преподавал виолончель. В 1936–1961 гг. — виолончелист (одно время — концертмейстер) Ванкуверского симфонического оркестра.

[2] Уоленн Герберт (Walenn Herbert, 1870–1953), английский виолончелист, преподавал в Королевском колледже музыки в Лондоне и основанной им Лондонской виолончельной школе. Помимо З. Нелсовой, его учениками были Д. Камерон, Б. Гамбург, В. Плисс, Д. Барбиролли, Т. Вейс.

[3] Сарджент Малкольм (Sargent Malcolm, 1895–1976), английский дирижер, органист и композитор, работал с ведущими английскими оркестрами и хорами. Удостоен многих почетных степеней и наград в Англии и других странах.

[4] Парлоу Катлин (Parlow Kathlin, 1890, Калгари, Канада — 1963, Оаквилл, Онтарио, Канада), канадская скрипачка, ученица Г. Холмса в Сан-Франциско и Л. Ауэра в Петербургской консерватории (1906–1907). С 17 лет концертировала в Европе (Санкт-Петербург, Хельсинки, Германия, Голландия, Норвегия).

В 1910–1911 гг. совершила длительное концертное турне по Северной Америке. В дальнейшем выступала во многих странах, включая Гавайи, Индонезию, Китай, Сингапур, Корею, Японию. С 1936 г. до начала войны преподавала в Джульярдской школе музыки в Нью-Йорке, позднее — в Торонтской консерватории. В Торонто организовала Канадское трио (с З. Нелсовой и Э. Макмилланом) и струнный квартет (с И. Мамоттом, С. Хершенхореном и Д. Дембеком), который просуществовал 15 лет и пользовался большой популярностью в Северной Америке.

[5] Макмиллан Эрнест (MacMillan Ernest, 1893–1973), канадский дирижер, композитор, пианист и музыкальный общественный деятель. В 1926–1942 гг. возглавлял Торонтскую консерваторию, в 1931–1956 гг. — дирижер Торонтского симфонического оркестра. В течение многих лет был органистом церкви Timothy Eaton Memorial в Торонто. Приложил много усилий для сбора и записи музыки и песен канадских аборигенов. Удостоен нескольких канадских и британских наград.

[6] Блох Эрнест (Bloch Ernest, 1880, Женева — 1959, Портленд, США), швейцарско-американский композитор, педагог. Учился у Э. Жак-Далькроза в Женеве и Э. Изаи в Брюсселе (скрипка). В США — с 1916 г. Автор многочисленных симфоний, камерных и инструментальных произведений, одной оперы. Творчество Блоха тесно связано с еврейской тематикой. Таковы «Три еврейские поэмы для оркестра» (1913), Симфония № 2 «Израиль» (1917), «Шеломо», еврейская рапсодия для виолончели с оркестром (1915–1916), «Баал Шем», три картины из жизни хасидов для скрипки с оркестром, Псалмы (1912–1914), Еврейская сюита для скрипки и фортепьяно (1923), «Глас вопиющего в пустыне», симфоническая поэма с солирующей виолончелью (1937), синагогальная служба «Аводат Хакадеш» (1937).

[7] Барбер Самуэл (Barber Samuel, 1910–1981), американский композитор. Учился в Институте Кёртис в Филадельфии у И. Венгеровой (фортепиано), Р. Скалеро (композиция) и Э. де Каргоза (вокал). Автор опер «Ванесса», «A Hand of Bridge», «Антоний и Клеопатра», балета «Медея», концертов для скрипки, виолончели, сонат для виолончели, фортепиано, оркестровых, вокальных и фортепьянных произведений. Был удостоен многих почетных званий и призов.

[8] Бротт Александр (Brott Alexander, урожд. Brod Joel, 1915, Монреаль — 2005, там же), канадский дирижер, композитор, скрипач и педагог. Автор многих произведений для симфонического и камерного оркестров, инструментальной музыки для фортепиано, скрипки и виолончели.

[9] Хаеф Алексей Васильевич (Haieff Alexei, 1914, Благовещенск, Россия — 1994, Рим), американский композитор. В США — с 1931 г., ученик Р. Голдмарка, Ф. Джакоби и Н. Буланже. Сочинения включают два балета, три симфонии, концерты для виолончели и фортепиано и вокально-хоровую музыку.

[10] Вуд Хью (Wood Hugh, р. 1932, Парболд, Англия), английский композитор, автор концертов для фортепиано, скрипки и виолончели, симфонии, камерной и хоровой музыки.

[11] Казадезюс Робер (Casadesus Robert, 1899, Париж — 1972, там же), французский пианист и композитор, автор семи симфоний, трех оркестровых сюит, концертов для одного, двух и трех фортепиано, виолончели и флейты, камерной и инструментальной музыки.

[12] Тёрнер Роберт (Turner Robert, 1920–2012), канадский композитор, автор двух опер, оркестровых произведений, концерта для двух фортепиано с оркестром и др. произведений.

[13] Бротт Лотта (Brott Lotte, урожд. Goetzel Charlotte, 1922, Германия — 1998, Монреаль), виолончелистка, жена А. Бротта. Играла в Монреальском симфоническом оркестре, Камерном оркестре и струнном квартете университета МакГилл в Монреале. Преподавала в этом же Университете.

[14] Бротт Денис (Brott Denis, р. 1950, Монреаль), сын Александра и Лотты Бротт, канадский виолончелист и педагог, основатель и художественный руководитель Монреальского фестиваля камерной музыки, выступал в качестве солиста и со многими симфоническими оркестрами Северной Америки, преподавал в Торонтском и нескольких американских университетах и в Торонтской и Квебекской консерваториях.

[15] *Janof Tim.* Conversation with Zara Nelsova // Website of the International Cello Society, June 2000. URL: http://www.cello.org/Newsletter/Articles/nelsova.htm. (Сокращенный авторизованный перевод с англ. Э. Зальцберга).

[16] Поппер Дэвид (Popper David, 1843, Прага — 1913, Баден, Австрия), виолончелист, в 1868–1873 гг. — концертмейстер Венского оперного театра, в 1870–1890 гг. выступал во многих странах вместе с женой, пианисткой С. Ментер. С 1896 г. до конца жизни — профессор консерватории в Будапеште. Автор многих оркестровых сочинений, виолончельных пьес и сборника 40 этюдов для виолончели (The High School of Cello Playing, op 73).

[17] Дю Пре Жаклин (du Pré Jacqueline, 1945–1987), английская виолончелистка, жена пианиста и дирижера Д. Баренбойма. Помимо блестящей карьеры солистки, выступала с крупнейшими дирижерами и оркестрами своего времени.

[18] Барбиролли Джон (Barbirolli John, 1899, Лондон — 1970, там же), английский дирижер и виолончелист. Был музыкальным руководителем Нью-Йоркского филармонического оркестра (1936–1943), главным дирижером оркестра Hallé в Манчестере (1943–1970), Хьюстонского симфонического оркестра (1961–1967) и гастролирующим дирижером с оркестрами Би-Би-Си, Берлинским и Венским филармоническими и Лондонским симфоническим. Большое место в репертуаре дирижера занимали произведения современных английских композиторов Элгара, Делиуса, Вильямса. Удостоен многих английских и иностранных наград и почетных званий. Именем дирижера назван сквер в Манчестере, в котором установлен его бюст.

[19] Боулт Адриан (Boult Adrian, 1889, Честер, Англия — 1981, Лондон), английский дирижер, основатель и музыкальный руководитель оркестра Би-Би-Си (1930–1950), который стал при нем одним из лучших в стране, главный дирижер Лондонского филармонического оркестра (1950–1957). В разное время работал с другими столичными коллективами. Часто исполнял и записывал произведения английских композиторов Холмса, Блисса, Бриттена, Делиуса и др. и современных западных композиторов Бартока, Берга, Стравинского, Шёнберга и Веберна. Удостоен многих почетных званий на родине. Мемориальная плита в честь дирижера установлена в здании Вестминстерского аббатства в Лондоне в 1984 г.

[20] Гринхауз Бернар (Greenhouse Bernard, 1916–2011), американский виолончелист, один из основателей и многолетний участник трио Beaux Arts (вместе с М. Пресслером и Д. Гиле). Преподавал в Университете Нью-Йорка и Университете Rutgers, Манхэттенской и Джульярдской школах музыки, консерватории Новой Англии. Многолетний приятель З. Нелсовой.

[21] Вибрато — периодические изменения высоты или громкости звука, применяемые в игре на струнных смычковых инструментах. В отличие от звука без вибрато («белого», «прямого»), звук с вибрато приобретает новые тембровые качества, становится теплым, эмоционально насыщенным, динамичным.

[22] Иссерлис Стивен (Isserlis Steven, р. 1958, Лондон), английский виолончелист, много концертировал как солист, а также с камерными и симфоническими оркестрами. Редактор и аранжировщик произведений классического репертуара для виолончели. Большое место в его программах занимают произведения современных европейских и американских авторов.

[23] Ансерме Эрнест (Ansermet Ernest, 1883–1969), швейцарский дирижер. В 1918 г. основал оркестр Романской Швейцарии, которым руководил до конца жизни. Много концертировал с этим коллективом и оставил многочисленные записи, сделанные фирмой Decca.

[24] Абраванел Морис (Abravanel Maurice, 1903, Салоники, Греция — 1993, Солт-Лейк-Сити, США), американский дирижер, в 1947–1979 гг. руководил симфоническим оркестром штата Юта. Его именем назван концертный зал в Солт-Лейк-Сити, в котором оркестр выступает и поныне.

[25] *Campbell Margaret.* Independent Achievement // Strad. 1988. Vol. 99, July. P. 557–559. (Сокращенный авторизованный перевод с англ. Э. Зальцберга.)

[26] Кеннеди Лаури (Kennedy Lauri, 1896–1985), австралийский виолончелист. Учился у Г. Уоленна в Лондоне и П. Брюммера в Вене. Концертмейстер Нью-Йоркского филармонического оркестра в 1920-е гг., концертмейстер оркестра Би-Би-Си в Лондоне в 1929–1935 гг. Выступал в камерных ансамблях с А. Рубинштейном, Я. Хейфецом, Ф. Крейслером, В. Примроузом, тенором Дж. Маккормаком. Преподавал в Королевском колледже музыки в Лондоне.

[27] Мюнш Чарльз (Munch Charles, 1891, Страсбург, Франция — 1968, Ричмонд, США), французский дирижер и скрипач. До войны руководил различными оркестрами в Париже. В 1948 г. стал главным дирижером Бостонского симфонического оркестра. За 30 лет работы с ним Мюнш дал 39 мировых премьер, 17 — американских, исполнил более 150 произведений современных авторов и совершил множество гастрольных поездок. Автор книги «Я — дирижер», изданной в Париже в 1954 г.

[28] Имеется в виду Комитет помощи нуждающимся музыкантам в Лондоне, который поддерживал семью Нелсовых до войны.

Искусство собирать искусство: Жак и Наташа Гельманы

Эрнст Зальцберг (Торонто)

Мексика никогда не была Меккой для русских евреев, покидавших Россию в поисках лучшей жизни за океаном. Мощный поток эмигрантов в конце XIX — начале XX вв. направлялся в США, меньшие — в Канаду и Аргентину, и совсем небольшие ручейки — в Мексику. Приток в страну европейских, в основном политических, эмигрантов несколько возрос между двумя мировыми войнами, когда США ужесточили свою иммиграционную политику. Самым видным из них был Л. Д. Троцкий, живший с 1936 г. в доме Фриды Кало и Диего Риверы в г. Койоакане и смертельно раненый здесь же агентом НКВД 21 августа 1940 г.

Перед войной еврейская община в Мексике была сравнительно немногочисленной (менее 50 тысяч человек), но многие ее представители занимали важное положение в деловой и культурной жизни страны. Так, выдающаяся мексиканская художница Ф. Кало, ставшая после войны культовой фигурой для интеллектуалов многих стран, имела еврейские корни[1]. Муж Кало, всемирно известный художник-монументалист Д. Ривера, был евреем. Сама Фрида одно время была тесно связана с Троцким. Нелишне заметить, что оба художника отличались крайне левыми убеждениями и были членами Коммунистической партии Мексики.

Мое «знакомство» с Жаком и Наташей Гельманами произошло случайно. В конце декабря 2012 г. я пошел на выставку «Фрида и Диего: страсть, политика и живопись», которая демонстрировалась в Art Gallery of Ontario в Торонто. Мое внимание привлекли подписи под некоторыми экспонатами с указанием на то, что они из коллекции Жака и Наташи Гельманов. Так как фамилия показалась мне восточноевропейского происхождения, я стал искать данные о супругах в Интернете. Их оказалось не так много, но какое-то представление о жизни этой необычной пары по ним все же можно составить.

Наташа и Жак Гельманы

Жак Гельман родился в 1909 г. в Санкт-Петербурге в состоятельной еврейской семье. В 1920-е гг. он эмигрировал в Германию, где изучал фотографию, работал техником в берлинских киностудиях. После прихода к власти нацистов перебрался в Париж и основал компанию по прокату кинофильмов. Стремясь расширить ее деятельность за пределы Франции, он отправился в 1938 г. в мексиканскую столицу Мехико. В связи с ухудшением политической обстановки в Европе Жак решил не возвращаться во Францию и остался в Мексике.

Здесь Гельман познакомился с комедийным актером Кантинфласом[2] и стал компаньоном (вместе с Сантьяго Ричи Файадом) компании Rosa Film; в 1958 г. она была преобразована в Cantinflas Films, но уже без участия Ричи. Обе компании, в которых Жак был продюсером, специализировались на производстве фильмов с участием Кантинфласа. Этого актера называли «мексиканским Чаплиным», а сам Чаплин считал его

величайшим комиком своего времени. Экранный образ Кантинфласа — маленький человек, ищущий успеха в жизни, — напоминал чаплинского героя. Несомненно, что мексиканский комик находился под влиянием своего великого американского коллеги. Два фильма с участием Кантинфласа, продюсером которых был Ж. Гельман, *El circo* (*Цирк*, 1943) и *Si yo fuera diputato* (*Если бы я был конгрессменом*, 1952, совместное мексикано-американское производство), являются парафразами *Цирка* и *Великого диктатора* Ч. Чаплина.

В общей сложности Гельман был продюсером 30 фильмов, в большинстве которых играл Кантинфлас; некоторые из них вошли в золотой фонд мексиканского кино. Их первый совместный фильм *Ni sangre, ni arena* (*Ни крови, ни песка*) вышел на экраны в 1941 г., последний *El barrendero* (*Подметальщик улиц*) — в 1982 г. Гельман был инициатором усилий, направленных на то, чтобы продукция Rosa Film вышла за пределы латиноамериканского рынка. Так, по его предложению были сняты *Los tres mosqueteros* (*Три мушкетера*, 1942) и *Romeo y Julieta* (*Ромео и Джульетта*, 1943), оба с участием Кантинфласа. Сюжеты фильмов были далеки от оригинальных версий, а картины, даже будучи дублированы на французский, не имели большого успеха. *Три мушкетера* демонстрировались на первом Каннском фестивале в 1946 г. и не вызвали большого интереса у критиков, которые, однако, отметили сходство образа Д'Артаньяна, созданного Кантинфласом, с экранными героями Фернанделя.

Гельман и Кантинфлас были связаны тесными деловыми, творческими и дружескими узами. Когда в 1956 г. Кантинфлас снимался в Голливуде в картине *Around The World in 80 Days* (*Вокруг света за 80 дней*), Гельман был рядом с ним. Фильм пользовался громадным кассовым успехом, а Кантинфлас получил за него «Золотой глобус» как лучший исполнитель мужской комедийной роли. Он был третьим испаноговорящим актером, удостоенным этой награды за всю историю ее существования.

В 1960 г. Кантинфлас снимался в другом голливудском фильме *Pepe* (*Пепе*, или *Мексиканец в Голливуде*), в котором в эпизодических ролях появлялись Ф. Синатра, Б. Кросби, К. Новак и другие суперзвезды американского кино. Гельман был сопродюсером картины с мексиканской стороны. Хотя Кантинфласа снова представили на «Золотой глобус», фильм не пользовался большим успехом в США.

С конца 1960-х гг. и до 1982 г. Гельман и Кантинфлас выпускали недорогие по затратам комедии *Por mis pistolas* (*С моими пистолетами*, 1968), *Un Quijote sin mancha* (*Кихот без пятна*, 1969), *El profe* (*Учитель*, 1971), *Don Quijote cabalga de Nuevo* (*Дон Кихот снова в пути*, 1973) и др., которые приносили отличный кассовый сбор в Мексике и других испаноговорящих странах.

Согласно некоторым источникам, Ж. Гельман испытал свои силы и в качестве актера, сыграв самого себя в 1978 г. в эпизоде немецко-австрийского сериала *V.I.P.-Schaukel* (1971–1980)[3].

В декабре 1939 г. Жак познакомился с уроженкой Моравии (ныне — Республика Чехия) Наташей Заколковой (Natasha Zakolkova)[4], которая совершала туристическую поездку по Мексике. Они поженились в 1941 г. и вскоре приняли мексиканское гражданство. Благодаря солидным доходам от фильмов, в которых Гельман был продюсером, пара вела широкий образ жизни, деля свое время между Мексикой, где у них был дом в Куэрнаваке, Нью-Йорком, где им принадлежала роскошная квартира в Манхэттене, и входившим в моду курортом Акапулько на тихоокеанском побережье Мексики.

Жак и Наташа Гельманы

Начиная с 1940-х гг., супруги собирали коллекцию живописи и скульптуры и с увлечением занимались этим до конца своих дней[5]. В то время в Мексике было всего несколько серьезных коллекционеров искусства, поэтому деятельность Гельманов, вкладывавших в коллекционирование большие средства, оказала значительное влияние на художественную жизнь страны.

Коллекция Гельманов состоит из двух частей: живописи и скульптуры художников, главным образом, «парижской школы» начала XX в., и картин современных мексиканских живописцев. Первое собрание включает 85 работ, из которых 14 принадлежат кисти П. Пикассо, 9 — А. Матисса, 5 — П. Боннара, 4 — Ж. Брака, 3 — Ф. Леже, 3 — Х. Гриса, 3 — И. Танги, 2 — Б. Балтуса[6], 2 — М. де Вламинка. В него входят также работы С. Дали, М. Эрнста, А. Джакометти, П. Мондриана, А. Модильяни, П. Ренуара и Э. Виллара. Общая стоимость европейской коллекции в конце 1980-х гг. оценивалась в 300 млн долларов.

Часть этого собрания демонстрировалась в 1989 г. в Метрополитен музее в Нью-Йорке. Во вступлении к каталогу выставки директор отдела современного искусства музея В. Либерман писал: *«Хотя картины покупались для собственного удовольствия и никогда не предназначались для*

публичного обозрения, выбор полотен и рисунков европейских художников, сделанный Гельманами, поражает своей последовательностью. Качество приобретенных работ оставалось неизменно высоким, и я нахожу трудным, даже невозможным, назвать другую частную коллекцию, которая так полно отражает данный период и может быть сравнима с собранием Гельманов».

За год до смерти Наташа завещала «западную» коллекцию Метрополитен музею, где 1 июня 1998 г. состоялось открытие галереи Гельманов в Lila Acheson Wallace Wing. На торжественной церемонии директор музея Ф. де Монтебелло сказал: *«Эта замечательная коллекция, самый щедрый и значительный подарок отделу современного искусства, является, по существу, одним из наиболее важных наших приобретений. Оно полностью преобразует уже имеющееся в музее собрание работ XX века. Интеллект и дальновидность Жака и Наташи, проявленные при приобретении этих шедевров, их щедрость при завещании коллекции музею... обогатили всех его посетителей, которые могут видеть эти работы в любое время в их новом постоянном доме в Wallace Wing».*

В первом зале галереи представлены в основном работы художников-фовистов. Характерные черты их стиля — плоские поверхности, наложение ярких и выразительных красок, строгий и часто упрощенный порядок расположения предметов — ярко проявились в сравнительно короткий период расцвета этого направления, начавшийся в 1905 г., и представлены в галерее работами А. Дерена, М. де Вламинка, Ж. Руо, А. Матисса (*Молодой матрос*, 1906).

Во втором зале представлены работы художников-кубистов (1911–1924 гг.), в их числе *Натюрморт с парой бандерилий* Ж. Брака (1911), *Натюрморт с бутылкой рома* П. Пикассо (1911), *Натюрморт с гитарой* Х. Гриса (1913), композиция *Еврейский ангел* Ж.де Кирико и два полотна Ф. Леже: *Барочник* (1918), этюд для картины большего размера, и *Механические элементы* (1920), комбинация различных геометрических фигур. Здесь же великолепный горизонтальный натюрморт П. Пикассо (1924). В следующей секции экспонируются портрет А. Модильяни голубоглазого мальчика на голубом фоне (*Голубая блуза*, 1917), *Натюрморт с гитарой* Ж. Брака (1924) и две работы П. Боннара: *После утреннего купания* (1910) и *Столовая в Верноне* (1916).

Сюрреалисты представлены работой С. Дали *Accomodation of Desire* (1929) и пятью полотнами Х. Миро, охватывающими период с 1917 по 1949 г. (*Обнаженная с цветами*, 1917; *Виноградники и оливы. Таррагона*, 1919, и др.) Здесь же экспонируются пейзажи И. Танги и картины Б. Балтуса.

В заключительном разделе коллекции представлены работы 1940–1950-х гг. В. Браунера[7], Ж. Дюбюффе и А. Джакометти. Две картины Дюбюффе экспонировались в свое время на сопровождавшейся скандалом первой выставке художника в Париже в 1944 г. Бронзовые скульптуры А. Джакометти (*Трое идущих*, *Кошка* и *Венецианка*) были созданы в 1949, 1954 и 1956 гг.

Выше были упомянуты некоторые работы, представленные на открытии галереи Гельманов в Метрополитен музее в 1998 г. Экспонаты время от времени обновляются и полотна, хранившиеся в запасниках, выставляются на всеобщее обозрение.

Начиная с 1940-х гг., Гельманы были вхожи в высшие артистические круги Мексики. Среди их друзей и знакомых были такие художники, как Ф. Кало, Д. Ривера. А. Сикейрос, А. Заррага[8], Г. Герзо[9]. Будучи людьми состоятельными, супруги заказывали им свои портреты, покупали другие их работы и оказывали многим из них разнообразную финансовую поддержку.

Мексиканская коллекция Гельманов ко времени смерти Наташи состояла из 95 работ художников XX в. и размещалась в доме супругов в городе Куэрнаваке вблизи Мехико. В 1993 г. Наташа завещала право распоряжаться этим собранием большому другу семьи, американскому куратору произведений мексиканского искусства Р. Литтману. Последний основал фонд Vergel Foundation, при поддержке которого работы из коллекции Гельманов побывали во многих городах США и за пределами страны. Вырученные средства Литтман использовал для расширения собрания и приобретения новых полотен, в основном современных мексиканских художников. Его усилиями за десять лет после смерти Наташи мексиканская коллекция выросла в три раза. В 2004 г. Литтман, в соответствии с завещанием Наташи, которое запрещало передачу собрания государственным мексиканским учреждениям и ее расчленение, поместил все работы в частный музей в Куэрнаваке, основанный американской компанией Costco и ее местными партнерами.

Коллекция Гельманов, являющаяся наиболее обширным частным собранием мексиканской живописи XX века, охватывает значительный период истории современной мексиканской живописи и включает в себя ранние эксперименты художников с европейским кубизмом и сюрреализмом, время утверждения национального стиля в довоенный период и увлечения абстракционизмом и другими западными течениями после Второй мировой войны. Главным жанром в коллекции являются портрет и автопортрет. Портреты Наташи принадлежат кисти Д. Риверы, А. Сикейроса, А. Зарраги, Р. Тамайо[10]. Пожалуй, наиболее значительным из

Наташа Гельман. Худ. Диего Ривера, 1943

них является портрет работы Д. Риверы (1943), на котором полулежащая на софе и облаченная в воздушное белое платье со смелым разрезом Наташа изображена на фоне букетов гигантских белых лилий калла. Эта работа была первой заказанной Гельманами мексиканскому художнику и, таким образом, послужила началом их мексиканской коллекции. Портрет висел в доме Гельманов в Куэрнаваке до самой смерти Наташи. Д. Ривера представлен в коллекции еще двумя работами: *Продавщицы лилий калла* (1943) и *Подсолнухи* (1943).

Среди других портретов следует отметить «парадный» портрет Жака работы А. Зарраги (1945), портрет Кантинфласа кисти Р. Тамайо (1948), девочки Модесты Д. Риверы (1937), самого Риверы — Ф. Кало (1937), карикатуры Риверы работы М. Коваррубиаса[11] и *Женщину с шалью* Д. А. Сикейроса.

В коллекции представлены автопортреты Х. Ороско, Д. А. Сикейроса и Ф. Кало. Кисти последней принадлежат семь полотен, включая такие широко известные как *Автопортрет с косой* (1941), *Диего в моих мыслях* (1943), *Автопортрет с обезьянами* (1943). Говоря о творчестве Ф. Кало, Д. Ривера заметил, что *«впервые в истории искусства женщина выразила с абсолютной откровенностью, так обнаженно и, можно сказать,*

со спокойной свирепостью то общее и частное, что присуще ее натуре». В полной мере это высказывание относится к автопортретам художницы в коллекции Гельманов.

В этом собрании есть еще одно полотно в этом же жанре, *Автопортрет в гостинице Даун хорс* английской художницы Л. Каррингтон[12], стоявшей у истоков европейского сюрреализма и прожившей затем более 40 лет в Мексике.

Среди других мастеров, представленных в коллекции, следует отметить многочисленные работы художника-абстракциониста и многолетнего друга семьи Гельманов Гюнтера Герзо (*Архаический ландшафт*, 1963; *Фигура в красном и голубом*, 1964), другого абстракциониста — Карлоса Мериды[13] (*Пять панелей*, 1963), полотна К. Ромеро[14], приобретенные после смерти художника, работы Ф. Толедо[15] и рисунки А. Лазо[16]. Помимо картин, коллекция содержит художественные фотографии Мануэля и Лолы Браво[17].

Если европейская часть коллекции Гельманов обрела свой постоянный дом в Метрополитен музее, вокруг мексиканского собрания совсем недавно бушевали нешуточные судебные баталии. В 2006 г. двоюродный брат Наташи Джерри Юнг нанял команду мексиканских адвокатов для того, чтобы доказать, что Р. Литтман не имеет прав на мексиканскую коллекцию. Один из адвокатов купил за 20 тысяч долларов право наследования мексиканского имущества Наташи у ее брата, который умер вскоре после этой сделки. Суд по семейным делам Мехико постановил, что право наследования важнее не совсем четко сформулированного завещания Наташи и, таким образом, адвокат Юнга имеет право забрать себе коллекцию. Защитники Литтмана обратились в федеральный суд и добились приостановки такого решения; адвокаты Юнга, в свою очередь, оспорили этот вердикт. Кроме того, стороны начали еще одну тяжбу: Юнг выдвинул смехотворное обвинение против Литтмана, что тот плохо обращается с картинами. Не полагаясь на мексиканское правосудие, последний забрал коллекцию из музея в Куэрнаваке и спрятал ее в надежном месте. По-видимому, стороны все же пришли к какому-то соглашению (судебному или полюбовному), так как в 2011–2013 гг. многие картины из мексиканского собрания Гельманов побывали на выставках в Турции, Англии, Канаде и США.

Помимо коллекционирования произведений искусства, Наташа и Жак находили и другие эффективные пути оказания помощи артистам. Созданный ими Фонд Гельманов и учрежденные награды и стипендии ставили своей целью содействовать развитию молодого поколения художников. Финансовой поддержкой из этих источников до сих пор пользуются студенты художественных институтов и университетов

в Чикаго, Нью-Йорке и Питтсбурге. Фонд постоянно пополняется за счет доходов от продажи переписанных на видео старых фильмов Кантинфласа—Гельмана, которые до сих пор не теряют своей популярности.

Жак и Наташа, будучи по роду деятельности людьми, далекими от живописи, обладали отличным вкусом, чутьем на новое в искусстве и желанием тратить большие деньги на его поддержку в самых разнообразных формах. Благодаря этим качествам они оказали значительное влияние на художественную жизнь и развитие живописи в Мексике и США и оставили о себе добрую память у любителей живописи.

[1] Известность Ф. Кало стала повсеместной после выхода на экраны в 2002 г. американского фильма «Фрида» режиссера Джули Теймор. В главных ролях снялись Сельма Хайек и Альфред Молина. Картина получила два «Оскара» и ряд других наград.

[2] Кантинфлас (наст. имя Марио Морено Рейес, 1911–1993), мексиканский комический актер, продюсер и сценарист, снялся в десятках мексиканских и трех голливудских фильмах. Пользовался громадной популярностью в Мексике и других испаноговорящих странах. Был президентом Мексиканской гильдии актеров и генеральным секретарем независимого профсоюза киноработников Мексики. Много времени и средств уделял благотворительной деятельности.

[3] Нам не удалось найти в австрийском киноархиве подтверждение участия Ж. Гельмана в этом сериале. Согласно сохранившимся программам сериала, в эпизоде, показанном в марте 1978 г., одну из ролей исполнял Кантинфлас.

[4] В различных интернет-ресурсах встречаются разные написания ее фамилии: Zahalka, Zahalka Krawak (возможно, что Krawak — фамилия ее бывшего мужа), Zakalkaha.

[5] Жак Гельман умер в 1989 г., Наташа — в 1998 г.

[6] Балтус (наст. имя Бальтазар Клоссовски де Рола; 1908, Париж — 2001, Россиньер, Франция), французский художник польского происхождения. Обращался ко всем традиционным жанрам европейской живописи, насыщая их тревожно-эротической атмосферой и фрейдистским подтекстом.

[7] Браунер Виктор (1903, Пьятра-Нимц, Румыния — 1966, Париж), румынский и французский живописец и график, сюрреалист.

[8] Заррага Анджело (1886–1946), мексиканский художник-неокубист.

[9] Герзо Гюнтер (1915–2000), мексиканский художник-абстракционист.

[10] Тамайо Руфино (1899, Оахака, Мексика — 1991, Мехико), мексиканский художник-неосимволист и автор монументальных произведений живописи.

[11] Коваруббиас Мигель (1904, Мехико — 1957, там же), мексиканский живописец и карикатурист.

[12] Каррингтон Леонора (1917, Англия — 2011, Мексика), английская и мексиканская художница-сюрреалистка и писательница.

[13] Мерида Карлос (1891–1984), гватемальский художник-монументалист, работал в Гватемале и Мексике.

[14] Ромеро Карлос (1896–1984), мексиканский художник-сюрреалист.

[15] Толедо Франциско (1940), мексиканский график.

[16] Лазо Агустин (1896, Мехико — 1971, там же), мексиканский художник, сценограф, дизайнер и драматург.

[17] Браво Мануэль (1902–2002), мексиканский фотограф. Браво Лола (1907–1993), мексиканский фотограф, жена Мануэля Браво.

Витражных дел мастер

Ксения Гамарник (Филадельфия, США)

> Витраж выглядит очень просто: материал — это сам свет. В церкви и в синагоге феномен одинаков: нечто мистическое проникает сквозь окна.
>
> *Марк Шагал*[1]

Марк Шагал был подлинным Художником. Он был живописцем и графиком. Как живописец, он расплескивал потоки, водовороты, волнующиеся моря красок, которые пели и звучали под его кистью. Как график, он работал в жанрах офорта, сухой иглы, акватинты, черно-белой и цветной литографии. Как художник театра, Шагал не только создал десятки эскизов декораций, занавесов и декоративных порталов, костюмов и масок, но и он собственными руками расписывал костюмы и гигантские многометровые занавесы-задники. Но и это еще не все. Словно человек эпохи Ренессанса, Шагал создавал керамику, витражи, скульптуры, мозаики и гобелены.

Техника витража идеально соответствует природе шагаловского творчества. Солнечные лучи, проникая сквозь густо-синие, рубиновые, изумрудно-зеленые и янтарные фрагменты стекла, заставляют образы Шагала сверкать и переливаться, наполняя их особой волшебной жизнью.

Витражи Шагала находятся на разных континентах, в разных странах, от США до Израиля и стран Европы. Они установлены в храмах и светских зданиях. Шагал создавал витражи для синагоги и христианских святилищ разных конфессий — католической, протестантской, англиканской... В витражных окнах художника находят воплощение светские сюжеты, а также сюжеты Торы и Библии. Многие образы переходят из витража в витраж, при этом художник каждый раз воплощает их по-новому.

Особенно часто появляется в шагаловских витражах лестница из сна Иакова, этот символический мост между миром земным и миром горним. В 28-й главе Книги Бытия (Первой книги Моисеевой) описывается, как

Иаков увидел во сне, что лестница стоит на земле, а верх ее касается неба, и ангелы восходят и нисходят по ней. И понял Иаков, что это врата небесные. Шагал, создавший графические иллюстрации к Библии, воспринимал тесную связь земли и небес как нечто органичное и непреложное. В витражах мастера связь эта никогда не прерывается — люди соединены с Всевышним, они обращаются к нему с хвалебными песнями и скорбными молитвами, а к ним то и дело спускаются Его посланники — ангелы. Любуясь работами Шагала, начинает казаться, что он сам напрямую был связан с небом. Недаром персонажи его картин то и дело парят в небесах.

В работах Шагала сливаются воедино не только земля и небеса, но и образы Ветхого и Нового Заветов. Помимо лестницы Иакова, один из самых часто повторяющихся в шагаловских витражах образов — это распятие. Исследователи считают, что образ распятого Христа был для Шагала в первую очередь не христианским символом, а символом страдания.

«Очевидно, что тема мученичества Христа для Шагала — мотив универсальный, который, возможно, в силу экуменической терпимости живописца становится в его символической системе знаком страдания Человека и человечества», — подчеркивает в своей статье исследователь Андрей Мухин[2].

«Хотя Библия не включала для него (Шагала. — *К. Г.*) *Новый Завет, начиная с 1910-х годов в его искусстве возникают образы распятого Христа. Христос становится у Шагала воплощением страданий еврейского народа, но также — детской чистоты, жертвенной любви и духовного подвига. Не случайно, отказавшись от революционных увлечений юности и переписав картину "Революция", Шагал заменит в ней Ленина на Христа, а в дальнейшем будет неоднократно отождествлять себя с Христом, "распятым на мольберте"»,* — пишет известный шагаловед Наталья Апчинская[3].

Интересно рассуждает о связи распятия и лестницы Иакова Аарон Розен: *«В богатом контекстами воображении Шагала лестница почти постоянно присутствует в образах распятия — но это не просто приспособление для спуска, это также лестница Иакова. Изменяя направление потока христианской типологии, в руках Шагала Новый Завет может предсказывать и предвидеть Ветхий. Как это делают ангелы во сне Иакова, по лестнице Шагала можно путешествовать в обоих направлениях»*[4].

Раз за разом обращался Шагал к образам пророков Ветхого Завета. В его витражах можно увидеть Моисея со скрижалями Завета; Иакова, борющегося с ангелом; Иеремию, оплакивающего гибель Иерусалима; Илию, возносящегося в небо на огненной колеснице.

В витражах нередко встречается также изображение Древа жизни, или Древа Иессеева, образы Адама и Евы — воплощение первых влюбленных на земле, и мудрого змия-искусителя.

В США витражами Шагала гордятся Нью-Йорк и Чикаго. Менее известной, в силу удаленности от популярных туристических маршрутов, серией шагаловских витражей можно полюбоваться в церкви селения Покантико-Хиллс в штате Нью-Йорк. Американские витражи Шагала имеет смысл рассматривать в контексте всех его витражных работ.

Первые витражи

Шагал пришел к освоению техники витража в возрасте семидесяти лет. Он был немолод, но полон творческих сил, ведь судьба щедро отвела ему почти целый век жизни. Впервые он испробовал свои силы в этом виде искусства во Франции, создав витражи для церкви Всемилостивой Богоматери на плато д'Асси (Eglise Notre-Dame-de-Toute-Grace du plateau d'Assy), которая строилась в 1937–1945 гг.

Доминиканский монах, отец Мари-Алан Кутюрье пригласил для оформления церкви, расположенной во французских Альпах, таких известных французских художников, как Анри Матисс, Пьер Боннар, Фернан Леже, Жорж Брак и ряд других. Отец Кутюрье решил также привлечь к сотрудничеству двух еврейских мастеров, Марка Шагала и Жака Липшица.

Вот как пишет о приглашении Липшица Розен: *«Когда отец Мари-Ален Кутюрье предложил Жаку Липшицу внести свой вклад в украшение новой церкви... художник был озадачен. Возможно, деликатно ответил скульптор, священник не знает, что он, Липшиц, еврей. Однако еврейская идентичность Липшица была центром эстетических и богословских усилий Кутюрье, считавшего, что лучшее современное искусство, независимо от религиозных взглядов художника, способно функционировать в сакральном христианском пространстве»*[5].

После нескольких лет работы Липшиц создал для украшения церкви скульптуру Святой Девы, которая была завершена в 1955 г. На постаменте скульптуры творец сделал надпись: *«Жак Липшиц, еврей, верный религии своих отцов, изваял эту Святую деву для поощрения жизни Духа, дарующего человеку взаимопонимание с ближними»*.

Вслед за Липшицем приглашение монаха принял и Шагал. В своей фундаментальной, почти 900-страничной книге Бенджамин Харшав написал о приглашении отца Кутюрье: *«Шагал заинтересовался, но колебался до 1957 года, когда он выполнил керамическое панно для баптистерия в д'Асси, изображающее переход через Красное море, а также витражные окна и мраморные барельефы. Над дверями он поместил надпись: "Во имя свободы всех религий"»*[6].

Таким образом, Шагал не только создал для баптистерия (крестильни) панно из керамических плиток, расположенное над купелью, и два

мраморных барельефа, но и два полукруглых витражных окна, посвященные таинству обряда крещения. Один из витражей изображает Ангела елея (святого масла). Видны лишь профиль ангела, два его крыла и рука, сжимающая кувшин с елеем — необходимым атрибутом обряда крещения. Ангел спускается с неба, а за ним вырисовывается силуэт дерева. Второй витраж запечатлел Ангела семисвечника. Он тоже слетает с неба, над его ладонью парит сфера, в которую вписан букет цветов, а волосы ангела переплетаются с пламенем свечей в семисвечнике. Внизу намечена волнистая полоса моря, из-за которого выглядывает край солнца. Сфера с букетом цветов тоже напоминает солнце, поэтому возникает ощущение, что солнце встает из моря навстречу солнечному кругу, сверкающему в руках ангела.

В своих первых витражных окнах Шагал почти не использовал цвет. Они выполнены почти как гризайль в серых тонах. Витраж с Ангелом елея тронут лишь несколькими мазками зеленого, голубого и красного. В витраже с Ангелом семисвечника использованы желтый и голубой акценты. Желтое пламя свечей семисвечника контрастирует с голубыми красками, которыми подчеркнуты лицо и рука Ангела. Это же цветовое сочетание повторяется в букете.

Витражи для церкви на плато д'Асси были выполнены по эскизам Шагала в парижской витражной мастерской Хебера-Стевенса и Бони (Atelier Hebert-Stevens, Bony). И хотя художник, говорят, остался не до конца удовлетворен результатом, к счастью, он не разочаровался в технике витража.

Собор Сент-Этьен

Впервые прикоснувшись к искусству витража в небольшой, затерянной в горах церкви на плато д'Асси, Шагал уже в следующем году начал работу над эскизами витражных окон для кафедрального собора Сент-Этьен (Saint-Étienne de Metz — это название переводят также как собор Святого Стефана) во французском городе Мец. Это был гораздо более ответственный заказ, ведь собор Сент-Этьен, строившийся в XIII–XVI вв., славится тем, что его стены украшает самое большое в мире количество витражей (их общая площадь составляет 6500 квадратных метров, или почти 70 000 квадратных футов). Недаром французы любовно прозвали этот собор «Фонарем доброго Господа» (la Lanterne du Bon Dieu). В XIV в. храм украсили своими произведениями витражных дел мастера Герман фон Мюнстер и Теобальд фон Ликсхейм, а в XVI в. — Валентин Буш.

В трех витражах для собора Сент-Этьен Шагал вольно соединил сюжеты Ветхого и Нового Заветов. Трехчастное стрельчатое окно для се-

верной апсиды собора венчает готическая роза — круглое окно, разделенное фигурными переплетами на отдельные элементы, напоминающие по форме цветы. На левой ало-синей панели окна Шагал изобразил Моисея, получающего скрижали Завета, а также исход евреев из Египта. На средней панели можно увидеть царя Давида, играющего на лире, — для него художник выбрал зеленые краски. Правая панель, где преобладают фиолетовые тона, зримо воплощающие скорбь и уныние, запечатлела пророка Иеремию, рыдающего на развалинах Иерусалима, и народ, уводимый в плен вавилонянами. В центральный пятилепестковый цветок окна-розы Шагал вписал лик Христа, причем изобразил его, как еврейского мудреца, с тфилином (филактерией) на лбу.

Шагал с перерывами работал над витражами для собора в Меце на протяжении целого десятилетия, в 1958–1960, 1962, 1963–1964 и 1968 гг. Собор украшают еще два больших витражных окна на библейские темы. В четырехчастном витраже, в котором преобладают желтые цвета, соседствуют образы распятого Христа, Богоматери с младенцем, а также картины сотворения Евы из ребра Адама, Евы со змием-искусителем в райском саду и изгнания Адама и Евы из рая.

Красотой цветового решения покоряет еще один четырехчастный витраж. Две внутренние панели, на одной из которых запечатлен Иаков, борющийся с ангелом, а на второй — спящий Иаков, которому снится лестница, соединяющая небо и землю, пылают пожаром красных тонов, кое-где вступающих в единоборство с синим и фиолетовым. Две крайние панели тонут в глубоких синих тонах. На левой панели можно увидеть Авраама, собирающегося принести в жертву Исаака, с небес к нему слетает алый ангел. На правой панели изображен Моисей, которому явилось видение Неопалимой купины.

Шагал также создал для собора Сент-Этьен несколько узких вертикальных витражей с минимальным использованием цвета, украшенных почти абстрактными растительными мотивами.

Марк Шагал и Шарль Марк

Мастером, который выполнил витражи для собора в Меце по эскизам Шагала, был Шарль Марк (Charles Marq). В 1949 г. Марк, изучавший философию и музыку, женился на Бриджит Симон, дочери Жака Симона, витражных дел мастера в десятом поколении. Свое первое витражное окно основатель династии Пьер Симон сделал в 1640 г. Столетиями витражная мастерская Симонов изготавливала и реставрировала витражи в Реймсе, неподалеку от знаменитого Реймсского собора. Бриджит Симон и Шарль Марк взяли на себя руководство ателье Жака Симона

(позднее известное также как ателье Симона—Марка), причем Бриджит стала первой в семье женщиной, освоившей искусство витража. Погрузившись с головой в дела мастерской, Марк обнаружил в себе необыкновенный талант витражных дел мастера.

«В 1957 году Шагал впервые приехал в Реймс. Когда он вошел в мастерскую, там внезапно стало светлее, чем было раньше, потому что он излучал свет, который излучает каждый подлинный художник, — вспоминал Марк. — *С тех пор Шагал никогда не переставал задумывать и создавать витражные окна»*[7]. Действительно, сотрудничество Шагала с Марком продолжалось на протяжении двадцати восьми лет, до самой кончины художника. Шагал относился к молодому витражных дел мастеру почти с отеческой нежностью.

Витражи Шагала начинались с эскизов, выполненных акварелью или гуашью. Сперва это был лишь ритм разноцветных пятен, иногда подчеркнутых наклеенными кусочками ткани (многие — с золотыми или серебряными нитями), фольги и цветной бумаги, привносившими в эскиз элементы коллажа. Последующие эскизы становились все более детальными, они выполнялись уже без аппликации из ткани и бумаги. На них начинали проявляться фигуры ангелов, людей, птиц и животных, солнце, луна и звезды. Финальный эскиз увеличивался фотографическим способом до реального размера окна и отправлялся в мастерскую.

В искусствоведческой литературе неоднократно упоминается о том, что Шагал не только готовил эскизы, но и сам расписывал свои витражные окна. Вот как написала об этом Светлана Кагарлицкая: *«Когда Шагал приезжал в Реймс* (в ателье Жака Симона. — *К. Г.*), *он не только делал роспись, но сам готовил поверхность стекла, способную тончайше фильтровать проникающий сквозь него свет. В прозрачности, в характере проницаемости света он искал соответствие своему духовному восприятию»*[8].

Каким же образом делались витражи? Это был сложный многоэтапный процесс. Для изготовления витражей использовалось выдувное стекло производства стекольной мастерской, основанной в 1826 г. в селении Сент-Жаст-сюр-Луар. Выдувное стекло окрашивалось путем добавления различных оксидов металлов в смесь песка, соды и извести таким образом, что цвет становился неотъемлемой частью стекла. Витражи Шагала созданы путем слияния двух слоев разноцветных стекол в расплавленном состоянии. За годы работы с Шагалом Шарль Марк накопил в мастерской Жака Симона библиотеку из более чем четырех тысяч оттенков цветного стекла, разработанных, чтобы соответствовать палитре Шагала.

Подробное описание процесса изготовления витражей предлагают в своей книге авторы МакКелден Смит и Лорейн Барстоу:

«При создании шагаловских витражей мастера ателье Жака Симона использовали технику химического травления, чтобы изменять цвета и контролировать проникновение света сквозь стекло. Этот процесс, требующий от мастера огромного опыта, начинается тогда, когда особо едкая кислота применяется на отдельных участках стекла. Глубина травления зависит от того, сколько времени кислота остается на стекле, прежде чем ее смывают водой. Благодаря этому деликатному и опасному процессу, получается более тонкий переход от темных тонов к светлым.

Когда резка и химическое травление были выполнены, фрагменты стекла собирались узкими временными свинцовыми перемычками и закреплялись в регулируемой металлической раме, встроенный в большое окно студии, что позволяло естественному свету освещать витраж.

В это время Шагал возвращался в ателье, чтобы завершить свою работу. Он расписывал поверхность стекла, используя гризайль. Эта краска — химический раствор на металлической основе — может варьироваться в цвете и тоне от полупрозрачного серого до глухого непроницаемого черного. Он работал широкими мазками, покрывая большие плоскости, или более деликатно, линиями или точками, для обозначения образной детали. Шагал применял гризайль как слой размытой краски на стекле для контроля проникновения света; затем он тер, протирал, промакивал и процарапывал гризайль, чтобы сквозь нее мог проникать свет... В заключение Шагал использовал средневековый метод работы серебряной краской, чтобы добавить цветовые акценты. Желтая серебряная краска — раствор нитрата серебра — наносится на стекло с помощью кистей и стекло обжигают в печи. В зависимости от температуры в печи, гамма цветов получается от бледно-желтого лимонного, богатого золотом янтарного и до глубокого оттенка жженой сиены. Финальный обжиг стекла в печи соединял воедино все элементы»[9].

После обжига фрагменты стекла снова собирались в панели, на этот раз с помощью постоянных широких свинцовых перемычек. Витраж был готов для установки.

Кроме витражей для церкви на плато д'Асси, все остальные шагаловские витражи были выполнены Шарлем Марком в мастерской Жака Симона. Преданный памяти Шагала, Марк продолжал работать над воплощением замыслов великого художника даже после его смерти.

Иерусалимские окна

В 1960 г. Шагал начал работу над серией витражей «Иерусалимские окна» для синагоги при медицинском центре «Хадасса», расположенном в предместье Иерусалима Эйн-Карем. Для этого Шагалу даже пришлось

временно отложить работу над витражами для собора в Меце. Квадратное помещение синагоги украсили двенадцать полукруглых витражных окон, по три окна на каждой стене. Каждое окно символизирует одного из двенадцати сыновей Иакова и произошедшие от них двенадцать колен Израилевых. В своих трудах Шагал вдохновлялся 49-й главой Книги Бытия, в которой описывается благословение умирающего Иакова своим сыновьям, а также благословением Моисея коленам Израилевым. Слова благословений украшают витражи.

Каждое окно серии выполнено в красной, синей, желтой или зеленой цветовой гамме с добавлением ярких вспышек других цветов. Два желтых витража соседствуют с синим, два красных — с зеленым, два синих — с желтым, и два зеленых — с синим. Следуя канонам иудаизма, Шагал не стал изображать людей. Вместо этого витражи представляют собой затейливое переплетение образов небесных светил, животных, рыб, птиц, растений и еврейских символов. Изображения людей заменили изображения кистей рук.

Когда «Иерусалимские окна» были готовы, они на протяжении полугода экспонировались в Париже, в особом павильоне, специально сооруженном для них во дворе Лувра, а затем еще полгода — в нью-йоркском Музее современного искусства (Museum of Modern Art — MoMA), и только после этого отправились в Израиль. Открытие синагоги состоялось 6 февраля 1962 г., и было приурочено к пятидесятилетию со дня открытия больницы «Хадасса». *«Это мой скромный дар еврейскому народу, который всегда мечтал о библейской любви, о дружбе и мире среди всех народов,* — сказал художник на церемонии в честь открытия синагоги. — *Все время, пока я работал, я чувствовал, что мои мать и отец смотрят из-за моего плеча, а за ними стояли евреи, миллионы евреев, исчезнувших недавно и тысячи лет тому назад»*[10].

Примечательно, что благодаря «Иерусалимским окнам» Шагал получил еще два приглашения сделать витражи. Одно приглашение пришло из США, второе — из Англии. Рассказ об этом впереди.

Работая над такими значительными проектами, как витражные окна для собора в Меце и синагоги в Иерусалиме, Шагал в 1962 г. не стал пренебрежительно отказываться от просьбы сделать один-единственный витраж для часовни Святого Причастия (Chapelle du Saint Sacrement) во французском городке Муссак, расположенном в департаменте Тарн-и-Гаронна на юге Франции. Теперь эта часовня известна тем, что там находится самый маленький витраж Шагала. Это всего лишь несколько кусочков стекла, на которых художник нарисовал кувшин с букетом цветов.

Окно мира

Вооруженный опытом создания витражей во Франции и Израиле, в 1963–1964 гг. Шагал работал над витражом для здания Генеральной Ассамблеи ООН, расположенного в Нью-Йорке. Огромное «Окно мира» (Peace Window) стало первым витражным окном, которое художник создал не для храма, а для светского учреждения, а также первым мемориальным витражом.

Шагал посвятил «Окно мира» памяти шведского дипломата Дага Хаммаршельда, занимавшего пост Генерального секретаря ООН с 1953 по 1961 г., и памяти его коллег. 18 сентября 1961 г. самолет, в котором Хаммаршельд летел с миссией мира в Конго, разбился на территории Северной Родезии (нынешней Замбии). Вместе с Хамаршельдом погибли еще пятнадцать человек.

«Окно мира» шириной около 4,6 м и высотой 3,6 м установлено в восточной части вестибюля для посетителей.

В темное ультрамариновое поле витража Шагал вписал лазурно-голубой круг — словно планета Земля плывет в синем небе. Можно предположить, что синий цвет, сотканный из бесчисленных оттенков индиго, сапфирного, василькового, бирюзового, лилового, символизировал для художника божественную гармонию. Фон большинства витражей художника именно синий. А вот что сказала про фон шагаловских витражей исследовательница Марина Бессонова: *«Удивительно горит не просто синее небо, горит синий космос — трагический, драматический космос, удивительно глубокий, поглощающий»*[11].

В просторное поле круга, занимающего почти всю левую половину витражного окна, кое-где вписаны фигуры людей (один из них летит на зеленой птице) и животных: львы с человечьими лицами, классические шагаловские библейские ослики и символ мудрости — змий. Внизу на краю круга художник изобразил фигуру женщины в красном платье, обнимающую дитя. Внутри круга царит гармония, обнаженные люди живут в ладу с животными. Все они будто парят в невесомости, совершая неторопливое круговращение.

В центре витража, на краю круга-земли, — рубиновая вспышка. Это розовый куст, усыпанный алыми розами, под сенью которого укрылся отрок, его обнаженное тело становится стволом куста. Из массы цветов склоняется ангельское лицо, награждая ребенка нежным поцелуем.

Ткань шагаловских произведений сплетена из множества воспоминаний, фантазий и ассоциаций, нередко мифологических или религиозных. На официальном сайте, посвященном «Окну мира», имеется указание, что художник работал над витражом, перечитывая строфы 1–6

главы 9-й Книги пророка Исайи[12]. Шестая строфа этой главы представляет собой одно из мессианских пророчеств Исайи о грядущем рождении Мессии. В ней говорится о том, что младенец родился нам, сын дан нам, владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира. Думается, допустимо предположение, что отрок под сенью куста, которого целует ангел, может символизировать чудесного младенца.

Густонаселенная правая сторона витража составляет контраст идиллии левой половины. Распятие возносится над стенами древнего города, над волнующимся людским морем. С небес слетает ангел, несущий людям скрижали с десятью заповедями. Самая крупная фигура, закутанная с ног до головы в багряное покрывало, коленопреклоненная, замерла в скорбной молитве. Покой и умиротворение левой части витража напоминают о том, что люди могли бы жить в мире. Динамичная композиция правой половины представляет собой извечное кипение человеческой жизни с ее радостями и бедами.

Музыкальные символы «Окна мира» рождают ассоциации с Девятой симфонией Бетховена, которая была любимым музыкальным произведением Дага Хаммаршельда.

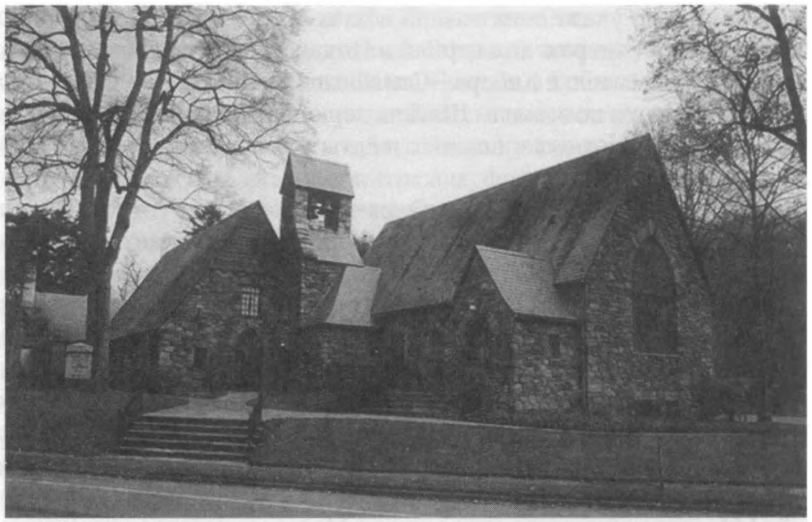
Открытие «Окна мира» состоялось в 1964 г., в третью годовщину со дня гибели дипломата. В 2001–2005 гг. была проведена реставрация шагаловского витража, и теперь его можно увидеть опять.

Покантико-Хиллс

Небольшая деревенская церковь в селении Покантико-Хиллс, расположенная неподалеку от города Тарритаун в долине реки Гудзон в штате Нью-Йорк, хранит подлинные сокровища: ее окна украшают витраж Анри Матисса и девять витражей Марка Шагала.

Нефтяной магнат Джон Рокфеллер (1839–1937) начал скупать земли рядом с деревушкой Покантико-Хиллс в начале 1890-х гг. В итоге в его владении оказалось свыше тысячи акров земли. Со временем он создал там поместье Кайкит с прекрасным парком, в центре которого он возвел особняк, более напоминавший дворец. Начиная с той поры члены семьи Рокфеллеров, когда они проводили время в загородном доме, регулярно посещали воскресные службы в Объединенной церкви Покантико-Хиллс (Union Church of Pocantico Hills), собравшей под своим крылом местные религиозные конфессии в пределах протестантизма.

Когда в 1921 г. прихожане Объединенной церкви решили, что пришло время возвести новое церковное здание, Джон Рокфеллер-младший, сын Джона Рокфеллера, сделал благотворительный взнос на строительство.



Церковь в Покантико-Хиллс, в которой находятся витражи М. Шагала

Скромный храм с остроконечной крышей построили в строгом неоготическом стиле, без архитектурных излишеств, из местного камня. Дневной свет проникает в церковь через десять окон. Алтарь располагается под круглым окном-розой, украшенным фигурным переплетом.

Жена Джона Рокфеллера-младшего Абби Алдрич Рокфеллер (1874–1948) вошла в историю искусства не как художник, а как основательница знаменитого нью-йоркского музея MoMA — музея современного искусства, открывшегося в 1929 г. Одним из ее самых любимых художников был французский живописец Анри Матисс (1869–1954). Когда Абби не стало, один из ее сыновей, Нельсон Рокфеллер, предложил в память о матери украсить окно-розу в Объединенной церкви витражом круглой формы, вписанным в существующие переплеты окна, его решено было заказать Анри Матиссу. Четыре брата и сестра Нельсона одобрили эту идею.

Незадолго до этого Матисс завершил одну из своих самых значительных работ — цикл витражей и росписей для доминиканской часовни Четок (Chapelle du Rosaire), известной также как часовня Матисса, в городе Вансе на юге Франции. Он посвятил этой работе четыре года. Одряхлевший, прикованный к постели 84-летний Матисс не сразу согласился взяться за эскизы витража для Рокфеллеров. Но в конце концов желание творить победило. Матисс завершил эскизы витража, а также выбрал цвета и тип стекла за два дня до своей кончины. Работа по созданию

витража велась по указаниям дочери Матисса. Все витражи по эскизам Матисса, включая витраж для церкви в Покантико-Хиллс, были выполнены в витражном ателье Хебера—Стивенса и Бони, том самом, которое изготовило витражи по эскизам Шагала церкви на плато д'Асси. Круглый абстрактный витраж-роза в нежных желтых, зеленых и голубых тонах был открыт в мае 1956 г.

В 1960 г. не стало Джона Рокфеллера-младшего. На этот раз не Нельсон, а другой его сын, Дэвид Рокфеллер, задумал установить в Объединенной церкви витраж в память об отце. Решено было украсить витражом огромное окно стрельчатой формы на стене, противоположной окну-розе. *«Мы шестеро думали, что витражное окно... помещенное напротив витража матери, соединит их снова, как они были соединены на протяжении долгой и счастливой совместной жизни»*, — написал Дэвид[13]. Однако, одобрив замысел Дэвида, братья и сестра Рокфеллеры долго не могли найти художника, которому они могли бы доверить это важное задание.

В июле 1961 г. Дэвид Рокфеллер, который как раз занял пост президента Чейз Манхэттен банка, вместе с женой Маргарет (родные называли ее Пегги) отправился в деловую поездку в Париж. В день накануне отъезда, пока Дэвид участвовал в переговорах, Маргарет решила посетить Лувр. В то время в Лувре можно было увидеть экспозицию, на которой были представлены двенадцать витражей Шагала, сделанные для синагоги медицинского центра «Хадасса». Увидев «Иерусалимские окна», Маргарет Рокфеллер пришла в восторг. Вечером она сообщила мужу, что нашла художника, который сделает витраж в память о его отце. На следующее утро, перед отъездом в аэропорт, Дэвид побывал в Лувре и согласился с женой — лучше Марка Шагала им художника не найти. Но необходимо было еще убедить в этом остальных наследников Джона-младшего, которые опасались, что яркая манера Шагала вступит в противоречие со строгим внутренним убранством Объединенной церкви и светлыми красками витража Матисса. К счастью, осенью 1962 г., по завершении выставки в Лувре, «Иерусалимские окна» экспонировались в том самом музее МоМА, который помогла основать Абби Алдрич Рокфеллер, что позволило ее детям увидеть витражи и согласиться с Дэвидом, что Шагал сумеет сделать прекрасную работу. Так, благодаря «Иерусалимским окнам» Шагал был приглашен сделать витражи для церкви в Покантико-Хиллс.

Марк Шагал с радостью откликнулся на просьбу семьи. Рокфеллеры и прихожане Объединенной церкви составили список из десяти библейских тем и передали его местному священнику, который выбрал притчу о добром самаритянине, упоминающуюся в Евангелии от Луки, полагая, что именно эта библейская притча как нельзя лучше воплощает земной путь Джона Рокфеллера-младшего и его широкую благотворительность.

В мае 1963 г. Шагал побывал в Покантико-Хиллс и ознакомил церковную общину со своими эскизами. Готовый витраж «Добрый самаритянин», выполненный в ателье Жака Симона в Реймсе (Франция), прибыл осенью 1964 г. на борту судна «Вашингтон» вместе с «Окном мира» для ООН, созданном в память о Даге Хаммаршельде[14].

Как на многих шагаловских витражах, фон «Доброго самаритянина» выполнен в различных оттенках глубокого синего. Отдельные цветовые блоки — красные, оранжевые, желтые, зеленые — акцентируют изображения людей. Две самые крупные фигуры — самаритянин и человек, которому он оказал помощь, — отмечены фрагментами алого и лимонно-желтого. Почти в самом центре витража — круг, луна или солнце. Рядом с ним белый библейский ослик, на котором добрый самаритянин везет пострадавшего в гостиницу. От головы ослика, повторяя и продолжая круговращение небесного тела, возносится красная арка, соединяющая самаритянина и его подопечного с подножием распятия, выделенного ярким оранжевым цветом. Вокруг Христа трепещут крыльями синие ангелы и фантастическое существо с головой птицы и телом животного. Пик стрельчатого окна над головой Христа венчает изображение лестницы Иакова.

Витраж населяют человеческие фигуры поменьше и даже просто профили людей. Кто они? Вот как написал о своем витраже «Добрый самаритянин» сам Шагал 27 апреля 1965 г. специально для прихожан Объединенной церкви: *«В каждом произведении искусства, особенно если оно предназначено для храма, всегда должна присутствовать большая доля тайны. Если этого не происходит, то это не произведение искусства, и работа не будет иметь силы растрогать. Я несколько раз перечитал сказание про доброго самаритянина и проникся им... Я полагаю, что каждый человек хранит в своем сознании глубокое понимание этого сюжета, и ощутит его созвучие перед витражом. Я не добавил в эту работу никаких деталей, которые бы не соответствовали, внутренне и мистически, сути этой притчи. Я верю, что любое специальное и детальное объяснение содержания произведения искусства самим художником уменьшает его ценность. Каждый должен и способен осознавать, что он ощущает в душе, часто в унисон с религиозными чувствами, которые он испытывает»*[15].

А вот что написал о витражах Шагала и Матисса Стивен Рокфеллер, сын Нельсона Рокфеллера: *«Окно Матисса — абстрактного дизайна, пробуждающего чувство умиротворенности и гармонии. Оно приглашает к молитве и раздумьям. Оно расположено перед паствой во время церковной службы. Когда прихожане покидают церковь, они обращают лица и проходят мимо витража "Добрый самаритянин", который призывает к этическим действиям в мире — действиям, продиктованным*

духом любви и милосердия. Один витраж приглашает к размышлениям, другой напоминает нам, что размышления — это приготовление к любви действенной»[16].

Две боковые стены Объединенной церкви украшают восемь небольших окон, по четыре окна с каждой стороны. Покоренные талантом мастера, Рокфеллеры решили украсить все оставшиеся окна витражами работы Шагала. Художник выполнил семь витражных окон на темы Ветхого Завета, восьмой витраж воссоздает сюжет Нового Завета. Этот витраж — особый. Он был призван увековечить память 23-летнего Майкла Рокфеллера, сына Нельсона Рокфеллера. Майкл погиб в 1961 г., совершая антропологическую экспедицию по Новой Гвинее.

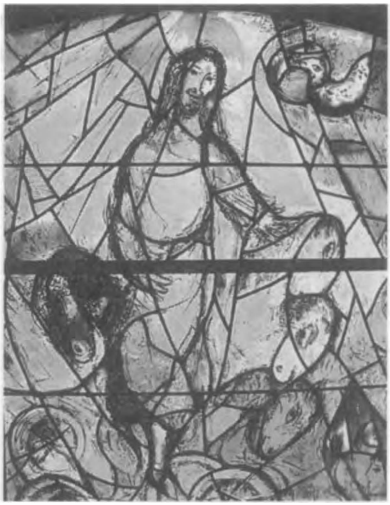
Прихожане и посетители попадают в церковь, представляющую собой в плане прямоугольник, через боковую дверь. Первое, что они видят, — это витраж «Распятие» (другое название «Ищите и обрящете», слова из Евангелия от Матфея), созданный в память о Майкле. Основной цвет композиции — синий, но не скучный ровный синий, а, как всегда у Шагала, синий живой, переливающийся, складывающийся из различных оттенков, от нежных светло-голубых до самых глубоких синих тонов. В синий органично вплетаются блоки фиолетового и зеленого. И лишь лучи за спиной Христа обозначены победным желтым. Солнечные лучи, особенно четко прочерченные благодаря свинцовым перемычкам витража, исходят из верхнего левого угла композиции, по диагонали, соединяя Христа и коленопреклоненного человека. Человек этот не замер неподвижно в молчаливой молитве, видно, что он пытливо обращается к Христу — уста его раскрыты, он жестикулирует. К молящемуся слетает ангел, словно пытаясь охранить его. В правом верхнем углу Шагал изобразил группу людей, наблюдающих за молельщиком. Может быть, это его родные, с любовью следящие за ним с небес.

Остальные витражи посвящены ветхозаветным пророкам и ангелу, и в каждой композиции доминирует изображение фигуры главного персонажа, по имени которого назван витраж.

Одно из витражных окон посвящено пророку Иоилю, предсказавшему приход Судного дня. Витраж, на котором Иоиль изображен коленопреклоненным, выполнен по преимуществу в зеленой гамме. И лишь в левом нижнем углу переливы травянистых и малахитово-зеленых красок уступают место желто-коричневым тонам. Здесь художник изобразил женскую фигуру с младенцем в руках. В своем пророчестве Иоиль описывает нашествие саранчи как наказание людям, посланное свыше. Коричневые тона напоминают о мертвых полях, урожай на которых истреблен саранчой. Темно-зеленые одежды пророка и его черная борода становятся обрамлением его лица, словно подсвеченного лимонно-желтым солнечным

светом. Левый верхний угол обозначен расходящимися кругами — это лучи весеннего зеленого солнца, благодаря которым поля вновь возрождаются к жизни и начинают зеленеть. Над головой пророка парят две ладони — руки Всевышнего, символизирующие духовное спасение.

В 1981 г. витраж «Иоиль» был официально посвящен памяти Нельсона Рокфеллера (1908–1979). Его украсила табличка с изречением «Стучитесь и вам откроется», тоже из Евангелия от Матфея, соединив его с витражом «Распятие» («Ищите и обрящете»). Таким образом, витражи «Добрый самаритянин», «Распятие» и «Иоиль», посвященные Джону Рокфеллеру-младшему, Нельсону Рокфеллеру и Майклу Рокфеллеру, символически воссоединили на земле отца, сына и внука.



М. Шагал. Пророк Илия. Витраж в церкви в Покантико-Хиллс

Витражное окно «Илия» изображает ключевой момент в истории пророка — его вознесение на небо. В Библии говорится, что вдруг явилась колесница огненная и кони огненные и понесся Илия в вихре на Небо. Там же упоминается, что Илия оставил пророку Елисею свое верхнее одеяние, сбросив его с огненной колесницы. Вместо красно-оранжевых оттенков, традиционно ассоциирующихся с пламенем, Шагал выбрал для этой композиции желтые тона с небольшими вкраплениями коричневого. Илия поднимается вверх, окруженный конскими головами. Он словно тонет в бесконечных потоках солнечного света, льющегося сверху. Внизу Шагал изобразил профиль и руку пророка Елисея — он машет Илие на прощанье рукой.

Витраж «Даниил» также выполнен в желто-коричневой гамме. Однако здесь она гораздо более приглушенная и сдержанная, чем в витраже «Илия». Художник изобразил Даниила в тот момент, когда он возносится вверх, чтобы получить весть от Архангела Гавриила. Руки Даниила раскинуты в стороны, фигура взлетает вверх по диагонали. Если за спиной Даниила фон выполнен в землистых тонах, то возносится он навстречу бледно-желтому свету.

Цветовая палитра витражного окна «Исаия» напоминает палитру «Даниила». Здесь тоже много желтых и коричневых тонов, но со значи-

тельным добавлением синих, сизо-серых и зеленых — травянистого и изумрудного оттенков. Впрочем, гамма «Исаии» бледнее, желтый и коричневый размыты, почти бесцветны. Пророк изображен в тот момент, когда ангел, взявший горящий уголь с небесного жертвенника, коснулся им уст Исаии. Ангел парит над головой Исаии, одна рука простерта, другая приложена к устам пророка. Так Исаия был призван к пророческому служению и отправился возвещать людям волю свыше.

Пророку Иеремии приписывается авторство книги «Плач Иеремии» — сборника плачевных песен над развалинами Иерусалима. Эта книга читается в синагогах в девятый день месяца ава. Девятое ава отмечается как день траура — именно в этот день были разрушены Первый и Второй иерусалимские храмы. Поэтому Шагал изобразил Иеремию погруженным в глубокую скорбь. Голова его опущена, руки скрещены. Витраж отличает удивительно красивое сочетание цветов — фиолетового, зеленого, желтого и немного голубого, но тона по преимуществу темные, соответствующие горестному настроению Иеремии. Лицо пророка изумрудно-зеленое, лишь его одеяние высвечено желтым. Над его головой видны тусклые солнце и звезды. Витраж «Иеремия» размещен напротив витража «Илия», тем самым особенно усиливается контраст между мрачностью первого и ликующим настроением и праздничной гаммой второго.

М. Шагал. Херувим. Витраж в церкви в Покантико-Хиллс

Аналогичное цветовое сочетание встречается в витраже «Херувим» («Ангел»). Фон витража по преимуществу фиолетовый, одеяние и крылья ангела расцвечены желтым и зеленым, небольшие акценты подчеркнуты синим или голубым. Изначально предполагалось, что витраж должен проиллюстрировать пассаж из Ветхого Завета, согласно которому Всевышний, изгнавший из рая Адама и Еву, поставил у сада Эдемского Херувима с пламенным мечом, чтобы охранять путь к Древу Жизни. Однако Шагал решил композицию совершенно по-своему. Вместо устрашающего Херувима с огненным мечом, охраняющего подступы к Древу Жизни, художник изобразил Ангела милосердного. Его изображение занимает почти все пространство окна, крылья широко

раскрыты. Перед Ангелом простерлась на земле фигура. Человек с надеждой приподнимает голову. Ангел взирает на него с добротой и сочувствием. По правому краю витража вверх устремляется зеленый побег — ветвь Древа Жизни. В нее органично вплетаются маленькие фигурки прародителей человечества Адама и Евы и изображение распятия. Шагал словно обещает, что Всевышний снова допустит человека после смерти в рай.

И наконец, сине-сизый витраж «Иезекииль» изображает коленопреклоненного Иезекииля в тот момент, когда Ангел протягивает ему книжный свиток. Изогнутая перевернутая фигура парящего над головой Иезекииля Ангела создает впечатление арки. Художник написал одеяние и лицо Иезекииля глубоким ультрамарином. Ангел и пророк заключены в особое, объединяющее их поле волшебного голубого цвета, а пространству вокруг этого поля художник придал свинцовый оттенок хмурого осеннего неба. Общая холодная гамма окна скупо подсвечена золотыми и желтыми бликами.

М. Шагал. Пророк Изекиел. Витраж в церкви в Покантико-Хиллс

В 1997 г. витраж «Иезекииль» был посвящен памяти Маргарет Рокфеллер (1915–1996), жены Дэвида Рокфеллера, которой принадлежала идея пригласить Шагала для оформления витражей в Объединенной церкви Покантико-Хиллс.

Со временем Дэвид Рокфеллер приобрел все многочисленные эскизы, которые выполнил Шагал, работая над серией витражей для церкви в Покантико-Хиллс, и передал их в дар нью-йоркскому Рокфеллер-университету, основанному Джоном Рокфеллером в 1901 г.

Только в 1980-е гг., уже после смерти Шагала, Дэвид Рокфеллер узнал, что создание витражей для семьи Рокфеллеров было для прославленного мастера делом более личным, нежели просто очередная работа на заказ. В начале 1940-х гг. в США действовал комитет Спасения, члены которого помогали спасти европейских интеллектуалов и художников от преследований нацистского режима. Комитет финансировался из средств Рокфеллеровского фонда, активное участие в его организационных делах принимала Абби Алдрич Рокфеллер. Одним из последних

художников, которым с помощью комитета Спасения удалось бежать из Франции в США, был Марк Шагал.

В настоящее время Объединенная церковь Покантико-Хиллс открыта для посетителей с апреля по декабрь. На протяжении этих месяцев витражи Шагала можно увидеть и в будние, и в выходные дни.

Согласие художника сделать единственный витраж «Добрый самаритянин» для церкви в Покантико-Хиллс привело к тому, что позднее Шагал создал витражи для остальных окон храма. Впоследствии эта история повторилась в двух других храмах, в церкви Всех святых в Англии и в замковой часовне Шапель-дю-Сайан во Франции.

В память о Саре

После создания мемориальных витражей в США Шагалу довелось работать над еще одним мемориальным витражом. История его такова. В 1961 г. 18-летняя англичанка Сара д'Авигдор Голдсмид вместе с матерью леди Розмари, так же как и супруги Рокфеллеры, побывала в Лувре на выставке витражей Шагала для синагоги при больнице «Хадасса». Сара, старшая дочь сэра Генри д'Авигдора Голдсмида, второго баронета, британского политика и офицера британской армии, принимавшего участие во Второй мировой войне, была потрясена «Иерусалимскими окнами» и долгое время находилась под впечатлением от экспозиции, рассказывая о ней своим родным и близким.

Поэтому, когда два с половиной года спустя Сара трагически погибла (она утонула в море вместе с двумя друзьями, катаясь на лодке), ее безутешные родители (сэр Генри исповедовал иудаизм, леди Розмари придерживалась англиканского вероисповедания) решили, что только витраж Шагала, установленный в англиканской церкви Всех святых (All Saints Church) в деревушке Тудли, что в графстве Кент, сможет достойно увековечить память Сары. Древняя церковь Всех Святых, построенная в XII–XIII вв., расположена неподалеку от имения, принадлежавшего трем поколениям семьи Голдсмид. Сара с сестрой и матерью регулярно посещали службы в этой церкви.

Витраж, в работе над которым художник вдохновлялся строками 8-го Псалма царя Давида, был готов в 1967 г. Витраж установлен в большом полукруглом окне, под которым находится алтарь. В витраже доминирует синий цвет. Внизу две фигуры — скорбная фигура справа оплакивает гибель Сары. Слева женщина с двумя маленькими детьми на руках — символическое изображение леди Розмари с двумя дочерями. В нижней половине витража Шагал изобразил волнующееся синее море, поглощающее взрослую Сару. Над морем возвышается распятие.

Раскинутые руки Сары повторяют раскинутые руки Христа, прикованного к кресту. Нижняя и верхняя части витража соединены мистической лестницей Иакова. На лестнице Шагал еще раз изобразил Сару — в потоках золотого света она поднимается на небо. Рядом с Христом ангел с золотыми крыльями готовится встретить душу девушки. Витраж воплощает переход от трагедии и скорби к радости божественной любви и вечной жизни духа.

Шагал не посещал церковь Всех святых перед началом работы, пользуясь лишь размерами оконного проема. Он приехал только на открытие витража. Когда он вошел в церковь, то увидел, что там, кроме центрального витражного окна его работы, еще одиннадцать окон. В четырех окнах были незатейливые витражи викторианской эпохи, остальные семь были застеклены обычным стеклом. Как рассказывает координатор церкви Патриция Данкин-Уэдд: *«Это великолепно,* — с энтузиазмом воскликнул Шагал. — *Я сделаю витражи для всех окон!»*[17]. Таким образом, на протяжении последующих лет Шагал возвращался к работе над окнами для церкви Всех святых, создавая все новые витражи. Наконец, в 1985 г. в Королевской академии художеств в Лондоне прошла выставка Шагала, на которой, в том числе, были представлены четыре последних витража для церкви в Тудли. После выставки четыре витража викторианской эпохи были бережно извлечены из оконных проемов, перенесены в притвор и освещены искусственной подсветкой, а их место заняли шагаловские витражи. Незадолго до смерти Шагал узнал, что наконец все окна церкви в Тудли украшают его витражи. На них можно увидеть Адама и Еву, ангелов, луну и солнце, ветви деревьев, библейских осликов, птиц и рыб.

Теперь в Тудли гордятся тем, что там расположена единственная в мире церковь, в окнах которой все витражи — работы Шагала. Несогласные указывают на то, что и в Иерусалиме, и во французской часовне Шапель-дю-Сайан все витражи тоже сделаны Шагалом. На это поклонники церкви в Тудли отвечают, что в Иерусалиме шагаловские витражи установлены в синагоге, а Шапель-дю-Сайан — не церковь, а часовня.

Фраумюнстер и «Библейское послание»

На исходе 1960-х гг. Шагала пригласили сделать витражи для древней церкви Фраумюнстер (Fraumünster — церкви Богоматери) в Цюрихе. (Первая церковь была возведена на этих землях еще в IX в. С тех пор на протяжении свыше полутысячи лет церковь была центром аббатства, расформированного в XVI в.) Несмотря на то что мастер уже переступил порог восьмидесятилетия, он дал свое согласие. Таким образом, в 1970 г.

в церкви были установлены пять узких витражных окон шириной всего один метр, высотой свыше девяти метров (кроме центрального витража, высота которого превышает одиннадцать метров, ширина около полутора метров).

На восточной стене хоров во всей красе предстают три витражных окна, самое высокое — в центре. Центральный витраж, выполненный в жизнеутверждающей зеленой гамме, с вкраплениями красного, желтого и синего, венчает распятие. Креста почти не видно, поэтому кажется, что Христос, раскинув руки, парит над полным пышной зелени миром. В нижней половине витража доминируют фигуры Богоматери с младенцем, которые словно вырастают из Древа Иессеева.

Синий витраж, расположенный слева, запечатлел внизу Иакова, борющегося с ангелом, а над ними — чудесный сон Иакова, где ему видится лестница, по которой ангелы взбираются на небо.

В солнечно-желтую гамму правого витража «Сион» вплетаются красные, зеленые и голубые всплески цвета. Освещенный солнцем и луной Ангел трубит в трубу, возвещая приход Вечности, а в это время с небес нисходит Новый Иерусалим. Внизу изображены царь Давид и его возлюбленная Вирсавия (в Торе — Батшеба), мать царя Соломона.

Еще два витража установлены в боковых окнах. Слева, на северной стене, оранжево-алый витраж «Пророки». Пророк Елисей глядит вслед возносящемуся ввысь на огненной колеснице пророку Илие. Над ними Шагал изобразил Иеремию, оплакивающего гибель Иерусалима. А венчает композицию символическое изображение самого Создателя, воссылающего своим пророкам лучи божественного света.

С правой стороны, на южной стене, можно полюбоваться еще одним синим витражом «Скрижали Завета». На самом верху, в «небе» витража, изображен Моисей, держащий каменные скрижали с Десятью заповедями. Под ним несется всадник, как предвестие бед, грозящих людям. В синее пространство витража, словно языки пламени, вплетаются фрагменты красного цвета. Здесь же завиток — образ мудрого змия.

7 июля 1973 г., в день, когда Марку Шагалу исполнилось 86 лет, при содействии министра культуры Андре Мальро в Ницце открылся Национальный музей библейского послания Марка Шагала. Основную экспозицию музея составляют семнадцать полотен мастера, навеянных сюжетами Ветхого Завета: двенадцать композиций в сине-зеленых тонах, созданных по мотивам Книги Бытия и Исхода, и пять картин в красной гамме — вариации «Песни Песней» царя Соломона. Помимо этого, в музее собрана большая коллекция полотен и рисунков мастера, есть также гобелены и скульптуры, в саду можно полюбоваться его мозаикой. Художник сам давал указания архитекторам по поводу проектирования

здания и сада, а также распорядился, как развесить картины. Для концертного зала на 250 мест, действующего при музее, Шагал создал серию из трех витражей под названием «Сотворение мира» и расписал рояль. По традиции, художник избрал в качестве фона витражей волнующийся и переливающийся разными оттенками синий цвет.

В правом верхнем углу центрального витража на лазурном фоне вспыхивает сверхновая звезда, вероятно, символизирующая рождение нового мира. Ее лучи освещают птиц, рыб, козу, а также обнявшихся Адама и Еву, у ног которых извивается змий. Даже когда не звучит музыка, посетители рассаживаются в концертном зале, чтобы полюбоваться льющимися от витражных окон потоками волшебного синего света.

Реймсский собор

Как уже упоминалось выше, в 1957 г. началось сотрудничество Марка Шагала и мастера-витражиста Шарля Марка, владельца ателье Жака Симона в Реймсе. С тех пор художник неоднократно бывал в этом городе, где работал над росписью своих витражей. Поэтому, когда в ноябре 1968 г. Комитет строителей Шампань-Арденн, объединявший в своих рядах архитекторов и владельцев строительных компаний региона, пригласил Шагала сделать витражи для средневекового Реймсского собора (Cathédrale Notre-Dame de Reims), легендарного места коронации французских монархов, художник охотно принял приглашение. На осуществление этого замысла ушло шесть лет.

Для Реймсского собора Шагал создал витражи, которые украсили три двойных окна десятиметровой высоты, каждое из которых увенчано небольшим окном-розой. В реймсских витражах переплелись не только сюжеты Ветхого и Нового Заветов, но и история Франции.

Витраж слева изображает Древо Иессеево, связанное с генеалогией Богоматери, патронессы собора. Ветвь Древа дает символическое рождение царям Иудеи — Саулу, Давиду и Соломону. Витраж по преимуществу сине-голубой, со скупым использованием серого, зеленого и коричневого.

Правая половина центрального окна повествует о распятии и вознесении Христа и о жизни Авраама. В левой половине вновь изображена лестница Иакова, по которой поднимается ангел. Если правая часть витража решена в сине-голубых тонах, то синие тона левой половины взрывают три кроваво-красных пятна, словно на стекле расцветают алые розы.

Многоцветный витраж справа посвящен истории Франции. Зрительным центром композиции становится король, сидящий на троне под

балдахином. Здесь же излюбленная героиня Франции Жанна д'Арк со знаменем.

Открытие витражей Шагала в Реймсском соборе состоялось 14 июня 1974 г.

Сарбур

В историческом центре французского города Сарбур (Sarrebourg) сохранилась до наших дней францисканская часовня де Кордельер (La Chapelle des Cordeliers), построенная в XIII в. В былые времена она была частью монастыря. В 1970 г. разрушающиеся от времени монастырские строения были снесены, оставили лишь эту небольшую часовню. Пьер Мессмер, бывший премьер-министр Франции и тогдашний мэр Сарбура, предложил закрыть зияющий проем, образовавшийся на месте западной стены часовни, не скучной глухой стеной, а витражом работы Шагала. Два года Марк Шагал и Шарль Марк работали над гигантским полукруглым витражом «Мир» (другое название — «Древо жизни»). Высота витража 12 метров, ширина 7,5 метров. Вес витража, состоящего из 13 000 фрагментов стекла, составляет 900 кг. Витраж был открыт в 1976 г. Название витража «Мир» словно соединяет его невидимыми нитями с нью-йоркским «Окном мира» в здании ООН.

Основные цвета витража — синий, красный и зеленый, с добавлением акцентов желтого. Центром композиции является Древо жизни, которое мастер изобразил в виде громадного букета. На синем фоне среди алых цветов и зеленых листьев слились в объятии прародители человечества Адам и Ева. Вокруг Древа изображены библейские сюжеты, в том числе неизменные лестница Иакова и распятие.

Четыре небольших стрельчатых окна часовни также украшены витражами Шагала. Они выполнены в сдержанной гамме и по большей части изображают растительные мотивы.

В Сарбуре можно найти еще одну перекличку с шагаловским витражом в Нью-Йорке. В городе работает музей Мира, соединенный с часовней де Кордельер туристическим «маршрутом Шагала». Помимо экспозиции, посвященной истории города, в музее можно увидеть гобелен «Мир», который создала в 1994 г. художница по текстилю Иветт Кокиль-Принц на основе эскиза Шагала для витража ООН. Ширина гобелена 6,4 метра, высота 4,7 метра. В музее также представлены подготовительные рисунки шагаловских витражей для Сарбура, Метца, Реймса и Нью-Йорка.

Шагал в Чикаго. «Окна Америки»

15 мая 1977 г. в Чикаго состоялась церемония открытия серии витражей Марка Шагала «Окна Америки», или, как их еще называют, «Окон Шагала». С этим городом художника связывала давняя дружба. Так, с 16 ноября 1946 г. по 12 января 1947 г. в Чикагском институте искусств проходила выставка живописи и графики Шагала. В 1958 г. Шагал снова приезжал в Чикаго, чтобы прочитать лекцию в Чикагском университете.

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. в Чикаго наблюдался всплеск общественного интереса к современному искусству. На городских площадях были установлены скульптуры работы выдающихся мастеров современности. Тогда же родилась идея заказать Шагалу монументальную мозаику. Идея принадлежала чикагским филантропам, супругам Элеоноре и Вильяму Вуд Принс. Мозаика, открытая 27 сентября 1974 г., стала даром городу от благотворительного фонда Принсов в память о Фредерике Принсе, приемном отце Вильяма Вуда Принса. На открытии мозаики мастера приветствовал любимый горожанами Ричард Джозеф Дэйли, который занимал пост мэра города свыше двадцати лет.

Мозаика «Четыре времени года» украшает стороны огромного бетонного прямоугольника, установленного в деловом центре города. Длина прямоугольника 21 метр, ширина 3 метра, высота 4,3 метра. Общая площадь мозаики около 270 квадратных метров. Разноцветными мозаичными плитками (свыше 250 цветов) покрыты даже торцы и верхняя поверхность прямоугольника. Мозаика представляет собой сплав излюбленных образов художника — пара влюбленных, библейские ослики, птицы и рыбы, цветы и деревья, в облаках парят люди. Знакомые образы художник соединил с городскими ландшафтами Чикаго. Стороны прямоугольника украшают несколько огромных солнц, напоминающих то цветок с разноцветными лепестками, то колесо с разноцветными спицами. Колесо это будто катится вокруг мозаики, переходя из одного времени года в другое. Для художника времена года символизировали этапы человеческой жизни.

Шагал приехал в Чикаго за несколько недель до открытия мозаики, чтобы лично пронаблюдать за воплощением своего замысла. В свой приезд художник узнал о том, что Чикагский институт искусств планирует расширить свое здание и один из залов будет посвящен его творчеству. Шагал был так растроган, что предложил сделать для Института искусств серию витражей. Он решил приурочить создание витражей к 200-летию со дня обретения Америкой независимости. А когда в 1976 г. не стало мэра Ричарда Джозефа Дэйли, Шагал посвятил витражи его памяти.

М. Шагал. Витраж в Институте искусств в Чикаго

«Окна Америки» — это три двойных витражных окна. Каждое окно состоит из двух больших панелей, а каждая панель, в свою очередь, из шести квадратных и прямоугольных панелей поменьше. Высота каждого двойного витража 8 футов (2,5 м), ширина 10 футов (3 м). В качестве основного цвета — фона каждой композиции Шагал избрал свой излюбленный, переливающийся разными оттенками синий, цвет гармонии и умиротворения. Густые синие пятна чередуются со светло-лазурными.

Центральный двойной витраж посвящен Америке. Внизу раскинулась панорама большого города с многоэтажными домами. Жители Чикаго узнают свой родной город, но в городской пейзаж художник также вписал классический американский символ — статую Свободы, которая находится в Нью-Йорке. Город освещают солнце и луна, в небе парят розовая птица и книга.

Двухчастное окно слева отдано во власть музыке, которую так любил художник. Желтый музыкант играет на трубе. Здесь же изображены ноты, большая скрипка и человек, который задумчиво глядит на скрипку поменьше. На синем фоне неожиданно вспыхивают акценты — рубиновые, желтые, зеленые.

В двухчастном окне справа живут театр и танец. В небе у оранжево-зеленого солнца летают и танцуют люди. С левой стороны человеческая фигура. Мастер решил ее необычно: зрители видят только ноги и руку,

которая держит театральную полумаску, лицо актера скрыто за краем витража. Художник словно намекает на то, что на сцене личность актера исчезает, остается только его роль. Океан синего цвета разнообразят вспышки желтого, оранжевого и зеленого.

Благодаря сочетанию синего и ярких цветовых акцентов витражей создается музыкальный ритм, и начинает казаться, что изображения плывут в волнах музыки. Панорама большого города выплескивается из центрального витражного окна, захватывая и левый, и правый витражи. С помощью «Окон Америки» Шагал отдавал дань стране, в которой он нашел убежище в годы Второй мировой войны. «Окна Америки» стали последним американским витражным проектом Шагала.

С 1977 по 2005 г. витражи Шагала увидели 38 миллионов человек. В 2005 г. витражи были отправлены на реставрацию. Начиная с ноября 2010 г., витражи Шагала в Чикагском институте искусств можно увидеть снова.

Майнц и Чичестер

В немецком городе Майнц, в католической церкви Св. Стефана (Sankt Stephan Kirche) XIV в., можно увидеть единственные витражи Шагала, которые он согласился сделать для Германии. Инициатором приглашения художника стал монсеньор Клаус Майер. Он стал священником в 1965 г., когда наспех отремонтированная церковь еще носила явственные следы разрушений, оставшихся со времен Второй мировой войны. Только в начале 1970-х гг. началась серьезная реставрация. Джон Шмид написал о приглашении Шагала в своей статье для газеты *Нью-Йорк Таймс*: *«Решение сделать витражи далось очень трудно»*, — рассказывает Клаус Майер, приходской священник церкви св. Стефана, который впервые обратился к Шагалу весной 1973 г. Майер говорит, что потребовалось более трех лет переписки и уговоров, чтобы убедить Шагала. *«После войны он не хотел иметь с Германией ничего общего,* — объяснил Майер. — *Я должен был то и дело напоминать ему, насколько это важно». Но* когда Шагал изменил свое мнение, его уже было не остановить. *«Поначалу мы не знали, что он сделает так много витражей»*, — говорит Майер[18].

Шагал начал работать над эскизами витражей для трех центральных окон восточного хора в 1976 г. в возрасте почти девяноста лет. Первый витраж был установлен в 1978 г. До своей смерти в 1985 г. Шагал успел создать еще восемь ключевых витражей. На пронзительно синем фоне можно снова увидеть библейские образы — Адама и Еву со змием, Моисея со скрижалями Завета, Авраама, беседующего с тремя ангелами, жертвоприношение Исаака, спящего Иакова и привидевшуюся ему лест-

ницу, Богоматерь с младенцем и распятие. И повсюду ангелы трепещут своими крылами, летают в разных направлениях или вступают в общение с людьми. По обыкновению здесь встречаются птицы и библейские ослики. Витражи переливаются яркими красками.

Удивительно, но, приближаясь к своему столетию, мастер создал серию произведений, в которых нашло отражение не творческое угасание, а мощный праздничный всплеск его таланта. Несомненно, Шагалу придавало силы желание еще раз воплотить в искусстве его неизменное послание о том, как важно человечеству жить в мире и гармонии. *«Только мистик мог создать эти окна»*, — цитирует Шмидт монсеньора Майера[19].

Всего в церкви Св. Стефана 28 оконных порталов разного размера и формы. Остальные 19 витражей сделал после смерти Шагала Шарль Марк. Пятнадцать лет ушло у витражиста на то, чтобы завершить миссию великого художника — украсить витражами все окна церкви. Заведомо более скромные витражи Марка, решенные в виде растительного орнамента в голубых тонах (в других витражах он изобразил небесные светила и белых птиц), словно постепенно подводят посетителей к шедеврам Шагала.

Марка Шагала наградили званием почетного гражданина Майнца, но сам он так ни разу не побывал в этом городе. Зато ежегодно церковь посещают двести тысяч человек, чтобы полюбоваться удивительными витражными окнами. Площадь шагаловских витражей в Майнце составляет почти 178 квадратных метров.

Вот что написала немецкая исследовательница Урсула Хайнеке о центральном витражном окне в церкви Майнца: *«Шагал изображает... трех отцов — Авраама, Исаака, Иакова — которым явился невидимый Бог и произнес свой завет, имеющий силу и сегодня. Главное содержание картин: Бог наших отцов — Бог Иисуса Христа. Если бы христиане всегда осознавали существование этого единого общего Бога как факт, что родословное древо Иисуса начинается от Авраама, Исаака, Иакова и что Иисус — еврей, тогда никогда не было бы преследования евреев христианами. Показать эту связь между евреями и христианами — главное намерение Шагала в образах центрального окна церкви Св. Стефана в Майнце»*[20].

В 1978 г. витражное окно Шагала было установлено в соборе Св. Троицы (Cathedral of the Holy Trinity) города Чичестер, что в английском графстве Суссекс. Примечательно, что в этом витраже художник отказался от своего излюбленного сине-голубого фона, вместо этого здесь преобладает ликующий алый. И это неслучайно, ведь Шагал вдохновлялся 150-м Псалмом царя Давида, который призывает «всякое дыхание» хвалить Всевышнего со звуком трубным, хвалить Его на псалтири и гуслях, на струнах и органе, хвалить на кимвалах громогласных. Дей-

ствительно, все персонажи двигаются, танцуют и играют на музыкальных инструментах. Как и витражи Майнца, пронзительно яркий витраж престарелого художника в Чичестере поражает ощущением искрящегося веселья и мощной неизбывной жизненной силы.

Замковая часовня

Во французском регионе Лимузин неподалеку от городка Вутезак находится древний замок Ле Сайан. Начиная с XIV в. и до наших дней владельцами замка являются представители знатного рода Ластейри де Сайан. На протяжении веков в замке сменилось более двадцати поколений владельцев. В 1970 г. владение замка перешло к Ги де Ластейри де Сайану. В 1978–1982 гг. Шагал по приглашению владельца замка сделал шесть витражей для замковой часовни Шапель-дю-Сайан (Chapelle du Saillant). Первым было выполнено центральное окно часовни — витражное двустворчатое окно, увенчанное небольшим четырехлепестковым окном-розой. Оно решено в ярких насыщенных тонах: синий фон, сочная зелень, желтые и красно-оранжевые акценты. Лучи солнечного света, падающие наискосок, высвечивают белого голубя — символ Святого Духа. Витраж наполняет маленькую часовню умиротворяющим голубым светом.

Вслед за первым витражом Ги де Ластейри де Сайан попросил художника оформить витражами четыре окна нефа, запечатлев на них традиционные промыслы сельской местности, расположенной рядом с замком. Так появились витражи «Пшеница», «Виноградная лоза», «Рыба» и «Ягненок», на которых изображены молотьба пшеницы, сбор винограда, ловля рыбы и пастух со стадом овец. Витражи решены в скупой цветовой гамме, в осенних серо-свинцовых тонах, с редкими вкраплениями желтого. Минимализм использования цвета в этих четырех витражах словно возвращает зрителя в церковь на плато д'Асси, где Шагал впервые испробовал свои силы в витражном искусстве.

В 1977–1978 гг. в Лувре проходила выставка «Работы Марка Шагала 1967–1977 годов», на которой были представлены его композиции с букетами цветов. Изабелле де Ластейри де Сайан, посетившей выставку, так понравились шагаловские букеты, что она предложила мужу пригласить Шагала для того, чтобы оформить последнее круглое окно часовни, расположенное над входом. Это окно художник решил совершенно по-другому. В отличие от сдержанной мрачноватой гаммы четырех окон нефа, в этом витраже, на котором на голубом фоне изображены два букета алых цветов с зелеными листьями в темно-синих вазах, краски мерцают как рубины, изумруды и сапфиры. Над букетами взлетает

белый петух, приветствующий восход желтого солнца. Витраж был готов в 1982 г. Шапель-дю-Сайан — единственный во Франции храм, где все витражи выполнены Шагалом.

Витражи Шагала в США

В США с витражами Марка Шагала можно познакомиться по трем адресам. Несмотря на то что художник сделал для Америки всего три проекта, они представляют собой целый спектр его творчества в технике витража. Так, витражи выполнены для светских учреждений — здания Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке и Института искусств в Чикаго и для храма — Объединенной церкви в Покантико-Хиллс. Витражи воплощают библейские и светские мотивы — в церкви можно полюбоваться целой галереей образов ветхозаветных пророков. Библейские сказания стали основой нью-йоркского витража. А вот источниками вдохновения для витражей в Чикаго послужила любовь Шагала к Америке и различным видам искусства. Таким образом, даже посетив шагаловские адреса только в США, можно получить достаточно полное представление о витражах Мастера.

[1] *Sorlier Charles.* Chagall by Chagall. New York, 1979. P. 212.

[2] *Мухин Андрей.* Витражи Марка Шагала в Реймсском соборе. Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение русского зарубежья. СПб., 2008. С. 145.

[3] *Апчинская Наталья.* «Библейское Послание» Марка Шагала // Шагаловский сборник. Вып. 3. Материалы X–XIV Шагаловских чтений в Витебске (2000–2004). Минск, 2008. С. 7–13.

[4] *Rosen Aaron.* Chagall and Lipchitz go to Church. [online]. URL: http://galusaustralis.com/2010/06/3111/chagall-and-lipchitz-go-to-church/ (дата обращения: 05.07.2013).

[5] Ibid.

[6] *Harshav Benjamin.* Marc Chagall and His Times: A Documentary Narrative. Palo Alto, CA, 2003. P. 690.

[7] *Marq Charles.* Chagall in Rheims. Chagall: Monumental Works. New York, 1973. P. 83.

[8] *Кагарлицкая Светлана.* Марк Шагал в Швейцарии // Наше Наследие. М., 2005. №75–76. [online]. URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7517.php (дата обращения: 05.07.2013).

[9] *Smith McKelden. Barstow Lorraine.* Matisse & Chagall at the Union Church of Pocantico Hills. New York, 1999. P. 44.

[10] Chagall Windows [online]. URL: http://www.hadassah-med.com/about/art-at-hadassah/chagall-windows.aspx (дата обращения: 05.07.2013).

[11] *Бессонова Марина.* Выбор внутри традиции. Экзистенциальная природа шагаловского экуменизма. Выступление на I Всесоюзных Шагаловских днях в Витебске // Шагаловский сборник. Вып. 2. Материалы VI–IX Шагаловских чтений в Витебске (1996–1999). Витебск, 2004. С. 132.

[12] The Peace Window [online]. URL: http://peacewindow.org/window.html (дата обращения: 05.06.2013).

[13] *Smith McKelden. Barstow Lorraine.* P. 6.

[14] Ibid. P. 19.

[15] Ibid. P. 26.

[16] Ibid.

[17] Видео [online]. URL: http://www.tudeley.org/video.htm (дата обращения: 05.09.2013).

[18] *Schmid John.* Chagall's Angelic Dream Comes True // New York Times, 1999, August 28. [online]. URL: http://www.nytimes.com/1999/08/28/style/28iht-chagall.2.t.html (дата обращения: 05.09.2013).

[19] Ibid.

[20] *Хайнеке Урсула.* Шагаловские окна в церкви св. Стефана в Майнце // Шагаловский сборник. Материалы I–V Шагаловских дней в Витебске (1991–1995) [online]. URL: http://vitroart.ru/articles/articles/634/ (дата обращения: 05.09.2013).

«Король клейзмеров» Дэйв Таррас

Шуламит Шалит (Тель-Авив)

«Лучше скрипки может быть только кларнет, — говорил Дэйв Тэррас и, поглаживая свой кларнет и лукаво подмигивая, добавлял: — *Если, конечно, он в талантливых руках»*[1]. Но в его таланте никто и не сомневался.

Еще из его высказываний: *«Музыканту, по крайней мере, акцент не мешает. Знание языка? Да, важно, но для меня — не первая необходимость. Мой язык понимают»*. Впрочем, с этой надеждой оставляли Россию в самом конце XIX и на заре XX в. и многие другие еврейские музыканты. Он тогда еще не был Дэйвом, его звали Давидом (на идише Дóвид), но, к удивлению автора, окажется, что не был он и Таррасом, и об этом речь впереди.

Поначалу, как всякого эмигранта, его мучил вопрос, нужен ли он там вообще, не слишком ли мал для великой Америки. *«Я и не предполагал,* — скажет он через полвека музыканту и автору статей об еврейской музыке Генри Сапожнику, писавшему о нем тогда для "Нового словаря американской музыки" ("The New Grove Dictionary of Music and Musicians") , — *что имею достаточно знаний, опыта и умения для Америки»*.

Как и с чего начинать новую жизнь?

Только на исторической родине, в Израиле, многим из нас представляется, что это мы осчастливили ее своим приездом, а в местах с более короткой еврейской историей мы, как правило, благодарны уже за то, что нас приняли, они-то нам ничего не должны. Никто и нигде.

«С корабля, на котором мы плыли, я сошел, крепко прижимая к себе футляр. Они начали дезинфекцию, я хотел им объяснить, что здесь у меня кларнет — не одежда и не пища, но они направили в мою сторону такую сильную струю воды, что футляр с кларнетом выпал из моих рук и разбился вдребезги». Так началась для него Америка.

Сколько же ему было тогда, в 1921 г., если родился он в 1897-м? Да, 24 года. Но он не согнулся и не стал собирать осколки. Утешал себя как ребенок: он ведь и не надеялся, и не помышлял даже заниматься музы-

кой. Он не слишком верил в свои силы, помощи ему ждать было неоткуда, поэтому он не сразу стал профессиональным музыкантом. Но настанет день, когда он ясно поймет, что его способности, его дарование больше, чем у тех музыкантов, с которыми его сводила судьба. А пока что все было ясно, как день: он женат на Шифре, а женатый человек должен кормить семью. Но и без музыки Дэйв вскоре почувствовал себя почти счастливым. Ему посоветовали пойти на меховую фабрику, он отправился туда, и его сразу приняли дворником, ведь подметать полы за 10 долларов в неделю тоже неплохо! Работать приходилось много, однако к концу первого года он трудился, не отказываясь от сверхурочных, уже по 50 часов в неделю, зарабатывая до 45–50 долларов.

Д. Таррас. 1935 г.

Поздними вечерами, возвращаясь домой после нелегкого рабочего дня, Дэйв, а для себя и близких, как прежде, Давид, ложился и открывал книгу. Он читал Шолом-Алейхема и при этом не без нежности вспоминал родную Терновку... Какой писатель! Вроде о своей боли пишет, а кажется — о твоей... И мечтания, чудесные, сладостные, возникают наяву: как бы вырваться на волю, побежать с горы вниз, поболтать ногами в воде, поиграть в лошадки, перескочить через плетень... Он закрывал книгу, но не спалось... Раскрывал ее в другом месте, перечитывал и цитировал уже как свое, так что и закавычивать необязательно: в сумрачные минуты между днем и ночью, когда красное огненное солнце на целую ночь прощается с темной остывшей землей; в сумрачные минуты, когда веселый, звонкий день уходит и на его место тихими шагами приближается грустная, тихая ночь со своей печальной тихой тайной... «Да это же играть можно!» Вот почему счастлив был «почти», а не вполне... Тосковал по музыке!

Взять бы в руки инструмент и сыграть. Мечта, которую он хранил в тайне от всех. Все — это прежде всего жена Шифра и вся ее семья, с которой они приехали, его-то большая семья осталась в России — родители, братья, сестры. Увидит ли их когда-нибудь? Гнал от себя грустные мысли, но музыка продолжала звучать, томила душу. Он жил ею с самого своего рождения...

Ну, что может быть лучше музыки? Правильно, только чувства, рождаемые ею. Неужели он никогда не будет играть? Не будет ни радовать, ни печалить людей, как это бывало. И он мысленно возвращался в прошлую жизнь.

В словарях русского языка ни слова «клезмер», ни слова «клейзмер» нет. Я предпочитаю произносить с буквой «й», но в «Краткой еврейской энциклопедии»... Пусть простят меня осведомленные, но процитируем все же из нее: *«Клезмеры (от кли-земер — муз. инструмент), еврейские народные музыканты. Играли чаще всего в бродячих ансамблях ("капеллах") из трех-пяти исполнителей на свадьбах, бар-мицвах, балах, праздничных гуляньях, ярмарках. Ведущий инструмент (скрипку, реже какой-либо иной) в различных сочетаниях дополняли цимбалы, контрабас, кларнет, труба, флейта, барабан с тарелками... Искусство клезмеров наиболее ярко проявилось на Украине, в Польше, Литве, Галиции, Бессарабии в конце 18 в. — первой половине 20 в. ... Клезмерам присуща экспрессивная манера игры, неожиданные ускорения или замедления темпа, внезапные импровизированные вставки в мелодию, что повышает эмоциональное воздействие их музыки... Традиции музыки клезмеров, почти исчезнувшие в Европе, приобрели известную популярность в США в период между двумя мировыми войнами...»*

В это временя наш герой и перенесся из восточно-европейского местечка прямо в сердце Америки — в Нью-Йорк.

Давид родился в семье музыкантов за три года до прихода XX в. и прожил почти целый век — умер за десять лет до начала века XXI. *«Мой дед был скрипач,* — вспоминает он (до конца жизни Дэйв говорил с еврейским акцентом и еврейской интонацией), — *да, он был бедный человек, но он был грандиозный бадхен (свадебный скоморох, поэт и музыкант). И мой отец, и братья, и кузены — музыканты. Не все, но большинство из них образованные люди, профессиональные музыканты! Один из моих братьев работал концертмейстером в филармонии, играл в Ленинграде в симфоническом оркестре. А мой дядя, который скрипач, был одним из величайших музыкантов. Родом мы из Теплика, это на Украине. Потом уже в Терновку перебрались. Там мой дядя играл для самого графа Потоцкого. Вызывает его вельможный граф и говорит: пойди в лес (лес его собственный), выбери себе поляну и строй себе дом. Где пожелает, значит. И стройматериала, сколько надо, пусть себе возьмет. Персонально для него играл дядя. И знаете, он таки построил дом, равного которому не было во всем Теплике».*

Шутником был Давид или верил, что это правда?

Так или иначе, занятие музыкой было традицией в семье Таррасов, как и в семьях других клезмеров, на протяжении нескольких поколений. Отец Давида Рахмил был неплохой тромбонист. С сыном лет с де-

вяти занимался сам. Вскоре мальчик играл на балалайке, на мандолине и немного на флейте. Рахмил собрал клейзмерский ансамбль, это могли быть пять человек, иногда больше, но могли сыграть и втроем. Так что уже через год, когда приглашали играть на свадьбах, Рахмил стал брать с собой сына. Был у них даже дирижер-барабанщик. Одной рукой он дирижировал, а другой стучал по барабану. Узнав, что его флейтист знает нотную грамоту и у него есть опыт преподавания, отец предложил ему добавку к жалованию, если тот согласится заниматься с мальчиком. Обучение нотной грамоте сочеталось с инструментальными упражнениями. Казалось, довольны были все — и учитель, и юный музыкант, и его отец. Но пришел день, когда флейтист отказался и от добавки, и от ученика. В первую минуту все были ошарашены, но, подумав, отец заявил: *«Он испугался, что мой Давид обойдет его в мастерстве. А-а, нашел себе богатую ученицу, из городских? Ну и ладно, и без него не пропадем!»* На идише говорят: «Едер волкн хот а зильбер», что в переводе на русский язык совсем не звучит, а подразумевает известную истину: «Нет худа без добра».

Перст судьбы! Отец тут же отправил сына в город Умань поучиться у своего хорошего знакомого — кларнетиста. И как не лежало у Давида сердце к флейте, так оно прикипело вдруг к звукам кларнета. Может, причина заключалась в учителях, кто знает... Послушаем его самого: *«Звук этого инструмента покорил меня. Мы много разъезжали. Репертуар у нас большой, мы могли играть для всех слоев общества — для религиозных евреев, для тех, кто не столь рьяно придерживался еврейских традиций, и такие уже были, но также и для неевреев, даже для польских и украинских аристократов. На еврейской свадьбе мы не нуждались в аранжировках, мы знали сотни мелодий, в том числе хасидских, и играли их по памяти. А в больших городах, в Киеве, например, в аристократических залах и салонах, нужен был другой стиль, другой жанр, там мы исполняли вальсы, мазурки, иногда целые увертюры, такие как "Поэт и крестьянин"* (австрийского композитора Франца фон Зуппе. — *Ш. Ш.*) *или романтический "Падеспань"».*

Подросток всех удивлял: услышит случайную мелодию и начинает ее наигрывать на кларнете, а потом импровизировать — не остановишь, но он при этом не только получал удовольствие, но и отрабатывал, шлифовал технику, приобретал мастерство.

В 1915 г. Давиду 18 лет, и его мобилизовали на фронт. Хотя музыкальный талант вскоре дал ему возможность «выбраться из окопа» и играть в военном ансамбле, он успел испытать и окопную жизнь, и одиночество вдали от дома. Благодаря умению играть на балалайке и мандолине он подружился со многими офицерами, способными оценить его искусство.

И вот уже времена изменились — самодержавие сокрушено! Но где те офицеры? Победила революция, а с ней... А с ней пришли хаос и беспорядок. И погромы, как и до революции.

В упомянутой статье Генри Сапожника сказано, что в 1921 г. Давид написал письмо в США сестре, а вслед за ним и сам отправился в Америку. Но ни одна из трех сестер музыканта в Америке никогда не бывала. А вот как я об этом узнала, расскажу ниже.

Диск с музыкой Дэйва Тарраса привезла мне из США еще в 1990-х гг. одна из моих радиослушательниц. Кто бы в ту пору ни ездил за границу, если спрашивали, что привезти, я всегда отвечала: песни на идиш! Так я сделала радиопередачу о песнях вильнюсских партизан, а из буклета к диску узнала это имя — Генри Сапожник, знала, как выглядит каждый из исполнителей песен, в том числе и он, Генри, певший на идиш с таким приятным акцентом. Потом оказалось, что он известный в мире еврейской музыки человек, играет на банджо и гитаре и много пишет о музыке, в частности об истории клезмерской музыки в США.

Имени Дэйва Тарраса никто в Израиле не знал, по крайней мере те, кого я расспрашивала, но о нем рассказывал Генри Сапожник в буклете к диску. Я сделала о Таррасе передачу, хотелось, как обычно, поделиться, донести до слушателей и мелодии, и их исполнение «открытым» мною музыкантом.

Прошло время. Передачу повторяли. Вышла моя книга «На круги свои...»[2], и вдруг среди многих писем получаю такое:

«Я являюсь Вашим почитателем с того момента, как услышала Вашу передачу впервые. С тех пор стараюсь не пропускать ни одной. И все-таки одна передача для меня и моей семьи особенная, она — о клейзмере Дэви Таррасе. Ее я слушаю с глубокой благодарностью и всегда со слезами: ведь это мой дядя, родной брат моей мамы Хаи-Клары (светлая им память). Настоящая фамилия дяди — Давид Тарасюк, он был старшим сыном клейзмера Рахмила Тарасюка и его жены Шейндл. Кроме Давида, в семье было еще четыре мальчика (все музыканты) и три девочки. Вы правы, все они родились в местечке Теплик Уманской области, затем семья переехала в местечко Терновка. Дедушка Рахмил с сыновьями обслуживали все свадьбы и торжества в округе, были они любимы и почитаемы. В 1921 году Давид с женой эмигрируют в США. Далее о его судьбе Вы знаете... А остальная семья в конце 1920-х годов переехала в город Днепропетровск, где братья Тарасюки стали профессиональными музыкантами Днепропетровской филармонии. Сейчас никого из них уже нет в живых. В 1983 году умерла и моя мама. Последним остался мой дядя Ефим Тарасюк, он живет в Лос-Анджелесе... У меня много фотографий дяди Дэви Тарраса, как его стали называть в Штатах, и пластинка с прекрасной клейзмерской музы-

кой в его исполнении. Моя семья переехала в Израиль в 1995 году, и сейчас мы проживаем в городе Ришон ле-Цион... Римма Польская».

И Римма приехала ко мне за автографом. Я надписала ей 3 или 4 экземпляра книги, а она спустя несколько месяцев прислала мне подробный рассказ о своей еврейской семье с такой чисто украинской фамилией Тарасюк, которая в СССР звучала нормально, жить с ней было удобно, но оказалась странной в США, поэтому ее поменяли на «Таррас» и произносят с ударением на первом слоге и через «э» — «Тэррас».

Д. Таррас. 1960-е г.

Вот таким замечательным образом я узнала много нового о семье одного из будущих «королей американских клезмеров», прежде всего хотя бы то, для чего потребовалось это отступление: ни одна из сестер знаменитого Дэйва Тарраса в Америке не бывала.

У старшей сестры Рахели (Рухл) рано обнаружили туберкулез, и она скончалась 19 лет от роду. Младшую, Нину, вместе с мужем и двумя детьми расстреляли фашисты, ну а повидаться с Кларой, средней сестрой, Давид успел сам, когда через полвека после разлуки прилетел в Москву.

Невероятно, но факт! До 1958 г., то есть почти 40 лет, семья вообще ничего не знала о судьбе Давида. Племянница Римма и племянник Леонид (он с семьей живет в Германии) не помнят, когда наладилась связь с «американским дядюшкой». Дядя вроде бы сам разыскал свою родню в Днепропетровске. Тогда еще живы были его родные братья-музыканты Михаил (Шика), Николай (Копл) и Матвей (Мотл). Переписывался Давид с сестрой Кларой на еврейском языке. А в мае 1970 г. состоялось историческое событие: вся родня собралась в Москву на встречу с Давидом и его женой — Днепропетровск был закрыт для иностранцев. Римма не помнит, в какой гостинице они остановились, возможно, в «Москве», к «заморским гостям» они не ходили, это он пришел к ним в гостиницу «Россия», причем — и это было потрясающе — с кларнетом в руках! И как горько, что среди них уже не было троих братьев-музыкантов: *«Семья была настолько крепкой, так все любили друг друга, что братья ушли буквально один за другим, и все в возрасте 62 лет»*. Римма сфотографировала дядю Дэви на Красной площади.

Выскажем предположение, что американка, которой Давид писал в 1921 г., если и была сестрою, то, скорее всего, его жены Шифры, а ее муж, названный Генри Сапожником кузеном, был тем, кто играл на трубе и кто привел Давида на первую американо-еврейскую свадьбу, после которой пока еще Давид Тарасюк, работавший дворником на меховой фабрике, решил купить себе новый кларнет. И купил, и начал понемногу играть, а однажды, придя на фабрику, заявил: «Спасибо вам всем! Я ухожу от вас!»

О, на скольких свадьбах и в скольких фешенебельных и не очень отелях, он еще сыграет... А когда его Шифра уйдет в лучший мир и он сильно затоскует и впадет в депрессию и на время не только перестанет играть, но и выбросит многие свои записи и фотографии, хранившиеся с первых дней пребывания в Америке, о чем позднее пожалеет, — вернет его к жизни как раз хозяйка одного из отелей, где он неоднократно играл и где пользовался неизменным успехом. Отель назывался «Градус» по имени его владелицы и второй жены Дэйва Адели Градус. Он как будто существует и по сей день, но о дальнейшей совместной жизни Тарраса с Аделью нам ничего неизвестно. «Наши» родственники про Адель знали, но и только. Когда не стало сестры Клары, а младший брат Ефим уехал на постоянное жительство в США, писать письма на еврейском языке стало просто некому, Римма пыталась писать ему по-английски, но переписка между дядей и племянниками понемногу затухала.

А мы вернемся к свадьбам, потому что на одной из них Дэйва представили Сэму Ашу, тогда еще популярному только в Бруклине скрипачу, имевшему маленький оркестрик, потом учителю музыки и создателю большего оркестра и наконец успешному бизнесмену. В Америке, наверное, нет человека, не знающего сети магазинов музыкальных инструментов «Sam Ash». Набираешь в Гугле его фамилию и на первом месте видишь рекламу с именем фирмы, а уже где-то внизу биографию человека, родившегося как Самуэль Ашкенази в маленьком австро-венгерском городке в один год с Дэйвом, но оказавшегося в США десятилетним мальчиком. Именно он, услышав игру Тарраса, подойдет к нему и произнесет следующий монолог: *«Молодой человек, говорят, вы работаете на фабрике? Но зачем вам работать на фабрике, делайте то, что делаю я. Целый год я репетиторствую. Мама хочет, чтобы ее "сосунок" учился играть — пожалуйста. Но он не хочет учиться. Мамаша говорит, что я плохой учитель и нанимает другого учителя, а я беру нового "вундеркинда". И можно жить, и можно играть»*. О, какой монолог!

Шутки шутками, но именно Сэм Аш в 1932 г. выпустил пластинку Дэйва Тарраса, над которой они работали вместе с ударником Джо Хельфенбейном. Вот кто с восторгом оценил талант Дэйва еще году в 1923-м,

когда они вместе начали выступать на свадьбах: *«Я сразу сказал себе: этот парень потрясающе играет! А кроме того, он знает все еврейские песни и к тому же он джентльмен!»* Мы знаем, что Дэйв Таррас консерваторий не кончал, но благодаря стараниям отца знал музыкальную грамоту, а позже не только легко и быстро читал ноты, но и расписывал партии для разных инструментов.

Много странного и удивительного было в этой стране. Евреи учились приспосабливаться и смеялись над своими стараниями. «В Америке все наоборот», — пел Аарон Лебедев, выступая с оркестром Александра Ольшанецкого[3], куда приняли и Дэйва. Эту шутливую песню на американо-испано-еврейский манер назвали «What Can You Mach? S'is America» («Что поделаешь? Это же Америка»). *«Я собирался отрастить бороду, а пришлось срезать даже пейсы... В Европе сначала женятся, а потом рожают детей. А тут сначала появляются дети, а потом играют свадьбу, а на свадьбе заодно уже делают и обрезание. Вы спросите, как такое может быть? Так тут же все спешат, тут все наоборот».*

Таррас записал многие мелодии на пластинки в 78 оборотов еще в 1925 и 1926 гг. и с нью-йоркским русским оркестром «Москва», и с джаз-бандом Иосифа Чернявского, и с оркестром Абе Шварца, и будут они ему памятью о Терновке, Киеве и о тех уже далеких местах, где родилось большинство из записанных ими мелодий.

Когда у него начнут брать интервью, коснутся, разумеется, и больной темы — не страдали ли еврейские музыканты от антисемитизма? Он отвечал так: *«Это уродство всегда было частью социального пейзажа и Польши, и Украины. На уровне улицы. В высших кругах польские, к примеру, аристократы проявляли к нам уважение, посылали за нами фургон с упряжкой из четырех отборных рысаков... Свадьба игралась 3–4 дня, так что мы спали в роскошных покоях, а потом нам давали по мешку картофеля, хлеба, цыплят...»* Помолчит, улыбнется: *«А что у людей в душе, кто знает...»*

Упомянутый уже Александр Ольшанецкий пригласил его в Еврейский театр, где с успехом выступал Аарон Лебедев. Вместе они поставили несколько нашумевших спектаклей: «Ночь в Калифорнии», «Рай для двоих», «Золотые денечки». Нельзя сказать, что Дэйв репетировал с утра до ночи. Он изучал Америку и ее музыкальный рынок, современные направления в музыке, осваивал новые жанры, пробовал себя в джазе, позднее принял участие в Yiddish Swingtette, ансамбле, игравшем клезмерскую музыку в стиле свинга, которым так прославился Бенни Гудмен. Работал Дэйв на любой сцене — на свадьбах, бар-мицвах, в крупных

отелях, клубах. С оркестром Абе Шварца он записал «Унзер Тойреле» и другие ставшие популярными мелодии, а с Эйбом Эльштейном[4] — «Ди голдене хасене» («Золотая свадьба»). Все, что он играл, давным-давно стало классикой, но мы не всегда знаем, откуда она берет начало. Классика, заметим, часто американизированная, однако все равно родная и знакомая...

Весь еврейский мир Нового Света заговорил о молодом талантливом кларнетисте Дэйве Таррасе. Ударник Хелфенбейн вместе с братом, тоже ударником, были членами клуба, который назывался «Прогрессивное музыкальное общество». Он не только ввел туда Дэйва, но и организовал в его честь великолепный банкет, а чтобы подчеркнуть рождение новой звезды, устроил его выступление на специально освещенном подиуме. Будучи ударником «Yiddish-American Jass Band», которым руководил Иосиф Чернявский, он познакомил их, причем преследовал при этом и свои собственные цели. У Чернявского играл тогда кларнетист Нафтуле Брандвейн. И хотя не было, наверно, человека, ни ценившего его как почти гениального импровизатора, объявившего себя «королем» еще в 1922 г., играть с ним было трудно. Он не знал нотной грамоты и пока импровизировал, все было замечательно. Но когда надо было играть в ансамбле и репетировать снова и снова, Нафтуле каждый раз выдавал новые фиоритуры. И однажды Хелфенбейн решил, что с него хватит, и придумал: Чернявский должен взять на место Нафтуле Дэйва Тарраса. А в свое оправдание он потом скажет: *«Ну, положим, этот Нафтуле заслуживал хорошей взбучки, он же совсем не умел пить»*. В переводе на понятный язык это означало, что он всегда был пьян в стельку. Значит, в принципе, причин было две: и индивидуалист, хотя и гениальный, и слишком много пьет! Чернявский медлил, но настал день, и он пригласил Дэйва к себе домой.

«Я знал, что его жена — прекрасная пианистка, — вспоминал Дэйв, — *я принес кларнет и играл для нее. — "Очень хорошо, — сказала она, — а ноты вы знаете?" Обида была тяжкая, но пришлось сдержаться: "Разбираюсь немножко..." Тогда она положила перед ним ноты нескольких песен, и он просвистел их "с соловьиной легкостью"»*.

Так он прошел «испытание огнем» у Чернявского. Вскоре они записали пластинку, которая называлась «Идишер марш» и пользовалась громадной популярностью. Чернявский, явно смущаясь, предложил Дэйву 110 долларов за выступление. *«Он подумал, что я попрошу больше, а я, услыхав такую сумму, был ошарашен. Что тут и говорить, я понял, что смогу, да, смогу здесь жить»*.

Люди, с которыми он работал на меховой фабрике, радовались за него Меховщики, уборщики и уборщицы, да и бывшие хозяева — все прихо-

дили в Еврейский театр и вместе с другими заглядывали в оркестровую яму, чтобы приветствовать своего товарища и такого музыканта!

На протяжении десятков лет у Дэйва будет один соперник. Да, два выдающихся кларнетиста — Нафтуле Брандвейн и Дэйв Таррас — будут дружить и соперничать друг с другом долгие годы.

Таррас играл на разных инструментах, включая саксофон; у него были и композиторские способности. Его игру отличали точность, нежность и изящество. Брандвейн же околдовывал слушателей огненной страстью и непосредственностью. Но все, сочиненное им, кто-то должен был записывать, что и делал, в частности, Чернявский. Если Таррас на свадьбу своей дочери написал и исполнил пьесу, так и названную «Свадьба Брауни», то уже в наши дни скрипач Ицхак Перельман на свадьбе своей дочери сыграл мелодию, сочиненную Нафтуле, — «Введение сватов в дом» («Firn Di Mechutonim Aheym»), к счастью, записанную в свое время Чернявским. Дочь Дэйва вышла замуж тоже за кларнетиста, как пишут, уникального, Сэма Музыкера, который влюбился сначала в папу — Дэйва Тарраса, а уже потом — в его дочь.

Продюсер и музыковед Михаэль Альперт, вслед за ним исследовательница влияния клезмеров на сольную и камерную музыку XX в. Патрисия Пирс Кард и многие другие, говоря о тех, кто возрождал клезмерское искусство, вырабатывал тот стиль игры, у которого вскоре найдется немало почитателей и последователей, ставят их имена всегда рядом: Нафтуле Брандвейн и Дэйв Таррас. Таких клезмеров, как Дэйв и Нафтуле, было немного. Свой талант и умение музицировать они получили по наследству — от прадедов, дедов, отцов. Талантливые оба, они стремились и умели поразить публику изобретательной игрой, воображением, создавая свои композиции легко, виртуозно, это была музыка-беседа, тон в ней то повышался, то понижался, то переходил в шепот, то в плач, то она пускалась в пляс... В определенной мере Нафтуле, по словам Генри Сапожника, следовал за Дэйвом, «как влюбленный, как тень», и это именно он, прежде именовавший себя «королем», первым назвал Дэйва Тарраса «королем еврейской музыки». А Дэйв Таррас, прощаясь с Нафтуле в 1963 г., скажет у его могилы: *«Я всегда понимал, что он — звезда»*. И на сей раз не добавил, как обычно: *«Но я умею быть лучше»*.

Эпоха российских, украинских клезмеров кончилась с победой революции. И все это ушло вместе с языком идиш и его носителями. Там, в России, наши корни вырубили, а в Израиле посадили совсем новые деревья, здесь тамошние не цвели — от галутного шарахались, оно тормозило рост. В общей борьбе за создание очага для всего еврейского народа могло быть только одно знамя, и этим знаменем стал иврит. Так ушел из жизни целый пласт нашей национальной культуры.

На счастье многих, кому дорога и кем любима клезмерская музыка, именно те музыканты, кто сумел остаться в живых во время бесконечных погромов до и после Октябрьского переворота и доплыть в начале XX в. до берегов Америки, продолжили еврейскую традицию и передали ее следующим поколениям. Рядом с Дэйвом Таррасом работали Абе Шварц и Эйб Эльштейн, Ирвинг Грец, Шолом Секунда[5], молодые Сэм Музыкер и Сэм Медов, Мойше Ойшер и сестры Бэрри. В 60-е гг. пришел пианист Пит Соколов. Он боготворил Давида, а тот ему представился так: «Я — Дэйв Таррас, учитель игры на кларнете». Потом появятся Генри Сапожник, Лев Либерман, последний ученик Дэйва — Энди Статмен. Их связывала горячая любовь к еврейской мелодии, ее особенной нежности и напевности... Когда у участников молодого трио «Уличная труппа» спросили, почему в конце XX в., когда современная молодежь увлекается пóпом и рéпом, они выбрали клезмерскую музыку, они ответили: *«Мы получили ее как подарок от наших дедов и хотим передать ее как подарок внукам, и мы будем счастливы, если они почувствуют, играя и слушая эту музыку, то, что чувствуем мы!»*

Интерес к клезмерской музыке иногда пропадает, и, когда кажется, что уже навсегда, он возрождается с новой силой. Из последних великих чудес ее возрождения ежегодный августовский фестиваль в израильском городе Цфат — одно из ярчайших его проявлений. Кроме того, судя по прессе и рассказам участников, много клезмерских ансамблей появилось в разных городах на территории бывшего СССР. После моей давней радиопередачи мне позвонил израильский композитор из киббуца «Ха-Негба» Меир Миндель: *«А ведь это верно, ты права,* — сказал он, — *если бы не эти еврейские музыканты, оказавшиеся между двумя мировыми войнами в США, клезмерская музыка могла вообще исчезнуть, я как-то никогда об этом не думал!»* Сегодня я могла бы с радостью сказать ему, что эта музыка, клезмерские мелодии, песни и танцы, через сто лет переплывают океан в обратном направлении, возвращаются они и в те места, откуда сами родом.

С молодыми людьми происходит, я думаю, то, что я сама ощутила когда-то на фестивале в Цфате: вдруг с удивлением постигаешь, что эта музыка дорога тебе, волнует и так много говорит и твоему слуху, и сердцу... На каждом углу, на балконах, на лестничных площадках, под гирляндами лампочек играли, пели, плясали... Может, был среди них друг и последователь Дэйва — Вальтер Зеев Фельдман, я еще не знала тогда, как он выглядит, но там и тогда я впервые услышала игру Гиоры Фейдмана. Сегодня о каждом из них можно прочесть в Интернете, послушать их игру и беседы с ними. А я возвращаюсь мыслью к Дэйву, его друзьям,

соратникам и соперникам. Они много работали, знали и взлеты и падения, но почему-то тихо произношу: о, этот дивный ушедший мир, пусть лучшее твое переживет тебя! Одним из тех, кто сохранил для нас эти чудные мелодии, был Дэйв Таррас, если угодно, Давид Тарасюк — наш талантливый земляк из Терновки, что в Украине.

В 2009 г. исполнилось двадцать лет со дня твоего ухода. Известный музыкант Гарри Голд вместе со своим ансамблем устроил нам всем сюрприз. Он поднял свой кларнет, а по залу полились звуки твоего кларнета, потом — его, потом снова ты... И так вы играли дуэтом. В какой-то момент он отвел свободную руку в сторону, прикрыл глаза и сделал движение головой, как бы говоря: «Ах, какое чудо, вы слышите эти звуки?» Сюрприз для всех нас в том, что эта запись есть в YouTube. Милая Римма, чудится мне, что мелодии вашего дяди Дэви вызывают в вашей душе какое-то особое, глубокое волнение, уже притихшую было боль по всем ушедшим родным, но такая пронзительная тоска возникает и у нас по тем, с кем мы не сумели пообщаться, кого не успели расспросить... Ведь эта музыка — не игра, это — голос, голоса... Как он любил повторять: лучше музыки могут быть только чувства, рождаемые ею...

Признаюсь, только читая книгу «Клезмеры» И. Стучевского[6], композитора, много сделавшего для популяризации еврейской музыки, я приблизилась к пониманию, к ощущению природы и специфичности еврейского юмора. Клезмеры не меньше музыки обожали рассказывать разные истории, сказки, притчи, причем особого рода — из жизни музыкантов, но с неожиданным поворотом, с острой мыслью, можно — и с поучительной. Вот вам история, как ни странно, снова связанная с именем графа Потоцкого, неизвестно, которого из них, но известно, что только на Украине принадлежали ему и сахарные заводы, и до трехсот поместий. Вызывает пан Маршалек, управляющий одного из них, знаменитого умом и талантом далеко за Заславом (Изяславом) и Шепетовкой клезмера — рабби Янкеля и предлагает ему сыграть на большом танцевальном балу, куда прибудут вельможные паны-аристократы, некоторые из самой Варшавы. Одно условие: играть только по нотам! Да-а... Рабби Янкель договаривается о количестве музыкантов и соглашается. Перед хорошей ценой не устоишь, но шел он туда с настроением и надеждой, а обратно — хмурый и понурый. Думает: что за прихоть, когда это старые клезмеры играли по нотам? Но пока думал — надумал. Собирает он свою команду и произносит: «Есть заказ! Но... Пан Маршалек требует самых отличных музыкантов и только тех, кто умеет играть по нотам! А кто тут, кроме Зайделя да моего Исролика, читает ноты?» Что тут началось! Дав им покричать и успокоиться, рабби Янкель под-

нял палец: «Сделаем так... В назначенный день к четырем часам собраться на базаре...»

Собрались. У каждого в одной руке инструмент, в другой подставка для нот, а под мышкой книга — та, что нашлась в доме: у кого молитвенник, у кого шулхан арух, хумаш или какая другая... Погрузились на подводу и тронулись в путь... Во время бала книги лежали открытыми на пюпитрах, ну а играли, понятное дело, по слуху. Веселье, танцы, дым коромыслом! Им нужна музыка, музыканты на деревянном возвышении никого не интересуют. Но тут один молодой офицер заметил, что музыканты заглядывают в ноты, а он знал, что клезмеры — самоучки, по нотам не играют. Подходит он к стоявшему с края сцены музыканту: «Что это у вас за ноты такие странные?» — «Это, — со скромным достоинством произнес вместо оркестранта рабби Янкель, — еврейские ноты. По ним только евреи играют!»

Кто-то скажет: причем тут этот рассказ? Не знаю, но мне он как-то помог глубже почувствовать и характер, и музыку моего героя.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Дэйв Таррас, кларнетист, сочинитель клезмерских танцев, умер в возрасте 95 лет

Джон Парелес[7]

Дэйв Таррас, кларнетист, один из наиболее значительных музыкантов-клезмеров, умер в возрасте 95 лет[8].

Музыка Тарраса соединила мелодии, услышанные им в детстве на Украине, и популярные американские песни и джаз, с которыми он познакомился в Нью-Йорке.

Он обновил клезмерскую танцевальную музыку, привезенную в Америку еврейскими иммигрантами.

Таррас был виртуозным исполнителем и одним из немногих клезмеров, который, впитав американские влияния, не утратил традиционный характер и интонации клезмерской музыки.

Музыкант родился на Украине, в деревне Терновка, недалеко от Умани, в семье потомственных клезмеров. Он рано научился играть на кларнете и, будучи призван в армию, давал концерты для высших офицеров в прифронтовой полосе. В 1921 г., спасаясь от погромов в России, он эмигрировал в США. Здесь Дэйв играл в оркестре Еврейского театра и других театров и стал одним из ведущих оркестровых кларнетистов 1920–1930-х гг.

Он выступал с лучшими канторами своего времени, такими как Жан Пирс и Мордехай Хиршман, а также с Молли Пикон, сестрами Бэрри, Аароном Лебедевым и композиторами Борисом Томашевским и Шоломом Секундой.

В 1930–1950-е гг. Таррас участвовал в собственном радио-шоу на различных радиостанциях в Нью-Йорке. С клезмерским оркестром он играл на тысячах свадеб в Нью-Йорке и окрестностях. Таррас сочинил сотни традиционных клезмерских мелодий и начиная с 1924 г. записывал их с фирмами «Колумбия», «Виктор» и «Декка».

В начале 1970-х гг. Таррас значительно сократил выступления, но в середине 1970-х участвовал в проекте Ethnic Folk Arts Center и играл с кларнетистом Энди Статменом. В 1984 г. The National Endowment for the Arts удостоил его награды за вклад в развитие традиционной клезмерской музыки.

Таррас оставил после себя брата Фройку из Бруклина, сына Сая из Майами, дочь Брауни из Тусона (Аризона) и семь внуков и внучек.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Коронация «короля клезмеров»

Рени Герт-Занд[9]

Легендарный клезмер-кларнетист Дэвид Таррас будет центральной фигурой события 5 мая, которое состоится благодаря усилиям Йеила Строма. Оркестр «Острая пастрома» под его управлением даст концерт из произведений Тарраса (часть из них никогда не была опубликована или записана) в Бруклинской публичной библиотеке. Для Строма это будет возможностью показать таланты музыканта, известного как «король клезмеров».

Стром — не только исполнитель музыки Тарраса. Недавно он опубликовал о нем книгу, которая охватывает жизнь Дэйва от рождения в семье клезмеров в царской России до смерти в возрасте 92 лет в Нью-Йорке в 1989 г.[10] В книге приводятся редкие фотографии Тарраса, его семьи и коллег-музыкантов, а также ноты 28 сочиненных им мелодий, аранжированных Йеилом Стромом и Джеффом Пекареком.

Недавно Стром ответил нашей газете на вопросы о Таррасе, его наследии и влиянии на других музыкантов.

Рене Герт-Занд: *Почему вы написали эту книгу?*

Йеил Стром: Будучи в New Paltz, N. Y., я встретил на улице внучатого племянника Дэйва Тарраса, который предложил познакомить меня

с сыном Дэйва, Саем. Одно за другим, и я узнал всю семью. Они открыли для меня свой дом и архив. В нем были частные письма Дэйва, фотографии, записи и большое собрание его неопубликованных произведений. И я сказал себе: «Имея доступ к таким интересным материалам, почему бы мне не написать первую биографию Дэйва Тарраса?»

Рене Герт-Занд: *Книга называется «Новая биография». Были ли до этого другие биографии Дэйва?*

Йеил Стром: Биографические данные о Таррасе есть в различных книгах по истории клезмерской музыки, включая мою собственную «Книгу клезмера», а также онлайн, но это все отрывочная информация. Конечно, все знают, что у него было отменное дыхание и он мог сыграть дойну как никто другой. Мою книгу отличает то, что она рисует Тарраса как человека, дает представление о его семье, которую он оставил в России в канун Октябрьской революции. Дэйв снова посетил Россию только через 63 года, когда в живых оставались только одна сестра и один брат.

Мы любим его, он был великим музыкантом, но у каждого есть свои «бородавки», и я хотел показать Тарраса во всей его сложности.

Рене Герт-Занд: *Какое влияние оказал Таррас на современную клезмерскую музыку?*

Йеил Стром: Дэйв оказал влияние на всех новых клезмеров 1970–1980-х гг., которые хотели изучать и копировать его интерпретации хорошо известной ему музыки конца XIX – начала XX в. Такие исполнители как Энди Статмен, Зеев Фельдман, Дон Бирон, Дэвид Кракауер, Марго Леверетт, Курт Бьерлинг и Кен Малтц – все они находились под влиянием Тарраса, не исключая и меня самого.

Каждый, кто интересуется клезмерской музыкой, должен слушать его старые (78 оборотов) пластинки или любые другие записи, так как в них Дэйв установил высокие стандарты исполнения этой музыки. Его стиль отличался от стиля Нафтуле Брандвейна – другого великого клезмера-кларнетиста. Исполнение Тарраса было более плавным, на него оказала влияние румынская народная музыка и музыка румынских цыган. Звук Брандвейна был более резким, в нем слышались балкано-турецкие интонации.

Рене Герт-Занд: *Таррас оставался клезмером в те времена, когда джаз и свинг приобретали все большую популярность. Почему он не пытался попробовать себя в этих стилях?*

Йеил Стром: Сай шутил, что отец не стал бы играть джаз даже под угрозой смерти. К концу 1940-х гг. клезмерская музыка стала менее

популярной. Дэйв исполнял ее время от времени в 1950-е гг. на курортах в Катскильских горах[11]. Играл он и джаз, и свинг, и поп-музыку: мамбо, танго, мелодии ранних битлзов — то, что требовалось на еврейских свадьбах, но это не совсем ему удавалось. Дэйв не был сильным импровизатором, не понимал тональных модуляций этой музыки.

Он мог исполнять популярную музыку в Голливуде, но не воспользовался этой возможностью. Таррас любил свой дом в Бруклине и ту музыку, которую знал и играл. Ему нравилось быть «королем клезмеров» и «клезмерским Бенни Гудменом». Дэйв оставался погруженным в идишистскую и восточноевропейскую культуру. Родившись в России, он прожил в ней 20 лет, которые определили его характер. Как музыкант он тоже сформировался в этой стране. Если кто-то попытается отделаться от Тарраса, я скажу ему: *«Каким бы незначительным вы его ни считали, он оказал влияние на таких музыкальных гигантов как Чарли Паркер и Майлс Девис. Они — создатели стиля бибоп, специально ездили в Катскильские горы послушать его. Подумайте об этом».*

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

1984 NEA National Heritage Fellow Dave Tarras[12]

Дэйв Таррас родился на южной Украине и с ранних лет играл на кларнете. Ко времени приезда в США в 1921 г. он был уже известным музыкантом. Проработав короткое время на меховой фабрике в Нью-Йорке, Дэйв был принят в оркестр Еврейского театра.

В 1924 г. он сделал две записи с фирмой «Колумбия» и вскоре стал участововать в выступлениях таких популярных певцов и актеров Еврейского театра, как Аарон Лебедев, Мойше Ойшер, Молли Пикон, Морис Шварц, Сидор Беларский, Сеймур Рехзейт и Мириам Крассен. Дэвид выступал также с выдающимися канторами Жаном Пирсом и Лейблом Вальдманом и еврейскими композиторами и дирижерами Румшинским, Эльштейном, Секундой и Ольшанецким. В дополнение к работе в оркестрах, театрах и звукозаписывающих студиях Дэйв принимал активное участие в жизни иммигрантской еврейской общины, выступая на собраниях хасидских организаций.

У Тарраса был обширный репертуар, связанный с его восточноевропейскими корнями и уникальными техническими возможностями. Он был известен своими многогранными дарованиями, которые включали талант композитора, умение находить и выбирать традиционные мелодии, виртуозность интонирования и фразировки. Таррас создал новый клезмерский стиль, который соединил популярную американскую музыку с легко узнаваемыми еврейскими мелодиями.

За время своей долгой музыкальной карьеры он сделал сотни записей с ведущими фирмами. Таррас записывался также с трио и другими камерными ансамблями, исполнявшими греческую, польскую, украинскую музыку и популярные американские мелодии.

[1] Здесь и далее в статье все цитаты из: *Sapoznik Henry*. Dave Tarras: Father of Yiddish American Klezmers. Music Liner Notes for Yiddish-American Klezmer Music 1925–1956: Compact disc. Yazoo Records, 1992.

[2] *Шалит Ш.* «На круги свои...» (Литературные страницы на еврейскую тему). Иерусалим: Филобиблон, 2005.

[3] Об А. Ольшанецком см. статью Э. Зальцберга «Российские композиторы-евреи в Америке (1880–1970)» в наст. сборнике. — *Примеч. ред.-сост.*

[4] Об Э. Эльштейне см. статью Э. Зальцберга «Российские композиторы-евреи в Америке (1880–1970)» в наст. сборнике. — *Примеч. ред.-сост.*

[5] О Ш. Секунде см. статью Э. Зальцберга «Российские композиторы-евреи в Америке (1880–1970)» в наст. сборнике. — *Примеч. ред.-сост.*

[6] *Стучевский И.* Клезмеры. Иерусалим, 1959 (иврит).

[7] *Pareles Jon.* Dave Tarras, 95, Clarinetist, Dies; Purveyor of Klezmer Dance // The New York Times. 1989. February 14. Здесь и далее перевод с англ. и примеч. Э. Зальцберга.

[8] Большинство источников указывает, что Таррас родился в 1897 г., следовательно, ко времени смерти ему было 92 года.

[9] *Ghert-Zand Renee.* Crowing the «King of Klezmer» // The Jewish Daily Forward. 2011. May 4.

[10] *Strom Yale.* Dave Tarras, the King of Klezmer. OR-TAV Music Publications, Israel, 2010.

[11] Катскильские горы — курортная зона в штате Нью-Йорк, одно из излюбленных мест отдыха ньюйоркцев.

[12] Сокращенный перевод заметки о Д. Таррасе, напечатанной в National Endowment for the Arts в 1984 г. в связи с его награждением за вклад в развитие клезмерской музыки.

Борис Шацкий — петербургский юрист в Консепсионе (Чили)

В.Л. Телицын (Москва)

За свою недолгую — 51 год — жизнь Борис Шацкий многое успел. До сих пор в высших учебных заведениях, коммерческих и банковских структурах Германии, Франции, Англии, США и Чили работают ученики его учеников, для которых имя Бориса Евгеньевича Шацкого остается, что называется, «священным». В то же время даже в очень серьезных исторических трудах он даже не упоминается[1].

Борис Евгеньевич родился 7 июля 1889 года в Казани в семье юриста, приват-доцента местного университета Евгения Алексеевича, известного своими выступлениями не только с преподавательской кафедры, но и в качестве адвоката на многочисленных уголовных процессах. Получив среднее образование, Борис решил пойти по стопам отца и окончил юридический факультет Петербургского университета в 1911 г. Там же был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Своим учителем он считал широко известного в России и за рубежом юриста и социолога М.М. Ковалевского[2].

Став приват-доцентом, преподавал в университете финансовое право, служил директором департамента таможенных сборов Министерства финансов[3]. Уже тогда Шацкий проявлял интерес к особенностям государственного устройства и права Великобритании и Северной Америки[4], выступал с публичными лекциями о Конституции США, об особенностях взаимоотношений власти и общества в Западной Европе. Так, еще в 1915 г. он отмечал, что *«связью, соединяющей бельгийское правительство и народ в один социальный механизм, является ныне не территория, а психологическое признание власти существующей и правомерной... наличность территории не необходима логически для государства, если только налицо психологически правовое признание, если государство продолжает жить в психологии подвластных ему граждан»*[5].

С 1915 г. Шацкий — секретарь Общества распространения научных знаний, а с 1916-го — секретарь Общества английского флага в России (председатель — М. В. Родзянко).

Не избежал Борис Евгеньевич и увлечения политикой, по своим убеждениям он был конституционным демократом[6].

После Февральской революции 1917 г. Шацкий — эмиссар Временного правительства в США. Учрежденная им в Нью-Йорке информационная контора была преобразована в русское информационное бюро Временного правительства, выпускавшее еженедельные бюллетени о политическом положении в России. Бюро осуществляло связь более чем с 500 газетами и 72 журналами (с общим числом читателей 57 млн человек)[7]; Шацкий был его директором. Перед ним стояли две задачи — информировать американскую общественность о происходящих в России в 1917 г. событиях и обеспечить поддержку Временному правительству со стороны деловых кругов Северной Америки и американской администрации. Шацкий организовывал, в частности, встречи российских политиков с влиятельными лицами из Вашингтона и Нью-Йорка, например встречу бывшего президента США Теодора Рузвельта и Н. А. Бородина[8] в апреле 1917 г. Последний оставил об этой встрече краткие воспоминания:

«*На собрании в зале Карнеги, между другими ораторами, выступал бывший президент Теодор Рузвельт. Накануне мы с Б. Е. Шацким посетили Рузвельта в его дачном доме в Ойстер-бей. У меня к нему было рекомендательное письмо от бывшего нашего посла в Соединенных Штатах Р. Р. Розена, находившегося с Рузвельтом в приятельских отношениях и в переписке. Посетили же мы Рузвельта по поводу предполагавшегося к созданию в Америке, параллельно с Обществом сближения между Россией и Америкой в Петрограде, аналогичного общества американско-русского в Нью-Йорке, причем Рузвельт намечался в президенты проектировавшегося общества. Мы хотели получить его условное согласие, если общество сорганизуется. Этот визит к Рузвельту оставил по себе самое приятное воспоминание, и я попутно скажу о нем два-три слова. Рузвельт произвел на меня сразу впечатление человека прямого, горячего и удивительно живого по натуре. Принял он нас очень просто и радушно; сейчас же распорядился подать русский чай и начал оживленную беседу, конечно, о России и о событиях последнего времени. Искренняя радость по поводу полученных Россией возможностей свободного развития и союза ее с Соединенными Штатами в борьбе против общего врага — немцев была выражена им с особой сердечностью. По его словам, он всегда следил за развитием России и питал большие симпатии к русскому народу... Наше предложение стать председателем он принял весьма охотно. Со своей стороны, он хотел слышать наше мнение по содержанию его*

речи, которую он приготовил к митингу в Карнеги-холле. Она была написана на машинке, он прочитал ее нам и просил высказаться. Тема была о том, что могут Соединенные Штаты сделать для новой младшей сестры-республики. В речи высказывалась мысль, что Россия богата людьми, энергией и инициативой, чего ей недостает — это средств снаряжения и технического оборудования. По существу, мысль совершенно правильная, что мы ему и заявили, подсказав, помнится, две-три мысли в развитие его тезисов, и встали проститься с ним. Уже на пороге своего дома-особняка он с живостью сказал: "С каким удовольствием я бы сам пошел на войну, если бы мне дали смешанный полк из удалых русских кавалеристов и американцев!"»[9]

За четыре дня до большевистского переворота Шацкий убеждал американских политиков в том, что А. Ф. Керенский держит ситуацию в стране «под полным контролем»... Борис Евгеньевич был далеко от России и не мог знать всех особенностей политической обстановки в стране.

После свержения Временного правительства, в конце 1917 г., деятельность информационного бюро пришлось свернуть. Два последующих года Шацкий посвятил научным изысканиям: он скрупулезно изучал особенности политической системы Северной Америки, общественных движений, профсоюзов и прессы. Совершил Шацкий и ознакомительную поездку по различным штатам страны, он интересовался всем, но в особенности состоянием средств массовой информации. Борис Евгеньевич считал, что для России свобода печати — очень важный вопрос, особенно в условиях социальной революции: именно благодаря прессе решаются важнейшие вопросы переустройства государства и общества. Выступил Шацкий и с рядом публичных лекций (о революции в России и о возможностях сотрудничества двух стран) перед различными аудиториями — от студенческих до профсоюзных.

В 1919 г. Шацкий выехал на родину, но не в Петроград, где правили большевики, а в оставшуюся пока свободной от их власти Грузию. До 1920 г. Борис Евгеньевич состоял профессором Тифлисского политехнического института.

В 1920 г. он эмигрировал, жил в Германии. В 1921 г. сотрудничал в Русском народном университете и в Объединенном комитете Общественных организаций помощи голодающим, состоял членом Российского торгово-промышленного и финансового союза и Русской академической группы в Париже и Берлине, Союза присяжной адвокатуры в Германии. Шацкий участвовал в Съезде русских юристов в Берлине в 1922 г., где выступил с докладом по проблемам статута русских беженцев, их личных и имущественных прав[10].

С 1923 г. он, будучи приват-доцентом юридического факультета Парижского университета, читал лекции по американскому праву. С 1927-го

преподавал в Русском институте права и экономики, во Франко-русском институте социальных и политических наук, в Русском коммерческом институте (курсы по экономике и праву дореволюционной и советской России, хозяйству стран Южной Америки).

Шацкий выступал с публичными докладами в Республиканско-демократическом объединении, Объединении русских адвокатов, Тургеневском артистическом обществе и др., участвовал в работе Семинара публичного права (1927–1934), Международного конгресса колониальной истории в Париже (1931), сотрудничал в газете *Последние новости*, журналах *Современные записки* и *Еврейская трибуна*, был членом правления Русского академического союза во Франции.

Вместе с Б. Э. Нольде[11] Шацкий редактировал журнал *Право и хозяйство* (Париж, 1925. № 1–3), специальное юридическое издание русского Зарубежья. В журнале значительное место уделялось проблемам международного частного права. Это было связано с рассмотрением в европейских судах исков, касающихся имущественных прав русских эмигрантов. В предисловии к первому номеру журнала его редакция отмечала: *«Русская юридическая и экономическая мысль на русской территории закована в цепи советской олигархией. Она подцензурна и лишена элементарной свободы и независимости. ...Но правовая и хозяйственная культура России не может и не должна умереть. Она жива за пределами советских рубежей... в разбросанной по всему миру многотысячной русской эмиграции — той "второй" России, которая вознаграждена за тяжесть изгнания правом свободно думать и говорить»*.

Журнал мыслился как ежемесячный, однако его век оказался недолгим, и после выхода в свет третьего номера издание было прекращено. Но тем не менее он внес значительную лепту в развитие русской зарубежной юридической мысли вообще и международно-правовой в частности.

Шацкий не только редактировал журнал, но и сам выступал на его страницах по вопросам международного права и международной экономики, эволюции Советской России[12].

С 1934 г. Борис Евгеньевич жил в Чили, считая ее одной из наиболее толерантных стран[13]. Шацкий занимал кафедру в университете города Консепсиона, который и сегодня считается центром университетской жизни Чили: здесь находятся несколько высших и специальных учебных заведений, пользующихся популярностью среди чилийцев и европейцев, а в местном университете, одном из самых старых в Чили, готовили и готовят специалистов практически всех профессий.

Кроме преподавательской деятельности (рекомендацию ему как педагогу дали Сорбонна, Принстонский и Чикагский университеты), Шацкий не оставлял и научную работу, его исследования периодически

публиковались в финансово-экономическом обозрении, которое он сам и редактировал, и издавал.

Работая в чилийском университете, Шацкий пытался сплотить вокруг себя молодых ученых — специалистов в области экономики, финансов, международного права. Конечно, в своих исследованиях Борис Евгеньевич делал упор на российские события — на особенности развития национального хозяйства в условиях Первой мировой войны, революций 1917 г., военного коммунизма, новой экономической политики, коллективизации и индустриализации. Он привлекал к исследованиям и своих чилийских студентов, считая, что знания об особенностях развития экономики в рамках интегрального социального кризиса дадут возможность изучить последствия советских реформ в хозяйственном секторе и избежать повторения их ошибок.

Такие предостережения были не напрасны. Шацкий считал, что Чили — стране достаточно молодой, с еще не устоявшейся политической системой, угрожает опасность увлечения левыми социальными идеями. А к чему это приводит — было видно на примере далекой от Латинской Америки России. В самом Чили в 1932 г. была провозглашена социалистическая республика, которая, правда, просуществовала всего 12 дней, но повлекла за собой потоки крови.

Б. Е. Шацкий продолжает интересоваться ролью США на международной арене после Первой мировой войны с учетом предыдущей американской истории и результатов этой войны, а также последствиями мирового экономического кризиса, поразившего не только страны Западной Европы, но и Северную Америку.

По мнению Шацкого (которое оставалось неизменным с тех пор, когда он только начал заниматься историей США), *«задолжавшей и обнищавшей Европе уже трудно думать о сохранении своей мировой гегемонии. Встречавшая уже и до войны оговорку в непрерывно возрастающем могуществе Америки, гегемония эта получила решительный удар после войны, когда мировой политический центр явным образом переместился из Европы в Америку. На берегах Тихого океана появился успешно конкурирующий с европейским новый мировой центр, узлы которого оказались завязанными в большей степени в Америке, в меньшей — в Японии. Вместе с перемещением этого центра Соединенные Штаты естественно должны были войти в роль того фактора, который своим давлением производит решающее действие и проводит в том или другом направлении линию мировой равнодействующей. Америка таким образом естественно заняла ту роль несвязанного, "островного" государства, которая раньше принадлежала Англии. Англия не могла и не хотела уступить своей традиционной роли и пытается парировать создавшееся положение целой серией шахматных ходов, продиктованных ее классической дипломатией...*

В ту эпоху, когда столица Соединенных Штатов была еще "на седлах ее конницы" и когда отважные потомки пилигримов с "Майского цветка" только начинали свой тернистый путь продвижения на Запад[14], путь, усеянный крестами безвестных могил по обеим сторонам теперешних железных дорог, — основные линии американской международной политики были очень просты: надо было отгородиться от внешнего мира, чтобы начать самостоятельную жизнь и развитие. Эту цель и преследовала знаменитая доктрина Монро, как известно, носившая двусторонний характер: пусть Европа не вмешивается в дела Америки, как Америка не будет вмешиваться в дела Европы[15]. Эта доктрина не была чьим-либо случайным изобретением. Выраженные в ней принципы были лишь провозглашены в 1823 году в конкретной форме в противовес притязаниям Священного Союза, но они коренились в самой природе вещей и были еще на заре американской истории формулированы Дж. Вашингтоном в его "прощальной речи" как постоянные устои внешней политики Соединенных Штатов.

Но если последующие поколения могли беспрекословно применять политическое завещание Вашингтона в то время, когда в эпоху, вдохновляемую Даниэлем Уэбстером и Генри Клеем[16], Соединенные Штаты переживали период внутреннего роста и когда национальная энергия громадной страны уходила целиком и без остатка на создание многочисленных ячеек промышленного и торгового прогресса, покрывших густой сетью всю территорию, — то положение коренным образом изменилось с момента окончания этой подготовительной работы.

Со времени заключения мира с Испанией в 1898 году и занятия Сандвичевых островов, Филиппин и Порто-Рико, Соединенные Штаты неизбежно должны были войти в широкий фарватер международной политики. Их интересы в Китае все время увеличивались. Первенствующее их положение на Тихом океане становилось экономическим и политическим фактом, окончательно закрепленным прорытием Панамского канала. Значение этого канала для направления мировой истории будет вряд ли много меньше открытия Суэцкого канала. Получив... большие привилегии в деле контроля над Панамским каналом, Соединенные Штаты вскоре добились полной монополии в этом деле. Когда республика Колумбия отказалась подписать договор с Соединенными Штатами по поводу канала, в зоне его неожиданно для непосвященных вспыхнула революция, имевшая своим результатом образование новой республики Панамы, отделившейся от Колумбии и немедленно подписавшей с Америкой договор.

В связи с общей переменой не могли не измениться и основные вехи американской внешней политики. Оставшаяся теоретически незыблемой доктрина Монро с начала XX века стала претерпевать изменения на практике. Правило об Америке для американцев получило столь расширительное толкование, что Соединенные Штаты, например, в 1911 году, основыва-

ясь на доктрине Монро, предъявили протест против покупки японскими коммерсантами полосы земли, лежавшей у бухты Магдалины на мексиканской территории и принадлежавшей также частным мексиканским подданным»[17].

В 1937 г. Борис Евгеньевич выступил организатором Пушкинских дней в Сантьяго. Всего в торжествах, которые проходили в стенах югославянского клуба, приняло участие более 50 русских эмигрантов, проживавших в Чили. Среди них — известные еще в дореволюционной России общественные и политические деятели, ученые и педагоги, юристы и предприниматели, а также участники «Белого дела» К. Е. Куракин (один из первых русских эмигрантов первой послереволюционной волны), Т. П. Жестовская, Е. Н. Шильдкнехт[18], А. Л. и Э. П. Змиевы. На торжествах, конечно же, читали стихи и прозу Пушкина, говорили о его месте и роли в русской и мировой культуре, о влиянии его творчества на собственную судьбу. Но чувствовалось и другое: творчество Пушкина служило тем духовным стержнем, вокруг которого группировались русские эмигранты, оказавшиеся так далеко от родных берегов[19]. Только подобного рода «стержни» способствовали сохранению традиций, ментальности, идей коллективизма и взаимоподдержки.

Сам Шацкий вспоминал, что познакомился со стихами Пушкина в раннем детстве — в пятилетнем возрасте, и даже сейчас, когда ему уже за сорок, он не перестает волноваться, обращаясь к бессмертным строкам, — настолько велико было дарование поэта и воздействие его стихов на душу человека[20].

В октябре 1937 г., выступая (в дискуссиях) на заседании, посвященном годовщине Февральской революции 1917 г., Шацкий рассуждал о последствиях смены социально-политической парадигмы в России в начале XX столетия:

«И когда мне, государствоведу, т. е. человеку, причастному к дисциплинам практического свойства, приходилось выслушивать те интересные соображения, которые исходили из уст докладчика и оппонентов, то у меня невольно являлось сомнение такого рода. Все эти интересные соображения носили какой-то, я бы сказал, метаактуальный характер. Все время казалось, что ведется спор о понятиях, которые представляют интерес высоко теоретической важности. Одним словом, тот нерв, который бьется в наших душах, остается вне поля зрения ораторов. Отдельные национальные организмы как будто отделены один от другого. Но нельзя же не видеть и того, что совершается какой-то таинственный процесс взаимного проникновения этих национальностей, что существует историческая тенденция к объединению этих национальностей, к тому, что можно (я боюсь слова) назвать космополитизмом, универсализмом, как вам будет угодно; дело, разумеется, не в словах.

Создавались в моей сфере, в сфере публичного права и международного общения народов, международного права, создавались даже органы этого общения, единая совесть народов и т. д. Теперь все это исчезло, и в этом великий трагический смысл переживаемых событий.

Нельзя не пройти этой стадии [т. е. революции. — *В. Т.*], *которая силой истории поставлена. Раз история поставила перед нами известную задачу, то эта задача должна быть разрешена. Только после этого можно выйти на ровную дорогу»*[21].

В 1940-м Шацкий выступил с резкой критикой «Союза русских» и «Национального союза участников войны» в Чили, которые, исходя из политических убеждений, сделали свой идеологический выбор в пользу Германии как «будущего спасителя России от большевизма»[22]. Борис Евгеньевич был твердо уверен в другом — в том, что нацизм и большевизм — две стороны одной медали — диктатуры.

В то же время Шацкий поддерживал Русский библиотечный круг в Чили, русский православный храм в Консепсионе (разрушен землетрясением в 1960 г.), организации инвалидов — русских офицеров. Созданные в Сантьяго русским генералом Я. С. Вешняковым[23], они распространили свою деятельность в большинстве стран Южной Америки.

До конца своих дней Борис Евгеньевич не оставлял рабочего стола, он рассчитывал закончить обобщающий труд своей жизни — исследование, посвященное анализу внешней политики США в XIX — первой четверти XX в. Но, увы, труд так и остался незаконченным[24].

Умер Борис Евгеньевич 22 января 1941 г. в Сантьяго[25].

[1] *Ульянова О., Норамбуэна К.* Русские в Чили. Santiago: Usach, 2009.

[2] *Матиева А.Х.* Петербургский пацифист М.М.Ковалевский // История Петербурга. 2003. № 6 (16). С. 23.

В собрании книг М. М. Ковалевского имеется книга Б. Шацкого «Конституционный кризис в Соединенных Штатах» (СПб., 1913) с его же автографом: *«Дорогому и высокочтимому М.М.Ковалевскому от признательного ученика»* (*Матиева А.Х.* Библиотека М. М. Ковалевского в фонде Отдела редких книг и рукописей // Universitates-Университеты. 2007. № 5. С. 68).

[3] *Соколов Н.Е.* Финансовая политика Советской власти (октябрь 1917 — август 1918). Рязань: Изд-во РГУ, 2008. С. 98.

[4] *Шацкий Б.Е.* Конституционный кризис и представительная система в Англии // Право. 1911. № 41. С. 2245–2257; № 42. С. 2311–2319; № 44. С. 2426–2436; *Он же.* Референдум в Англии как способ разрешения конфликтов между палатами // Вопросы права. 1911. Кн. VII. С. 17–56; *Он же.* Ветто-билль (ограничение палаты лордов в области законодательства) // Право. 1912. № 16. С. 852–958; *Он же.* К характеристике американской демократии (после победы Вильсона) // Право. 1913. № 32. С. 1865–1872; *Он же.* Конституционный кризис в Соединен-

ных Штатах // Труды юридического общества при Императорском Петербургском университете: Второе полугодие 1913 г. Т. 8. СПб., 1914. С. 13–50; *Он же.* Рец. на кн.: *Лоуэлль А.Л.* Государственный строй Англии. Т. I, пер. М. Языковой под ред. и с предисл. Ф. Кокошкина // Юридический вестник. Издание Московского юридического общества. М., 1915. №10 (2). С. 270–273.

[5] *Шацкий Б.Е.* Государственно-правовое положение Бельгии // Право. 1915. №45. С. 3058.

[6] *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М.: Наука, 1982. С. 112.

[7] *Ганелин Р. Ш.* Россия и США. Очерки истории русско-американских отношений. 1914–1917. Л.: Наука, 1969. С. 366.

[8] Бородин Николай Андреевич (1861–1937) — ихтиолог, историк, статистик, политический деятель и журналист. Депутат Государственной думы I созыва, член Конституционно-демократической партии. Весной 1917 г. в качестве представителя Министерства земледелия совершал ознакомительную поездку по США. После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал в США. В 1928–1937 гг. работал в Гарвардском университете.

[9] *Бородин Н.А.* Мартовская революция // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. С 137–138.

[10] См.: *Чирова О.А.* Роль съезда русских юристов и его комитета в правовом регулировании статуса эмигрантов из России (середина 20-х гг.) // Новый исторический вестник. 2002. №2 (7). С. 86–96.

[11] Нольде Борис Эмильевич (1876–1948) — юрист, специалист в области международного права, историк. После 1918 г. в эмиграции.

[12] *Шацкий Б.Е.* Вопрос о признании Советской России в Соединенных Штатах // Право и хозяйство. 1925. №2. С. 4–6; *Он же.* Россия в Азии: дипломатия и практика // Право и хозяйство. 1925. №3. С. 16.

[13] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 48. Л. 20.

[14] 6 сентября 1620 г. судно «Мейфлауэр» («Майский цветок») вышло из английского порта Плимут, взяв курс на Северную Америку. На борту, кроме экипажа, находились 102 переселенца-пуританина. Переселенцы высадились на североамериканском побережье в районе мыса Код (теперешний штат Массачусетс) 11 ноября 1620 г. Зима была суровой, и к весне в живых осталось не более 50 человек, остальные погибли от холода и истощения. Выжившие осели в этих краях и впоследствии расселились по Новой Англии, позже превратившейся в наиболее развитый район английских колоний в США, сыгравший ведущую роль в Войне за независимость и в Гражданской войне. Быть потомком (даже весьма отдаленным) пилигримов с судна «Мейфлауэр» — большая честь для гражданина США.

[15] Доктрина Монро — декларация принципов внешней политики США, провозглашенная в послании президента США Дж. Монро конгрессу 2 декабря 1823 г. В послании Монро выдвигался принцип разделения мира на европейскую и американскую системы и провозглашалась идея невмешательства США во внутренние дела европейских стран и, соответственно, невмешательства по-

следних во внутренние дела стран американского континента: «Американские континенты, ввиду свободного и независимого положения, которого они добились и которое они сохранили, не должны рассматриваться впредь в качестве объекта для будущей колонизации любой европейской державой».

[16] Уэбстер Даниэль (1782–1852) — американский государственный деятель, составлявший вместе с Кальгуном и Клеем триумвират т. н. «второй эпохи американских государственных людей». С 1827 по 1839 г. он был сенатором; много работал также в Бостоне, занимаясь делами штата Массачусетс. Заключил в 1842 г. в Вашингтоне с английским послом Ашбертоном договор об урегулировании границ, о запрещении торговли рабами в Африке и о взаимной выдаче преступников.

Клей Генри (1777–1852) — американский государственный деятель. Став адвокатом, он был избран в Законодательное собрание штата Кентукки, а затем — в Сенат Соединенных Штатов. В 1825 г. способствовал избранию в президенты Адамса, при котором стал Государственным секретарем (1825–1829); трижды был спикером Палаты представителей. Его имя связано с т. н. «миссурийским компромиссом», который запрещал рабство во всех штатах севернее 36° 30′ с.ш. и на запад от реки Миссисипи. Внесенный им в 1850 г. закон давал право населению территорий Юта и Нью-Мексико, незадолго перед тем отошедших к США от Мексики, решать вопрос о рабстве по собственному усмотрению.

[17] *Шацкий Б.Е.* Англо-японо-американское соперничество (Проблема Тихого океана) // Современные записки. 1922. Кн. XIII. С. 230–234.

[18] Шильдкнехт Евгений Николаевич (1888–1971) — военно-морской офицер. В 1917 г. — лейтенант 4-го дивизиона подводных лодок флотилии Северного Ледовитого океана. Участник Белого движения, с ноября 1918 г. — начальник штаба флотилии Северного Ледовитого океана. С 1920 г. в эмиграции во Франции, с 1928 г. — член Военно-морского исторического кружка в Париже. Окончил Высшие военно-научные курсы (Париж). С 1937 г. жил в Чили, член Исторической комиссии Общества бывших русских морских офицеров в Америке.

[19] *Мосейкина М.Н.* А.С. Пушкин и русская эмиграция (к истории Пушкинского лицейского общества за рубежом) // А.С. Пушкин и современность. К 200-летию со дня рождения поэта: Доклады и сообщения. М., 1999. Ч. II. С. 50–54.

[20] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 730. Оп. 1. Д. 74. Л. 23 об.

[21] Там же Д. 78. Л. 12.

[22] *Мосейкина М.Н.* Российская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960-е гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012. С. 30; ГАРФ. Ф. Р-6646. Оп. 1. Д. 86. Л. 2–3.

[23] Вешняков Януарий Сергеевич (1869–1937) — офицер русской армии, участник Первой мировой и Гражданской войн, георгиевский кавалер. Сторонник Белого движения. Эмигрировал в Эстонию, где основал Союз русских инвалидов в Тарту, затем в Чили (с 1931 г.). Основатель и председатель Союза русских офицеров в Чили, создатель Русской библиотеки своего имени.

[24] РГВА. Ф. 112. Оп. 2. Д. 38. Л. 28.

[25] Новое русское слово. Нью-Йорк. 24 января 1941.

Саймон Смит Кузнец (Семён Абрамович Кузнец)

Илья Куксин (*Чикаго*)

Нобелевской премии по экономике в 1971 г. был удостоен американский ученый российско-еврейского происхождения Саймон Кузнец за «эмпирическое обоснованное толкование экономического роста, которое привело к новому, более глубокому пониманию экономической и социальной структуры и процесса развития в целом».

Выступая на церемонии вручения премии, член Королевской академии наук Бертиль Готтхард Улин, в будущем сам Нобелевский лауреат, сказал: *«Профессор Саймон Кузнец постоянно стремился в своих работах дать количественное определение экономических величин, относящихся, прежде всего, к процессам социальных изменений. Он оперировал огромным эмпирическим материалом, который подвергал настолько глубокому и тщательному анализу, что этот материал искрился великолепными мыслями и давал совершенно новое освещение экономического поведения и тенденций развития»* [7. С. 33].

С. Кузнец

Долгие годы экономику не считали настоящей наукой, поэтому первая Нобелевская премия в этой области была присуждена только в 1968 г., спустя 73 года после учреждения международной награды. Ее официальное название — «Премия в области экономики памяти Альфреда Бернхарда Нобеля».

Значительный вклад в то, что экономика была признана наукой, внес третий лауреат этой премии Семён Абрамович Кузнец, более известный в Америке под именем Саймон Смит Кузнец.

Сам ученый мемуаров не оставил, и до сих пор два города бывшего Советского Союза оспаривают место его рождения. Даже такие солидные издания, как советская [1], украинская [2] и Британская энциклопедии [3], пишут, что он родился и учился в украинском городе Харькове. Вдова и дети Кузнеца утверждают, что родился Семён в белорусском городе Пинске. В нем сохранилось здание бывшего реального училища, па стене которого в 2007 году была установлена мемориальная доска с надписью, что именно это училище в разные годы окончили нобелевский лауреат Семён Кузнец и первый президент государства Израиль Хаим Вейцман. Имя Семёна Кузнеца присвоено также общеобразовательной школе «Бейс-Агарон» в городе Пинске. Окончательную точку в этом, казалось бы, неразрешимом споре поставили интересные исследования харьковского ученого Владимира Московкина [4–6]. Все, что изложено ниже о происхождении и жизни Семёна Кузнеца в Российской империи, базируется на его исследованиях. На основании собственных розысков и полученных от вдовы Кузнеца и его детей воспоминаний и копий документов Московкин опубликовал ранее неизвестные сведения о жизни Кузнеца в России и Америке. Он подразделил ее на четыре периода: белорусский (Пинск, 1901–1909), западноукраинский (Ровно, 1909–1915), восточноукраинский (Харьков, 1915–1922) и американский (Нью-Йорк, 1922–1928 — как эмигрант, и 1928–1985 — как гражданин США) [4. С. 169].

Семён Кузнец родился 30 апреля 1901 г. в городе Пинске Минской губернии Российской империи, в семье торговца мехами Абрама и Полины (урожденной Фридман). Он был средним из троих сыновей (Соломона, Семёна и Георга).

Абрам Кузнец переехал в Пинск из городка Столин незадолго до рождения Семёна. В 1907 (по другим данным, в 1909) году Абрам эмигрировал в Америку, а жена и дети в 1909 г. переехали в город Ровно. Так что утверждения пинских краеведов, что Семён учился в Пинске в реальном училище, справедливы только для непродолжительного времени. Судя по всему, в Ровно Семён продолжил учебу, но ее прервала Первая мировая война. В этот период значительная часть территорий, охваченных военными действиями, входила в так называемую «черту оседлости», где проживала подавляющая часть еврейского населения России. Если в начальный период войны русская армия одерживала победы и захватила часть территории Австро-Венгрии, то с 1915 г. она стала отступать.

Руководство армии заявило, что еврейское население является средоточием шпионажа и пособничества неприятелю. Было принято решение полностью очистить прифронтовую полосу от евреев. Исключений никаких не было: все, от грудных младенцев до древних стариков, подлежали эвакуации во внутренние губернии страны. На сборы давалось 24 часа. Ветер насильственной эвакуации занес семью Кузнецов в Харьков. Московкин обратился к сыну Семёна Кузнеца, профессору экономики Университета штата Индиана Паулю Кузнецу, и получил ответ: *«Имеется конфуз по поводу раннего периода жизни моего отца, но Вы правы относительно места его рождения, это было не в Харькове, а в Пинске... Фактически ничего не написано о его персональной жизни, источниках его мыслей или влиянии на его ранний опыт научной деятельности. Я не удивляюсь этому, так как отец был очень немногословным о своих ранних годах. Когда я еще ребенком спрашивал его о раннем периоде жизни, то обнаружил, что он не хочет рассказывать об этом. Я подозреваю, что лишения, связанные с Первой мировой войной и революцией, были причиной этого молчания»* [4. С. 170]. Пауль посоветовал Московкину связаться со своей сестрой Юдит Штерн, которая, в свою очередь, рекомендовала обратиться к кузине Рут Кузнец-Хауптман. В результате Московкин стал обладателем копий ряда документов о жизни и учебе Семёна Кузнеца в Харькове и о том, как и когда тот оказался в США.

По данным родственников нашего героя, в 1909 г. в Киеве родился младший брат Семёна Георг, и через несколько месяцев глава семейства Абрам Кузнец эмигрирует в США, а Полина с тремя сыновьями покидает Пинск и переезжает в Ровно к своим родителям. Предполагалось, что, после того как Абрам устроится в Америке, он заберет туда семью. Начавшаяся война, а затем насильственная эвакуация в Харьков затормозили этот процесс. Судя по всему, Семён не успел окончить реальное училище в Ровно. Согласно сохранившимся документам, в Харькове он поступил во Второе реальное училище 26 октября 1915 г. и окончил его 16 мая 1917 г. с отметками — восемь пятерок, пять четверок[1]. В сентябре этого же года он поступает в высший дополнительный класс этого училища, который также успешно оканчивает в мае 1918 г. (двенадцать пятерок, две четверки). В конце 1918 г. Семён поступает в харьковский Коммерческий институт, в котором он проучился всего полтора года. Сложное было время: революция, Гражданская война. В 1918 г. в город входят немцы, затем их сменяет Добровольческая армия генерала Деникина, а после нее восстанавливается советская власть. Семён сумел сдать экзамены за первый курс Коммерческого института (1918/1919 учебный год). В его зачетной книжке есть оценки по статистике (теория и практические занятия), датированные 7 июля 1921 г., когда Коммерческий

институт был уже ликвидирован. На базе его и юридического факультета университета был создан Институт народного хозяйства, но Семён оставил учебу и с 1921 г. стал работать руководителем сектора трудовой статистики статистического отдела Южного бюро ВЦСПС. Всего за полтора года учебы в Коммерческом институте Кузнец получил блестящую подготовку. Забегая вперед, следует заметить, что впоследствии, уже в США, американцы удивлялись, где это молодой эмигрант из России мог получить такое образование. Откуда им было знать, что главную дисциплину для экономистов — статистику читал один из крупнейших российских специалистов в этой области А.Н. Анциферов, а математику — выдающийся математик XX века С. Н. Бернштейн. Анциферов, разделяя идеи Белого движения, покинул Харьков с деникинцами, в эмиграции работал в Чехии, Нидерландах и Франции.

Занимаясь в Коммерческом институте и владея немецким языком, Семён самостоятельно стал изучать труды австрийского ученого Й. Шумпетера. В харьковских архивах Московкиным была найдена рукопись первой научной работы Кузнеца. По приезде в Америку он перевел ее на английский и представил в качестве магистерской диссертации в Колумбийский университет [5. С. 95]. В Харькове вышла и первая научная публикация Кузнеца, выполненная им во время работы в статистическом отделе Южного бюро ВЦСПС [8]. Вторично ее опубликовали, как приложение к статье [там же]. В. Московкин так оценивает эту работу Кузнеца: *«В этой первой научной работе С. Кузнеца отчетливо проявился интерес к колебаниям экономических показателей, который в дальнейшем вылился в написание докторской диссертации»* [7. С. 29].

В конце 1920 г. был заключен мир с Польшей, признана незавимость Украины и Белоруссии. По мирному договору к Польше отошла часть Западной Белоруссии и Украины. В марте 1921 г. было подписано соглашение о репатриации лиц, которые раньше проживали на территориях, отошедших к Польше. Именно тогда, как вспоминают родственники Кузнеца, они начали готовиться к возвращению в Польшу и уже оттуда намеревались отправиться за океан. Мать с тремя сыновьямми уехала в Варшаву. Семёна по приезде арестовали по обвинению в шпионаже, но вскоре выпустили, и он со старшим братом Соломоном сочли за благо перебраться в Данциг, который, по Версальскому мирному договору, был объявлен «вольным городом» и находился под управлением Лиги Наций. В начале 1922 г. Соломон и Семён Кузнецы выехали в США. В их эмиграционных документах значилось, чтот они родились в Харькове.

Почему они выехали в Америку по фальшивым документам, никто из родственников объяснить не смог. Сразу по приезде в Нью-Йорк братья

поступили на курсы английского языка, а осенью 1922 г. стали студентами Колумбийского университета. Через год Семён получает степень бакалавра, а в 1924-м становится магистром экономики. В университете обратили внимание на столь успешного студента и предложили ему продолжить образование под руководством известного экономиста У. Митчелла. В 1926 г. Кузнец получает докторскую степень после защиты диссертации «Cyclical Fluctuation: Retail and Wholesale Trade, United States, 1919–1925» («Циклические колебания: розничная и оптовая торговля, Соединенные Штаты, 1919–1925»). Как указывает биограф Кузнеца М. Абрамович [9. С. 228], эта небольшая по объему, но глубокая по содержанию работа была издана в Нью-Йорке с предисловием У. Митчелла [10] и надолго связала Кузнеца не только с этим ученым, но и с Национальным бюро экономических исследований (НБЭИ), которое на многие годы стало его исследовательской базой. После защиты докторской диссертации Кузнец полтора года проработал научным сотрудником Совета по исследованиям в области социальных наук (СИСН). Затем Митчелл, назначенный директором НБЭИ, уговорил его перейти на работу к нему. В 1927 г. Семён Кузнец принимает американское гражданство и, согласно сертификату о натурализации, имя Simon Smith Kuznets [6. С. 64].

Кузнецу нравилась преподавать, и в дальнейшем он весьма успешно сочетал исследовательскую деятельность с преподаванием. С 1930 по 1954 г. он был профессором на кафедре экономики и статистики Пенсильванского университета, затем с 1954 по 1960 г. преподавал в Университете Джона Гопкинса, а с 1960 и до выхода на пенсию в 1971 г. — в Гарварде. Он сразу же завоевал славу прекрасного преподавателя и увлекал студентов своим интересом к предмету, четкостью изложения, эрудицией. Правда, докторантов у него было немного, но зато какие! Два из них, Милтон Фридман (его родители, как и родители Кузнеца, были выходцами из России) и Роберт Фогель, стали лауреатами Нобелевской премии по экономике, первый — в 1976 г., второй — в 1993 г.

Но вернемся к НБЭИ. Вскоре после начала работы в нем Кузнецу поручили руководить проектом по исследованию национального дохода. Когда Министерство торговли США решило составлять официальные оценки национального дохода, то оно, как пишет М. Абрамович, *«пригласило доктора Саймона Кузнеца для планирования и руководства этим исследованием. Он отвечал как за подготовку итоговых оценок, так и за содержание и текст отчета»* [9. С. 229]. О Кузнеце и его вкладе в мировую экономике написано много, но наиболее кратко и четко это изложено в работах В. Московкина [7], М. Абрамовича [9] и Л. Васиной [11], которые использованы в этой статье.

Широкой публике имя Кузнеца известно за разработку им общепринятого показателя «валовой национальный продукт (ВНП) на душу населения», который ныне широко используется во всем мире для сравнения экономического развития стран.

Работы Кузнеца в НБЭИ по подсчету национального дохода стали его крупнейшим вкладом в экономическую науку. Он оказался первым, кто занялся изучением взаимосвязей между экономическими колебаниями и долговременным экономическим ростом.

Учитель Кузнеца Митчелл сумел убедить своего ученика, что экономическая теория должна создаваться в духе традиции Френсиса Бэкона: она должна начинаться с наблюдения за фактами, их сбора, разработки гипотезы в соответствии с собранными фактами и ее подтверждения. Кузнец скептически относился к абстрактным теоретическим моделям экономики. Главную задачу экономиста он видел в детальном описании реального экономического мира и его объяснения для того, чтобы это приносило ощутимую пользу тем, кто определяет экономическую политику.

В бывшем СССР Кузнец рассматривался как буржуазный экономист, и советские идеологи считали, что его методология не может быть применена к советской экономике. Нам неизвестны переводы его основных книг на русский язык, поэтому ниже мы приведем краткую характеристику основных работ Кузнеца.

Первый отчет ученого по исследованию национального дохода США «Национальный доход, 1929–1932» («National Income, 1929–1932») был опубликован Министерством торговли США. Он открыл серию публикаций НБЭИ в этой области, важнейшими из которых являются двухтомник «Национальный доход и его структура, 1919–1938» («National Income and its Composition, 1919–1938»), вышедший в свет в 1941 г., и книга, обобщающая серию этих исследований, — «Национальный доход: краткие выводы» («National Income: Summary of Finding»), 1946 года издания.

Во время Второй мировой войны Кузнец был назначен заместителем директора Бюро планирования и статистики при Министерстве военной промышленности и на этом посту внес свой вклад в победу. После окончания войны Кузнец становится председателем Комитета по экономическому росту в СИСН, в котором он возглавил сравнительное исследование национального дохода ряда стран. Его результаты нашли отражение в статьях и двух монографиях: «Современный экономический рост» («Modern Economic Growth», 1966) и «Экономический рост наций» («Economic Growth of Nations», 1971).

Многолетние исследования процесса экономического роста позволили Кузнецу определить ряд эмпирических закономерностей сначала для

США, а затем и для других стран. Именно он установил длинные волны экономического роста в ряде стран, которые были названы «циклами Кузнеца». Под ними понимаются 20- и 22-летние периоды роста технического прогресса, населения и национального дохода. Существует еще одна экономическая закономерность, получившая название «закон Кузнеца» для экономики развивающихся стран, который гласит: в первые десять лет развития неравенство в распределении доходов будет резко возрастать, затем появятся тенденции к выравниванию. Многие исследования Кузнеца носят пионерский характер. Так, еще в 60-х годах прошлого века он первым из экономистов раскрыл роль человеческого фактора в качестве составляющей экономического роста. Ученый утверждал, что самым большим капиталом страны являются ее люди с их мастерством, опытом и побуждениями к полезной экономической деятельности. Авторитет Кузнеца как ученого был непререкаемым как в США, так и за их пределами. Еще в 1949 г. он бы избран президентом Американской статистической ассоциации, в 1954 г. — президентом Американской экономической ассоциации, позднее избирался почетным членом Ассоциации по экономической истории, Эконометрического общества, Международного статистического института, членом Британской и Шведской академий наук, имел почетные докторские степени ведущих американских и иностранных университетов. Кузнец неоднократно участвовал в ряде международных научных проектов в Израиле, Швеции, Китае.

Работая в НБЭИ, Кузнец женился на своей коллеге Эдит Хандлер. У них родились дочь и сын, о котором мы упоминали в начале статьи. Кузнец отличался скромностью, любил литературу и классическую музыку. Он ушел из жизни 8 июля 1985 г. в Кембридже, штат Массачусетс.

С российскими экономистами Кузнец практически не встречался, за исключением А. В. Аникина[2], который оставил интересные воспоминания [12]. Он познакомился с Кузнецом осенью 1955 г. в Таиланде на заседаниях рабочей группы Экономической комиссии ООН для Азии и Дальнего Востока. Аникин входил в состав советской делегации, а Кузнец возглавлял американскую. Предметом работы было обсуждение итогов и перспектив развития стран региона. Обычно на таких заседаниях делегации рассаживаются в алфавитном порядке в соответствии с представляемыми странами, но Аникин все три недели сидел рядом с Кузнецом. Он вспоминает: *«Уровень мышления Кузнеца и остальных участников был несопоставим... Когда все эти непрофессионалы запутывали какой-нибудь вопрос, слово брал по своей инициативе или по просьбе председателя Кузнец, скромный, деликатный человек с тихим голосом, неторопливой и четкой профессорской речью и характерной внешностью русского провинциального еврея. Никого не задевая, он быстро заменял туманные разговоры*

более или менее строгим анализом. Через десять-пятнадцать минут все становилось на свои места, и мы удивлялись, как мы этого раньше не понимали или не замечали. Его умение разложить сложный вопрос на простые и ясные составляющие восхищало» [12. С. 3].

Далее Аникин пишет, что настолько попал под обаяние личности Кузнеца, что забыл про советские инструкции не якшаться с эмигрантами и не заметил обращенных на него косых взглядов членов советской делегации, которые не владели английским языком. Очевидно, и Кузнец обратил внимание на неординарность молодого советского коллеги. Аникин отмечает: *«Мы всё же настолько подружились с ним, что четыре года спустя он прислал мне предварительный вариант книги "Капитал и американская экономика: его формирование и финансирование", классической работы в тогдашнем стиле НБЭИ. Книга вышла в 1961 году, и я вместе с С. М. Никитиным рецензировал ее в советском журнале»*. Аникин вспоминал также, что Кузнец рассказывал ему об учебе в Харькове в годы Гражданской войны и о том, как он бедствовал во время учебы в Колумбийском университете в США. У него тогда была одна приличная сорочка, которую он сам стирал. Личность Кузнеца настолько повлияла на Аникина, что он покинул престижную должность в Госкомитете по внешнеэкономическим связям и стал заниматься исключительно наукой, где, начав с нуля, добился больших успехов. Как писал Аникин: *«Слушая его и беседуя с ним, захотелось стать профессором. Профессором в лучшем смысле этого слова — интеллектуальным, независимым, широко мыслящим, либеральным...»* Завершая свои воспоминания, Аникин пишет: *«Кузнец был одним из первых экономистов, получивших Нобелевскую премию (1971 г.). Едва ли и теперь кто-нибудь из лауреатов может сравняться с ним по практическому и политическому значению исследований. Весь мир принял систему национальных счетов, которая позволяет с достаточной степенью надежности измерять экономический рост и анализировать структурные сдвиги. Кузнец был пионером в этой области. Хотя в последние годы данные о валовом национальном продукте начали публиковать в СССР и России, нашим статистикам еще долго придется учиться современным методам составления и анализа национальных счетов»* [12. С. 4].

Как бы перекликаясь с этими последними фразами воспоминаний Аникина, в статье В. Московкина [13. С. 63] рассказывается, как было отмечено 110-летие со дня рождения Кузнеца на Украине. В Харьковском национальном экономическом университете как правоприемнике Харьковского коммерческого института принято решение перевести и издать магистерскую диссертацию Кузнеца, написанную им в Харькове. В Харьковском национальном техническом университете в канун юбилея ученого (30 апреля 2011 г.) прошло торжественное заседание, а также со-

стоялся круглый стол «Семён Кузнец и современность: мировой кризис и счетность новой эпохи». В Киеве и Днепропетровске прошли симпозиумы и круглые столы, посвященные юбилею нобелевского лауреата.

Литература

1. Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М., 1973. С. 1663.

2. Українська Радянська Энциклопедиа. 2-е вид. Киев, 1980. С. 558.

3. The New Encyclopedia Britannica. 15-th ed. 1989. Vol. 7.

4. *Московкин В. М.* Неизвестный Семён Кузнец: переписка с его родственниками // Труды международного информационного Нобелевского центра. 2010. Вып. 4. С. 169–181.

5. *Московкин В. М.* Две загадки Семёна Кузнеца, связанные с его харьковским периодом // Культурна спадщина Слобожанщини. 2011. Вып. 25. С. 94–98.

6. *Московкин В. М.* Неизвестный Семён Кузнец: учеба в Харькове // Университеты, наука и просвещение. 2010. № 1. С. 52–65.

7. *Московкин В. М.* Семён Кузнец: жизнеописание и его вклад в мировую науку // Проблеми науки, освіти та управління: Збірник наукових праць. 2005. Вип. VII. С. 21–35.

8. *Московкин В. М.* Семён Кузнец: его профессиональное окружение в Харькове и первая научная работа. // Бизнес Информ. № 7–8. Харьков, 2002. С. 83–85. В качестве приложения в этой статье приводится первая научная работа Кузнеца (Денежная заработная плата рабочих и служащих фабрично-заводской промышленности г. Харькова в 1920 году // Материалы по статистике труда на Украине. Вып. 2. Харьков, 1921. С. 86–99).

9. *Абрамович Мозес.* Саймон Кузнец (1901–1985) //Thesis. 1993. Вып. 2. С. 228–234. Это перевод Е. И. Николаенко статьи: *Abramovits Moses.* Simon Kuznets (1901–1985) // The Journal of Economic History. March 1986. Vol. 46, № 1. P. 241–248.

10. *Kuznets S.* Cyclical Fluctuations: Retail and Wholesail Trade, United States 1919–1926. New York, 1926.

11. *Васина Л.* Кузнец С. // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М.: РОССПЭН. 1997. С. 315–317.

12. *Аникин А. В.* Мои знаменитые знакомые. Саймон Кузнец (1901–1985). URL: http://www.portalus.ru/modules/economics/rus_readme/php

13. *Московкин В. М.* Памяти выдающегося экономиста современности (к 110-летию лауреата Нобелевской премии по экономике Семёна Кузнеца) // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 42. С. 59–63.

14. *Крылов А. Н.* Воспоминания и очерки. М., 1956.

[1] В работе [6] (С. 61–62) приводятся копии двух свидетельств об окончании Семёном реального училища в Харькове. В первом из них записано: *«Удостове-*

ряем, что Шимен Абрагам Кузнец, иудейского вероисповедания, родился 17 апреля 1901 г., поступил в Харьковское 2-е реальное училище 26 октября 1915 г. и закончил 16 мая 1917 г.» Это свидетельство давало право поступления на гражданскую службу, но не в университет. В царской России в университеты принимали только лиц, закончивших среднюю школу с аттестатом зрелости. Такой аттестат давали классические гимназии с обязательным преподаванием древнегреческого и латинского языков. Об этом документе ехидно выразился математик и кораблестроитель академик А. Н. Крылов: *«...нас всех, его не имеющих, считают за незрелых выкидышей, которых нельзя на пушечный выстрел подпускать к университету, как будто мы своим нечистым дыханием опоганим храм науки»* [14. С. 695].

Второе свидетельство Кузнеца подтверждает, что он успешно окончил высший дополнительный класс реального училища, и это давало ему право на поступление в университет.

[2] Аникин Андрей Владимирович (1927–2001) — советский экономист и лексикограф, писатель-фантаст. Выпускник престижного Института внешней торговли, доктор экономических наук. Специалист в области денежного обращения, кредита, международных валютных отношений, экономики США и Канады. Автор и составитель ряда англо-русских экономических словарей.

ОБРАЗОВАНИЕ

Российские учителя-евреи в Америке

Адела Розенштрах (*Реховот, Израиль*)

Вместо предисловия

«Нет прекрасней назначенья, благородней нет венца...» — писал когда-то великий русский поэт Некрасов, подразумевая подвижнический просветительский труд на благо народа. Эти поэтические строки давно уже соотносятся с профессией учителя.

С тех пор как они впервые прозвучали, прошло много лет, многое неузнаваемо преобразилось, изменились положение и функции педагога не только в российском обществе, но и в подавляющем большинстве других цивилизованных стран.

Мир превратился в глобальную деревню, и в разных направлениях потекли потоки миграции. Вследствие этого появились новые проблемы: как приехавшему в незнакомую иноязычную страну учителю из бывшего СССР/СНГ профессионально состояться? Как быть в случае, если ему/ей важно сохранить и упрочить свое еврейское самосознание? Каким образом, усваивая уроки эмиграции, использовать свой прежний, накопленный опыт преподавания и внедрять его в уже сложившуюся дидактическую систему изучения тех или иных школьных и вузовских дисциплин?

Казалось бы, достаточно важная проблема для США, куда за последние 40 лет эмигрировали около 326 000 бывших советских евреев[1].

Актуальность этих вопросов усиливается еще и благодаря тому, что растет интерес широкой американской общественности к проблемам образования в целом.

Тем не менее указанная тема в специальной литературе почти не разработана. Достаточно отметить, что отсутствуют или практически недоступны ни общее количество учителей, эмигрировавших из бывшего СССР в США, ни число русскоязычных евреев-преподавателей, приехавших в период третьей и четвертой волн эмиграции, которые *«...характеризуются самым высоким уровнем лиц с высшим образованием и учеными степенями. Фактически это была "утечка умов"»*[2].

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы освещают по преимуществу опыт университетских преподавателей-евреев, выходцев из бывшего СССР/СНГ. Сложный процесс интеграции школьных учителей в новую реальность описан в большинстве статей как бы мимоходом, скупо и фрагментарно. В тех немногих случаях, когда авторы подобных публикаций касаются положения в средней школе, они, к сожалению, не выделяют из общей массы учителей, продолжающих свою карьеру в США, и тех педагогов, которые в силу разных обстоятельств «пошли другим путем».

Между тем мы полагаем, что интересующая нас категория специалистов, разделяя в полной мере общие для всех иммигрантов трудности, должна была решать и свои специфические учительские проблемы.

Школьное обучение в США осуществляется в учебных заведениях самых разных типов: государственные школы, частные религиозные школы, монастырские школы, школы-интернаты в сельской местности, чартерные школы, вечерние, воскресные, домашние школы — вот далеко не полный перечень образовательных учреждений, предлагающих свои услуги учащимся и их родителям.

Нам представляется, что профессиональная карьера российского учителя-еврея, работающего по специальности или близко к ней, зависит порой и от типа учебного заведения, в котором он/она трудится, но этот аспект освещен в специальной литературе, к сожалению, слабее всего. Наличие большого числа белых пятен в заявленной теме убедило нас в том, что попытка осветить ее несколько полнее является своевременной и, возможно, побудит других авторов к ее более подробному и всестороннему анализу. В подтверждение вышеизложенного сошлемся на мнение Виктора Снитковского, высказанное им на страницах бостонской русско-еврейской газеты *Еврейский мир*: *«Сегодня, когда США всё стремительней "заполняются" миллионами выходцев из беднейших католических и исламских стран, а также нищей Африки, вопросы школьного образования и регулирования потоков эмиграции вновь приобретают исключительную важность»*[3].

Всякое начало трудно...

Российские учителя пришли в американскую школу в 90-е гг., именно тогда стал особенно явственным кризис школьного образования в стране.

Основные трудности, с которыми сталкивались российские учителя-евреи, являлись характерными едва ли не для всех новоприбывших педагогов-иностранцев. К ним относятся: языковой барьер; непохожая на привычную для страны исхода модель учебного процесса, включая цели

и задачи, содержание, принципы, методы и приемы обучения, иные, нежели в стране исхода, менталитет, культурные коды, традиции, обычаи и т. д. у учащихся, их родителей, учителей и других работников школы.

Оставляя в стороне проблему языкового барьера, поскольку она требует отдельного анализа, сосредоточимся на других сложностях интеграции.

Для начала — несколько цитат.

«Тогда, 10 лет назад, я еще не знал, что такое учить детей в Америке. Думал, тут, как в России или в Латвии, где я учил английскому ...В России в школе все просто. Учитель — командир, ученик — солдат. А здесь... дети уверены, что школа не только для учебы, но и для развлечений, а потому с тебя свою долю развлечений и требуют. А я не клоун. Словом, в те времена тяжеловато было»[4].

«Иностранцы, однако, быстро понимают, что выжить здесь может только тот, кто приспособился к системе и не критикует ее. На разных уровнях новоприбывшим дают понять, что страна нуждается в интеллектуалах, но не слишком независимых... Это одна из причин, почему многие иммигранты, бывшие прекрасными преподавателями математики в России, так мало сделали для реформы американского образования»[5].

«Здесь учиться не заставляют. Если ученик ленив или от природы не способен к обучению, его не тянут»[6].

Приведенные цитаты наглядно демонстрируют, насколько существенно отличалось реальное положение дел в американской системе образования от того, что ожидали увидеть новички.

Бывшие российские педагоги привыкли к традиционной модели организации урока, когда ядром учебного процесса является учитель. Вокруг него, кто «ближе», кто «дальше», вращаются по своим «орбитам» «электроны» — ученики. Послушные в своем большинстве указаниям учителя, они учатся как могут, а педагог, в свою очередь, старается им помочь и подтянуть слабых — ведь учиться следует как можно лучше.

Вузовские преподаватели также встретились с малоприятными неожиданностями: *«Эта система (как и любая система) прочна: если недавний эмигрант, еще неопытный, оказывается другим, хочет преподавать в первую очередь для тех, кто действительно желает учиться... он не вписывается в систему, вызывая лишь проблемы...»* — утверждает А. Л. Тоом, опираясь на свой личный опыт преподавания. Эта болезненная ситуация постепенно приводит к тому, что педагог-эмигрант начинает *«больше заботиться об отсутствии жалоб, чем об истинных знаниях своих студентов»*[7].

Причины возникновения трудностей, или Откуда «рожки растут?»

В чем же коренятся причины того, что преподаватель-иммигрант вынужден приспосабливаться к системе, заведомо рассчитанной на среднего ученика, не слишком любознательного и трудолюбивого?

В своей книге «Америка за школьной партой»[8] бывший декан Высшей педагогической школы Гарвардского университета Патрисия Грэм предлагает объяснение этому явлению. Она исходит из того, что образование в США существенно отличается от европейского, так как эта страна сформирована из эмигрантского населения. Эмигрантов, приехавших из разных стран, следовало прежде всего сплотить и превратить в единый народ, поэтому в основу их культурного объединения был положен принцип плавильного котла различных эмигрантских сообществ. По мнению автора книги, в США *«главное заключается в том, чтобы научить приехавших говорить по-английски, а также помочь им адаптироваться для жизни в Америке, привить постепенно любовь к новой родине»*.

Для успешного достижения намеченной цели следовало выбрать учебный материал, доступный для учащихся различного уровня. Именно поэтому в американской школе доминировала тенденция изучения понятного для большинства учащихся учебного материала, «пригодного для немедленного применения на практике».

По мере того как в Европе и России формировалась Школа знаний, полезная для общей интеллектуальной и культурной подготовки, в США развивалась Школа информации, полезной для жизненной практики (недаром в школах США никогда не изучались классические языки). Другое различие между европейской и американской общеобразовательной школами заключается в том, что первая была направлена на обогащение учащихся знаниями из различных наук, в то время как задачей второй является воспитание.

Главное различие состоит в том, что *«демократические основы общества призваны распространяться и на школу, в основе которой должны лежать потребности самих детей и их право на свободу выбора»*[9]. Заметим, что в России сходные концепции в образовании поддерживали большевики во главе с Н. К. Крупской в первые годы советской власти.

Но далеко не всегда идея свободного выбора оказывалась плодотворной. Следование ей вело не к всестороннему образованию школьников, а, наоборот, к деградации школы, что не осталось незамеченным как американской педагогической и родительской общественностью, так и более широкой аудиторией в целом. Поэтому со временем был принят ряд мер, благодаря которым центр внимания сместился от проблем социализации к проблеме академической успеваемости.

О том, как это происходило, рассказывает Азарий Мессерер, в начале 1990-х гг. преподававший в бруклинской школе им. Франклина Делано Рузвельта[10]. В эту школу в 1960-х гг. пришли в качестве новых молодых учителей блестящие выпускники Бруклинского колледжа, который, в свое время, сыграл особую роль в подготовке научных и педагогических кадров в США. Среди учителей школы особенно выделялись преподаватели биологии и истории. Автор статьи некоторое время работал в русской двуязычной программе и посещал их уроки, а затем помогал вновь прибывшим русским учащимся-иммигрантам осваивать сложный материал учебников на английском языке.

Учитель истории Роберт Левенталь, религиозный еврей, курировал его, т. е. был его «ментором». Этого замечательного педагога отличали обширные глубокие знания и незаурядные актерские способности. Однако главное заключалось в том, *«...что учителя по призванию, вроде Левенталя, любили заражать школьников своим предметом, "лепить" их юное, гибкое сознание, развивая воображение. Некоторые его рассказы мне так запали в голову, что я потом пересказывал их друзьям»*[11].

Именно указанные выше педагогические достоинства свойственны и лучшим российским учителям, евреям и неевреям. Молодой педагог, еврей с российскими корнями, не просто хорошо понимал, что совместная работа с прекрасными американскими специалистами была для него большой удачей, а сознательно стремился изучить и перенять их плодотворные методы и приемы преподавания.

Уход на пенсию этих подлинных профессионалов в конце XX в. не мог не сказаться на качестве обучения в школе, поскольку *«учителям следующего поколения до них было очень далеко... да и трудно опытным учителям выдерживать "менторство" молодых, когда они должны были передавать им свой опыт»*[12].

Плюсы и минусы американской школы, или Что такое хорошо и что такое плохо

Русскоязычные евреи, переселявшиеся в Америку с конца XIX в. вплоть до середины 90-х гг. прошлого столетия, всегда стремились дать своим детям хорошее образование. Представители последней волны, сознавая, наряду с ее пороками, несомненные достоинства советской школы, стремились найти нечто похожее и в американской системе образования, справедливо полагая, что наличие каких-то знакомых и понятных явлений, процессов, правил, требований в новой школе поможет детям чувствовать себя более уверенно и продвигаться в учебе более успешно.

Различные по характеру положительные аспекты американского образования описывают многие российские учителя-евреи. Сошлемся,

в частности, на ответы магистра Татьяны Осипенко, данные в телефонном интервью, и на суждения доктора Людмилы Гозун, высказанные во время встречи с ней в Израиле.

Т. Осипенко много лет преподает химию в выпускных классах государственной школы города Ньютон вблизи Бостона. В старших классах русскоязычных педагогов не так много, хотя в начальных и средних классах они встречаются часто: в основном это молодые учителя, привезенные в подростковом возрасте еврейскими родителями в Америку и получившие образование в США. Л. Гозун долгое время обучала русскому языку детей в начальной и средней школе.

Обе мои коллеги подчеркнули, что государственные школы в Америке сильно различаются по уровню подготовки учащихся и технической оснащенности, а также качеству обучения и услуг, предоставляемых школьникам. Школа для старшеклассников в Ньютоне относится к числу особенно хороших: это объясняется высоким конкурсом среди учителей, желающих поступить туда на работу, что позволяет выбрать лучших среди лучших; благополучным в социально-экономическом и культурном отношении состоянием семей, чьи дети посещают эту школу; высококачественной учебной подготовкой подростков, а также разнообразными видами академической и иной поддержки, оказываемой им в зависимости от их индивидуальных особенностей и запросов.

Занятия по всем предметам проходят в гомогенных группах, где ученики изучают материал, соответствующий их уровню, получая после занятий дополнительную помощь от учителей. В наиболее продвинутых группах много детей приехавших из России евреев, а также китайских подростков, отличающихся большим трудолюбием. Особенно существенная поддержка оказывается ученикам-инвалидам, каждый из которых имеет ассистента-специалиста и оборудованный особым образом стол для занятий. Глухим школьникам ассистируют переводчики на язык глухонемых, а слабовидящие изучают чтение по системе Брайля. В классе, где занимаются 11 человек, работают, кроме учителя, два ассистента по программам, индивидуально составленным для каждого ученика.

Много лет назад у Татьяны был ученик с явными проявлениями аутизма. Благодаря высокому профессионализму и слаженным усилиям коллектива, с подростком был установлен контакт, успешно преодолены трудности общения, а его отношения с Татьяной переросли в дружбу. Юноша вырос, стал биологом и сохранил самые добрые чувства к школе и учителям.

Гуманное отношение к учащимся с особыми потребностями подчеркивается едва ли не каждым автором, касающимся темы образования в США.

Вопросы еврейского воспитания и сохранения связей с русским языком и культурой, интересующие семьи русскоязычных евреев, тоже не остаются без внимания. В школе действуют «Клуб еврейской культуры» и «Русский клуб», при котором создан театр. К сожалению, часы русского языка постепенно урезаются, раньше их было больше, и выпускники лучше говорили по-русски. Данная категория учащихся интересуется жизнью Израиля и «болеет» за него. На мой заключительный вопрос об особенностях менталитета и манеры поведения американских учителей Татьяна дала такой ответ: *«Нужно время для привыкания к их менталитету... Они образованы, вежливы, более воспитаны, чем мы, благодарят за малейшую услугу, в отличие от наших соотечественников. Я замечаю, что сама стала как-то вежливее и терпеливее под их влиянием...»*

Выше уже было упомянуто, что многие иммигранты ищут в новой реальности черты, напоминающие их прошлую жизнь. Образование не является исключением из правила. Некоторые русскоязычные родители-евреи, сравнивая государственные и частные религиозные школы, отдают явное предпочтение последним не только в силу их меньшей ассимиляции, но и благодаря большей близости к знакомым советским школам. Один из участников дискуссии на эту тему, проходившей в Сети, с удовлетворением подчеркивал: *«...в нашей частной школе уроки в классе больше похожи на русскую школу, детей не тасуют постоянно, класс — коллектив... Если ребенок проявляет большие способности в каком-то предмете, то ему разрешается переходить на уровень выше и вообще учиться со старшими классами по этому предмету... Главное — желание, а школа готова идти навстречу устремлениям учащихся».*

Оригинальные концепции, положенные в основу обучения и воспитания в конкретных школах и приносящие хорошие плоды, достойны изучения, а сам опыт — распространения независимо от того, откуда он исходит, — это основные выводы таких исследователей американского образования, как В. Бакмастер[13], Х. Курочкина[14], В. Люлечник[15] и др.

Особенно интересны поиски, направленные на укрепление еврейского самосознания учащихся из семей, имеющих российские корни. В государственных школах еврейские дети постоянно находятся в интернациональном коллективе, а еврейское воспитание получают лишь во время воскресных или послеобеденных занятий. Вследствие этого процесс ассимиляции американской светской молодежи идет достаточно быстро. С другой стороны, далеко не каждая заинтересованная в еврейском воспитании семья может позволить себе отдать ребенка в дорогостоящую частную еврейскую школу. Поэтому за последние двадцать лет получили развитие так называемые чартерные школы, созданные как альтернатива традиционным религиозным учебным заведениям. Сегодня в США

около 5500 школ чартерного типа, в которых обучаются около двух миллионов детей различных религиозных исповеданий. По данным Сохнута, в Северной Америке насчитывается 850 иврито-английских чартерных школ, и в них получают образование тысячи еврейских учащихся.

Многим этот путь представляется достаточно перспективным. В нем положительные черты частных еврейских школ дополняются актуальными и играющими важную роль в деле формирования личности нынешних американских подростков знаниями о сложных явлениях, происходящих в Израиле и на Ближнем Востоке. Часть учащихся посещает и уроки религии, однако главным является стремление привить детям национальные язык и культуру. Этому служат специальные предметы: иврит, израилеведение и ивритоязычная литература.

Современные исследования, проведенные в США, показывают растущее отчуждение между государством Израиль и местной еврейской молодежью. Молодые американцы, родившиеся в 70–80-х годах, увидели Израиль *«далеко не в таком героическом ореоле, как их отцы и деды»*, — пишет израильский автор Гиль Рибак[16]. Сложный и длительный ближневосточный конфликт и непростые взаимоотношения еврейского государства с палестинцами отчуждают часть светской еврейской молодежи от своей национальной сущности. Плюрализм и политкорректность применительно к ближневосточной проблеме, широко пропагандируемые либеральными СМИ США, также ослабляют поддержку Израиля со стороны нынешних молодых американских евреев.

Что же следует противопоставить этой тревожной тенденции? Естественной реакцией является принятие мер, направленных на сближение двух крупнейших еврейских общин мира, на осознание ими своей взаимной зависимости и необходимости взаимной поддержки. Это важно, поскольку *«...государство Израиль является одним из центральных элементов идентичности американских евреев»* и, в свою очередь, *«...зависит от поддержки США, которые никогда бы не достигли сегодняшнего уровня без евреев, живущих в этой стране»*[17].

Именно цели сближения и лучшего взаимопонимания ставят перед иврито-английскими чартерными школами их создатели — еврейские активисты-филантропы во главе с Майклом Стейнхардом. Кроме действующих школ в Большом Нью-Йорке, Флориде и Калифорнии, они планируют со временем открыть еще 20 учебных заведений подобного типа, надеясь, что эта модель станет успешной в долгосрочной перспективе.

Не все в Америке поддерживают эту идею: частные религиозные еврейские школы видят в чартерных учебных заведениях конкурентов, многие верующие евреи считают, что замена религиозного элемента светским, ориентированным на Израиль, представляет собой ошибочный путь.

Думается, что русскоязычные учителя-евреи по ряду причин (связь с Израилем на личном уровне, через проживающих там родных и друзей; интерес к политическим, экономическим, социальным аспектам жизни в еврейской стране; общее прошлое в стране исхода, СССР/СНГ; владение русским языком) могут внести серьезный вклад в успешное осуществление подобного проекта.

В связи с этим хочется привести слова Светланы Островской, выступающей от лица тех русскоязычных родителей, которые верят в то, что следует всячески поддерживать и поощрять изучение детьми русского языка и литературы в Америке: *«Русская школа... дает и моральную поддержку со стороны учителей, поощряющих интерес к знаниям наших детей, и предоставляет детям интересную программу, которая не дает им скучать вне занятий обычной школы»*[18].

Вместо заключения

Подводя итоги вышеизложенному, коснемся ряда несомненных достижений американской системы образования, отмеченных российскими педагогами-иммигрантами:

— американская школа внедряет в сознание своих воспитанников разных национальностей и вероисповеданий терпимость, толерантность и политическую корректность; она отличается гуманностью;

— уделяется серьезное внимание воспитанию патриотизма, гордости за свою страну и самодостаточности;

— подростка учат уважать людей независимо от их цвета кожи, внешних дефектов, умственных качеств, социального статуса и материального положения. Любой труд достоин уважения и благодарности;

— поддерживается стремление учеников к успеху, к улучшению собственных достижений, направленное на то, чтобы у них не сформировался синдром неудачника и сохранялась положительная мотивация;

— уже с ранних этапов обучения ребенку дают понять, что у него есть право выбора, но при этом он несет ответственность за то, что он выбирает;

— всячески поощряются занятия музыкой, спортом, танцами, а также посильный труд старшеклассников в свободное от учебы время, целью которого является помощь родителям оплачивать обучение;

— разнообразные благотворительные фонды и организации оказывают финансовую поддержку добросовестным или особо одаренным учащимся, которые нуждаются в таковой для оплаты своего образования;

— многие хорошие школы обладают прекрасно оборудованными классами, лабораториями, залами, библиотеками и т. д., а также предо-

ставляют организованную доставку учащихся в школу, что заметно улучшает условия работы учеников и педагогов.

Наряду с достоинствами американской школы приехавшие из России учителя выявляют и ее недостатки:

— недочеты в организации и осуществлении учебного процесса;

— существует очень большая разница между государственными школами в зависимости от социально-экономического и культурного уровня проживающего в конкретных районах населения. Поведение учащихся и их общая подготовка в школах проблемных районов создают немалые сложности для новоприбывших учителей, которые затрачивают большие усилия для их преодоления, не получая за это достаточного морального удовлетворения;

— в благополучных школах распространены ориентация на среднестатистического ученика и «оценкомания». Большинство учеников стремятся иметь хорошие оценки для получения желанного диплома об окончании школы и дальнейшего обучения, но редко задумываются о пользе учения как такового и мало проявляют естественную для подростков любознательность;

— из-за творческого подхода к преподаванию непросто порой складываются взаимоотношения российских учителей-евреев с родителями учащихся и руководством школы. Родители склонны видеть в учителе чиновника, чей труд они оплачивают из своих налогов, и в силу этого вправе сменить строптивого, требовательного и творчески мыслящего педагога на более покладистого. Руководство же заинтересовано не столько в развитии умственного потенциала учеников, сколько в хороших оценках и в том, чтобы не было столкновений с родителями. Подобный подход вреден не только для учащихся, но и для учителей, так как вводит в заблуждение первых и обезоруживает вторых.

Именно в силу косности сложившейся системы вклад российских учителей-евреев в американскую систему образования оказывается, по мнению исследователей и самих педагогов, менее заметным, чем он мог бы быть.

Глубокое осмысление этой проблемы мы находим у известного филолога А. С. Либермана: *«...Извечен вопрос о признании эмигранта на новом месте. Все зависит от того, какою мерой мерить признание...достаточно не идти на сговор с собственной совестью ради почетного звания, прибавки к жалованью и одобрительного взгляда вышестоящих — чрезвычайно невысокая плата за сохранение себя как личности»*[19].

Но американская система образования не стоит на месте, она развивается, а вместе с ней изменяются место и роль российских евреев-учителей, среди которых сегодня все больше тех, кто приехал в Америку детьми или родился в еврейских семьях выходцев из России. Для этих людей

характерны высокая образованность, добросовестное отношение к труду, готовность и умение быстрой переквалификации и упорное стремление дать своим ученикам наилучшее образование. Нам представляется, что молодое поколение евреев-учителей, имеющих российские корни, еще скажет свое слово.

[1] *Тольц М.* После исхода: постсоветские евреи в современном мире / Авториз. пер. с англ. И. Иванюк // Международная миграция: экономика и политика / Ред. В. Ионцев. М., 2006. С. 121.

[2] *Мельман Н.* О социализации русских евреев-врачей в США // Русские евреи в Америке. (Далее — РЕВА). Кн. 2 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2007. С. 286.

[3] *Снитковский Виктор.* Американская школа и главные принципы образования // Еврейский мир. 2012. 16 октября.

[4] *Липатс Дитрих.* Я — американский учитель. Интернет-ресурс: Lib.Ru: Сервер «Заграница».

[5] *Тоом А.Л.* Русский учитель в Америке. Интернет-ресурс: Шевкин.Ru.

[6] *Курочкина Хотун.* Размышления об Америке. Дети. Интернет-ресурс: Sakha Diaspora.

[7] *Тоом А.Л.* Русский учитель в Америке.

[8] *Грэм П.* Америка за школьной партой. Как средние школы отвечают изменяющимся потребностям нации / Пер. с англ. Сергея Карпа. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2011.

[9] Там же.

[10] *Мессерер Азарий.* Учитель и школьное образование в США // Чайка. 2012. 20 декабря.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] *Бакмастер Валентина.* Образование в Америке // Русский журнал. 2001. 17 ноября.

[14] *Курочкина Хотун.* Размышления об Америке. Дети.

[15] *Люлечник Вилен.* Еврейская эмиграция в США // Русская Америка. Нью-Йорк, 2005. № 347.

[16] *Рибак Гиль.* Евреи Израиля и США — вместе или врозь? // Маарив. 2012. 27 марта. (иврит).

[17] Там же.

[18] *Островская Светлана.* Рассказы об Америке. Интернет-ресурс: Lib.Ru: Сервер «Заграница».

[19] *Либерман А.* Российский филолог в Америке (А. Либерман о себе) // РЕВА. Кн. 4 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2010. С. 146.

ПОЛИТИКА

«Другие» американские евреи: выходцы из СССР/СНГ и выборы президента США

Алек Д. Эпштейн (Иерусалим)

Когда стало известно о том, что президент США Барак Обама переизбран на второй срок, сразу появились статьи о том, что свою лепту в его победу внесли и еврейские избиратели. *«Обама смог победить,* — писал обозреватель *The Jewish Daily Forward* Натан Гутман, — *в первую очередь благодаря единодушной поддержке тех групп населения, которых относят к "стабильному демократическому электорату": афроамериканцев, испаноязычных и еврейских либералов»*[1].

На протяжении нескольких месяцев, предшествовавших президентским выборам, уверенности, что все обернется именно так, не было. Активную кампанию среди представителей еврейской общины вела Республиканская еврейская коалиция (РЕК). Ее глава Мэтт Брукс предрекал, что *«высокий интерес к нашей* [РЕК. — *А.Э.*] *кампании показывает, что у президента Обамы могут быть большие проблемы с еврейскими голосами»*. В июле 2012 г., посещая Израиль, Мэтт Брукс и его коллега и соратник Ари Фляйшер сказали, что отсутствие поддержки президента Обамы в Израиле послужило — ни много, ни мало — «сигналом для американских евреев». Они напомнили о результатах опросов, которые показали, что лишь малый процент евреев в Израиле считают Барака Обаму другом своей страны. *«Опрос, опубликованный в Jerusalem Post, всколыхнул всю Америку,* — не стесняясь в гиперболах, сказал Фляйшер. — *Это было раннее предупреждение, что в броне Обамы появились трещины. В 2009 году американские евреи еще были настроены в поддержку Обамы. Израильтяне увидели трещины первыми, а теперь и американское еврейство раскаивается* [так!] *в своей "покупке"»*[2]. *«Нет никакого сомнения, что Митт Ромни пользуется успехом у еврейских избирателей,* — добавил М. Брукс. — *Успех будет продолжением процесса завоевания "рынка" за счет демократов, особенно в колеблющихся штатах»*.

Республиканские активисты, посещая Израиль, знали, что их кандидат пользуется полной поддержкой со стороны премьер-министра

Биньямина Нетанияху, который не хотел ни избрания Барака Обамы в 2008 г. (послом Израиля в США уже после победы Б. Обамы был назначен д-р Майкл Орен, опубликовавший перед выборами статью, в которой утверждалось, что взгляды сенатора Маккейна ближе стратегическим интересам Израиля[3]), ни его переизбрания в 2012 г. Опрос, проведенный в мае 2008 г. Центром стратегических исследований при Тель-Авивском университете, показал, что 43% израильских евреев поддерживают Маккейна, а 20% — Обаму. Среди русскоязычных израильтян разрыв был еще больше: согласно опросу, проведенному редакцией одного из самых популярных в Израиле интернет-порталов на русском языке NEWSru.co.il в сентябре 2012 г., 88% респондентов, будь у них гражданство США, проголосовали бы за Митта Ромни, тогда как Барака Обаму поддержали бы только 7%[4]. В статье «Где евреи голосуют за республиканца» в *Weekly Standard* ее автор Уилли Стерн приводил слова Кори Бардаша, сопредседателя Ассоциации республиканцев, живущих за рубежом, утверждавшего, что три четверти израильтян, имеющих право голоса на американских выборах, поддержат Джона Маккейна[5]. По данным опроса, проведенного в Израиле в начале ноября 2012 г., доля сторонников Митта Ромни (50%) почти вдвое превышала долю сторонников Барака Обамы (26%)[6]. По данным другого опроса, проведенного в Израиле в июне 2012 г. под руководством профессора Эйтана Гильбоа, 30% израильтян выражали мнение, что в случае избрания Митта Ромни президентом отношения между двумя странами улучшатся, и только 8% связывали подобные надежды с переизбранием Барака Обамы[7].

Сомнения в том, что в случае переизбрания Обама будет поддерживать Израиль, попытался развеять бывший глава президентской администрации, один из самых близких Бараку Обаме политиков, нынешний мэр Чикаго Рам Эммануэль, отец которого родился в Иерусалиме и даже состоял в ЭЦЕЛЬ — военизированной организации последователей Жаботинского. В интервью второму каналу израильского телевидения Рам Эммануэль декларировал: *«Барак Обама был и остается верным другом Израиля. Как знает ваш министр обороны, а также ваш президент, в том, что касается сохранения стратегического военного превосходства Израиля, у вас нет и не будет лучшего друга, чем президент Обама»*[8].

Апелляция к президенту Израиля Шимону Пересу и (уже бывшему) министру обороны Эхуду Бараку (оба они сделали свои политические карьеры в Партии труда, но позднее покинули ее) красноречиво говорит о том, насколько на самом деле непростые отношения сложились между администрацией Барака Обамы и высшим политическим руководством Израиля. В Израиле по закону президент является фигурой преимущественно церемониальной (как, например, и в Германии), а министр обо-

роны не является лицом, отвечающим за международные связи страны. Фактически, не сумев выстроить конструктивной модели взаимодействия ни с главой правительства Израиля Биньямином Нетанияху, ни с министром иностранных дел Авигдором Либерманом, американские руководители сами выбрали себе партнеров для диалога в еврейском государстве. Поддержка со стороны Биньямина Нетанияху (а также близкого к нему миллиардера Шелдона Адельсона) была гарантирована Митту Ромни. Вопрос, однако, состоял в том, насколько мнение премьер-министра еврейского государства в вопросе о желательном кандидате на пост президента США оказывало влияние на формирование электоральных предпочтений американских евреев.

В первую неделю сентября Республиканская еврейская коалиция сообщила о том, что завершила масштабную агитационную кампанию среди представителей еврейских общин Южной Флориды, Филадельфии и Кливленда. Так как, по данным опросов, Ромни и Обама имели в этих регионах примерно равную поддержку избирателей, эта компания считалась особенно важной. Мэтт Брукс рассказал, что около тысячи волонтеров со всех уголков США агитировали еврейских избирателей методом «от двери к двери», раздавая листовки и убеждая поддержать республиканского кандидата. *«Я участвую в избирательных кампаниях уже 20 с лишним лет. Вы можете посмотреть результаты экзит-поллов* нескольких последних лет и убедиться, что мы отвоевали для республиканского кандидата "изрядную долю рынка"»*, — говорил Брукс корреспондентке *New York Times* в конце сентября[9]. Итоговые данные голосования во Флориде, Пенсильвании и Огайо показали, однако, что привлеченные республиканцами добровольцы работали впустую: по принятой в США избирательной системе победитель в каждом штате получает голоса всех выборщиков вне зависимости от того, какой процент избирателей проголосовал за него, а какой — за его оппонента или оппонентов. Барак Обама добавил в свою копилку голоса всех 29 выборщиков во Флориде (получив там 4 237 756 голосов против 4 163 447 — за Митта Ромни), 20 — в Пенсильвании (опередив Митта Ромни более чем на триста тысяч голосов, 2 990 274 против 2 680 434), и 18 — в Огайо (там разница превысила 160 тысяч голосов, 2 827 621 человека — за Обаму, 2 661 407 — за Ромни).

«Мощная поддержка, которую еврейские избиратели оказали демократическому кандидату, свидетельствует о том, что активная кампания, проведенная республиканцами с использованием антирекламы, тактики

---

* Экзит-полл (*англ.* exit poll) — опрос общественного мнения, проводимый на выходе с избирательного участка.

запугивания и откровенной лжи, не сработала. Со времен Нового курса [Франклина Рузвельта] Демократическая партия была "политическим домом" для подавляющего большинства американских евреев. Сегодняшние выборы вновь подтвердили это», — заявил президент Национального еврейского демократического совета Дэвид Харрис[10]. Пожалуй, так оно и есть.

Согласно данным опроса евреев США, обнародованного в первой половине июля 2012 г. организацией *The Workmen's Circle / Arbeter Ring*, в среднем лишь 29 % американских евреев хоть один раз в жизни бывали в Израиле, причем ни в одной из выделенных возрастных категорий доля побывавших в Израиле не достигла 35 %. Исследователи также сформулировали индекс «привязанности к Израилю», основанный на том, считает ли человек себя «в значительной мере произраильски настроенным» (50 баллов за положительный ответ) и «чувствует сильную эмоциональную привязанность к Израилю» (еще 50 баллов за положительный ответ); средний показатель составил всего 39 пунктов, причем ни в одной из выделенных возрастных категорий он не достиг и 45 пунктов. Из пятнадцати предложенных исследователями пунктов вопрос «об Израиле и палестинцах» (сформулировано это было в анкетах именно так) занял третье место по важности для респондентов, уступив лишь проблемам экономики/трудоустройства и антисемитизма. При этом очень важной для себя тему Израиля и палестинцев сочли 48 % опрошенных, т. е. чуть меньше половины. По данным того же опроса, 73 % считают, что США должны больше поддерживать Израиль, чем палестинцев, 17 % — что обе стороны заслуживают американской поддержки в равной мере, 9 % не имели мнения на этот счет; лишь менее 1 % считали, что США должны поддерживать палестинцев в большей мере, чем Израиль[11]. Вопрос, однако, состоит в том, в какой мере важность той или иной темы оказывает влияние на формирование электоральных предпочтений; говоря конкретнее, насколько поддержка Израиля становится фактором, определяющим электоральные предпочтения американских евреев.

Республиканцы построили свою кампанию на «еврейской улице» на недостаточной поддержке Израиля нынешней вашингтонской администрацией, однако социолог Джим Герштейн в общем справедливо указал, что вопросы ближневосточного урегулирования и безопасности государства Израиль занимают невысокое место в списке приоритетов большинства еврейских избирателей: *«При том, что наибольший интерес избирателей вызывают вопросы экономики, в частности, реформа системы здравоохранения, безопасность Израиля и ближневосточная политика США занимает восьмое место из тринадцати в списке предпочтений еврейского электората,* — подчеркнул Дж. Герштейн. — *Лишь*

7% опрошенных назвали вопросы безопасности еврейского государства своим главным приоритетом, исходя из которого они будут выбирать президента. Может быть, это самые громкие семь процентов, но они находятся в нижней части списка»[12]. В руководстве Израиля понимают, что для того, чтобы американские евреи помнили не только об Израиле, но и о своем еврействе, нужно прилагать целенаправленные усилия. Когда, однако, это происходит, то они вызывают раздражение, если не негодование, у большинства функционеров американских еврейских организаций, не готовых не только получать из Израиля какие-либо «руководящие указания», но и просто признать, что проблема достаточно массовой ассимиляции евреев США и их ухода от еврейства существует, угрожая сохранению американской еврейской общины как таковой в средне- и долгосрочной перспективе[13].

Республиканские активисты, однако, утверждали, что их труд напрасным не был, что им раз за разом удается склонить на свою сторону все большее число избирателей-евреев. Так, если в 1992 г., согласно опросам, за Джорджа Буша-старшего проголосовало 11 % еврейских избирателей (80 % поддержали Билла Клинтона), то в 1996 году республиканца Боба Доула поддержало уже 16 % (78 % поддержали того же Билла Клинтона). За Буша-младшего в 2000 г. отдали голоса 19 % избирателей-евреев (79 % поддержали Альберта Гора), а четыре года спустя — 24 % (76 % поддержали Джона Керри). Правда, Бараку Обаме удалось немного нарушить эту тенденцию в 2008 г. (его поддержали, согласно опросам, 78 % принявших в голосовании американских евреев, тогда как Джона Маккейна — только 22 %), однако Мэтт Брукс выражал убежденность, что на выборах 2012 г. еврейская поддержка республиканцев заметно возрастет. Опросы, проведенные в день выборов, подтвердили его прогноз: Митта Ромни поддержали 30 % проголосовавших евреев США, Барака Обаму — почти 70 %.

На основании вышеприведенных данных М. Брукс утверждал, что электоральные предпочтения еврейских избирателей смещаются в сторону республиканцев, однако так ли это? В 1972 г. за республиканца Р. Никсона проголосовали 35 % избирателей-евреев, в 1980 г. за Рональда Рейгана — 39 % (причем, как утверждали социологи, в возрастной категории от 30 до 45 лет за Р. Рейгана голосовало на 6 % американских евреев больше, чем за Дж. Картера), в 1988 г. за Дж. Буша-старшего — 35%. Если вспомнить более давние времена, то республиканца Дуайта Эйзенхауэра на выборах в 1952 г. поддержали 36 % избирателей-евреев, а в 1956 г. — 40 %. При этом за последнее столетие, кроме выборов 1920 г., кандидат-республиканец никогда не получал больше «еврейских» голосов, чем кандидат-демократ[14]. То есть говорить о каком-то когнитивном

электоральном перевороте среди американских евреев явно не приходится. Совершенно очевидно, что изучение этих данных не оставляет камня на камне от бесконечных разговоров о якобы огромной политической значимости голосов американских евреев для соискателей президентского поста: ни Р. Никсон, ни Р. Рейган, ни Дж. Буш-старший, ни тем более Дж. Буш-младший не заручились поддержкой большинства американских евреев, голосовавших как раз за их противников, что не помешало всем этим политикам более или менее триумфально выигрывать выборы.

Вопрос о политических предпочтениях элиты американского еврейства отпадает после изучения списка конгрессменов еврейского происхождения. Из одиннадцати сенаторов-евреев Демократическую партию представляют десять человек, Республиканскую — ни одного; сенатор от Вермонта Бернард Сандерс считается независимым, при этом сам он позиционирует себя как сторонник социал-демократии[15]. В нынешнем составе Палаты представителей из 22 депутатов еврейского происхождения от Демократической партии были избраны 21, от Республиканской — только один, 50-летний представитель Вирджинии Эрик Кантор, являющийся в настоящее время лидером республиканского большинства в Палате. Соотношение конгрессменов-евреев демократов и республиканцев (31 к 1) настолько отчетливо говорит само за себя, что, скорее, удивительно не то, что Митт Ромни получил всего 30 % «еврейских голосов», сколько то, что он получил целых 30 % голосов еврейских избирателей.

Рафаэль Мэдофф, основатель и директор вашингтонского Института изучения Холокоста имени Давида Ваймана (David S. Wyman Institute for Holocaust Studies), объясняет политический крен американских евреев слева направо изменением их этноконфессиональной структуры. Среди еврейской общины США все меньше потомков работяг-социалистов из Восточной Европы (в основном из Российской империи), для которых партия Франклина Делано Рузвельта и его «Новый курс» были спасением. Нынешние иммигранты-евреи из республик бывшего СССР (их долю в общем числе евреев США Р. Мэдофф оценивает в 12 %) настроены консервативнее, а религиозная строгость ортодоксальных евреев (составляющих около 15 % всего еврейского населения США) тоже не уживается с социал-либеральными взглядами Демократической партии, в частности, на однополые браки[16].

Позицию консервативно настроенных русскоязычных евреев США в связи с этим в сжатой форме выразил обозреватель нью-йоркского портала «Форум» Александр Грант:

«“Новым” американским евреям как стойким сторонникам частного предпринимательства не по душе утверждение Барака Обамы про обяза-

тельное участие государства в бизнесе. Они помнят "каирскую речь" Обамы 2009 года, когда он призвал Израиль отдать территории, захваченные у арабских стран-агрессоров в Шестидневной войне 1967 года, и назвал это "оккупацией". Они помнят дружбу Барака Обамы с антиизраильским активистом Рашидом Халиди и священником-антисемитом Джеремайей Райтом. Они понимают, что это последние выборы Обамы, а поэтому, победив, он уже не будет вынужден располагать к себе американских евреев в погоне за их голосами и рядиться в друга Израиля. Они помнят, что пресс-секретарь президента Обамы не рискует называть Иерусалим столицей Израиля, а Митт Ромни этого не боится. Хотя, повторяю, у официальной власти свои правила игры, и я не уверен, что пресс-секретарь президента Ромни поведет себя иначе»[17].

Опрос русскоязычных евреев Нью-Йорка, проводившийся в августе-сентябре 2012 г. социологом Сэмом Клигером и его коллегами (были опрошены 306 потенциальных избирателей в Нью-Йорке, на Лонг-Айленде, в округе Вестчестер и в прилегающих районах штата Нью-Джерси), показал, что 47% респондентов планируют голосовать за Ромни и лишь 12% — за Обаму. Около 40% опрошенных колебались с выбором или не собирались идти голосовать (в среднем по США на момент опроса таковых было 26% граждан). По оценке возглавляющего Институт изучения новых американцев при Американском еврейском комитете (American Jewish Committee's Research Institute for New Americans) С. Клигера, сделанной им на основе анализа предыдущих выборов, за республиканского кандидата собирались отдать свои голоса около 65% русскоязычных евреев нью-йоркского региона. Если русскоязычные евреи в целом предпочитали республиканского кандидата с четырехкратным перевесом, то среди лиц в возрасте 18–35 лет Митт Ромни и Барак Обама пользовались примерно равной поддержкой[18]. При этом Сэм Клигер указывал, что среди американских студентов в Нью-Йорке поддержка Обамы достигает 80–90%, а среди «русских» той же возрастной категории — только 50%. Популярность Барака Обамы среди молодежи Сэм Клигер (сам родившийся в Молдавии, а позднее учившийся в Казани и Москве) объяснял исключительно *«"промыванием мозгов" молодому поколению либеральными профессорами в колледжах и университетах»* — и этот нескрываемый антиинтеллектуализм много говорит и о нем, и об общине, ведущим социологом которой он является.

Анализируя результаты проведенного под его руководством опроса, Сэм Клигер говорил:

«Чуда не будет. "Русские" проголосуют в соответствии со своими ценностями, так же примерно, как они голосовали последние десять лет.

Вспомним: 75% за Буша в 2004 году, 77% за Маккейна в 2008-м, примерно столько же за Блумберга [на выборах мэра Нью-Йорка] *в 2009, 85% за Тернера* [на выборах депутата Палаты представителей от Нью-Йорка] *в 2011 и 66% за Сторобина* [на выборах в Сенат штата Нью-Йорк] *в марте 2012 года. Легко могу предсказать и ноябрь 2012-го: они будут голосовать в большинстве своем за республиканского кандидата в президенты Митта Ромни. ...Хотя Митт Ромни для многих был до недавнего времени таинственной фигурой, ассоциировавшейся с не менее таинственной христианской сектой мормонов, он стал к моменту окончания нашего исследования (и особенно после прошедших дебатов) вполне привлекательной фигурой президентского масштаба. ... Эта тенденция сохранится, по всей видимости, вплоть до выборов 6 ноября. А это означает, что на «русской улице» за республиканского кандидата проголосуют 80%, т. е. примерно столько же, сколько и за Буша в 2004 году, и за Маккейна в 2008»*[19].

Вопрос о том, почему русскоязычные евреи США голосуют принципиально иначе, чем в своем подавляющем большинстве голосуют местные уроженцы, не относящиеся к числу приверженцев ортодоксального иудаизма (а выходцы из СССР/СНГ к ним тоже не относятся), одновременно и сложен, и прост, особенно если сравнить их электоральное поведение с электоральным поведением русскоязычных израильтян. В обеих странах, чем моложе были уроженцы Советского Союза в момент эмиграции, тем больше шансов, что их электоральные предпочтения сдвигаются к центру и чуть левее, при этом ни в Израиле, ни в США ни в какой возрастной категории «русские» евреи не голосуют за левых и левоцентристов больше, чем за правых. В то же время между двумя странами есть существенная разница: в Израиле начиная с 1996 г. большая часть русскоязычных избирателей, выросших еще в СССР, стабильно голосует за партии, лидерами которых являются их дважды соотечественники, соответственно, Натан Щаранский (партия «Израиль на подъеме» в 1996–2003 гг.) и Авигдор Либерман (партия «Наш дом — Израиль» и блоки, в которые она входила). Обе эти партии в конечном итоге влились в правоцентристский блок «Ликуд». Из-за существующей в США мажоритарной избирательной системы, в этой стране нет и никогда не было какой-либо обособленной партии, в которой выходцы из СССР/СНГ играли бы ведущую роль, поэтому такой электоральной возможности — поддержать «своих» консерваторов — у русскоязычных евреев США нет.

Дэвид Сторобин — единственный за многие годы политик, родившийся в СССР и успешно баллотировавшийся в американский выборный орган — сенат штата Нью-Йорк (всего в Сенате Нью-Йорка 63 члена). Досрочные выборы, прошедшие в марте 2012 г., он выиграл, однако уже

в ноябре, баллотируясь вновь, проиграл, пробыв членом Сената штата лишь семь месяцев. Хотя Дэвид Сторобин — человек молодой (в 2012 г., когда он баллотировался в Сенат штата, ему было всего 33 года), уехал из СССР еще ребенком, а в постсоветской России никогда не был, высказываемые им взгляды пользуются популярностью как раз преимущественно у представителей старшего поколения. Сам политик вполне это осознает, отмечая: *«Так называемые "старые русские", которые еще помнят советские времена, как правило, более консервативны. Любая риторика, связанная с призывами к более справедливому распределению национального богатства, вызывает у них ассоциации с СССР»*. Вот как Д. Сторобин описывал в интервью собственные политические взгляды:

> *«Я — противник большинства идей, за которые выступают демократы. Выступаю против повышения налогов, постоянного увеличения вмешательства государства в нашу жизнь. ... Еще одна причина моего выбора состоит в том, что Республиканская партия гораздо активнее поддерживает Израиль, чем демократы. Чем больше ты идешь "вправо", тем больше сионистов встречаешь. Чем больше идешь влево, тем больше на твоем пути проарабски настроенных лиц и неприкрытых антисемитов — особенно еврейских, что самое страшное»*[20].
>
> *«Как еврей, я всегда был сионистом. Большая часть моей семьи, в том числе мой отец, моя сестра и мои два брата, живут в Израиле. Естественно, что я был там много раз. Почти все мои студенческие проекты были написаны на темы, связанные с Израилем. У меня есть большая библиотека книг о Ближнем Востоке. Я организовал множество произраильских митингов. Был президентом еврейской ассоциации в моей юридической школе»*[21].

Не очень понятно, что именно мешает самому Дэвиду Сторобину переселиться в Израиль, коль скоро он определяет себя как сиониста, но эту позицию — всячески поддерживать Израиль, при этом не связывая с этой страной собственную судьбу, — занимают многие американские русскоязычные евреи, выехавшие из СССР с целью воссоединения семей преимущественно по приглашениям, полученным из Израиля, и выбравшие путь эмиграции в США, хотя дорога в Израиль была для них открыта; в 1973–1989 гг. так поступали большинство еврейских эмигрантов. Отвечая на вопрос о том, чем он отличался от своего соперника — члена городского совета Нью-Йорка Луиса Фидлера (также еврея), Д. Сторобин назвал следующие причины:

> *«Очень много различий. Мой оппонент поддерживает Барака Обаму. Он по сей день считает, что мы имеем сегодня очень хорошего президента.*

Я не согласен с ним. Я против мечети на Sheepshead Bay, в то время как мой оппонент поддерживает это строительство. Фидлер с завидным упорством пробивает государственное финансирование проектов, связанных с однополыми браками. Думаю, что в сегодняшней экономической ситуации есть дела поважнее»[22].

Эти слова Д. Сторобина перекликаются с гомофобным тезисом Сэма Клигера, указавшего, что *«выступление за легализацию гомосексуальных браков... не прибавило позитива к образу президента в среде "русских американцев"»*[23]. Понятно, что среди пожилых русскоязычных «новых» (или не совсем «новых») американцев и исламофобия, и гомофобия (можно подумать, браки партнеров одного пола требуют каких-то особых расходов, почему-то непосильных именно «в сегодняшней экономической ситуации») цветут пышным цветом, однако для человека его возраста, фактически выросшего в США, эти взгляды никак нельзя назвать само собой разумеющимися. Свои первые выборы в Сенат штата Д. Сторобин выиграл с перевесом в четырнадцать (!) голосов, вторые — проиграл. На выборах 2012 г. он, естественно, поддерживал Митта Ромни. При этом русскоязычные евреи, голосовавшие за Ромни, скорее голосовали не «за», а «против» — против Барака Обамы, который большинству из них глубоко чужд как афроамериканец, детские годы которого прошли в мусульманской Джакарте, отец которого — кениец, а отчим — индонезиец. О том, что немалую роль в электоральных предпочтениях пожилых русскоязычных избирателей играют этноконфессиональные предрассудки, говорил, кстати, и исполнительный директор Совета еврейских иммигрантских организаций Роман Шмуленсон: *«Они видят в Обаме в первую очередь чернокожего, к тому же его второе имя — Хусейн. Кроме того, те русскоязычные, кто провели большую часть жизни в СССР, особой толерантностью не отличаются. Я сам, например, до своего приезда в Штаты в 1993 никогда в жизни не встречал чернокожего. Однако те русскоязычные, которые приехали в детском или юношеском возрасте, придерживаются более современных взглядов. Их в большей степени интересует программа кандидата, а не цвет его кожи»*[24].

Не все «русские» евреи, однако, республиканцы: единственный русскоязычный депутат законодательной Ассамблеи штата Нью-Йорк (всего в ней 150 членов) Алек Брук-Красный (он входит в состав Ассамблеи с 2006-го, и в ноябре 2012 г. был переизбран еще на два года, набрав почти 59% голосов[25]) представляет, напротив, Демократическую партию, хотя витиевато определяет себя как центриста: *«В социальном плане — я демократ, а в фискальном плане — я, скорее, либеральный республиканец. Для меня важно понять, откуда идут в бюджет деньги, необходимые для*

помощи наиболее нуждающимся людям»[26]. В США он прибыл в 1989 г., когда ему было едва за тридцать, занимался бизнесом, был исполнительным директором Совета организаций еврейских эмигрантских общин. После выборов в Конгресс в 2010 г. он говорил: *«На местном уровне выбор наших иммигрантов определяет, как правило, личность того или иного кандидата, а на более высоких уровнях — политические взгляды и партийная принадлежность. Так, я уверен, что из двух кандидатов на пост губернатора Нью-Йорка большинство "наших" предпочло демократа Эндрю Куомо его противнику, республиканцу Карлу Паладино, который не скрывал, что хочет на 40% сократить социальные программы. Ведь многие русскоязычные иммигранты получают эти программы, столь же многие имеют родителей, которые их получают»*[27].

А. Брук-Красный был прав в этой оценке: и в Израиле, и в США многие немолодые русскоязычные избиратели поразительным образом умудряются быть ярыми сторонниками доктрины «чистого капитализма», невзирая на тот факт, что предоставляемые им государством пособия и льготы являются основными источниками их финансового благополучия. Сэм Клигер справедливо указывал, что *«русскоязычные эмигранты... с огромным подозрением относятся к любым попыткам усиления государства и его вмешательства в жизнь и бизнес, к любым экспериментам "социалистического" толка. Поэтому они подозрительны к реформе системы здравоохранения, предложенной администрацией Обамы, к его идее поднять налоги на богатых»*[28]. При этом значительное большинство американских евреев, принадлежащих к обеспеченному среднему классу, которых может непосредственно затронуть это повышение налогов, как раз дважды голосовали за Барака Обаму, как и за почти всех остальных кандидатов-демократов в предшествующие десятилетия. Русскоязычные же евреи, большинству из которых увеличение налоговых выплат вследствие увеличения налога на наиболее состоятельных граждан никак не грозило, поддерживают республиканцев. Владелец издательства *Liberty* Илья Левков справедливо указывал, что *«американские евреи, как правило, голосуют против своего кошелька: люди обеспеченные, представители среднего класса, они поддерживают демократов, отстаивающих интересы небогатых жителей нашей страны, иммигрантов и т. д. Русскоязычные евреи до сих пор составляли исключение — они голосовали за свой кошелек»*[29]. Это вопрос не столько финансовый, сколько идеологический, связанный с отсутствием этики коммунитаризма среди граждан, покидавших СССР для того, чтобы перестать быть движимыми интересами коллектива, а пожить для себя, и не сумевшими воспринять принципы взаимопомощи, основой которых является признание за каждым человеком права на достойный уровень жизни. Прожив десятки лет в США,

эти люди в большинстве своем продолжают исповедовать принцип, сформулированный еще Лениным в 1918 г.: «“Кто не работает, тот да не ест”, — это понятно всякому трудящемуся». В наши дни социал-демократы повсеместно отстаивают иную этику, признающую за каждым индивидуумом, вне зависимости от степени его вовлеченности в процессы на рынке труда, право на некий уровень жизни, считающийся минимально достойным человека — и эта этика чужда значительной части выходцев из СССР/СНГ, даже тем из них, чье собственное благосостояние формируется преимущественно из государственных пособий. *«Многие русскоязычные неверно трактуют лозунг о перераспределении доходов. Они понимают это так, что кто-то ворвется в их дом, заберет “все, что нажито непосильным трудом”, и отдаст это дяде на улице,* — рассказал журналистам 35-летний Моисей Соловей. — *Сам я поддерживаю Демократическую партию, потому что она в большей степени соответствует духу еврейских ценностей. У республиканцев нет сострадания. Я бы даже сказал, что у них нет души»*[30].

Кстати говоря, довольно трудно понять, чем русскоязычным евреям США, выросшим в атеистической среде и в большинстве своем совершенно не разбирающимся ни в течениях иудаизма, ни в направлениях христианства, мешает религиозная индифферентность Барака Обамы. Сэм Клигер утверждает, что «исключение из программы Демократической партии слов о Б-ге и Иерусалиме как столице Израиля не способствовало, мягко говоря, усилению популярности Обамы» в этой группе населения. Уместно напомнить, что правительство Израиля провозгласило Иерусалим столицей еврейского государства еще в 1949 г., и за прошедшие с тех пор шестьдесят с лишним лет никто из президентов США от Республиканской партии, от Дуайта Эйзенхауэра до Джорджа Буша-мл., не признал Иерусалим столицей Израиля; посольство США все годы находилось — и продолжает находиться — в Тель-Авиве. Барак Обама тут ничего не изменил, продолжая де-факто воспринимать именно Иерусалим столицей Израиля: 20–21 марта 2013 г. именно в этом городе состоялись его встречи с президентом и премьер-министром Израиля, именно в иерусалимском Дворце наций он решил выступить с речью, обращенной к гражданам страны.

Фактически американские евреи и русскоязычные эмигранты (в большинстве своем тоже евреи) голосуют диаметрально противоположно, по крайней мере начиная с 2000 г., расходясь почти во всем, что касается политических взглядов и предпочтений. По данным, приводимым Сэмом Клигером, экономическую политику нынешней администрации поддерживают 57% американских евреев и только 16% «русских»; реформу здравоохранения одобряют 62% евреев США в целом и только 27% «рус-

ских»; политику правительства в отношении Израиля считают правильной 58 % американских евреев и только 17 % «русских». При этом почти 60 % американских евреев никогда не были в Израиле, а 60 % «русских» были как минимум один раз[31]. Если говорить по существу, то в современных США с политической точки зрения существует не одна, а три еврейские общины: к первой относятся те, кого принято называть еврейскими либералами, и они по-прежнему составляют устойчивое большинство; ко второй — ультраортодоксальные иудеи; к третьей — «новые американцы», уроженцы бывшего Советского Союза. Более трех четвертей, принадлежащих к первой общине, голосовали и голосуют за демократов, тогда как во второй и третьей общинах пропорция была едва ли не обратной.

Дальнейшие перспективы притока избирателей-евреев в стан республиканского электората двояки. С одной стороны, доля двух указанных социумов (ортодоксального и русскоязычного), входящих в электоральный ресурс Республиканской партии, довольно скромна и по каждому из них лишь немного превышает 10 % от общей численности американских евреев. При этом количественный рост русскоязычного сектора весьма проблематичен ввиду резкого уменьшения в последние годы иммиграционного притока и энергичной культурной ассимиляции молодежи. В отличие от них, ортодоксальные иудеи отличаются высокой рождаемостью, при этом они сохраняют свои ценности, практически не ассимилируясь в окружающей их среде, не воспринимая ценности социально ориентированного либерализма и мультикультурализма. Напротив, среди русскоязычных американцев более молодые люди, получающие в США высшее образование, становятся в среднем куда более восприимчивыми к этим ценностям, вследствие чего с течением времени поддержка кандидатов-республиканцев в русскоязычной общине будет, по всей видимости, иметь тенденцию к снижению. Этот процесс станет еще одним проявлением общих тенденций аккультурации полуторного и второго поколения постсоветского еврейства в американском обществе. Демократическая партия останется политическим домом американского еврейства, не связывающего свою судьбу с ортодоксальным иудаизмом. Феномен «других» американских евреев, имея в виду проанализированные в настоящей статье особенности электорального поведения русскоязычных американцев, как представляется, — явление, скорее, временное. При этом, в отличие от Израиля, где выходцы из СССР/СНГ, прибывшие в страну в 1970–1980-е гг., уже возглавили Министерство иностранных дел, парламент (Кнессет) и Еврейское агентство (Сохнут), в США никто из русскоязычных граждан не смог — и в обозримой перспективе едва ли сможет — играть сколько-нибудь весомую роль в федеральной политике.

[1] *Guttman Nathan.* Obama Rides Jewish Mandate to Second Term. Wins 70% of Jewish Vote in Return to White House: Polls // The Jewish Daily Forward. 2012. November 7.

[2] *Hoffman Gil.* Republicans: Israelis first to see Obama faults // Jerusalem Post. 2012. July 11.

[3] *Oren Michael.* The U.S.-Israel Partnership: Forks in the Road //The Journal of International Security Affairs, no. 15 (Fall 2008).

[4] Русские израильтяне голосуют за Ромни, но многие не верят в его победу. Итоги опроса. URL: http://www.newsru.co.il (дата публикации: 23 сентября 2012 г.).

[5] *Stern Willy.* Where the Jews Vote Republican // Weekly Standard. 2008. October 14.

[6] *Мусли Лиран.* Американцы выбирают, а кого поддерживают израильтяне? URL: http://www.mako.co.il (дата публикации: 6 ноября 2012 г.) [иврите.

[7] *Шалев Таль.* Опрос: общественное мнение в Израиле предпочитает Ромни Обаме. URL: http://news.walla.co.il (дата публикации: 15 июня 2012 г.).

[8] Интервью вела Йонит Леви, оно транслировалось в вечернем выпуске новостей Второго канала израильского телевидения 6 ноября 2012 г.

[9] *Alvarez Lizette.* Republicans Intensify Drive to Win Over Jewish Voters // The New York Times. 2012. September 26.

[10] *Mozgovaya Natasha.* Jewish Democrats celebrate: Republican campaign to woo us has failed // Haaretz. 2012. November 7.

[11] Все данные из: Workmen's Circle // Arbeter Ring 2012 American Jews' Political Values Survey — Full Results. July 9, 2012.

[12] *Kampeas Ron.* Fighting over every percentage point: Arguing about the Jewish vote and exit polls // The Jewish Telegraphic Agency. 2012. November 7.

[13] *Ханин Владимир (Зеэв).* Государство Израиль, неосионизм и еврейство Америки // Новые исследования по еврейской истории. Материалы XIX Международной ежегодной конференции по иудаике (Москва, 2012), том 3. С. 435–448.

[14]. Jews in American Politics / Maisel L. Sandy and Forman Ira (Eds.) Lanham: Rowman & Littlefield, 2001. P. 153.

[15] *Powel Michael l.* Exceedingly Social, But Doesn't Like Parties // Washington Post. 2006. November 5.

[16] *Medoff Rafael.* Jews and Republicans: Turning over a new leaf? // Daily Caller. 2012. February 7.

[17] *Грант Александр.* «Еврейская увертюра» Барака Обамы // Форум. 2012. 9 августа.

[18] *Лебедев Николай.* Кого выбирает Брайтон. URL: http://www.jewish.ru (дата публикации: 26 октября 2012 г.).

[19] Кому отдадут «русские» свои голоса? Эксклюзивное интервью с социологом и политологом Сэмом Клигером // Еврейский мир. 2012. 23 октября.

[20] *Галак Илья.* Дэвид Сторобин: по праву лидера // Мы — здесь. 2012. 1 февраля. № 341.

[21] *Фишман Миша.* Давид Сторобин: «Я такой же, как мои избиратели». URL: RUNYweb.com (дата публикации: 13 марта 2012 г.).

[22] Там же.

[23] Кому отдадут «русские» свои голоса?

[24] *Лебедев Н.* Кого выбирает Брайтон.

[25] Первый «русский» ассамблемен Алек Брук-Красный останется в Законодательной Ассамблее штата Нью-Йорк. URL: RUNYweb.com (дата публикации: 7 ноября 2012 г.).

[26] *Ким Ульяна.* «Русский» депутат из США Алек Брук-Красный: Постоянный контроль оппозиции и власти друг за другом и есть необходимый элемент демократии // Великая эпоха. 2013. 13 января.

[27] *Мозес Лея.* За кого голосовали «русские»? // Русская реклама. 2010. 9 ноября.

[28] Кому отдадут «русские» свои голоса?

[29] *Мозес Л.* За кого голосовали «русские»?

[30] *Лебедев Н.* Кого выбирает Брайтон.

[31] Кому отдадут «русские» свои голоса?

Об авторах и редакторах

Валерий Базаров родился в Одессе в 1942 г. Эмигрировал в США в 1988 г. Окончил Одесский ун-т (1969) и Городской ун-т Нью-Йорка (1994). С 1988 г. работает в ХИАСе (Еврейское общ-во помощи иммигрантам, Нью-Йорк), где до 2000 г. был зам. начальника Отдела встреч, а с 2000 по 2013 г. — директором Отдела поиска и истории семей. Сотрудничает с израильским музеем Яд ва-Шем, помогая найти и признать заслуги тех, кто спасал евреев в годы Холокоста. Исследует историю ХИАСа, накопившего за последние сто с лишним лет бесценные архивные материалы. Публикуется в специальных и популярных англо- и русскоязычных изданиях. Регулярно выступает на междунар. конференциях по еврейской генеалогии. В 2002 г. был избран членом Совета директоров Еврейского генеалогического об-ва Нью-Йорка. В настоящее время занимается поиском и историей семей в качестве частного консультанта.

Олеся Бобрик — канд. искусствоведения, музыковед. Старший научный сотрудник Отдела музыки Государственного института искусствознания, сотрудник архива нотной библиотеки Большого театра, преподаватель кафедры теории музыки Московской консерватории им. П.И. Чайковского и Академического музыкального колледжа при ней. Специалист в области русского музыкального зарубежья.

Ксения Гамарник — художник, театровед, журналист. Родилась в Киеве. Окончила художественное училище по специальности художник театра и факультет театроведения Киевского национального университета театра, кино и телевидения. С 1994 г. живет в Филадельфии. Сотрудничает с газетами и журналами в США и на Украине. Персональные художественные выставки в Киеве и Санкт-Петербурге, участница неск. коллективных художественных выставок в США. Работает в театральных студиях Филадельфии в качестве художника-сценографа.

Эрнст Зальцберг родился в 1937 г. в Ленинграде. Окончил Ленинградский Горный ин-т в 1960 г. и Ленинградскую консерваторию в 1967 г. Кандидат геол.-минералог. наук (1971). Автор многочисленных публикаций в области гидрогеологии. Опубликовал ряд статей о выдающихся

исполнителях и российских деятелях культуры в газетах *Новое русское слово* (Нью-Йорк), *Эксодус* (Торонто), журналах *Clavier, Journal of the Conductor Guild, East European Jewish Affairs, Strad*, а также в сериях «Евреи в культуре русского Зарубежья» и «Русские евреи в Зарубежье», изданных Научно-исследовательским центром Русское еврейство в Зарубежье (науч. руководитель — М. Пархомовский). Автор книги «Great Russian Musicians: From Rubinstein to Richter» (Mosaic Press, 2002). Редактор-составитель серии «Русские евреи в Америке» (с 2005 г. по паст. время).

Готтфрид Кратц — научный сотрудник Университетской библиотеки в г. Мюнстере (Германия). Иностранный член редколлегии Московского науч. журнала *Библиография*, член Бюро Секции книги Дома ученых РАН в Москве. Автор многочисленных работ о культурных связях между Германией и Россией, прежде всего в книгоиздательском деле. Автор работы о гродненском земляке Осипа Дымова Павле Бархане («Тень Тургенева» над столыпинской Россией. Павел Бархан и его немецкая книга «Петербургские ночи») // Тургеневские чтения. 4. М., 2009. С. 249–271; http://www.turgenev.ru/book/turgsbor4.pdf.

Илья Куксин — инженер-гидролог, канд. техн. наук. Работал в НИИ Арктики и Антарктики и в Ин-те водных проблем АН БССР. Автор около 300 науч. публикаций по инж. гидрологии, использованию и охране водных ресурсов. Публиковался также в исторических и энциклопедических изданиях Белоруссии. В США с 1990 г. Принимал участие в ряде науч. проектов. Со второй половины 90-х гг. публикуется в русскоязычных журналах и газетах США. Автор статей о выходцах из России, принесших мировую славу Америке: Ипатьеве, Сикорском, Зворыкине, Тимошенко, Леонтьеве. Опубликовал материалы о единственном русском генерале, герое Гражданской войны в США, бывш. полковнике Ген. штаба российской армии И. В. Турчанинове (в Америке его называли Джон Базил Турчин), о пребывании адмирала Макарова и его сына в Америке.

Анатолий Либерман родился в 1937 г. в Ленинграде. Доктор филолог. наук. В США с 1975 г., профессор Миннесотского ун-та. Основные области исследования: языкознание, средневековая германская и русская лит-ра, фольклор, поэтический перевод. Автор около 500 публикаций, в том числе 16 книг.

Ирина Обухова-Зелиньска — канд. искусствоведения. Родилась в Москве, с 1988 г. в Варшаве, с 1991 г. работала в Германии, Швейцарии, Москве, Иркутске. Автор более 80 публикаций. С 1995 г.— постоянный автор выпусков «Русские евреи в Зарубежье» (9 статей), где с 2000 г. ре-

дактировала отдел театра и искусства. Автор очерков и соредактор книги «Евреи России в Зарубежье. Очерки истории» (2008, гл. ред. М. Пархомовский). С 2000 г. — руководитель издательско-исследовательского проекта «Юрий Анненков, жизнь и творчество», который включает подготовку к изданию (составление, перевод, комментарии) 4 книг, выпуск бюллетеня «Вопросы анненковедения» (вышло 84 номера). С 2001 г. — председатель Об-ва друзей Анненкова. Куратор и переводчик польской версии науч.-худ. издания «Пинакотека» (2005), подготовленного в рамках гос. проекта «Москва — Варшава, Варшава — Москва». Эксперт Фонда им. Д. С. Лихачева (СПб).

Эмма Путятова — докторант Республ. гуманит. ин-та С-Петербургского ун-та. Занимается проблемами эмиграции из России в Южную Америку. Живет в Санкт-Петербурге.

Адела Розенштрах родилась в Кишиневе. В 1971–1975 гг. училась на филологическом факультете Кишиневского университета, который окончила с отличием в 1976 г. После завершения аспирантуры при АПН СССР защитила кандидатскую диссертацию. Преподавала языки и литературу в средней школе, а затем, вплоть до репатриации с семьей в Израиль, в Кишиневском педагогическом Институте. В Израиле закончила педагогические курсы учителей английского языка средних и старших классов, а также получила свидетельство преподавателя русского языка для ивритоязычных учащихся. Проработала в школе 18 лет. В настоящее время — сотрудник Дома ученых и специалистов в г. Реховот, участвует в работе научно-исследовательского центра «Русское еврейство в Зарубежье».

Автор статей и соавтор школьных и вузовских пособий о взаимодействии культур и литератур различных народов, о методике изучения школьных и вузовских филологических дисциплин и о вкладе российских евреев в становление и развитие образования в Израиле.

Вадим Телицын родился в 1966 г. В 1990 г. окончил исторический факультет Уральского гос. ун-та. Работал в Ин-те истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (РАН, Екатеринбург), Ин-те экономики РАН, Ин-те российской истории РАН (Москва). С 1990 г. — науч. сотрудник Российской академии наук (РАН). Доктор истор. наук, профессор. В наст. время — ведущий науч. сотрудник Ин-та всеобщей истории РАН; старший науч. сотрудник Библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Автор и автор-составитель более 30 науч. и научно-популярных книг. Сфера научных интересов: история России конца XIX — первой половины XX в., русские революции и Гражданская война 1918–1920 гг., история русской эмиграции. Живет в Москве.

Шуламит Шалит окончила Литературный ин-т им. Горького в Москве, работала журналистом, редактором, переводчиком, была корреспондентом по вопросам литературы, театра и кино в периодических изданиях Москвы, Вильнюса, Риги, Еревана. Опубликовала более 250 эссе и статей по литературе и искусству. В Израиле — с 1980 г. С 1987 г. — заведующая отделом библиографии Центральной библиотеки г. Рамат-Гана. С 1991 г. — автор и ведущая популярной программы «Литературные страницы» радиостанции РЭКА. Ш. Шалит принадлежит огромная заслуга в открытии в г. Рамат-Гане Музея русского искусства имени Марии и Михаила Цетлиных и атрибутировании многих полотен художников из коллекции Цетлиных. Ее монография «С одним я народом скорблю...», опубликованная к открытию Музея, выдержала два издания; отрывки из нее перепечатывалась во многих журналах и газетах. Исследование-эссе Ш. Шалит «Россия далекая, образ твой помню...» — о семье Цетлиных, их окружении, об истории коллекции и о создании Музея русского искусства в Израиле, опубликовано в каталоге, выпущенном к открытию 7 июня 2003 г. в Третьяковской галерее выставки «Коллекция Марии и Михаила Цетлиных». В 2005 г. в изд-ве «Филобиблон» (Иерусалим) вышла её книга «На круги свои...» о выдающихся деятелях еврейской культуры и о еврейской теме в творчестве представителей других культур. В конце 2012 г. опубликована новая книга Шуламит Шалит — «Печать любви» (Германия—США—Израиль).

Алек Д. Эпштейн — российско-израильский ученый, д-р наук, специалист по истории и политологии Израиля и арабо-израильского конфликта, интеллектуальной истории, оппозиционным общественно-политическим организациям, арт-активизму, а также социологии образования и изучению процессов миграции и адаптации. Автор двадцати монографий и более чем четырехсот научных работ и статей, опубликованных в двенадцати странах на семи языках, ответственный редактор восемнадцати коллективных монографий и сборников. Преподавал в шести российских и израильских вузах, в том числе на протяжении двенадцати лет — в Институте стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова, выступал с лекциями во многих университетах, участвовал более чем в ста научных конференциях ведущих международных социологических и политологических ассоциаций. Инициатор и председатель жюри альтернативной премии «Российское активистское искусство» им. композитора Георгия Дорохова.

Именной указатель

А

Абельсон Р. 152
Абраванел М. (Abravanel Moris) 170, 180
Абрамович М. (Abramovits Moses) 251, 255
Авшаломов А. А. 151, 162
Авшаломов Д. 151
Авшаломов Дж. 151
Адлер Д. 156
Адрианов А. В. 75
Альперт Михаэль 229
Андреев Л. 159
Андроникова-Гальперн С. 131, 146
Аникин А. В. 253–256
Ансерме Эрнест (Ansermet Ernest) 170, 180
Анциферов А. Н. 259
Апчинская Н. 192, 218
Ардов В. Е. 144
Арнольд Генри («Хэп») (Arnold Henry) 37, 39–40, 42
Асафьев Б. В. 103, 115, 137–138
Атвуд Гарри (Atwood Harry) 36, 42
Ауэр Л. 152, 154, 177
Ахматова А. 107–108, 118, 123, 130–132,136,139,141,144–146,149,155
Ахрон Иосиф (Юзель) 151
Аш Сэм (Ашкенази Самуил) 226
Ашбертон 246
Ашкенази Самуил (см. *Аш Сэм*)

Б

Базаров В. 20, 32, 44, 75, 77, 99
Байрстоу Эдвард 174
Бакмастер В. 263, 267
Бакшт Ф. Б. 51, 57, 60, 62, 75
Балтус Б. (Клоссовски де Рола Бальтазар) 184–185, 189
Бальмонт К. Д. 155
Барбер С. (Barber Samuel) 163–165, 171, 176, 178
Барбиролли Джон (Barbirolli John) 168, 174, 176–177, 179
Баренбойм Д. 179
Баринова М. Н. 148
Барлоу Грейс 40
Бармин А. 96, 98
Барстоу Лорейн (Barstow Lorrein) 196, 218–219
Барток Бела (Bartok Bela) 103, 106, 135, 179
Бартон Ричард 44
Басанин Марк (см. *Лашева Л. А.*)
Басс И. 84, 85
Бах И.-С. 164, 175
Бейлин И. М. (см. *Берлин Ирвинг*)
Бейлис 55
Беларский С. 235
Белевская-Жуковская Э. (см. *Лурье Э.*)
Белый А. 107
Беляев 56
Берг 179
Бердяев Н. А. 80, 103, 113, 116, 138
Березовский Н. 125, 142
Беркенгейм А. 12, 21
Берлин Ирвинг (Бейлин И. М.) 154
Бернанос Жорж (Bernanos Georges) 103, 114, 137
Бернери Мари-Луиз 95
Берно Эльза 94
Бернстайн Л. 154
Бернштейн С. Н. 250
Бессонова М. 199, 219
Бетховен 165, 200
Бирон Дон 234
Блейк Патриция 98
Блисс 179
Блок А. 105, 107, 111, 114, 116–118, 122, 126–128, 130–133, 136–143, 145, 149
Блох Эрнест (Bloch Ernest) 158, 163–165, 169, 170, 176, 178
Бобрик О. 102, 145, 162, 283
Богданов П. М. 16

Богдыль 56
Бодлер 105, 135, 139
Бони (Bony)194
Боннар П. 184, 185, 193
Боровский А. К. 102
Бородин Н. А. 238, 245
Боулт Адриан (Boult Adrian) 168, 176, 179
Браво Лола 188, 190
Браво Мануэль 188, 190
Брак Ж. 184, 185, 193
Брандвейн Нафтуле 228, 229, 234
Браун К. (Brown C.)132, 146
Браунер Виктор 186, 189
Бретон Андре 95
Брешко-Брешковская Е. К. 55, 75
Бриттен 179
Броди Й. 159
Бродская (Аншен) Руфь Нанда 120–121, 140
Бротт Александр (Brott Alexander) 164, 178–179
Бротт Денис (Brott Denis) 165, 179
Бротт Лотта (Brott Lotte) 165, 179
Бруни 107
Брюммер П. 180
Бубер Мартин 46, 48–49, 74
Будницкий О. 81, 100
Бузони Ф. (Busoni F.) 107, 155
Букиник М. 108
Буланже Н. 178
Бунин И. А. 116–117, 138
Буткевич А. 56
Буш Валентин 194
Буш Д. (старший) 154, 272, 273
Бьерлинг Курт 234
Бэкон Френсис 252
Бэрри (сёстры) 161, 230, 233

В

Вагнер Р. 157
Вайнер Лазарь 152
Вальдман Лейбл 235
Вандель Р. 107, 135
Варез Эдгар 135
Васина Л. 251, 255
Вашингтон Джордж 242
Веберн Антон 103, 179
Вейнберг Яков 152
Вейс Т. 177
Вейцман Хаим 248
Велчер Абрахам 34, 38
Велчер Двора (Дора) 34, 38
Велчер Лейбел (см. *Велш Артур*)
Велш Артур (Ал) (Welsh Arthur) 34–44
Венгерова И. 178
Верлен П. 105, 134
Вешняков Я. С. 244, 246
Виллар Э. 184
Вильямс 179
Витол Я. 150, 152
Витчиц Генри 87
Витчиц Матильда 88
Витчиц Роберт 87
Владимиров 139
Вламинк де М. 184, 185
Воблый К. Г. 20
Волошин М. 50, 74
Вуд Х. 164, 178
Вудкок Джордж 95, 100

Г

Гайдн Ф.-И. 156
Гамарник Ксения 191, 283
Гамбург Б. 177
Гандшин Жак Самуэль (Яков Яковлевич) 144
Ганелин Р. Ш. 245
Гаррисон Гилберт 96
Гартман Ф. А. 103
Гельман (Заколкова) Наташа (Zakolkova Natasha) 181–191
Гельман Жак 181–191
Гендель 156
Герберт 157
Герзо Г. 186, 188–189
Герт-Занд Рени (Ghert-Zand Renee) 233, 234, 236
Герцль Т. 30
Гершвин Джордж (Гершович Джейкоб) 150, 154
Гершензон 111
Гершович Джейкоб (см. *Гершвин Джордж*)
Гершунов Альберто (Gerchunoff Alberto) 20, 29–30, 33

Гершунов Григорий 30
Гессен Борис 79, 83, 100
Гессен Иосиф 81
Гессен Хелен (см. *Катель Хелен*)
Гессен Юлия 83
Гиле Д. 180
Гинзбург Гораций 24
Гинзбург Лев 176
Гирш де Морис 23–24, 27, 29–33
Гиршман Генриетта 104, 106, 134
Гитлер А. 64, 71, 78, 112
Глазунов А. К. 148, 150, 152
Гланц Лейб 152
Глебова-Судейкина О. А. 104–110, 113–114, 117, 120–121,123, 127, 132, 134–135, 141, 143
Глиэр Р. 152
Глушак Джозеф 38
Глюк Роз 89, 90
Глюк Саломон 89, 90
Гоген П. 129
Гозун Людмила 262
Голд Гарри 231
Голдмарк Р. 178
Голдсмид Генри д'Авигдор 208
Голдсмид Сара д'Авигдор 208, 209
Голенищев-Кутузов С. А. (см. *Кутузов С. А.*)
Голль де Шарль 92
Голубева М. А. 139
Гольдман Аарон 28–30
Гольдмарк Р. 161
Гольдфаден Абрахам 155–156
Гордей Мишель (Рапопорт Михаил Самойлович) 105–106, 134
Горовиц В. С. 102
Горький М. 136
Градус Адель 226
Грец Ирвинг 230
Гречанинов А. Т. 102–103, 110–113, 115, 125
Гречанинова М. Г. 110–113, 136
Григорьев В. П. 139
Григорьев П. 155
Гринхауз Б. (Greenhouse Bernard) 168, 180
Грис Х. 184, 186
Гройсман 55
Гроссман Т. 90
Грузенберг 55
Грэм И. А. 117, 123, 129–130, 132, 141, 149
Грэм Патрисия 260, 267
Грютцмахер 167
Гудман Бенни 227, 235
Гудман Д. 67, 150
Гумилёв Л. Н. 139, 144
Гусев С., Гусев Н. 55
Гутман И. 21

Д

Дали С. 184–185
Данкин-Уэдд Патриция 209
Дворжак А. 165, 175
Дебюсси Клод (Debussy C.) 107, 128, 139, 165
Девис Майлс 235
Делиус 179
Дембек Д. 178
Деникин А. 249
Дерен А. 185
Джакоби Ф. 178
Джакометти А. 184–185
Джонстон Ральф (Johnstone Ralph) 39, 42
Дистлер Александр Григорьевич 54, 57, 62, 64–65
Дистлер Вадим Вадимович 62–63, 65–66, 72–73
Дистлер Василий Григорьевич 54–57, 62–66, 73–74
Дистлер Вениамин Григорьевич 54, 57–63
Дистлер Генриетта Николаевна 56–57, 64–65
Дистлер Григорий Дементьевич 51–52, 54, 60, 63, 66, 73, 75
Дистлер Исай 54, 57, 59–60
Дистлеры (Вениамин, Василий, Александр, Исай, Леонид, Вера) 45, 53–54, 57, 63, 72–73, 75
Добужинский М. В. 102, 106, 112
Дои А. 68
Докудовский Владимир 136
Донн Джон 69
Доусон-Лиел Джулиан 177

Дроздов А. Н. 135
Дроздов В. Н. 135
Дроздова А. Я. 119
Дуан Алан 155
Дубинец Е. 150, 162
Дукельский В. А. 102
Думова Н. Г. 245
Душкин С. 102
Дэйли Ричард Джозеф 213
Дюбуа Анри (Анатолий Эдуардович) 127, 144
Дюбюффе Ж. 186

Е
Есипова А. 135, 150

Ж
Жаботинский Зеев 93, 269
Жак-Делькроз Э. 178
Жестовская Т. П. 243
Жулавский Е. 159

З
Заблоцки Э. (Zablotsky Edgardo) 32–33
Заколкова Н. (см. *Гельман Наташа*)
Зальцберг Э. 20, 23, 32, 34, 42, 99–100, 147, 162–163, 179–181, 236, 267, 283
Замятин Е. 80
Заррага А. 186–187, 189
Захер Пауль 104, 140, 142–143
Зборовский Марк (Zborowsky Mark) 82, 93–94, 97–98, 100
Зилоти А. И. 106, 135
Змиевы А. Л. и Е. П. 243
Зороастра 44
Зуппе фон Франц 223
Зыков Л. А. 139

И
Иванов В. И. 103, 107, 111–112, 128
Иванов Г. 117, 138–139
Иванюк И. 267
Изаи Э. 178
Извольская Е. А. 103, 107, 119–120, 125, 135, 140, 142
Извольский Г. 119–121, 140
Иоанн (Шаховской) 121, 140
Ионцев В. 267
Иссерлис Стивен (Isserlis Steven) 170, 180
Ищенко О. В. 75

Й
Йоханнесен Г. 164

К
Кабузан В. М. 10, 21
Кагарлицкая С. 196, 218
Казадезюс Робер (Casadesus Robert) 164, 178
Казальс Пабло 163, 168, 169, 173, 175–176
Калафати В. 150
Кало Фрида 181, 186–187, 189
Кальгун 246
Кальман И. 157
Камаджани Джованни (Camajani G.) 142
Камерон Д. 177
Каминская А. Г. 145, 156
Кантинфлас (Морено Райес Марио) 182–183, 187, 189
Каплан А. (см. *Копленд А.*)
Карберон 177
Каргоз де Э. 178
Кард Патрисия Пирс 229
Карп С. 267
Каррингтон Л. 188–189
Каспе С. 67
Катель (урожд. Копп) Амалия Эдуардовна 79, 81–82, 93
Катель Жак (Яков Ильич) (Katel Jacques) 79–83, 86, 93–98, 100–101
Катель Илья 79, 81, 83
Катель Питер (Katel Peter) 78–79, 96, 98, 100–101
Катель (урожд. Гессен) Хелен 79–82, 85, 93, 95–96, 98–99, 101
Кауфман А. И. 67–69, 75
Кацнельсон Сара (см. *Нелсова Зара*)
Кемпбелл М. 173
Кеннеди Лаури (Kennedy Lauri) 174, 180
Керенский А. Ф. 239

Кесслер 157
Кимельфельд-Пешковская Ита 72
Кирико де Ж. 185
Клей Генри 242, 246
Кленгель Ю. 177
Клоссовски де Рола Бальтазар (см. *Балтус Б.*)
Кобеко И. П. 132, 146
Кобеко Т. М. (см. *Персиц Т. М.*)
Ковалевский М. М. 237, 244
Коваруббиас М. 187, 190
Кодаи З. 164–165, 170, 175–176
Кокиль-Принц Иветт 212
Кокошкин Ф. 245
Колбасина-Чернова О. Е. 129, 144
Константиновский Я. 12, 21
Копленд (Каплан) А. 154
Копп А. Э. (см. *Катель А.* **Э.**)
Корабельникова Л. З. 104, 134–135, 161–162
Коралли 90
Корнилов Вл. 77
Косыгин А. Н. 98
Коутс Альберт 125, 142
Коффин Франк (Coffin Frank) 39, 42
Кохен Г. 14
Кракауер Дэвид 234
Кралин М. М. 123, 141
Крамер Натан 86, 90–91
Крассен Мириам 235
Кратц Г. 284
Крейслер Ф. 180
Кремер И. 160
Кропоткин П. 47
Кросби Б. 183
Крупская Н. К. 108, 260
Крус де ла Хуан (Cruz de la Juan) 138
Крылов А. Н. 255–256
Крюков Н. А. 32
Кузмин М. А. 107, 143, 147, 155
Кузнец (урожд. Фридман) Полина 248
Кузнец Абрам 248, 249
Кузнец Георг 248–249
Кузнец Пауль 249
Кузнец Семен Абрамович (Шимен Абрагам, Саймон Смит) (Kuznets Simon Smith) 247–257
Кузнец Соломон 248, 250
Кузнец-Хауптман Рут 249
Куксин И. 247, 284
Купер Э. А. 103, 131
Куракин К. Е. 243
Курочкина Х. 263, 267
Курчевский Б. 11, 21
Кусевицкий С. А. 102–103, 107, 110, 121, 131, 134, 140–141, 149
Кутузов (Голенищев-Кутузов) С. А. 107, 118, 135
Кутюрье Мари-Алан 193
Кьеркегор С. 133

Л

Лазо А. 188, 190
Лало Э. 163, 165, 167, 174
Лалуа Венсеп 104, 134
Лалуа Жан 104, 135
Лалуа Луи 135
Ламберт Жак 98
Ламер 85
Ландауэр Густав 45–49, 62, 74
Ландауэры 45, 47, 49
Лапин Е. 12, 21, 24, 32
Ластейри де Сайан де Ги 217
Ластейри де Сайан де Изабеллла 217
Лахман Хедвик 45–47
Лашева Л. А. (псевд.: *Басанин Марк*) 12, 21
Лебедев Аарон 227, 233, 235
Левант О. 150
Левенсон Б. 152
Левенталь Роберт 261
Леверетт Марго 234
Левин М. И. (см. *Мишле Мишель*)
Легар 157
Леже Ф. 184–185, 193
Ленин В. 81, 96, 108, 127, 192, 279
Лешетицкий Т. 152
Либерман А. С. 266–267, 284
Либерман В. 184
Либерман Л. 230
Либкнехт Карл 48
Ликсхейм фон Теобальд 194
Линкольн А. 152
Липатс Дитрих 267
Липшиц Жак 193
Литтман Р. 186, 188

Ловенталь Вильгельм 28–29
Лопатников Н. Л. 148
Лоуэлль А. Л. 245
Лукницкий П. М. 145
Луначарский А. 108, 139
Лурье Анна Яковлевна 119, 140
Лурье Артур Винсент (Артур Сергеевич, Наум Израилевич, Викентий Людовик) 102–146, 148, 162
Лурье Израиль Хаскелевич 133
Лурье Э. (урожд. Белевская-Жуковская Э.) 110–111, 115, 120, 125, 133, 135, 149
Львов-Анохин Б. Я. 144
Люком Е. М. 139
Люксембург Роза 48
Люлечник В. 263, 267
Лядов А. 152–153

М

Майер Клаус 215–216
Маккормак Дж. 180
Маклярский М. Б.
Макмиллан Э. (MacMillan Ernest) 163, 178
Маковский С. К. 141
Малкин И. 177
Малларме 105, 134
Малтц Кен 234
Мальро Андре 210
Мамотт И. 178
Мандельштам О. 107, 122, 132
Маневич И. А. 12, 21
Манн Генрих 85
Манушьян Миссак 87
Манциарли И. В. 103, 125, 142
Маритен Жак (Maritain J.) 103, 106–107, 114, 131, 134, 137, 140, 145
Маритен Раиса (Maritain R.) 103, 114, 131, 134, 137, 140, 145
Марк Шарль (Marq Charles) 195–197, 211–212, 216, 218
Маршак С. Я. 76, 139
Матиева А. Х. 244
Матисс А. 184–185, 193, 200–203
Махалек Дежев (Mahalek Dezsö) 163, 165–166, 173–174, 177
Маяковский Вл. 116
Медов Сэм 230
Мейер Марсель 86, 90–91
Мейлах М. Б. 145
Мелвилл Одри 177
Меллер-Закомельский А. Н. 105, 134
Мельман Н. 267
Мендельсон Ф. 156
Менжинская В. Р. 108, 135, 136
Менжинская Л. Р. 108, 135, 136
Менжинский В. Р. 136
Ментер С. 179
Мерецков 68
Мерида Карлос 188, 190
Мессерер Азарий 261, 267
Мессмер Пьер 212
Милиотти Н. Д. 105–106, 134
Миллер Г. 150
Миллинг Томас (Milling Thomas D.) 36, 42
Миндель Меир 230
Миро Х. 185
Мисслер Ф. 15
Митропулос Димитри 103
Митурич П. В. 107, 132
Митчелл У. 251–252
Мишле Мишель (Левин Михаил Исакович) 154
Миязава М. 67
Модильяни А. 144, 184–185
Мок-Бикер Элиан 134
Молина Альфред 189
Мондриан П. 184
Монро 242–243, 245
Монтебелло де Ф. 185
Моравец 165
Морено Райес Марио (см. *Кантинфлас*)
Мосейкина М. Н. 246
Московкин Вл. 248, 250–251, 255
Мотылев И. 159
Моцарт В. А. 107, 116
Музыкер Сэм 229–230
Мухин А. 192, 218
Мюнстер фон Герман 194
Мюнш Шарль (Münch Charles) 125, 142, 175, 180
Мясковский Н. 137, 139, 141

Н
Набоков В. 69
Набоков П. И. 69
Наумова О. А. 140
Нейман 56
Некрасов Н. А. 256
Нелсова Зара (урожд. Кацнельсон Сара) 163–180
Немировский Леон 26
Нерваль де Жерар (Nerval de G.) 121–122, 140
Никитин М. 56
Никитин С. М. 254
Николаевский Б. 95
Николаенко Е. И. 255
Николс Майк 44–49, 51, 53, 63–64, 69–71, 75
Николс Пол (см. *Пешковский П. Н.*)
Николсон Джек 44
Нин Андрес 93
Нобель Альфред Бернхард 247
Новак К. 183
Нольде Б. Э. 240, 245
Норамбуэна К. 244
Носик М. 159

О
Обухова-Зелиньска И. В. 162
Ойшер Мойше 230, 235
Олби Эдвард 44
Ольшанецкий Александр (Егошуа) 156, 159, 160, 227, 235–236
Орлов А. М. 93–94, 98, 100
Орлов В. М. 137
Орнстайн Лео (см. *Орнштейн Лев*)
Орнштейн Лев (Орнстайн Лео) 150
Ороско Х. 187
Оруэлл Дж. 100
Осипенко Т. 262–263
Островская С. 265, 267
Островский Ю. 75

П
Павлович Г. 17–18, 22
Павловский В. 175
Паласиос Педро 28–29
Палей В. 63
Парелес Джон 232, 236
Паркер Чарли 235
Парлоу К. (Parlow Kathlin) 163, 177
Парнис А. Е. 139
Парняков П. 56
Пархомовская Р. 75
Пархомовский М. А. 99, 162, 283–284
Пастернак Б. 103, 130, 145
Патушинский Б.
Пекарек Джефф 233
Пелепуа де Даркье 86
Перельман Ицхак 156, 229
Перкон П. Ю. 55
Персиц (Кобеко) Т. М. 104–106, 109, 113, 132, 134–135
Петен Ф. 78, 127, 143
Петр Великий 123
Пешковская Анна Григорьевна 49–51, 53, 62–64, 66, 68–72
Пешковские (Иосиф Яковлевич, Константин Яковлевич, Моисей Яковлевич) 45, 50–51, 53
Пешковский Александр Матвеевич 49–50
Пешковский Николай (Носон) Яковлевич 49–51, 62–63, 73
Пешковский Павел Николаевич (Николс Пол) 44–46, 49, 51, 53–54, 57, 62
Пешковский Товий Николаевич 63–64, 66, 68–72
Пикассо П. 184–185
Пикон Молли 161, 233, 235
Пирс Жан 156, 233, 235
Плисс В. 177
Плотин 201
По Э. 47
Подушкин Н. Е. 20
Покрасс С. Я. 155
Польская Р. 225–226, 231
Поляков М. Я. 139
Поляновский М. 21
Попов С. 56
Поппер Д. (Popper David) 165, 174, 177, 179
Порецкий И. (см. *Рейсс И.*)
Постышев П. 56, 65
Потоцкий 222, 231
Прайс Г. М. 12, 21

Пре дю Ж. (Pré du Jacqueline) 166, 179
Прегель Софья 136, 202
Пресслер М. 180
Примроуз В. 180
Принс Вильям Вуд 213
Принс Фредерик 213
Принс Элеонора 213
Прокофьев С. С. 103, 118, 124–125, 129, 139, 141–142
Пуленк Ф. 165
Пунин Н. Н. 107, 139
Пунина И. Н. 146
Путятова Э. 9, 20–21, 32, 285
Пушкин А. С. 112, 143, 149, 243, 246
Пятигорский Г. 163, 167–168, 173, 175

Р

Равель М. (Ravel M.) 128, 155
Райт (братья) 34–43
Райт Вилбур 37, 39–41 (см. также *Райт (братья)*)
Райт Орвилл 35, 38–41 (см. также *Райт (братья)*)
Райхельсон Г. 100
Рапопорт М. С. (см. *Гордей Мишель*)
Рахманинов С. В. 109, 136, 165, 176
Ребрин И. 13, 21
Регер Макс 170, 175
Резник И. 75
Рейсс (Порецкий) Игнац 82, 94, 100
Рембо 105
Ренуар Поль 184
Рехзейт Сеймур 235
Рибак Гиль 264, 267
Ривера Диего 181, 186–187
Римский-Корсаков Н. А. 109, 152–153
Робертон Хью 174
Роджерс Калбрейс («Кал») (Rogers Calbreith) 36, 42
Родзянко М. В. 238
Розанов 107
Розен Аарон (Rosen Aaron) 192–193, 218
Розен Р. Р. 238
Розенблат Д. 161
Розенштрах Адела 257, 285
Розовский Шломо (Соломон) 153
Рокфеллер Абби Алдрич 201–202, 207
Рокфеллер Джон (младший) 200–202, 205
Рокфеллер Джон 200, 207
Рокфеллер Дэвид 200, 207
Рокфеллер Майкл 204–205
Рокфеллер Маргарет 202, 207
Рокфеллер Нельсон 201–203
Рокфеллер Стивен 203
Романов Б. Г. 102, 127, 139, 143
Романова Т. А. 75
Ромеро К. 188, 190
Рубинштейн А. 180
Рубинштейн Ида 103, 131, 145
Рузвельт Теодор 238
Рузвельт Ф. 152, 261, 271, 273
Румшинский Иосиф (Юзеф) 156–157, 160
Руо Ж. 185
Руше Жак (Rouché) 131, 145

С

Сазонова (Слонимская) Ю. Л. 136, 201
Саминский Лазарь 153
Сандиер Хулио 30
Саножник Генри (Sapoznik Henry) 220, 224, 226, 229, 230, 236
Сарджепт Малкольм (Sargent Malcolm) 163, 167, 174, 177
Северянин И. 155
Седов Л. 82, 94
Седова-Троцкая Н. И. (см. *Троцкая Н. И.*)
Секлер Г. 159
Секунда Шолом 156–159, 230, 233, 235–236
Сен-Санс К. 165
Си Ду Парк 165
Сикейрос Д. А. 186–187
Сильверман Эфраим (Фраек) 34
Симон Бриджит 195–196
Симон Жак 195, 197, 203, 211
Симон Пьер 195
Синатра Ф. 183
Сиркес Яков 13, 21
Скалеро Р. 178
Скидельский Семен, Скидельский Соломон 69
Скрябин А. 107, 128
Слонимская Ю. Л. (см. *Сазонова Ю. Л.*)

Слонимский Н. Л. 136
Смит Брукс 172
Смит МакКелден (Smith McKelden) 196, 218–219
Смит Саймон (см. *Кузнец С. А.*)
Снитковский В. 258, 267
Соколов Н. Е. 244
Соколов Пит 230
Сологуб Ф. 107, 128, 149
Сорин С. А. 102–103, 106, 121, 127, 134–136
Сорокер Я. 161
Сосинский В. Б. 129–130, 132, 144
Спесивцева О. А. 117, 130, 139
Сталин И. 81–82, 94, 96, 98, 123–125
Статмен Энди 230, 233–234
Сташевский Б. 56
Стевенс (Stevens) 194
Стейнхард Майкл 264
Степун Ф. А. 80
Стеренберг Карел (Чарльз) 85, 95, 98
Стессель А. 161
Столярова Н. И. 144
Стравинская Вера 104
Стравинский Игорь 107, 109, 124, 141–142, 149, 179
Страдивари 177
Стратонов В. В. 80
Стрип Мерил 44
Стром Йеил (Strom Yale) 233, 236
Стучевский И. 231, 236
Судейкин С. Ю. 102–103, 108–109, 136
Сундукьянц Мария 55

Т

Такер Р. 158
Там Роберт (Thum Robert) 37, 42
Тамайо Р. 186–187, 189
Танги И. 184–185
Танеев С. 152
Тарасюк Давид (Довид) (см. *Таррас Дэйв*)
Тарасюк Ефим 224, 226
Тарасюк Рахмил 222–224
Таррас (Тарасюк) Дэйв (Давид, Довид) (Tarras Dave) 161, 220–236
Татлин В. 107
Тату Мишель 98
Тафт Вильям 42
Теймор Джули 189
Телицин В. Л. 237, 285
Темкин Д. З. 155, 162
Термен Лев 150
Тёрнер Р. 164, 179
Толедо Ф. 188, 190
Толстой А. 108, 116–117, 138
Тольц М. 267
Томашевский Б. 157–158, 233
Тоом А. Л. 259–267
Тох Эрнст 148
Триббл Кит 136
Троцкая (Седова-Троцкая) Н. И. 108, 135
Троцки Александр 84, 86–88
Троцки Берта 87
Троцки Клод 88
Троцки Соня 87–88
Троцкий Гирш (Хиршке) 86–87
Троцкий Лев 80–82, 84, 94–95, 97–98, 135, 181
Трутнев М. 56
Тудоряну Н. 13, 21–22
Тэйлор Элизабет 44

У

Уайльд Оскар 45
Уитмен 47
Уланова Г. 129, 144
Улин Бертиль Готтхард 247
Ульянова О. 244
Унтершац-Ландесман Батя 72
Уоленн Герберт (Walenn Herbert) 163, 166–168, 173–174, 177, 180
Уэбстер Даниэль 242, 246

Ф

Файад Сантъяго Ричи 182
Фарбер Х. И. 29, 33
Фейдман Гиора 230
Фейерман Эмануэль 163, 168, 173
Фейнберг Д. 24
Фельдбин Л. (см. *Орлов А.*)
Фельдман Вальтер Зеев 230, 234
Фернандель 183
Фидлер Артур 175
Фишзон 159

Фогель Роберт 251
Фогельнест С. 159
Фомин В. Е. 80
Фонтейн Марго (Fontein Margot) 117, 139
Форд Гаррисон 44
Фоулер Роберт (Fowler Robert) 36, 42
Фрай Вариан 85, 96, 100
Франк Ц. 165
Франко Иван 12, 21
Франкфорт Марго 88
Франциск Ассизский 138
Фрейд Э. 68
Фридман Милтон 251
Фридман Полина (см. *Кузнец Полина*)
Фюерверкер Давид 89
Фюерверкер Эли 89
Фюерверкер Эмануэль 89

Х
Хаеф А. (Haieff Alexei) 164, 178
Хайек Сельма 189
Хайнеке Урсула 216, 219
Хаммаршельд Даг 199–200, 203
Хандлер Эдит 253
Хармел Анна 34, 38, 40
Хармел Пол 34, 38
Харшав Б. 193
Хеберт (Hebert) 194
Хейджноорт ван 95, 97
Хейзелхёрст Лейтон 37, 39, 41
Хейфец Яша 172, 180
Хельфенбейн Джо 226, 228
Хершенхорен С. 178
Хиндемит П. 164–165, 176
Хиршман Мордехай 233
Хлебников В. 107, 114–117, 122, 137, 139
Холмс Г. 177, 179
Хоув Ирвинг (Howe Irving) 94, 100
Хоффман Дастин 44
Хэмптон Колин 169

Ц
Цеткин Клара 48
Цимбалист Ефрем Александрович (Аронович) 154
Цыбульская Ядвига 133

Ч
Чайковский П. И. 109, 167, 283
Чаплин Ч. 182–183
Чекстер 59
Черепнин Н. 109, 150, 153, 161
Чернов М. 150
Черных В. А. 144
Чернявский Мишель 174
Черняховский Иосиф 227–229
Чингизхан123
Чирова О. А. 245
Чичинадзе Н. 56
Чуковская Е. Ц. 145
Чуковский К. И. 131, 145–146
Чурлянис (Чурлёнис) М. К. 107

Ш
Шагал Белла 104, 134
Шагал Марк (Chagall Marc) 85, 100, 102, 104, 134, 191–219
Шагал-Мейер Ида Марковна 104, 134
Шалит Шуламит 220, 236, 256
Шах В. М. (Shah Vladimir) 78–79, 83–86, 91–93, 100
Шах Е. В. 79, 84–85, 91
Шах Эрик 79, 84–85, 91
Шацкий Б. Е. 237–246
Шацкий Е. А. 237
Шварц Абе 227–228, 230
Шварц Морис 158–159, 235
Шевкин 267
Шекспир В. 47
Шёнберг Арнольд (Schoenberg A.) 103, 122, 179
Шерер 139
Шестов Л. И. 107
Шиллингер И. М. 150–151
Шило А. С. 135
Шиловский М. В. 75, 243
Шильдкнехт Е. Н. 243, 246
Шлёцер Борис 107, 135
Шмид Джон (Schmid John) 215
Шмулевич С. 156
Шолом-Алейхем 15, 21, 158, 221
Шостакович Д. 176
Штерн Юдит 249
Штраус Р. 45, 47, 175
Шуберт Ф. 165

Шуман Р. 168
Шумпетер Й. 250

Э
Эйдман Йозеф 20, 32
Эйнштейн Альберт 101
Эйснер Курт 48
Элгар 179
Эльштейн Абрахам (Эйб) 156, 161, 228, 230, 235–236
Эрнст М. 184

Ю
Юнг Джерри 188

Я
Языкова М. 245
Якоби Ф. 161
Якобс Я. (Jacobs J.) 160
Яковлев 137
Яковлев П. 56
Яновский С. Я. 20–21
Яноф Тим (Janof Tim)165, 179
Янсон Я. 56

A
Abramovits Moses (см. *Абрамович М.*)
Abravanel Moris (см. *Абраванел М.*)
Ansermet Ernest (см. *Ансерме Эрнест*)
Apelbaum L. 41
Arnold Henry («Нар») (см. *Арнольд Генри («Хэп»)*
Atwood Harry (см. *Атвуд Гарри*)
Auvrich Paul 74
Avni Haim 32

B
Barber Samuel (см. *Барбер С.*)
Barbirolli John (см. *Барбиролли Джон*)
Barstow Lorrein (см. *Барстоу Лорейн*)
Bartok Bela (см. *Бела Барток*)
Bednarek J. R. D. 37
Beider Alexander 74
Bernanos Georges (см. *Бернанос Жорж*)
Blair James 35
Bloch Ernest (см. *Блох Эрнест*)
Bony (см. *Бони*)
Boult Adrian (см. *Боулт Адриан*)
Brott Alexander (Brod Joel) (см. *Бротт Александр*)
Brott Denis (см. *Бротт Денис*)
Brott Lotte (урожд. Goetzel Charlotte) (см. *Бротт Лотта*)
Brown C. (см. *Браун К.*)
Busoni F. (см. *Бузони Ф.*)

C
Camajani G. (см. *Камаджани Джованни*)
Campbell Margaret 180
Casadesus Robert (см. *Казадезюс Робер*)
Chagall Marc (см. *Шагал Марк*)
Chrouch Tom 37
Coffin Frank (см. *Коффин Франк*)
Cruz de la Juan (см. *Крус де ла Хуан*)

D
Debussy C. (см. *Дебюсси Клод*)

E
Edwards J. C. 37, 42–43
Eliot T. 111
Elkin Judith 3

F
Fontein Margot (см. *Фонтейн Марго*)
Fowler Robert (см. *Фоулер Роберт*)

G
Gates Henry Louis 76
Gerchunoff Alberto (см. *Гершунов Альберто*)
Ghert-Zand Renee (см. *Герт-Занд Рени*)
Glenshow P. 41
Greco 116
Greenhouse Bernard (см. *Гринхауз Б.*)

H
Haieff Alexei (см. *Хаеф А.*)
Handschin Jasques 128
Harmel F. 37
Harshav Benjamin 218
Hebert (см. *Хеберт*)
Herzog Elizabeth 100
Horrox James 74
Howe Irving (см. *Хоув Ирвинг*)

I
Isserlis Steven (см. *Иссерлис Стивен*)

J
Jacobs J. (см. *Якобс Я.*)
Janof Tim (см. *Яноф Тим*)
Johnstone Ralph (см. *Джонстон Ральф*)
Joyce 107

K
Katel Jacques (см. *Катель Жак*)
Katel Peter (см. *Катель Питер*)
Kennedy Lauri (см. *Кеннеди Лаури*)
Kuznets Simon Smith (см. *Кузнец С. А.*)

L
Laloy Louis 107
Launius R. D. 37

M
MacMillan Ernest (см. *Макмиллан Э.*)
Mahalek Dezsö (см. *Махалек Дежев*)
Maritain J. (см. *Маритен Жак*)
Maritain R. (см. *Маритен Раиса*)
Marq Charles (см. *Марк Шарль*)
Matina Emma 107
McKenzie D. 41
Milling Thomas D. (см. *Миллинг Томас*)
Münch Charles (см. *Мюнш Шарль*)

N
Nerval de G. (см. *Нерваль де Жерар*)

O
O'Mara Richard 33
Orlov Alexander (см. *Орлов А. М.*)

P
Pareles Jon (см. *Парелес Джон*)
Parlow Kathlin (см. *Парлоу К.*)
Popper David (см. *Поппер Д.*)
Poretsky Elizabeth K. 100
Pré du Jacqueline (см. *Пре дю Ж.*)

R
Rapoport Michel (см. *Гордей Мишель*)
Ravel M. (см. *Равель М.*)
Rilke 111, 128
Robinson Leonard 32
Rogers Calbreith («Cal») (см. *Роджерс Калбрейс («Кал»)*)
Rosen Aaron (см. *Розен Аарон*)
Rouché (см. *Руше Жак*)
Rubsamen Walter 141

S
Sapoznik Henry (см. *Сапожник Генри*)
Sargent Malcolm (см. *Сарджент Малкольм*)
Schmid John (см. *Шмид Джон*)
Schoenberg A. (см. *Шёнберг Арнольд*)
Shah Vladimir (см. *Шах В. М.*)
Smith McKelden (см. *Смит МакКелден*)
Sorlier Charles 218
Stevens (см. *Стевенс*)
Strom Yale (см. *Стром Йеил*)

T
Tarras Dave (см. *Таррас Дэйв*)
Thum Robert (см. *Там Роберт*)
Turman W. 41

W
Walenn Herbert (см. *Уоленн Герберт*)
Warnock A. 43
Welsh Arthur (см. *Велш Артур*)
Wood George Campbell 35

Z
Zablotsky Edgardo (см. *Заблоцки Э.*)
Zakolkova Natasha (Zahalka, Zahalka Krawak, Zakalkaha) (см. *Гельман Наташа*)
Zborowsky Mark (см. *Зборовский Марк*)

Содержание

Э. Зальцберг. Предисловие 5

ИСТОРИЯ

Э. Путятова. «Где она, эта Америка?» Странствования евреев из России в Южную Америку в конце XIX – начале XX в. 9
Э. Зальцберг. Сельскохозяйственные колонии евреев из России в Аргентине 23
Э. Зальцберг. Артур Велш – один из пионеров американской авиации 34
В. Базаров. Золотой дар предков 44
В. Базаров. Не склонившие головы 77

ЛИТЕРАТУРА

О. Бобрик. Хроника памяти. Из американских дневников Артура Лурье ... 102

ИСКУССТВО

Э. Зальцберг. Российские композиторы-евреи в США (1880–1970) 147
Э. Зальцберг. Зара Нелсова, исполнительница произведений Блоха и Барбера 163
Э. Зальцберг. Искусство собирать искусство: Жак и Наташа Гельманы 181
К. Гамарник. Витражных дел мастер 191
Ш. Шалит. «Король клейзмеров» Дэйв Таррас 220

НАУКА

В. Телицын. Борис Шацкий – петербургский юрист в Консепсионе (Чили) 237
И. Куксин. Саймон Смит Кузнец (Семён Абрамович Кузнец) 247

ОБРАЗОВАНИЕ

А. Розенштрах. Российские учителя-евреи в Америке 257

ПОЛИТИКА

А. Эпштейн. «Другие» американские евреи: выходцы из СССР/СНГ и выборы президента США 268

Об авторах и редакторах 283
Указатель имен 287

РУССКИЕ ЕВРЕИ
В АМЕРИКЕ
Книга 8

Редактор-составитель
Эрнст Зальцберг

Ответственный редактор *С. В. Смоляков*
Технический редактор *А. Б. Левкина*
Корректор *О. А. Капполь*
Художник *П. П. Лосев*
Оригинал-макет *Е. Н. Ванчурина*

Издательство «Гиперион»,
191180 Санкт-Петербург, Фонтанка, д. 78.
Тел./факс +7 (812) 315-4492, +7 (812) 591-2853
E-mail: hyp55@yandex.ru
www.hyperion.spb.ru
Интернет-магазин: www.hyperion-book.ru

ISBN 978-5-89332-220-0

9 785893 322200

Сдано в набор 23.06.2013. Подписано в печать 13.11.2013 г.
Усл. печ. л. 18,3. Формат 60x88 1/16. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 421.

Отпечатано в типографии ООО «Контраст».
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38.
Тел.: (812) 677-31-19
e-mail: ooocontrast@yandex.ru